

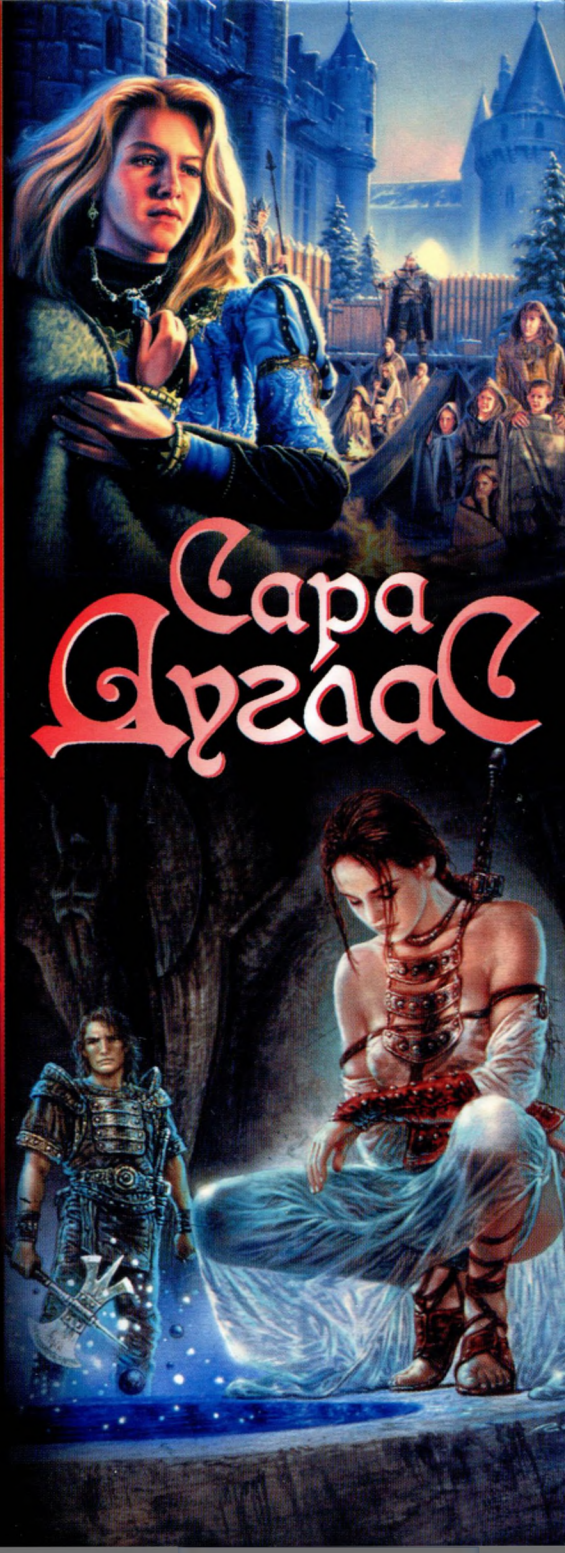
Искупление Путника

Сара
Дугаас

Искупление Путника

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Сара
Дугаас

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

SARA

DOUGLASS

**The Wayfarer
Redemption**

Battle Axe

САРА

ДУГЛАС

**Искупление
Путника**

Цикл «Боевой Топор»

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО **ЕРМАК**
Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

Д80

Серия основана в 1999 году

Sara Douglass
THE WAYFARER REDEMPTION:
BattleAxe
1995

Перевод с английского А. Николаева

Серийное оформление А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения Sara Douglass Enterprises PTY Ltd.,
c/o James Frenkel & Associates и литературного агентства
Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 24.05.04. Формат 84×108^{1/32}.

Усл. печ. л. 30,24. Тираж 5000 экз. Заказ № 1573.

*Книга подготовлена издательством Terra Fantastica
(Санкт-Петербург)*

Дуглас С.

Д80 Искушение Путника: Из цикла «Боевой Топор»: Фантаст. роман /
С. Дуглас; Пер. с англ. А. Николаева. — М.: ООО «Издательство АСТ»;
ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 568, [8] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-023643-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-1310-4 (ЗАО НПП «Ермак»)

Тысячу долгих лет жили люди Ахара в мире и спокойствии — потому что защищали их землю высокие горы и стальная воля Сенешалей — воинов, в совершенстве постигших искусство «меча и магии». Но теперь настало время сбыться древнему, страшному пророчеству, ибо пробудились к жизни темные силы демонов и вторгся в Ахар безжалостный повелитель Горгрил, обладающий магическим даром приносить во вражеские земли вечную зиму...

Кто встанет на пути Разрушителя?

Кто спасет ни в чем не повинных людей от жестокой гибели?

Только юная дева, нареченная в жены сильнейшему из Сенешалей Ахара, и ее не знающий страха спутник — могучий и суровый воитель Аксис...

Читайте ПЕРВУЮ КНИГУ увлекательной трилогии С. Дуглас, выдержанной в «золотых традициях» героической фэнтези!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

© Sara Douglass, 1995

© Перевод. А. Николаев, 2003

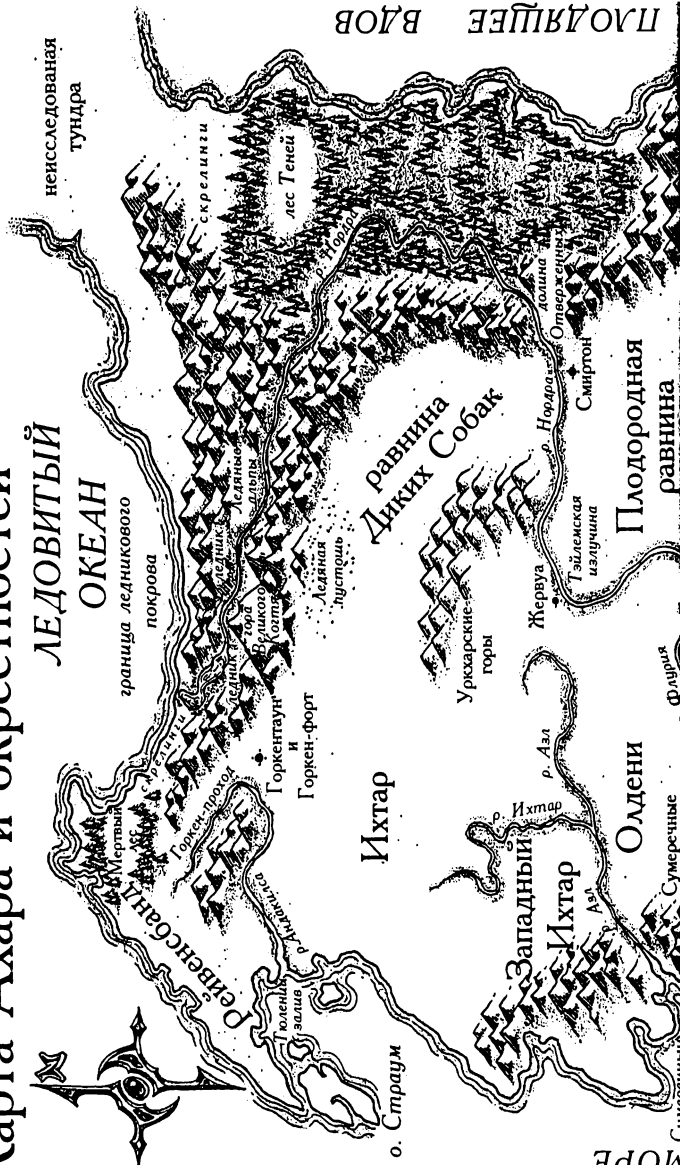
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Когда ж пройдет сто тысяч лет
И мысли, вспыхнув, возродятся?
Когда ж возжжется яркий свет
И устремленья обновятся?
Сейчас тягуча в жилах кровь,
Но скажем так: покой не вечен.
Приди, надежда и любовь,
И принц, что жребием отмечен.

*Альфред Теннисон,
«Спящий дворец»*

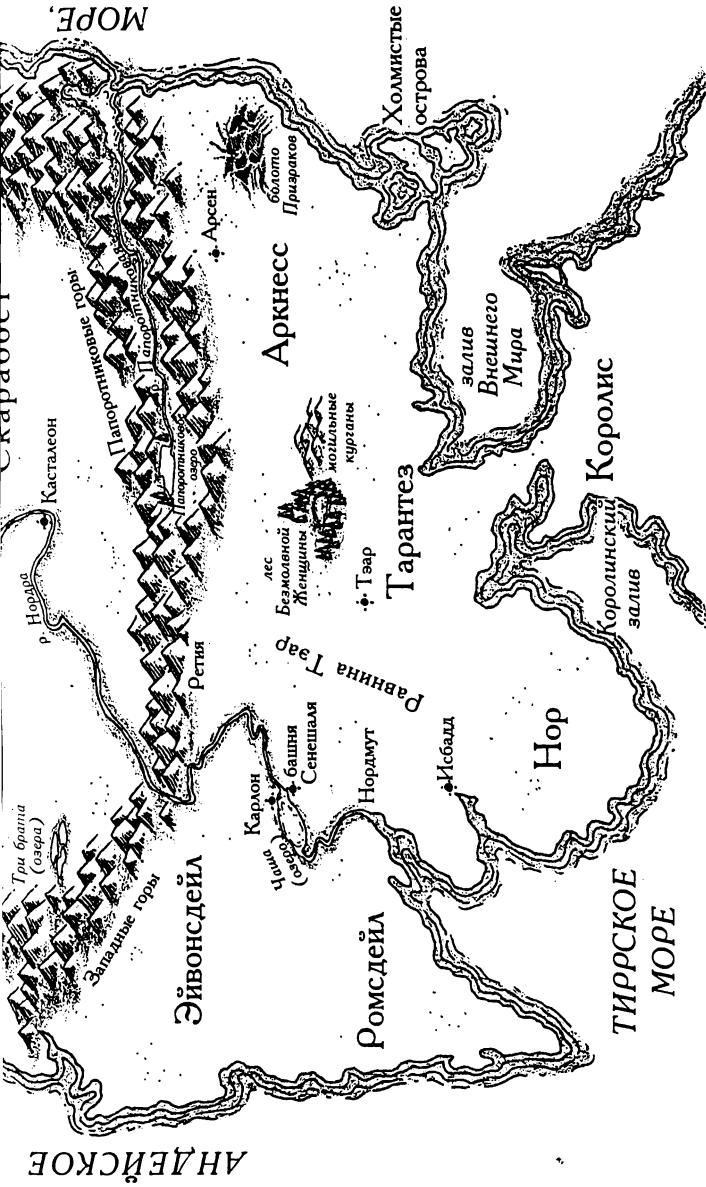
Карта Ахара и окрестностей

ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

ПЛОДЯЩЕЕ
ВЛОД

МОРЕ

АНДЕЙСКОЕ

ТИРРСКОЕ
МОРЕ

Эйвонсдейл

Ромсдейл

Нор

Тарангез

Аркнесс

Королис

Касталеон

Три брата
(озера)

Западные горы

р. Норда

Ретия

Равнина Таар

Бездомный
лес Женщины

Тээр

Карлон
башня
Сенешала

Чина
(озеро)

могильные
курганы

Арсен

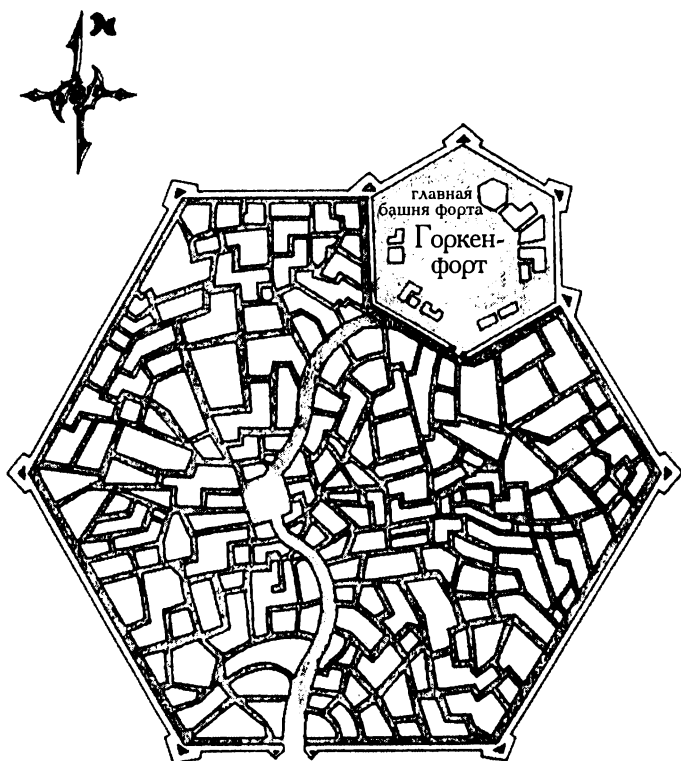
болото
Призраков

Холмистые
острова

залив
Внешнего
Мира

Королинский
залив

МОРЕ

Горкентаун

Пророчество о пришествии Разрушителя*

Настанет день, когда родятся
Два чада, связанные кровью.
Но кто рожден Крылом и Рогом
Невзлюбит названного Звездным:
Горгрил, на Севере поднявшись,
На Юг ведет бесплотных духов,
И перед ледяной атакой
И плоть и поле беззащитны.
Чтоб мир спасти, от заблуждений
Освободиться должен Звездный,
Успеть вернуть Тенсендор к жизни,
Конец кладя войне и сварам.
Коль Плут, Крыло и Рог не сыщут
Моста к взаимопониманью,
Горгрил свое заслужит имя,
Неся народам Разрушение.

Склони же слух ко мне, о Звездный, —
Твоя тебя погубит сила,

* Перевод Эльвиры Байгильдеевой.

Коль применить ее напрасно,
В пустом растратить поединке.
Власть развратит сердца и души
Пределы стерегущих стражей;
Очнувшись, девочка заплачет —
И древняя волжба проснется;
Со страстью распахнет объятия
Жена в ночи убийце мужа;
Развоплотившиеся души
Над смертной запоют землю;
И породит мертвец оживший
Непредставимое исчадье,
Самой природы оскорбленье.
Тогда лишь сила, Тьмы темнее,
Окажется отцом спасенья.
Сплотятся воды в очи света,
И Жезл светящийся исторгнут.

Мне ведомо, внимай же, Звездный, —
Волшебный жезл тебе поможет
Оборотить во прах Горгрила
И лед его разбить в осколки.
Но даже силой обладая,
Ты на стезе стоишь непрочно:
Ведь на тебя замыслил худо
Предатель, что с тобою рядом.
Не позволяй любовной боли
Тебя осилить — то погибель.
Одна лишь ненависть питает
Мощь Разрушителя, но это
Его, а не твоя дорога —
Во всепрощении спасенье
Души Тенсендора народов.

ПРОЛОГ

С вязанкой дров на спине, такой же тяжелой, как и ребенок во чреве, женщина пересекала заснеженную долину, утопая по колено в снегу. Холодный морозный воздух затруднял дыхание и, проникая глубоко в легкие, охлаждал внутренности. Двадцати восьми лет, небольшого роста, однако сильная и здоровая, женщина привыкла к невзгодам, но когда жила среди соплеменников, неизменно могла рассчитывать на их помощь и сострадание. Теперь она осталась одна, и своего третьего ребенка ей предстояло родить, полагаясь лишь на саму себя, на свои силы и крепость духа. Несколько последних недель стояли сильные холода, и когда женщина с ужасом увидела, что дрова, которыми она отапливала жилище, быстро подходят к концу, она отважилась пойти в лес, ибо хорошо понимала, что без дров непременно умрет, а вместе с нею умрет и ее ребенок.

Хотя она и обрекла себя на одиночество добровольно, ее не покидало чувство тревоги. Больше всего она беспокоилась о ребенке. Две предыдущие беременности протекали

достаточно тяжело, особенно в последние три недели, и все же роды прошли без видимых осложнений. Как-то будет теперь? Роды пугали женщину больше, чем стужа и одиночество. Она чувствовала: ребенок слишком большой, слишком буйный. По ночам он нередко не давал ей уснуть, неистово колотя ее кулачками и пятками, а попытки найти удобное положение, чтобы утихомирить ребенка, казалось, лишь раззадоривали его.

Женщина остановилась, подкинула на спине вязанку — так легче идти, а, значит, спокойнее и ребенку. Она родит сегодня, может быть, завтра: голова ребенка уже распирает ей таз, недаром каждый шаг дается с превеликим трудом. Женщина пошла дальше, к видневшимся впереди высоким хвойным деревьям, за которыми находилось ее жилище, упрятанное под навесом скалы у самого края Ледяных Альп.

Она ушла из дома, не сказав ни слова ни родственникам, ни друзьям, еще в то время, когда беременность не была заметной для окружающих. Чтобы добраться до уединенного места, ей пришлось оставить Аваринхейм, в лесах которого она жила с соплеменниками, и уйти далеко на север, а до того она старательно подготавливалась к побегу, собирая съедобные семена, орехи, ягоды и мэлфери, сладкие волокнистые клубни, основную пищу, потребляемую зимой. Мэлфери отыскалось немного, и женщина постоянно страшилась голода, с содроганием замечая, как тают и без того небольшие запасы мяса: струганины из кролика. Что будет с ней, что станет с ребенком, когда запасы съестного иссякнут?

Если бы она осталась в Аваринхейме, ей бы ни за что не разрешили рожать. Она зачала ребенка весной, в

праздник Белтейн, посвященный возрождению жизни, который ее соплеменники, жители леса, постоянно справляли совместно с народом Ледяных Альп, встречаясь с горцами в светлых рощах, затерявшихся между горами и лесом. Каждый праздник, после отправления религиозных обрядов, неизменно заканчивался шумной пирушкой, на которой выпивалось вино, оставшееся с зимы. Белтейн длился всего одну ночь, первую ночь месяца Цветов, и только в эту ночь да еще в праздник Йул жители леса и горцы тесно общались друг с другом.

Вот уже три Белтейна подряд женщина примечала его — своего будущего избранника, стройного горца с красивым бледным лицом и золотистыми волосами, казалось, впитавшими нежные краски солнца, которому поклонялись оба народа. Он был первым среди чародеев Ледяных Альп, и вместе с шаманами ее собственного народа проводил религиозные церемонии. Она пугалась его могущества, но тем не менее тянулась к нему, восхищаясь его искусством и красотой. Она и сама была привлекательна. Ее большие, миндалевидной формы глаза и длинные выющиеся каштановые волосы не заметить было нельзя.

И вот девять месяцев назад, в Белтейн, набравшись храбрости после выпитого вина, она, увидев своего избранника на поляне, смело шагнула к нему, давая понять, что ищет близости с ним. Его глаза возбужденно расширились, он улыбнулся, взял ее за руку, и она с трепетом ощутила своей мозолистой шершавой ладонью волнуемое прикосновение его мягкой шелковистой руки. Он был нежен, шептал ей ласковые слова и только потом увел в уединенное место, где свидетелями их близости стали лишь звезды, которые, казалось, кружили над головой.

— О Повелитель Звезд! — прошептала тогда она потрескавшимися губами.

Воспоминания прервала начавшаяся метель. Деревья, только что хорошо различимые, почти исчезли в желтоватой и мутной мгле, сквозь которую летели белые хлопья снега. Женщина попыталась идти быстрее. Куда там! Ребенок зашевелился, потянул вниз. Энергичный! Женщина улыбнулась. Конечно, ее ребенок будет самым восхитительным, самым необыкновенным. Разве родится другой от Повелителя Звезд? Она похвалила себя в душе, что поступила по-своему.

Ее соплеменники, как, впрочем, и люди с гор, хотя и не чуждались друг друга, считали недопустимым, чтобы ребенок родился от чужака. Она хорошо знала этот запрет. Недаром ее соплеменницы после каждого праздника отправлялись на сбор травы, прерывавшей беременность. Такую траву она собрала и сама после встречи с Повелителем Звезд, но так и не смогла заставить себя выпить отвар, готовя его снова и снова. В конце концов она решила родить, придя к успокоительной мысли: когда ребенок родится, его примут в сообщество, увидав, что он ничем не отличается от обыкновенных детей, а если и выделяется, то лишь своей красотой и могучим телосложением.

Женщина стиснула зубы и снова попыталась ускорить шаг. Она должна дойти до жилища. Она не собирается умирать. Внезапно она услышала странный, едва различимый шепот, прилетевший, казалось, с порывом ветра. Женщина вздрогнула, остановилась, откинула с лица разметавшиеся пряди волос, прислушалась. Так и есть: шепот, жуткий леденящий кровь шепот. Скрелинги, бесплотные духи!

Женщина застонала. От страха свело желудок. Однако надо идти. Скорее к деревьям! Скрелинги орудуют только на пустоши, деревьям они боятся. Она ускорила шаг, но от неосмотрительного движения вязанка неожиданно развязалась, и дрова рухнули в снег. Снова раздался шепот. Теперь уже не до дров. Женщина пошла дальше. Внезапно споткнулась, упала, ударившись животом. Ребенок отозвался болезненными толчками.

Снова шепот. Все ближе, ближе. Сердце женщины бешено застучало, она жадно глотала воздух, стараясь восстановить сбившееся дыхание. Постепенно пришла в себя. Биение сердца замедлилось, в глазах прояснилось.

Неожиданно ветер донес смешок, мерзкий и плотоядный. Она снова содрогнулась от ужаса, но собрав последние силы, уперлась руками в землю и поднялась на ноги. Только бы дойти до деревьев! Но тут шепот стал явственным:

— Сладкая, сладкая... аппетитная, аппетитная.

И стоило раздаться этому шепоту, как перед женщиной возникли призрачные видения: три пары глаз, светившихся серебром, над разинутыми хищными ртами, с которых капала омерзительная слюна. Женщина издала крик смертельного ужаса и шарахнулась в сторону. Немного придя в себя, она неуклюже двинулась дальше, размахивая руками в пустой надежде отогнать духов.

Как их отгонишь, если она смертельно напугана? Духи питаются страхом, исходящим от человека, а когда тот иссякнет — человеческой плотью. Женщина чувствовала: ей не уйти от духов. Что станет с ребенком? И, словно пережив этот страх, ребенок что есть мочи заколотил кулаками, локтями, пятками.

Женщина схватилась за живот, скорчилась и упала. Скредлинги остановились, озадаченно поглядывая на жертву. Женщина застонала. Она стонала все громче и громче и вдруг издала душераздирающий вопль, исторгнутый, казалось, невыносимой болью и ужасом. Духи заурчали от непомерного удовольствия. Женщина подняла голову, прошептала:

— Помогите! Помогите, пожалуйста!

Скредлинги недоуменно переглянулись. Их еще никогда не просили о помощи. Может, эта женщина перестала бояться их? Может, им самим надо опасаться ее?

Женщина содрогнулась. Из-под ее одежды пролилась струйка крови. Аппетитный привлекательный запах и манящий вид крови придали скредлингам смелости. И все же они терялись в догадках: почему эта женщина умирает, умирает сама по себе, не изведав ни острых клыков, ни когтистых лап? Не зная, что предпринять, духи замерли в ожидании.

Но вот дрожь потрясла члены женщины, ее глаза дико раскрылись, она испустила вздох, похожий на крик, побелела и замерла, разжав кулаки. Потом лицо ее посинело и лишь глаза остались открытыми.

Духи молчали и только слегка покачивались от пронзавшего их насквозь холодного ветра. Странная смерть женщины привела их в смятение. Наконец самый смелый из них подошел к бездыханному телу и склонился над ним. Запах крови придал ему храбрости и, вцепившись в одежду женщины, он рванул ее когтистыми лапами. Рванув, отпрянул от тела в великом недоумении.

Между ногами женщины в луже крови лежал младенец. Духи снова заурчали от удовольствия. Урчание пре-

рвал плач. Ребенка подняли на руки. Он замолчал. Духи заворковали. Они вскормят его, полюбят, а когда он вырастет, станут поклоняться ему. Но сейчас скрелинги были голодны и, бесцеремонно положив младенца в сугроб, они набросились на еще теплую плоть его матери.

Шесть недель спустя...

По другую сторону Ледяных Альп и тоже утопая в снегу, другая женщина боролась за свою жизнь. Чтобы выжить, ей надо было подняться в горы. Она, только что оступившись, содрала с руки ноготь и теперь стояла, прислонившись к мерзлой скале, тяжело постанывая и обсасывая пораненный палец, оставшийся без ногтя, как и все пальцы рук, еще недавно нежных и шелковистых.

Вот уже сутки она сражалась с горами, хотя была не только ослаблена недавними родами, но и подавлена смертью ребенка, которого ей не дали даже оплакать, ибо повивальные бабки, успев лишь ахнуть над мертворожденным, унесли его тельце прочь, не показав потрясенной матери. Повивальных бабок сменили двое мужчин, которые с холодной жестокостью бросили ее в разбитую колымагу и привезли к подножию гор, где и оставили умирать, не обагрив свои руки кровью, безжалостно рассудив, что она падет жертвой населявших горы отверженных или умрет медленной мучительной смертью, проклиная тот час, когда решилась родить внебрачного ребенка.

Но женщина расставаться с жизнью не собиралась, хотя и посинела от холода. Ее ноги окоченели, и она их не чувствовала, застывшие руки были в ссадинах и порезах, оставшиеся без ногтей пальцы покрылись ледяной коркой,

а губы так затвердели, что не сжимались. И все-таки женщина не сдавалась, присущее ей упорство не позволяло предаваться отчаянию, хотя она и осознавала, что шанс спастись невелик.

Сидя на высоком утесе, за женщиной с любопытством наблюдало крылатое существо, которое могло, не напрягая глаза, увидеть с расстояния пяти лиг такую мелочь, как мышиный помет. Рассудив, что пришелица непозволительно вторглась в его владения, существо расправило крылья и нехотя поднялось в воздух, недовольное тем, что его оторвали от важного и приятного занятия: чистить перья и прихорашиваться. Это было тщеславное существо.

Услышав шум крыльев, женщина подняла голову и посмотрела ввысь затуманенными глазами.

— Повелитель Звезд? — прошептала она с надеждой и, нерешительно подняв руку, добавила обескровленными губами: — Это ты?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Башня Сенешаля

Двадцать девять лет спустя...

Голубой орел, распластав огромные крылья, лениво парил в восходящем потоке воздуха над серебристо-голубой гладью Чаши, большого и глубокого озера, разделявшего Нордру, главную реку Ахара, на две неравные части: большую, протекавшую почти через всю страну, и меньшую, казившую воды в Тиррское море. На берегу Чаши виднелся древний город Карлон, окруженный стеной из розоватого камня и расцвеченный тысячами флагов и стягов, под которыми поблескивали на солнце крыши домов, устланные листовым серебром и золотом.

Орел был сыт: он уже позавтракал, сначала закусив рыбой, пойманной в озере, а затем отведал объедков, выбрав самые лакомые куски из огромной свалки, устроенной на берегу озера. Покружив над водой, орел медленно полетел на

восток к башне Сенешаля, белокаменной семистенной постройке, вздымавшейся к солнцу на добрую сотню пейсов. Долетев до башни, орел повернул на север, высматривая среди деревенских строений затененное место для отдыха. Заметив подходящий навес, орел пошел на снижение, недоумевая в который раз, почему жители этих мест так боятся деревьев, что еще в стародавние времена вырубili весь лес, и дивясь укладу жизни этих людей, избравших для себя Путь Топора и Плуга.

В то же время Джейм, Брат-Наставник религиозного братства Сенешаль и главный посредник между богом Артором Пахарем и ахарами, в задумчивости рассказывал по комфортабельной комнате, расположенной на верхнем этаже башни.

— Час от часу не легче, — пробормотал он тревожно.

Долгие годы Джейм отказывался взвалить на себя тяжкую ношу: вступить в должность Брата-Наставника, однако пять лет назад все-таки уступил многочисленным просьбам братьев, в один голос заверявших его, что сам Артор желает видеть его на этом посту. И вот теперь Джейм опасался, что именно ему, а не Артору придется бороться с невзгодами, которые, похоже, обрушатся на Ахар после тысячелетия почти безмятежной жизни.

Он вздохнул, подошел к окну, машинально его подергал — закрыто: на дворе было холодно, хотя осень только вступала в свои права — шла первая неделя месяца Опавших Листьев. А вот в комнате было тепло — в камине потрескивали дрова, и на каминной полке и стенах языки пламени рисовали, казалось, золотом затейливые узоры.

— Ты не веришь этим донесениям, Брат-Наставник? — спросил младший по возрасту из двух находившихся в комнате помощников Джейма.

— Сын мой, вот уже несколько сотен лет наши люди не видели никого из отверженных. Полагаю, что донесения, о которых ты говоришь, зиждутся на боязливости фермеров, которые в темноте шарахаются даже от кролика. У страха глаза велики, — Джейм счел нужным успокоить Гилберта, которому случалось проявлять беспокойство по самому ничтожному поводу. Тот был молод и за свою короткую жизнь даже не выезжал за пределы Карлона.

Гилберт озабоченно провел рукой по выстриженной макушке, взглянул на Морисона, первого советника Джейма, словно хотел разделить с ним недоумение, и лишь после этого возразил:

— Но часть сообщений мы получили от наших братьев из Горкентауна.

Джейм собрался было ответить, что братья из обители Горкентауна и сами не храбрее крестьян, но промолчал и только снова вздохнул, вспомнив, что тревожные сообщения поступили также из Смиртона, поселка, расположенного вблизи долины Отверженных на севере Скарабоста, одной из провинций Ахара.

Размышляя, Джейм сел за письменный стол, опустившись в мягкое кресло. Он не был ханжой и хотя не подчеркивал, но и никогда не скрывал, что ничто человеческое ему не чуждо. Ему нравились и удобная покойная обстановка апартаментов, и вкусная пища, и внимание окружающих, и частые приглашения удостоить своим присутствием дома знатных карлонцев. В часы отдыха (когда был свободен от управленческих дел и богослужения) он читал, отдавая дань

прекрасной библиотеке, или вел мысленную беседу с кем-либо из святых, чьи лики были запечатлены на иконах, развешенных между книжными полками. Чаще всего его собеседником был сам Артор, даровавший ахарам Плуг, позволивший им подняться из варварства.

Брат Морисон, высокий худой человек с лицом, изборозженным морщинами, смотрел на Джейма с любовью и уважением. Они познакомились в юности, много десятилетий назад, и оба еще в молодые годы были представлены ко двору как представители религиозного братства. «Как давно это было», — думал Морисон с грустью, глядя на своего старого друга, чьи волосы и пушистая борода успели полностью поседеть. Да и сам Морисон уже давно не мог похвастаться шевелюрой, когда-то пышной и непокорной, хотя и поседел меньше Джейма.

Когда Джейм стал Братом-Наставником, пожизненно заняв главную должность в братстве, он сначала назначил Морисона своим первым советником, а затем сумел настоять на том, чтобы Боевым Топором, командиром топорносцев, элитных воинов братства, стал Аксис, его протеже, молодой человек, еще не достигший тридцатилетнего возраста, чем вызвал возмущение при дворе и недовольство самого короля Приама, который все-таки уступил, не имея прямого права вмешиваться в дела Сенешаля.

Посчитав, что пора вступить в разговор, Морисон поклонился и, выпростав руки из длинных рукавов одеяния, неторопливо проговорил:

— Брат-Наставник, возможно, следует просмотреть все поступившие в последние месяцы донесения и произвести их анализ.

Джейм кивнул и жестом пригласил сесть обоих помощников. Те уселись на стулья, лицом к камину, в котором все

еще пылали дрова, нарубленные и просмоленные ахарами в те далекие времена, когда они вырубали по всему королевству леса, лишая прибежища коварных отверженных и отводя землю под пашню.

— Ты, как всегда, прав, брат Морисон, — согласился Джейм и перевел взгляд на другого помощника. — Гилберт, не считй за труд обобщить поступившие донесения. Ты единственный, кто прочел их все до единого.

И Джейм, и Морисон недолюбливали Гилберта, высокого худощавого юношу с вечно потными руками, выходца из знатной карлонской семьи, и, вероятно, потому не в меру честолюбивого. Однако оба отдавали должное его сметке и методичности, с которой он выполнял любую работу.

Гилберт выпрямился на стуле и взглянул на своих собеседников, как строгий учитель на нерадивых учеников. Джейм и Морисон едва подавили улыбку.

— Все мы ходим под Артором, — благочестиво произнес Гилберт. Слушатели поморщились. Выдержав паузу и окинув слушателей испытующим взглядом, Гилберт продолжил: — Мы получили немало тревожных сообщений из пограничных районов. Так, наши братья из обители Горкентауна сообщили, что командир Горкен-форта потерял немало людей за время зимнего патрулирования.

Горкентаун, небольшой городок, построенный вместе с фортом много веков назад, находился в двухстах лигах севернее Карлона у южного входа в Горкен-проход и служил главным опорным пунктом ахаров на севере.

— Мы всегда теряем солдат зимой, — заметил Джейм. — Кто-то непременно замерзнет, заблудившись в снегах.

Гилберт нахмурился, недовольный тем, что его прервали.

— В прошедшую зиму наши потери катастрофически возросли, — продолжил он назидательно. — К тому же солдаты Горкен-форта одни из лучших в Ахаре, все — из личной гвардии герцога Борнхелда. Как мне стало известно, и герцог, и лорд Магариз, командир Горкен-форта, крайне встревожены, что потеряли за зиму восемьдесят шесть человек. Да, зима — враг ахаров, но теперь оба предполагают, что среди снежных заносов завелся и другой враг.

— Вряд ли герцог Борнхелд так уж встревожен, — спокойно возразил Морисон. — Последнее время он все крутится при дворе, хотя наместнику Ихтара самое место в своей провинции.

Гилберт сверкнул глазами. Похоже, его принимают за недоумка — его, который денно и нощно трудится, собирая нужную информацию.

— Герцог Борнхелд был в Ихтаре в месяце Цветов и в месяце Роз, брат Морисон, и не только в своих резиденциях в Хсингарде и Сигхолте, но и в Горкентауне, куда ездил специально, чтобы проинспектировать гарнизон. Возможно, брат Морисон, ты был слишком занят сбором церковной десятины и потому не знаешь об этом.

— Гилберт! — гневно воскликнул Джейм.

Гилберт неохотно склонил голову, показав стриженую макушку. Вряд ли он пожалел о своих словах, но по сердитому взгляду Брата-Наставника нетрудно было понять, что юноше не избежать порицания, когда останется с ним с глазу на глаз.

Подняв голову, Гилберт невозмутимо спросил:

— Продолжать?

Джейм раздраженно кивнул.

— Солдаты из Горкен-форта нашли несколько трупов, в которых признали своих погибших товарищей, — сооб-

щил Гилберт ледяным голосом. — Так вот, эти трупы были наполовину съедены. Ни в Ихтаре, ни в Рейвенсбанде не водятся звери, которым по силам справиться с закованным в доспехи солдатом, вооруженным мечом и пикой.

— Может, солдаты стали жертвами снежных медведей? — предположил Джейм. — Ходят слухи, что на крайнем севере Рейвенсбанда эти звери нападают и на людей.

— Горкен-форт слишком далеко от места обитания этих хищников, — возразил Гилберт. — Чтобы попасть в Ихтар, медведям пришлось бы пройти по Горкен-проходу, а это шестьдесят лиг, или перевалить через Ледяные Альпы, но медведи в горы не забираются, — Гилберт покачал головой. — Полагаю, снежные медведи здесь ни при чем.

— Может, к гибели людей причастны рейвенсбандцы? — задумчиво проговорил Морисон.

Рейвенсбанд, расположенный в дикой бесплодной местности, формально считался еще одной провинцией королевства, которой также управлял Борнхелд. Эту провинцию населяли полудикие племена, занимавшиеся охотой на тюленей и снежных медведей. Их мало что связывало с ахарами, и герцог с согласия короля почти не вмешивался в их жизнь.

— Полагаю, что и рейвенсбандцы здесь ни при чем, — с расстановкой ответил Гилберт. — Они пострадали не меньше наших солдат. Часть племен рейвенсбандцев уже подалась в Ихтар. Их люди рассказывают страшные вещи.

— Что именно? — спросил Джейм.

— А то, что вместе с ветрами, дувшими всю последнюю зиму, перемещались с места на место кровожадные существа, охотившиеся за человеческой плотью. Узнать об их приближении можно было только по шепоту, доносившемуся с порывами ветра, а увидеть лишь после того, как они

наедятся. До нападения на жертву они невидимы, а насытившись, светятся ее кровью. Рейвенсбандцы, не боящиеся даже снежных медведей, всю зиму старались не отходить далеко от дома.

— И что же, все жертвы этих существ безропотно умирали?

— Вовсе нет. С этими существами сражались, но, говорят, они бестелесны. Меч протыкает их, не причиняя вреда. Человек, схватившийся с этими существами, почти наверняка обречен. Только немногим удалось унести ноги.

— Может, эти кровожадные существа действуют по указке отверженных? — шепотом предположил Морисон, первым отважившись назвать имя противника, которое у всех крутилось на языке.

— Подожди, Морисон, — сказал Джейм. — Пусть Гилберт расскажет все до конца, — все трое уже забыли о недавней размолвке, вызванной неуместным замечанием Гилберта.

— Солдаты лорда Магариза также видели эти призраки, видели перед смертью, — злое ще продолжил Гилберт. — Это стало известно со слов тяжело раненного солдата, который, перед тем как испустить дух, успел доложить Магаризу о схватке с противником. Так вот, этот солдат рассказал, что его атаковали бестелесные существа, против которых его оружие оказалось бессильным.

— Как этим призракам удалось ранить солдата, законченного в доспехи? — недоуменно спросил Джейм.

— По словам умиравшего, эти бестелесные существа просочились в щели между доспехами и одеждой и в конце концов добрались до тела.

Все трое содрогнулись от ужаса. Брат-Наставник закрыл глаза и воззвал мысленно к Артору, обратившись к нему за помощью.

— Почему же этого солдата не съели? — спросил Морисон.

— По-видимому, они были сыты, разделившись с остальными солдатами из дозора, — ответил Гилберт.

Джейм встал и подошел к шкафу.

— Думаю, Артор простит нас, если мы выпьем немного вина в неурочный час, — сказал Брат-Наставник, доставая из шкафа бутылку с красным вином и три стеклянных бокала.

Разлив вино по бокалам, Джейм приподнято произнес:

— Широкой борозды, глубокой борозды!

— Широкой борозды, глубокой борозды! — ответили в один голос его помощники, повторив фразу, служившую членам братства и здравицей, и приветствием, и напутствием.

Ритуал и выпитое вино придали собеседникам силы.

— Какие еще известия с севера, Гилберт? — спросил Джейм.

— На севере зима выдалась на редкость суровой. Вы помните, что даже мы страдали от холода и в месяце Ворона, и в Голодном месяце, а снеготаяние началось лишь в месяце Цветов. На севере снег начал таять еще позже, а на Уркхартских горах пролежал все лето.

Джейм удивленно поднял брови. Похоже, Гилберт осведомлен о положении дел во всем королевстве. Вероятно, у него свои источники информации, о которых не знает даже он, Брат-Наставник.

— Если снег лежал на Уркхартских горах и летом, то, вероятно, холода долго держались и в Горкентауне. Скажи,

Гилберт, а в летние месяцы эти бестелесные существа появлялись?

— Нет, эти призраки появлялись только зимой.

— Впереди следующая зима, — Джейм тяжело вздохнул. — Видимо, нас ожидают новые беды.

— Так думают и наши братья из обители Горкентауна, — угрюмо сообщил Гилберт.

В Горкентауне располагалась небольшая обитель, в которой жили монахи, приверженцы аскетизма и созерцательного образа жизни, стремившиеся к религиозному совершенству.

— Чем они руководствуются?

— Считают, как уже предположил Морисон, что бестелесные существа действуют по указке отверженных.

— У них на то есть веские основания?

— Они разговаривали с солдатами, а некоторые из братьев в зимние ночи видели во сне демонов.

— Хороши основания! После твоих сообщений, Гилберт, мне тоже ночью снятся кошмары, но я не причисляю тебя к отверженным.

Довольный собственным остроумием, Джейм рассмеялся. Морисон хмыкнул. Гилберт натянуто улыбнулся.

— А скажи, Гилберт, сами братья из Горкентауна видели что-нибудь необычное? — мягко спросил Морисон, стараясь скрасить тяжеловесный юмор Брата-Наставника.

— Ничего необычного сами они не видели, но они общаются о панических настроениях в городе, о брожении среди солдат гарнизона. Поднять дух людей не могут даже молитвы. Люди боятся ходить по улицам. Страшатся встречи с отверженными.

— Об этих отверженных мы ничего толком не знаем, — в сердцах сказал Джейм. Он поднялся и заходил взад и вперед по комнате, досадуя, что не в силах правильно оценить обстановку, сложившуюся в Ихтаре.

Остановившись, Джейм поднял глаза на Гилберта.

— Оставим пока в покое братьев из Горкентауна. Что сообщают из Смиртона?

Поселок Смиртон стоял на Хлебородной равнине вблизи долины Отверженных, и Джейм не без основания полагал, что если отверженные снова нападут на Ахар, то, выдвинувшись из леса Теней, они начнут наступление из долины, угрожая равнине, житнице королевства.

— Из Смиртона тоже тревожные сообщения. Брат Хаген, местный Хранитель Плуга, уведомил о появлении вблизи долины Отверженных странных существ. За последние несколько месяцев их видели пять раз. Эти создания не имеют ничего общего с теми призраками, о которых мы говорили. Они похожи на людей, но только похожи. Эти существа невысоки и мускулисты, черноволосы, со смуглыми лицами. В темноте их почти не видно. Впрочем, они еще никому не причинили вреда. Скорее сами избегают людей. Каждый раз, когда видели подобное существо, у него на руках был ребенок, и хотя в поселке дети не пропадали, жители уже с наступлением сумерек запирают двери и окна. Возможно, эти существа украли ребенка где-нибудь в другом месте.

— Чем же они отличаются от людей? — спросил Джейм, остановившись около Гилберта.

Советник пожал плечами.

— Я только пересказываю сообщение Хагена. В деталях он не вдается.

Джейм вздохнул и похлопал Гилберта по плечу.

— Все-таки я не думаю, что нам угрожают отверженные.

Все ахары прекрасно знали, что тысячу лет назад их предки в течение долгих десятилетий воевали с отверженными, вторгнувшимися в Ахар. В результате боевых действий, названных «Войнами Топора», захватчики были изгнаны, отступив туда, откуда пришли — в Ледяные Альпы и лес Теней. Победив, ахары вырубили в стране все леса, убедившись во время войны, что лесные чащобы помогают противнику укрываться. Однако после победы зародилось поверье, что отверженные вернутся и с помощью колдовства снова попытаются покорить королевство. Преданию верили, и отверженными даже пугали непослушных детей.

Оставив Гилберта, Джейм подошел к камину и, склонившись над очагом, принялся потирать руки, как вдруг, к его ужасу, они неожиданно задрожали. Сжав руки в кулаки и спрятав их в длинные рукава мантии, он медленно обернулся и произнес:

— Завтра именины Приама. В Карлоне пройдут торжества, которые завершатся приемом в королевском дворце. Приам удостоил приглашением и меня. Я расскажу ему о наших тревогах. В создавшейся обстановке нам следует действовать согласованно. Если угроза войны с отверженными действительно существует, народ должен сплотиться как никогда. Артор поможет нам всегда и во всем.

— Всегда и во всем! — отозвались советники, осушая бокалы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Именины короля Приама

В день своих именин король Ахара Приам, как обычно, с утра совершил торжественный выезд в город, сидя в открытой карете под бархатным балдахином. Народ, запрудивший улицы, радостно приветствовал короля, который благосклонно кивал в ответ, неустанно махал рукой и расточал царственные улыбки. На базарной площади король произнес речь, поблагодарив собравшихся за внимание и пригласив всех желающих на банкет, который устраивался за счет королевской казны на той же площади вечером.

Банкет, на котором предстояло накормить несколько тысяч ртов, устраивался в день именин ежегодно, и каждый раз к нему готовились загодя, в течение нескольких месяцев. Именины Приама были хорошим поводом для сановников, чтобы доказать свою преданность королю и любовь к простому народу. Особенно усердствовали наместники провинций Ахара, неизменно вносившие наибольший вклад в проведение торжества.

И в этом году они не изменили себе. Граф Бурдел, наместник Аркнесса, пригнал в Карлон пятьсот откормленных на убой свиней, гигант герцог Роланд, правитель Олдени, прозванный Пешеходом (под ним прогибалась лошадь, и он не ездил верхом), доставил двести повозок с овощами и фруктами, а барон Фальк из Ромсдейла привез столько вина, что оно моглолиться рекой еще и несколько дней после праздника. Барон Исгрифф, наместник Нора, особенно угодил мужчинам Карлона, привезя с собой из Исбадда, столицы своей провинции, около двухсот самых очаровательных жриц любви. Но более других расщедрился герцог Борнхелд, который не только пригнал в Карлон стадо коров и стадо овец, но и одарил все карлонские гильдии изумрудами и алмазами, добытыми в копиях Уркхартских гор, чем, впрочем, не удивил: Ихтар был самой большой и самой богатой провинцией королевства.

Как и намечалось, начавшиеся утром увеселения продолжились вечером за праздничными столами в ратуше, управленческих помещениях всех семи гильдий и на базарной площади, куда приходили со своими стульями и посудой.

Знать Ахара собралась в королевском дворце в Лунном зале. Лунный зал представлял из себя обширное круглое помещение с расставленными по кругу алебастровыми колоннами, подпиравшими купол высокого потолка, расцвеченного лазурью и самоцветами, изображавшими звезды, среди которых серебрилась луна, где полным диском, а где — полумесяцем. Пол зала был устлан зеленым мрамором с золотыми прожилками.

В этот вечер весь зал был уставлен столами, за которыми на собранных со всего двора стульях сидели гости, получившие высочайшее приглашение на королевский банкет.

Сам король восседал за столом, возвышавшемся на помосте, в окружении членов своей семьи и высших сановников королевства, рядом с которыми расположились их жены. Там же нашлось место и для Брата-Наставника Сенешаля, который пребывал в отличном расположении духа, рассудив, что неприятный разговор с королем лучше отложить до окончания праздника.

За столом, стоявшим рядом с помостом, сидели отпрыски ахарской аристократии, а среди них — две хорошенькие девушки: Фарадей и Девера.

Фарадей, которой едва исполнилось восемнадцать лет, была дочерью графа Айсенда, наместника Скарабоста. До этого дня она не только ни разу не была во дворце, но даже не бывала в Карлоне, воспитываясь и взрослея в провинции, которой правил ее отец. Несмотря на первое появление в высшем свете, Фарадей не смущалась, чувствуя себя легко и непринужденно, ибо обладала острым умом и независимостью характера, а также знанием этикета, чему была обязана матери, леди Мерлион, не пожалевшей усилий для воспитания дочери. Фарадей была хороша собой: высокая, стройная с вьющимися каштановыми волосами и зелеными широко распахнутыми глазами. Искатели миловидной богатой невесты из хорошей семьи уже успели ее заметить. Фарадей и сама с удовольствием разглядывала присутствующих.

— Как все красивы и элегантны, — сказала она, пригубив золотой кубок с вином, инкрустированный алмазными крошками, и повернувшись к Девере, с которой быстро сошлась, как это умеют делать лишь девушки.

Девера, двадцатилетняя дочь герцога Роланда Пешехода, снисходительно улыбнулась, вспомнив, как два года назад сама была впервые представлена ко двору. Поправив

на голове тугой узел волос, скрепленный перламутровыми булавками, она ответила с наставлением в голосе:

— Не все золото, что блестит. Если ты станешь всем восторгаться, тобой начнут помыкать.

Фарадей нахмурила брови.

— Девера, вспомни Книгу Поля и Борозды. Разве Артор не учит, что попирасть чужое достоинство предосудительно и грешно?

Если бы Мерлион слышала отповедь Фарадей, она бы осталась довольна, ибо не только учила дочь этикету и хорошим манерам, но и воспитывала в строгих религиозных правилах.

Девера состроила пренебрежительную гримасу: Фарадей оказалась не в меру набожной. Хотя аристократы и боялись прогневать Артора, а Брата-Наставника искренне уважали, они не были тверды в вере, считая, что избранный Сенешалем Путь Плуга подходит больше крестьянам, и досадуя на вмешательство религиозного братства в государственные дела.

Посчитав Фарадей непомерно благочестивой и рассудив, что граф Айсенд привез дочь ко двору, чтобы подыскать ей подходящую партию, Девера сочла, что излишняя набожность помешает провинциалке найти достойного жениха. Сама Девера была помолвлена с одним из сыновей Фалька и ожидала скорую свадьбу с эротическим нетерпением. Все еще размышляя о благочестии Фарадей, Девера спросила:

— Ты когда-нибудь встречалась с Братом-Наставником?

— Нет, — ответила Фарадей. — Он из королевской семьи?

Девера фыркнула.

— О чем ты говоришь, Фарадей? Джейм родом из крестьянской семьи, проживавшей в Аркнессе. Говорят, в детстве он пас свиней, хотя и скрывает это. Ему пособило выдвинуться религиозное братство. Несколько десятилетий назад он стал священником при дворе и постепенно усвоил его обычаи, приобрел лоск, взрастил честолюбие, вошел в доверие к королю. Все это и помогло ему стать Братом-Наставником.

Фарадей возмутилась.

— Девера, порочить Брата-Наставника — святотатство. Он выбран на должность братством. Ни король, ни двор не влияли на этот выбор.

Выслушав столь бесхитростное суждение, Девера собралась рассказать о постоянных распрях между Сенешалем и королевским двором, но, взглянув на возбужденное лицо Фарадей, сочла за лучшее направить разговор в новое русло.

— Как ты находишь Приама? — спросила она.

— Он очень красив, Девера, — Фарадей немного помедлила и, улыбнувшись, добавила: — Но что за прическа! Какие локоны!

Девера, ухмыльнувшись, кивнула, мысленно согласившись, что завиваться мужчине под пятьдесят по меньшей мере смешно.

— А это, должно быть, королева Юдит? — Фарадей показала глазами на хрупкую женщину, сидевшую между Приамом и Братом-Наставником. Как раз в это время король заботливо ухаживал за соседкой, наполняя ее тарелку.

— Да, это королева Юдит, — подтвердила Девера. — Говорят, Приам ее очень любит, но она никак не может родить. Она не раз была в положении, но каждая беременность неизменно заканчивалась выкидышем. А теперь, в ее годы, Юдит о детях, верно, уже не думает.

Собеседницы замолчали. Подарить мужу наследника — вот что считалось главным для каждой аристократки. Выходя замуж, она могла блистать красотой, иметь доступ в высшие сферы, принести мужу сказочное приданое, но если оказывалась бесплодной, все ее достоинства меркли, а ее жизнь сплошь и рядом превращалась в мучение.

Машинально отправив в рот какую-то кроху, Фарадей тихо произнесла:

— Если у короля не родится сын, это станет трагедией.

— Да ничего страшного не случится, — возразила Девера, сделав добрый глоток вина. — У Приама полным-полно родственников. Ты знаешь, кто сейчас престолонаследник?

— Племянник короля герцог Борнхелд, наместник Ихтара, — ответила Фарадей, подавив раздражение, вызванное невозмутимым тоном подруги. В лицо Фарадей не знала ни Борнхелда, ни других членов королевской семьи и могла только гадать, который из них племянник Приама.

Им оказался широкоплечий молодой человек лет под тридцать с серыми глазами и короткой прической. Он сидел справа от короля, выпрямившись, словно в седле, и походил больше на воина, чем на придворного. На его квадратном лице с тяжелым волевым подбородком отражалось надменное высокомерие.

— Борнхелд — сын Ривки, сестры Приама, — пояснила Девера. — Она была замужем за герцогом Сиэрласом. Тот умер несколько лет назад.

Фарадей показалось, что Девера что-то не досказала, ибо загадочно усмехнулась, но продолжения не последовало, и только снова сделав добрый глоток вина, Девера равнодушно проговорила:

— Если у Приама не будет детей, королем станет Борнхелд.

Осушив кубок, Девера, добавила:

— Правда, в королевстве немало вельмож, которые могут оспорить права на трон.

Фарадей ужаснулась.

— Так недалеко и до гражданской войны. Неужели ты думаешь, что наши отцы столь безрассудны?

— Награда стоит усилий, — безапелляционно заявила Девера, наполняя свой кубок.

Вскоре у нее совсем развязался язык, но Фарадей уткнулась в тарелку, предоставив подруге излагать свои сомнительные суждения бледнолицему юноше, сидевшему по другую руку Деверы.

Через некоторое время внимание Фарадей привлек только что появившийся в зале молодой человек с коротко подстриженной пшеничной бородкой и волосами по плечи, собранными в пучок. Как сочла Фарадей, он был старше ее лет на десять-одиннадцать.

Молодой человек медленно шел меж столиками, скрытыми за колоннами, иногда останавливаясь, чтобы перебраться несколькими словами с кем-нибудь из гостей. В его движениях была заметна необычная грациозность. Наконец он вышел из-за колонн, и Фарадей смогла рассмотреть его хорошенько.

Его внешность действительно заслуживала внимания: он был высок, худощав и смугл. Из-под черных бровей смотрели спокойные, но пронизывающие глаза, удивительно синие для такого смуглого лица. И этот взгляд, и правильной формы нос гармонировали с твердой решительной складкой

его губ. Он был одет во все черное, — шерстяную тонкой работы тунику, кожаные брюки и сапоги, — но на костюме его лежал отпечаток изящества, которое подчеркивали перекрещенные топоры, вышитые золотом на тунике у самого сердца. Когда человек в черном вышел из полумрака, царившего за колоннами, на ярко освещенную середину зала, могло показаться, что это пантера вышла пружинистым шагом из темных джунглей на солнечную прогалину.

— Девера, — позвала Фарадей.

Проследив за взглядом подруги, Девера не удивилась, ибо увидела человека, который неизменно привлекал внимание женщин.

— Это Аксис, — пояснила она. — Боевой Топор, командир топорноосцев.

Фарадей восхитилась. Она даже не помышляла, что увидит кого-нибудь из легендарных воинов Сенешаля, квартировавших по другую сторону Чаши, у башни Сенешаля, резиденции Брата-Наставника. А тут — надо же! — не рядовой воин Братства, а сам Боевой Топор.

Пока Фарадей во все глаза смотрела на Аксиса, Девера размышляла, как поступить. Ей не хотелось разочаровать Фарадей, но, рассудив, что неприятная информация все равно не минует ушей подруги, решила спросить:

— Ты не находишь, что Боевой Топор похож на Приама?

Фарадей посмотрела на короля, перевела взгляд на Аксиса, снова взглянула на короля и убежденно сказала:

— Они очень похожи. Одна линия носа, одинаковый разрез глаз, схожий лоб. Они родственники?

— Ты угадала. Аксис — племянник Приама и брат герцога Борнхелда по матери. Только это родство в тягость и

Приаму, и Борнхелду. Да и для всей королевской семьи Аксис — что бельмо на глазу.

Фарадей нахмурилась. О родстве Аксиса с королевской семьей она ничего не знала. Ни отец, ни мать не упоминали об этом. А чем же Аксис прогневал родственников?

— Я не понимаю, — сказала она.

Девера откинулась на спинку стула и улыбнулась. История рождения Аксиса была хорошо известна в Карлоне, о ней могли не знать только провинциалы.

— Аксис — незаконнорожденный сын Ривки, сестры Приама, — объяснила Девера.

— В самом деле? — удивленно воскликнула Фарадей, оторвав взгляд от Аксиса.

— К сожалению, это так. Ривка вышла замуж совсем молоденькой за престарелого герцога Сиэрласа, прежнего наместника Ихтара. Через год она родила сына, Борнхелда. Герцог был счастлив, но дела призывали его на север, и он уехал на год, оставив жену в Сигхолте под защитой местного гарнизона. А когда вернулся, застал жену на восьмом месяце беременности. Представляешь, какой разразился скандал?

— И кто же отец ребенка?

Девера тяжело вздохнула.

— Никто не знает. Ривка наотрез отказалась его называть. Она по принуждению вышла замуж за Сиэрласа, и многие посчитали, что Ривка пошла на прелюбодеяние, чтобы разорвать брак. Конечно, герцог был вне себя. Он был уверен, что под защитой солдат, лучших в Ихтаре, его жена в безопасности. Получилось наоборот, и взбешенный Сиэрлас предал попытке половину солдат, решив, что виновен кто-то из них, но признания не добился. В конце концов он

отправил жену рожать в Горкентаун, надеясь скрыть свой позор. Но все оказалось тщетным. О неверности Ривки узнали в Карлоне. Ее отец Карел, прежний король, разрешил Сиэрласу поступить с Ривкой по своему усмотрению. Но жестких мер не понадобилось. Она умерла при родах.

Глаза Фарадей затуманились.

— Какая трагедия, — прошептала она.

— Разве это трагедия? — Девера фыркнула. — Счастье Ривки, что она умерла. Постигни та же участь младенца, и скандал был бы замят. Однако этого не случилось, ребенок выжил. Но Сиэрлас отказался его признать, а Карел и вовсе не хотел слышать о нем.

— Кто же позаботился о ребенке?

— Джейм, нынешний Брат-Наставник. В то время он был по делам в обители Горкентауна и забрал ребенка с собой, в Сенешаль, надеясь со временем сделать его священником, отправив, когда подрастет, в одну из отдаленных обителей. Однако повзрослевшего Аксиса духовный сан не прельщал, он хотел стать солдатом и почти не расставался с топором и мечом. Ему не откажешь в настойчивости: в семнадцать лет он вступил в ряды топорonosцев, а пять лет назад Джейм, презрев недовольство двора, назначил его Боевым Топором, и Аксис стал самым молодым командиром воинов Сенешаля. И вот теперь королю, да и всему двору вместе с ним, приходится мириться с неприятной действительностью: внебрачный сын Ривки, вместо того чтобы затеряться в обители, занял один из важнейших военных постов. Грехопадение Ривки до сих пор на виду.

Фарадей взглянула на Брата-Наставника.

— Я слышала от матери, что брат Джейм добрый и порядочный человек. История, которую ты рассказала, — тому подтверждение. Взять на воспитание чужого ребенка решится не каждый. Артор воздаст Джейму должное.

Проходя меж столами, Аксис заметил пристальный взгляд незнакомой девушки, но если он и польстил его самолюбию, то лишь на мгновение — внимание женщин было ему не в новинку.

Аксис поднялся на помост, нисколько не сомневаясь, что его появление воспринято за королевским столом с досадой и раздражением. Однако это прискорбное обстоятельство его ничуть не смутило. Следуя традиционному приветствию топорноносцев, он прижал к груди сжатую в кулак руку и, отвесив поклон, твердо и ясно проговорил:

— Мой король, да не оставит тебя Артор своей милостью.

— Да не оставит Он милостью тебя, Боевой Топор, — сухо ответил король.

Простая вежливость обязывала Приама пригласить гостя за стол, но Аксис давно усвоил, что милости короля на него не распространяются. Не жаловала Аксиса и Юдит, которая, в отличие от золовки, родившей двух сыновей, оставалась бесплодной. Королева нервно теребила оборку на рукаве и смотрела куда-то вдаль, мимо Аксиса, будто его вовсе не было в зале.

— Ты приехал весьма неожиданно, — молвил Приам, неспешно вытирая салфеткой уголки рта.

— Оно и видно, ваше величество, раз праздничная трапеза началась без меня.

Король неторопливо положил салфетку на стол и хмуро спросил:

— Что понудило тебя так скоро вернуться из Королиса?

Два месяца назад Аксис во главе шести когорт топороносцев отправился в Королис, империю, граничившую с Ахаром на юге, чтобы помочь императору подавить вспыхнувшее восстание и отбить нападение вражеских кораблей, из лета в лето появлявшихся у берегов Королиса. Приам поддерживал императора Королиса, чтобы укрепить связи с этой страной, а Аксис в душе приветствовал эту помощь, ибо военные действия на территории сопредельного государства помогали топороносцам набираться боевого опыта.

Вот уже пять лет подряд Аксис отправлялся с топороносцами в Королис и неизменно одерживал победу над неприятелем, заслужив репутацию умелого и храброго командира. Однако на этот раз Аксис не довел миссию до конца. Восемь дней назад он получил приказ Брата-Наставника вернуться вместе с войском в Ахар. Причина столь неожиданного решения указана не была, и Аксис все пять дней, проведенных на корабле, доставившем его в Нордмут, гадал, что случилось. В Нордмуте он оставил топороносцев, продолживших путь пешком, а сам поскакал верхом и проделал весь путь до резиденции Брата-Наставника в Сенешале, останавливаясь лишь у подстав. Узнав, что Брат-Наставник в Карлоне, Аксис поспешил во дворец, надеясь, что ему приказали вернуться вовсе не для того, чтобы поздравить короля с именинами.

— Я вернулся по приказу Брата-Наставника, — ответил Аксис на вопрос короля.

Хотя ответ был достаточно безобидным, Приам помрачнел. Всякое упоминание о подчинении топороносцев,

лучших воинов королевства, Брату-Наставнику его раздражало.

Борнхелд был и вовсе мрачнее тучи. Плотнo сжав губы, он злобно смотрел на Аксиса, сжимая в руке наполненный до краев кубок и, казалось, насилу сдерживался, чтобы не выплеснуть его содержимое в лицо человеку, к которому питал лютую ненависть.

Боевой Топор усмехнулся и снова перевел взгляд на Приама, дивясь его странной прическе, придававшей лицу вялое женоподобное выражение.

— Годы прибавляют тебе изящества и величия, мой король, — проговорил Аксис. — Прими мои поздравления с именинами. Не сомневаюсь, ты счастлив, что в этот торжественный день вокруг тебя собралась вся семья, — подчеркнув интонацией слово «вся», Аксис обвел глазами родственников Приама. Те поблeднели. Улыбнувшись, Аксис продолжил: — С твоего разрешения, мой король, я хотел бы поговорить с Братом-Наставником.

Приам слабо махнул рукой. Аксис снова изогнулся в поклоне.

— Широкой борозды, глубокой борозды, ваше величество.

— Широкой и глубокой, — буркнул король в ответ.

Еще раз поклонившись, Аксис направился к Брату-Наставнику, обходя стол. Воспользовавшись благоприятным моментом, Борнхелд взглянул на Приама и тихо спросил:

— Зачем Джейм вернул топорonoсцев из Королиса?

Приам похлопал племянника по руке.

— Может, оно и к лучшему. С севера приходят тревожные сообщения, и топорonoсцы могут нам понадобиться.

Вряд ли Приам успокоил Борнхелда. Скорее наоборот — разбередил его самолюбие. Хотя формально регулярная армия королевства подчинялась Приаму, ею командовал Борнхелд, возведенный королем в должность главнокомандующего — не за военные заслуги, как перешептывались придворные, а лишь потому, что был престолонаследником. Однако топорonoсцы Борнхелду не подчинялись, и, как ни старался герцог, изменить положения он не мог. Между тем слава воинов Сенешаля с каждым годом росла, а вместе с нею упрочивалось и положение Аксиса, отличавшегося решительностью и смелостью — качествами, почерпнутыми у матери (а возможно, и у отца).

Питая ненависть к Аксису, Борнхелд более всего ненавидел его за то, что незаконнорожденный брат не только лишил его матери, но и растоптал память о ней, ибо даже само имя ее было втоптанo в грязь. Поединок — вот что может исправить дело. Был бы благовидный предлог, и он победит Аксиса в поединке, и тогда все поймут, кто на самом деле самый сильный и храбрый. А может, представится другая возможность разделаться с выродком? Глаза Борнхелда сузились, а губы сжались в узкую полоску, сулившую мало приятного Аксису, окажись тот в руках своего единокровного брата. Герцог поднял наполненный кубок, но рука его дрогнула, и вино расплескалось.

Когда Аксис подошел к Брату-Наставнику, тот тихо сказал:

— Сын мой, я доволен, что ты так быстро вернулся из Королиса. Не ожидал так скоро увидеть тебя.

Боевой Топор улыбнулся. После разговора с Приамом и колких взглядов его окружения встреча с Братом-Наставником радовала, как глоток воды в засуху.

— Отец, когда мы получили твое послание, мы были в Королинском заливе. Переход по морю до Нордмута занял только пять дней, — о том, что ему пришлось прибегнуть к тонкостям дипломатии, чтобы умиротворить королинцев, ни в какую не соглашавшихся отпустить топорonosцев домой, Аксис предпочел умолчать.

— Ты устал, Аксис, — продолжил Джейм шепотом. — Кроме того, здесь не место обсуждать дела Сенешаля. Приходи завтра утром ко мне, в мои комнаты в восточном крыле дворца. Мы вместе помолимся, а затем, не торопясь, побеседуем. Думаю, нам обоим предстоит разговор с Приамом.

— Полагаю, плохие новости с севера?

Джейм улыбнулся. Даже находясь в Королисе, Аксис был в курсе происходившего.

— Да, сын мой. Однако перестанем шептаться. Отложим разговор до утра.

— Мне действительно лучше уйти, — Аксис перешел на трагический шепот. — Я, кажется, отбил у всех аппетит.

Джейм укоризненно покачал головой, но глаза его улыбались.

— Отдыхай, Боевой Топор. Широкой борозды, глубокой борозды.

— Широкой борозды, глубокой борозды, — ответил Аксис и, поцеловав перстень на руке Брата-Наставника, пошел к ступеням помоста, снова обходя стол. Поклонившись Приаму, Аксис направился к выходу.

Проходя меж столами, он снова встретил взгляд незнакомки. На этот раз он пристально посмотрел на нее. Она покраснела и отвернулась. Пройдя чуть дальше, Аксис нашел глазами другую женщину. Она улыбнулась и едва заметно кивнула. Это была леди Тэар, любовница Аксиса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Леди Тэар

Эмбет, леди Тэар, осторожно шла по тускло освещенному коридору, предвкушая скорую встречу с Аксисом. Торжество в Лунном зале все еще продолжалось, но ей удалось ускользнуть, нарушив правило не подыматься из-за стола ранее короля.

Она не ожидала встретить Аксиса на банкете, рассчитывая, что он вернется из Королиса не раньше Морозного месяца, и была приятно удивлена, когда он неожиданно появился. Была она довольна и тем, что встретила Аксиса во дворце: уже вечер, и он непременно останется ночевать. Обычно она встречалась с Аксисом в Сенешале, всякий раз с трудом отыскивая предлог, чтобы попасть в штаб-квартиру религиозного братства.

Эмбет была на восемь лет старше Аксиса, но и в свои тридцать семь блистала красотой и изяществом. Они познакомились в Тэаре, куда Аксис приехал изучать военное

дело под началом ее супруга, правителя города. Тогда Аксису было одиннадцать, а ей девятнадцать, но, несмотря на разницу в возрасте, они быстро нашли общий язык и находили приятным коротать время вместе. Когда у Эмбет подросли сыновья, Аксис стал их старшим товарищем, а сейчас один из них — Тимозел — служил под его началом в рядах воинов Сенешаля.

Пять лет назад муж Эмбет умер и, воспользовавшись свободой, она все чаще и чаще встречалась с Аксисом и в конце концов стала его любовницей, хотя и знала о его незавидном положении при дворе. Леди Тэар была достаточно молода и, рассчитывая выйти замуж повторно, старалась беречь свою репутацию и потому встречалась с Аксисом тайно, возможно, испытывая при этом лишнее сладострастие.

Эмбет шла, немного приподняв юбки, чтобы те не шуршали, и хвалила себя в душе, что надела неприметное в полумраке черное платье. Она слегка дрожала то ли от холода, то ли от предвкушения скорой встречи с любовником.

Неожиданно кто-то обнял ее за талию, а другой рукой зажал рот. Эмбет вздрогнула, замерла, но, ощутив губами прикосновение знакомой руки, подалась назад. Аксис!

— Ты чуть не прошла мою комнату, — раздался ласковый шепот, обдав теплом щеку Эмбет. — Я, право, подумал, ты идешь к кому-то другому, — шутливо продолжил Аксис, не отнимая ладони, под которой губы его возлюбленной попытались сложиться в приветливую улыбку.

Аксис потянул Эмбет к двери. Ступив в комнату, Эмбет прижалась к его груди. Оба молчали, ощущая скорее радость, чем эротическое влечение. Отстранившись от Аксиса, Эмбет взглянула ему в глаза.

— Ты выглядишь утомленным, — участливо сказала она. — Ты долго скакал верхом?

Аксис подошел к столику и, разлив вино по бокалам, проговорил:

— Три дня. Я приехал из Нордмута.

Эмбет пригубила бокал. Дорога от Нордмута до Карлона была трудной и утомительной, и только чрезвычайные обстоятельства могли вынудить Аксиса проделать путь за три дня. Скорее всего, его внезапное возвращение связано с тревожными слухами о загадочных ужасных событиях, происходящих на севере. У Эмбет защемило сердце. Если события действительно приняли драматический оборот, то без топороносцев не обойдутся, и, значит, Тимозелу угрожает нешуточная опасность.

Эмбет медленно прошла в спальню. В углу комнаты была свалена упряжь для верховой езды и переметные сумки. У стены стоял боевой топор, а над изголовьем кровати висел меч в ножнах, который, как рассказывал Аксис, был его любимым оружием. Сколько людей убил Аксис? Сколько раз он обаграл свои руки кровью во имя Артора? Эмбет любила Аксиса, но каждый раз ее пробирала дрожь, когда она раздумывала о его ремесле.

— Вероятно, плохие новости, раз ты так спешил, — мягко сказала она.

Аксис подошел сзади, притянул к себе Эмбет и ласково погладил ее по шее, любуясь шелковистыми волосами.

— Я мало что знаю, — ответил он. — Могу только догадываться.

Эмбет усомнилась, решив, что Аксис верен себе. Он никогда не рассказывал ей ни о предприятиях, в которых участвовал, ни о своих планах на будущее.

— А как в Королисе проявил себя Тимозел? — спросила она.

— Тимозел молодец. Ты можешь гордиться им. Он вырос и возмужал, — Аксис поцеловал Эмбет в шею. — Храбр в бою. За спинами других не отсиживается, — Аксис повернул Эмбет лицом к себе и поцеловал ее в губы. — Через два-три дня Тимозел вернется в Карлон вместе с топороносцами. Ты скоро увидишь его, а меня извини: я устал.

Аксис оставил Эмбет, подошел к столику и взял в руки бокал. Разговор о Тимозеле всегда действовал на него удручающе. Что, если его убьют? Как он расскажет об этом матери? Аксис сделал добрый глоток вина и постарался отвлечься от мрачных мыслей.

Аксис застыл от ужаса, не в силах пошевелиться. К нему приближался призрак, источая ненависть и угрозу. Аксис попытался бежать, но ноги не слушались. Задышавшись, он прошептал:

— Нет... уходи... нет. Я не хочу видеть тебя. Ты не мой отец. Убирайся!

Призрак безмолвствовал, вырастая из темноты. Аксис знал: вот-вот он почувствует его смрадное мерзостное дыхание.

— Убирайся, — снова прошептал он.

Призрак подступал все ближе и ближе.

— Аксис, сын мой, — раздался зловеющий голос.

Аксис вздрогнул всем телом. Его лоб покрылся блестящими капельками испарины.

— Нет! — прошептал он снова.

— Сын мой, ты не должен был появиться на свет. Ты незаконнорожденный. Ты убил свою мать, разорвав ее

плоть. Она клялась утопить тебя, но ты упредил ее, обагрив себя ее кровью. Что за варварское крещение!

Призрак сардонически рассмеялся, восторгаясь собственным остроумием, и этот дьявольский смех, казалось, обволок Аксиса как удушливый дым.

Аксис в изнеможении застонал. Он не желал смерти матери. А почему она хотела его утопить? Это ложь. Мать не способна умертвить собственное дитя.

— Я никогда не хотел, чтобы ты родился, — продолжал звучать голос. — Если бы знал, что твоя мать беременна, то вырвал бы тебя из материнского чрева своими собственными руками.

— Ты не мой отец, — вскричал Аксис, допуская с ужасом мысль, что это злобное бестелесное существо и в самом деле его родитель. Он попытался подняться, но мог только барахтаться, как лошадь, у которой подрезаны сухожилия. Казалось, его запястья, лодыжки, колени были туго скручены невидимыми веревками.

Голос приблизился, теперь он раздавался у самого уха:

— Ты убил свою мать, а теперь сеешь смерть повсеместно. Никто не хочет иметь дела с тобой. Никто не любит тебя. Ты, а не твоя мать, должен был умереть.

Аксис попытался отпрянуть, но, к его безмерному ужасу, его настигли чудовищные клыки.

— Аппетитный, аппетитный, — заурчал голос. — Я пришел к тебе, чтобы исправить ошибку. Сейчас ты умрешь медленной, мучительной смертью. Я стану поедать тебя по маленькому кусочку. Аппетитный, аппетитный.

Плотоядное урчание прервал душераздирающий вопль.

Эмбет проснулась, испуганно посмотрела на Аксиса. Он метался в постели, судорожно впившись в матрас. Его

глаза были раскрыты, но взгляд казался остекленевшим. Из полуоткрытых запекшихся губ вырывалось хриплое прерывистое дыхание.

— Нет, — исторг он сдавленным голосом. — Ты не мой отец.

Эмбет схватила его за плечи и стала трясти.

— Аксис! Аксис! Проснись! Все хорошо, любовь моя, все хорошо. Проснись!

Эмбет вспомнила, как еще в Тэаре Аксис, поселившись у них в доме, иногда кричал по ночам, и так громко и ужасен был этот крик, что хотя Аксис ночевал в мансарде, просыпалась не только она, но и Ганелон, ее муж, который обычно спал как убитый. Но с тех пор прошло много лет. Неужели Аксис не расстался с ночными кошмарами?

— Аксис, проснись! — Эмбет снова потрясла его за плечо.

Аксис приподнял голову, водя по сторонам бессмысленным мутным взглядом.

— Все хорошо, любовь моя, все хорошо, — ласково повторила Эмбет, прижавшись к Аксису. — Я с тобой.

Он взял ее за руку. Какие-то слова почти ощутимо трепетали на его устах, но голос ему не повиновался. Из глаз Эмбет брызнули слезы. Аксис восторженно, пришел в себя.

— Как хорошо, что ты рядом, — тихо произнес он.

Эмбет вздрогнула, жалостливо посмотрела на Аксиса. Как часто ему приходилось бороться с ужасом одному?

— Ты видел тот же сон, что и в детстве? — спросила она.

— Тот же. Только он с каждым разом страшнее, — Аксис инстинктивно прижался к Эмбет. Помолчав, он определенно продолжил: — Почему меня ненавидят? Разве я виноват, что родился?

Эмбет выжидательно посмотрела на Аксиса. Может, сейчас он расскажет о своем страшном сне. Ребенком, сколько его ни спрашивали о приснившемся ему ужасе, он неизменно уходил от ответа.

Мысли Аксиса текли по-другому. Он собирался спросить у Эмбет, не испытывала ли она при родах хоть однажды страх смерти, и если испытывала, то не проклинала ли в те мгновения ребенка, которому в муках дарила жизнь. Но когда вопрос, казалось, лег ему на язык, он передумал, решив, что выдаст свои страдания. Нетрудно будет понять, как он тяжело винит себя в смерти собственной матери.

Заметив на лице Аксиса отрешенное выражение, Эмбет сочла, что ему лучше побыть одному. Она поцеловала Аксиса в лоб, соскользнула с постели, подобрала разбро-санную по полу одежду, быстро оделась, собрала волосы в узел.

Аксис не останавливал Эмбет. Он был благодарен ей и за проведенную ночь, и за слова утешения, и за то, что не задала лишних вопросов.

Эмбет посмотрела на него участливо и печально:

— Как только захочешь увидеть меня, дай мне знать. Я сразу приду.

Аксис кивнул, и Эмбет выскользнула из комнаты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

У подножия Скалистых гор

Две женщины — одна молодая, другая уже в годах — сидели, закутавшись в шали, у дымившегося костра, глядя, как над Скалистыми горами светлеет небо. Они провели за разговором всю ночь, и пришло время прощаться: молодая женщина рисковала, придя на встречу, и рассчитывала вернуться домой незамеченной до рассвета. Ее собеседница, женщина с правильными чертами лица и волнистыми, но уже тронутыми сединой волосами, стянутыми кожаной лентой, оторвала взгляд от неба и, улыбнувшись, сказала:

— Дорогая, предлагая нам помощь, ты поступаешь великодушно.

— Но ты не доверяешь мне.

— На то есть причины, они хорошо известны тебе, — ответ сопровождался пристальным взглядом больших серых глаз, в которых мелькнули золотистые огоньки, похожие на вспышки догорающего костра.

Молодая женщина склонилась над тлеющими углями и, потирая руки, недоуменно спросила:

— Но что же мне делать? Как заслужить доверие?

— Чтобы войти в доверие, нужно время.

— Но у вас нет времени на раздумье.

— Нам следует соблюдать осторожность, хотя мы и нуждаемся в таких людях, как ты, Азур.

Раздосадованная ответом, Азур повернулась и, махнув рукой в сторону видневшегося поселка, произнесла:

— Им ненавистно все, что неясно и непонятно. Таков Путь Топора и Плуга.

— Я знаю, Азур, знаю.

— Золотое Перо, поверь мне. Пожалуйста! Моя помощь нужна и тебе, и детям.

— Нет, Азур. Слишком поздно. След человека, способного побороть Разрушителя, затерялся. Блюстители пророчества не дают знать о себе, а Друг Леса еще не найден. Народы, населяющие Тенсендер, разобщены, — глаза пожилой женщины затуманились. — Светает, тебе пора возвращаться. Пой звонко, летай высоко, Азур. Да снизойдет на тебя утешение на этой самой безлесной из всех земель, — женщина наклонилась и поцеловала Азур в бледную щеку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В королевском дворце

За окном забрезжил рассвет, и Аксис поднялся с постели. Он явно не выспался. Восемь-девять часов полноценного отдыха — вот что требовалось ему после трудной дороги, а он спокойно проспал не более часа, все остальное время до пробуждения воюя с омерзительным призраком.

Умывшись холодной водой, Аксис начал медленно одеваться, с тревогой размышляя о том, что сообщит ему Брат-Наставник.

Когда Аксис вошел к нему в комнату, Брат-Наставник стоял на коленях перед иконой Артора-Пахаря, читая молитву. Аксис встал на колени рядом, надеясь обрести душевный покой, но в этот раз слова молитвы не принесли обычного облегчения. Вряд ли он даже воспринимал их как следует. Перед его умственным взором то возникали сцены

жуткого сновидения, то смутно вырисовывались картины новых опасностей.

Аксис встрепенулся, когда его тронули за плечо.

— Сын мой, не следует так усердно молиться, — с улыбкой проговорил Джейм, успевший подняться на ноги. — Могут подумать, что Боевой Топор набожнее Брата-Наставника.

— Молитва умиротворяет меня, отец, — ответил Аксис, улыбнувшись в ответ. — Но разве я сравнюсь с тобой благочестием? Ты самый преданный слуга Артору.

Джейм помог Аксису встать и, обняв его за плечи, повлек к столику у окна.

— Позавтракаем, — по-дружески сказал он. — Могу предложить тебе хлеб, молоко и фрукты.

Усевшись за стол, Боевой Топор посмотрел в окно. Небо заволокли тяжелые облака, и все же местами крыши домов поблескивали под первыми солнечными лучами, сумевшими отыскать в облаках небольшие разрывы. Легкий ветерок шевелил бесчисленные флаги и стяги, придавая картине, открывшейся из окна, веселый праздничный вид, но стоило посмотреть вниз, как впечатление меркло: фруктовые деревья, там и сям раскинувшие сучковатые ветви, стояли полностью обнаженные, расставшись с листвой на несколько недель раньше обычного.

Аксис перевел взгляд на Джейма. Брат-Наставник выглядел уставшим и озабоченным, и эту озабоченность вскоре подтвердили его слова, произнесенные с неподдельной тревогой:

— Аксис, ты, вероятно, слышал о том, что происходит на севере?

— До меня дошли слухи, не более, — ответил Аксис, торвавшись от молока.

— К сожалению, эти слухи похожи на правду, — сообщил Брат-Наставник и, тяжело вздохнув, пустился в повествование о жутких непонятных событиях, произошедших Ихтаре и Скарабосте.

Аксис слушал, налегая на завтрак, однако по мере того как начала вырисовываться зловеющая чудовищная картина произошедших событий, он все реже и реже подосил пищу ко рту и наконец вовсе перестал есть, весь бравившись в слух.

— Скажи, Боевой Топор, — спросил Джейм в заключение, — готовы ли воины Сенешаля противостоять бестесным духам, с которыми не справились бывалые солдаты з Горкен-форта?

Аксис положил на стол недоеденный кусок хлеба. То, то он услышал, ужаснуло его. Лорд Магариз был опытным командиром, а его солдаты — одними из лучших в Ихаре. Если даже они не смогли справиться с неприятелем, о положение действительно угрожающее.

— Топороносцы сделают все возможное, — ответил Аксис, немного помедлив. — Как только ты сочтешь нужным, мы выдвинемся на север.

— Полагаю, вам долго ждать не придется. В прошлую зиму наши противники ограничивались отдельными валазками. Вполне вероятно, что, почувствовав безнакаанность, с наступлением холодов они решатся на наступление. Так считаю не только я, но и Приам с Борнхелдом. Летом герцог выезжал в Горкен-форт, чтобы прояснить итуацию, а недавно принял решение отправить на север

крупные соединения пехоты и кавалерии. Вот уже десять дней, в ущерб поставкам зерна на север, на торговых судах отправляют солдат, — Джейм взглянул в глаза Аксису и продолжил: — Наши братья из обители Горкентауна сообщают, что в городе зреет паника. Отголоски этих панических настроений докатились и до Карлона. Вчерашний банкет на базарной площади закончился раньше обычного. С наступлением темноты все поспешили разойтись по домам. В последние две недели резко возросло количество свадеб. Солдаты перед отправкой на север приводят в порядок свои дела: одни замаливают грехи, другие связывают возлюбленных брачными узами.

— Отец, Приам с Борнхелдом обращались к тебе за помощью? — спросил Аксис.

— Пока нет. Но если действительно нам угрожают отверженные, одна регулярная армия с ними не справится, — Джейм снова вздохнул и добавил: — Я рад, что ты так быстро вернулся. Нутром чувствую, топорносам предстоит жаркое дело.

Аксис кивнул и опять посмотрел в окно. Теперь солнца не было видно. Полнеба затянула исполинская туча. Там и сям на черном фоне выделялись беловато-желтые завитки, придававшие туче особенно жуткий вид.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В кабинете короля

Позавтракав, Джейм и Аксис, пригласив с собой Морисона, отправились на прием к королю в его кабинет.

Кабинет короля занимал обширное помещение, уступавшее своими размерами только Лунному залу. Посреди комнаты стоял большой круглый стол, изготовленный, как гласила легенда, из огромного дуба, росшего невдалеке от дворца много столетий тому назад.

Войдя в кабинет, Джейм, Аксис и Морисон увидели за столом пятерых: короля, герцога Борнхелда, графа Айсенда, наместника Скарабоста, герцога Роланда и графа Йорга, наместника Эйвонсдейла. За стулом Борнхелда стоял лейтенант Готье, а за стулом Роланда — лейтенант Невелон.

Невдалеке от большого стола находился маленький столик, за которым обычно сидел писец, аккуратно заносивший в особую книгу решения, принятые Тайным Советом.

Сейчас писца не было, да и Тайный Совет собрался не в полном составе. За большим столом, кроме самого короля, расположились только наместники тех провинций, которые могли наиболее пострадать в случае нападения неприятеля на Ихтар.

Только двое — элегантный граф Айсенд и герцог Роланд, грузный великан с львиной гривой и густой копной ярко-рыжих волос — одарили вошедших доброжелательным взглядом. Граф Йорг, седовласый жилистый человек, слывший искусным военачальником, ограничился невнятным приветствием, что-то буркнув себе под нос. Борнхелд выпрямился на стуле, придав лицу ледяную надменность, а Приам, выглядевший усталым, вяло махнул рукой, указав Джейму и Аксису на свободные стулья. Морисону садиться не полагалось, и он встал за стулом Брата-Наставника.

— Извини, Приам, если мы заставили себя ждать, — сказал Джейм. Он редко величал короля по титулу, считая, что держаться на равных — наилучший способ общения с королем для Брата-Наставника религиозного братства, но обращаясь к Приаму по имени, вызывал его тайное недовольство.

Ответить Джейму король не успел. Его опередил Борнхелд, угрюмо спросив:

— Так ли необходимо присутствие на совете людей Брата-Наставника?

— Боевой Топор пришел по моему приглашению, — устало ответил Приам. — Думаю, нам не помешает и Морисон.

Аксис с удивлением рассматривал короля. Казалось, Приам тоже не выспался. Его лицо стало землисто-бледным, под глазами появились мешки, а волосы растрепались.

Король обвел взглядом присутствующих и тихо сказал:

— Не станем попусту тратить время. Всем хорошо известно об ужасных событиях, произошедших в Ихтаре. Тревожные сообщения пришли и из Смиртона. Ходят слухи, что в Скарабосте появились отверженные. Лорд Магариз, командир Горкен-форта, сообщает, что за время зимнего патрулирования он потерял около девяноста солдат, которые пали жертвами таинственных бестелесных существ. Эти бестелесные существа навели ужас и на Рейвенсбанд. За последние полгода тысячи жителей этой провинции переместились в Ихтар.

— Рейвенсбандцы сущие дикари, — вставил граф Йорг.

— Но они далеко не трусы. Впрочем, летом вылазки бестелесных существ вроде бы сократились. Не так ли, Борнхелд?

— Так сообщает Магариз, — хмуро ответил герцог. — За все лето он потерял только троих солдат. Но зато, по его словам, увеличился приток беженцев с севера. Рейвенсбандцы боятся зимы.

— Зима не за горами, — задумчиво сказал Боевой Топор. На его реплику не обратили внимания. Один Борнхелд смерил Аксиса уничижительным взглядом.

— Борнхелд, — продолжил король, — ты летом был в Горкен-форте. Что ты узнал?

— По рассказам Магариза и солдат, наши противники действительно бестелесные существа. Узнать об их приближении можно только по шепоту, доносящемуся с порывами ветра. Они не боятся солдат, ибо их не берет клинок. Со своей жертвой они расправиться не спешат, наслаждаясь ее мучениями. По словам рейвенсбандцев,

эти бестелесные существа питаются страхом, исходящим от человека, и только когда тот иссякнет, — человеческой плотью. Кто наши враги, откуда взялись — не знаю. Доподлинно известно одно: солдаты схватившиеся с этими существами, как правило, погибали, не сумев поразить ни одного существа.

— Ты послал в Горкен-форт дополнительные войска? — спросил Айсенд.

— Да. Полагаю, зимой неприятель активизируется.

Приам на мгновение спрятал лицо в ладони, затем отвел руки и обратился к Брату-Наставнику:

— Как ты считаешь, мы имеем дело с отверженными?

Вопрос, казалось, застал Джейма врасплох. Он поджал губы, потом откашлялся и только после этого ответил неуверенным голосом:

— Вынужден признаться, что толком не знаю. Ахары воевали с отверженными тысячу лет назад. С тех времен до нас дошли только мифы, сказания. И все же думаю, мы имеем дело с отверженными. Кто другой может напасть на Ахар?

Борнхелд, сидевший напротив Джейма, навалился на стол и, вперив в Брата-Наставника злобный взгляд, прошипел:

— Кому нужны твои домыслы? Мои солдаты умирают в снегу, а ты не знаешь, кто на них нападает. Распознавать нечистую силу прямая обязанность религиозного братства.

Аксис приподнялся на стуле, вознамерившись вступить за Брата-Наставника, но Джейм остановил его жестом. Попытался подать голос и Морисон, но, наткнувшись на грозный взгляд Борнхелда, отвел глаза в сторону.

Король поднял руку, призывая к спокойствию.

— Сейчас не время для пререканий. Лучше соберите все свое мужество, чтобы услышать еще об одном страшном событии.

Все взоры с тревогой устремились на короля.

— Сегодня утром с голубиной почтой я получил донесение из Горкен-форта, — поймав удивленный взгляд Борнхелда, Приам пояснил: — Обычно эти послания направляют тебе, Борнхелд, но на этот раз донесение было столь важным, что его адресовали непосредственно мне.

В кабинете установилась зловеющая тишина.

— Друзья мои, — собравшись с духом, продолжил король, употребив обращение, которое никогда не использовал, и от этой необычайности у слушателей похолодело внутри, — четыре дня назад Горкен-форт и обитель Горкентауна были атакованы неизвестными существами. В Горкен-форте эти существа проникли в дом к Магаризу. Лорд отделался раной, хотя и тяжелой. А солдаты его личной охраны погибли. Их разорвали в куски.

— Как такое могло случиться? — недоуменно проговорил Борнхелд. В его глазах отразился гнев, смешанный со смущением. — Горкен-форт неприступен. Как могли эти неизвестные существа проникнуть в дом к Магаризу? Неужели никто не поднял тревогу?

— В том-то и дело, — глухо сказал король.

Аксис вздрогнул. По его телу пошли мурашки.

— Однако, судя по всему, — продолжил Приам, — нападение на дом Магариза явилось лишь отвлекающим маневром, заставившим большинство солдат форта поспешить на помощь своему командиру. Именно в это время неизвестные существа проникли в обитель.

Джейм застонал, опершись о стол. Если разорвали в куски вооруженных солдат, то что стало с монахами?

Король окинул Джейма испытующим взглядом.

— Брат-Наставник, я глубоко сожалею, но в обители произошла настоящая бойня. В живых остались лишь двое, — Приам помолчал и перешел на зловеющий шепот: — Но и это еще не все. Пробравшись в обитель, эти неизвестные существа разгромили библиотеку, уничтожив все книги и свитки. Но главная их цель, видимо, заключалась в другом, — лицо короля пожелтело, а лоб покрылся испариной. — Они... — голос Приама дрогнул, — они выкрали из склепа... тело моей сестры... Ривки, а опустевший гроб наполнили окровавленными кусками человеческой плоти.

Все, кроме Приама и Борнхелда, перевели взгляд на Аксиса, при родах которого умерла Ривка, словно забыв, что она дала жизнь и другому ребенку. Но Борнхелд быстро напомнил об этом. Он вскочил на ноги, уронив стул, и, сверкая глазами, иступленно воскликнул:

— Они украли тело моей матери!

Страшная новость ошеломила и Аксиса. Он застонал и прикрыл глаза, но тут же крупная дрожь сотрясла все его тело: ему померещился ночной призрак. Джейм погладил Аксиса по руке. Боевой Топор встрепнулся и, окинув Джейма помутившимся взглядом, одеревеневшим языком выдал из себя:

— Все хорошо. Со мной все в порядке.

— Все хорошо? — вскричал Борнхелд, вскипая негодованием. — С тобой все в порядке? И это все, что ты можешь сказать, узнав о надругательстве над телом моей матери? — он отшвырнул ногой стул и приблизился к

Аксису. — И это все, что ты можешь сказать, ты, убивший мою несчастную мать? — Борнхелд обогнул стол и, вцепившись в Аксиса мертвой хваткой, повалил его на пол. Оба покатались по полу, награждая друг друга увесистыми ударами.

Все повскакали со своих мест. По знаку Приама Невелон и Готье растащили дерущихся в разные стороны. Из носа Аксиса текла кровь, под глазом Борнхелда красовался синяк. Оба тяжело дышали, с ненавистью глядя друг на друга.

— Ривка любила моего отца, а твоего ни во что не ставила, — глухо произнес Аксис, вытирая ладонью кровь.

Борнхелд взревел и, как безумный, бросился с кулаками на Аксиса, но его удержали Йорг и Готье.

— Побойтесь Артора! — прогремел гигант Роланд, встав между Борнхелдом и Аксисом. — Нашли время для ссоры. Королевству угрожает нешуточная опасность, а вы устраиваете драку между собой, — Роланд вперил взгляд в Борнхелда. — Как ты, Борнхелд, со своими замашками и необузданным темпераментом станешь командовать армией? Военачальнику должны быть свойственны хладнокровие, ясный ум и трезвый расчет.

Борнхелд посмотрел исподлобья на Роланда, что-то пробормотал и отошел в сторону. Похоже, пронять Борнхелда не удалось. Он лишь слегка побледнел, зато губы его сложились в дьявольскую усмешку.

Роланд перевел взгляд на Аксиса.

— А ты, Боевой Топор, тоже хорош. Злословие протитительно женщине, но оно не красит мужчину. Стыдись!

Аксис смутился, потупил голову.

— Не ожидал подобной распущенности от высших военачальников королевства, — продолжил Роланд, покачав

головой. — От вас зависит успех на поле сражения. Кому как не вам проявлять выдержку и присутствие духа в любой ситуации.

В комнате повисла гнетущая тишина. Первым из состояния оцепенения вышел король.

— Полагаю, что полученное известие могло на время помутить разум любому, и я рад, что нашелся здравомыслящий человек с холодным рассудком, — сказал Приам приглушенным голосом. — Вернемся за стол. Нам следует наметить план действий.

Первым заговорил Морисон.

— Простите, ваше величество, можно задать вопрос? — спросил он.

Приам кивнул.

— Скажите, ваше величество, есть ли в полученном донесении упоминание о количестве и о внешнем виде существ, напавших на обитель и форт?

— На Магариза с охраной напали два существа, а в обитель проникли трое. По свидетельству очевидцев, таких страшных существ они в жизни не видели.

— И какие они на вид? — спросил Роланд.

— Это прямоходящие существа высокого роста, покрытые белой клочковатой шерстью, из-под которой проступают желтые кости с ледяными суставами. У этих существ клыкастая морда, глаза словно из серебра, а вместо рта — клюв. Похоже, они способны летать, ибо кроме когтистых лап, у них имеются крылья.

— Какой ужас, — прошептал Айсенд, поежившись.

— Может, эти злобные существа выкрали тело Ривки непреднамеренно? — спросил Аксис.

Приам покачал головой.

— По словам тех монахов, что остались в живых, эти кровожадные изверги, переговариваясь, несколько раз произнесли имя Ривки. Кроме того, они сначала выкрали тело и только затем разгромили библиотеку.

Джейм и Морисон переглянулись.

— А монахи видели собственными глазами, как эти существа уносили тело? — спросил Брат-Наставник.

— Нет. Монахи прятались в кладовой, но они слышали, как злодеи сначала спустились в склеп и только потом поднялись в библиотеку. За этим началось кровавое пиршество, и монахи, сидевшие в кладовой, чуть не лишились рассудка, слушая, как с плотоядным урчанием поедают их братьев.

— Как такое могло случиться? — прошептал Борнхелд. — Как?

В ответ не прозвучало ни слова. Приам лишь недоуменно развел руками. Джейм побледнел и уронил на грудь голову. Затянувшееся молчание прервал Йорг. Он подался вперед, обвел всех угрюмым взглядом и размеренно произнес:

— Я старше любого из вас и потому выскажусь откровенно: разве это военный совет? По-моему, каждый из вас походит на девственницу, столкнувшуюся с насильником и не знающую, что предпринять: то ли орать во все горло, то ли конфузливо улыбнуться и задрать юбки, чтобы не рассердить негодяя, — Йорг перевел дыхание и продолжил: — Вы все упустили из виду, что наибольшей трагедией стала бы гибель Магариза, человека, который командует нашим опорным пунктом на севере. Пока ему не подоспеет подмога, он единственный, кто может остановить неприятеля.

Йорг замолчал, ожидая, что кто-то выскажется, но не дождавшись ни поддержки, ни возражений, заговорил снова:

— Я скорблю, как и вы, о гибели наших братьев и не менее вашего возмущен похищением тела Ривки, но полагаю, нам не пристало стенать и предаваться отчаянию. Вряд ли Артор придет на помощь тому, кто заменяет дело жалобами и призывами. Мы должны объединить наши усилия и действовать рассудительно и решительно как государственные мужи, ответственные за судьбу королевства.

Йорг откинулся на спинку стула и взглянул на Приама. И это король? Вместо того чтобы проявить силу духа, сидит как в воду опущенный. А Борнхелд? Какой из него главнокомандующий? У него нет боевого опыта, лишь непомерное самомнение и необузданный темперамент, что он и доказал лишний раз своей непристойной выходкой. Йорг перевел взгляд на Аксиса.

— Боевой Топор, а что скажешь ты о сложившемся положении?

— Думаю, мы столкнулись с угрозой вторжения в королевство существ, о которых мы почти ничего не знаем. Полагаю, с наступлением холодов они перейдут в широкое наступление, недаром рейвенсбандцы спешно снимаются со своих мест. Я также допускаю, что бегство рейвенсбандцев на юг и появление около Смиртона человекоподобных существ — звенья одной цепи. Вполне вероятно, что эти человекоподобные существа бежали из леса Теней, испугавшись тех же существ, что и жители Рейвенсбанда.

— Ты что же, Аксис, считаешь, что отверженные, живущие в Ледяных Альпах, враждуют с отверженными, населяющими лес Теней? — спросил Джейм.

— Или, может, мы столкнулись с противником, который сильнее и страшнее отверженных? — вмешался в разговор Роланд.

— Да это никому неизвестно, — ответил за Аксиса Йорг. — Давайте лучше решим, что делать.

Борнхелд постучал по столу ладонью, привлекая к себе внимание. На его лице не осталось никаких следов возбуждения.

— Не думаю, что нам угрожают отверженные из леса Теней. Те человекоподобные существа, о которых говорит Боевой Топор, не причинили нам зла, — Борнхелд бросил неприязненный взгляд на Аксиса. — Опасность исходит с севера. Полагаю, крупные столкновения с неприятелем произойдут около Горкентауна. Я уже послал на подмогу Магаризу несколько соединений пехоты и кавалерии, но, думаю, этого недостаточно, и потому считаю необходимым направить в ближайшее время на север еще семь тысяч солдат. Большинство отправится в Горкентаун по морю и Андакилсе.

— Но Андейское море может вот-вот замерзнуть, — заметил Приам.

— Надеюсь, этого не случится. Другой путь — по Нордре на гребных шлюпках, а затем пешим строем по долинам Ихтара — слишком долг и утомителен. Я реквизирую в Нордмуте все имеющиеся суда и посажу на них столько солдат, сколько они вместят. Вся операция по переброске этих войск в Горкентаун займет не более трех недель. Я сам возглавляю эти войска. Полагаю, мы прибудем на место в середине месяца Обнаженных Деревьев. Остальные войска отправятся в Горкентаун на шлюпках по Нордре, а затем пешим строем. Думаю, они

прибудут на место в Морозном месяце или, в крайнем случае, в начале Снежного месяца.

— Топороносцы также готовы отправиться в Горкентаун, — сказал Аксис.

Борнхелд собрался было ответить, но его опередил Джейм:

— Нет, Боевой Топор. Полагаю, тебе необходимо отправиться в другое место. К своему стыду, я действительно не имею никаких сведений о загадочных существах, напавших на Горкентаун. Однако есть место, где эти сведения можно попробовать отыскать. Это — башня Безмолвной Женщины.

Морисон согласно кивнул.

Все притихли. Никто из находившихся в кабинете — даже сам Брат-Наставник — ни разу не был в этой таинственной башне, воздвигнутой много веков назад. Она стояла посреди леса Безмолвной Женщины, единственного леса в стране, не вырубленного ахарами. Ходили слухи, что религиозное братство оставило этот лес в целостности и сохранности, дабы лучше скрыть башню, полную тайн. В башне жила горстка монахов, и их уединение старались не нарушать — не столько из почтения, сколько из страха.

— Считаю, Аксис, — продолжил Джейм после затянувшегося молчания, — топороносцам следует усилить регулярную армию, но только после похода к башне. Отправляйся туда не мешкая. В башне наши братья познакомят тебя с манускриптами, составленными еще во времена Войн Топора. Отыщи в этих бумагах сведения об отверженных. Затем через Аркнесс и Скарабост отправляйся в Смиртон. Там оставь часть людей и двигайся в

Горкентаун. Борнхелду понадобятся и твоя информация, и твоя помощь.

— Превосходный план, Джейм, — отозвался Приам. — Нам крайне нужна информация об отверженных.

Предложением Брата-Наставника остался доволен и Йорг, рассудивший, что до наступления холодов противник вряд ли приступит к широкому наступлению, и если до этого времени Аксис и Борнхелд будут действовать обособленно, это пойдет на пользу. К тому же Аксис может добыть ценную информацию. А когда дело дойдет до сражения с неприятелем, Аксис и Борнхелд забудут о взаимной вражде.

Возразил один Борнхелд:

— Ваше величество, регулярная армия способна одна...

Его прервал Брат-Наставник:

— Когда топорonosцы окажутся в Горкентауне, они перейдут в твое подчинение, Борнхелд.

Лицо главнокомандующего просветлело.

— Это меняет дело. Не сомневаюсь, что сумею распорядиться топорonosцами.

Аксиса передернуло. Он не верил своим ушам. Никогда еще Джейм не уступал ни королевскому окружению, ни самому королю.

— С какой стати... — начал Аксис, сверкнув глазами, но его остановил Брат-Наставник:

— Поговорим позже, Боевой Топор.

Аксис нахмурился, твердо решив ни при каких обстоятельствах не отдавать топорonosцев в подчинение Борнхелду.

— Ну что же, — подал голос Приам, — считаю, мы договорились о главном. Йорг, Роланд, надеюсь, вы можете Борнхелду войсками и продовольствием. — Те

кивнули. — Тогда на этом закончим, у каждого из нас много дел. Широкой борозды, глубокой борозды, и да поможет нам Артор.

В коридоре Борнхелда остановил Айсенд.

— Ты не уделишь мне немного времени? — спросил граф, удерживая Борнхелда за локоть.

Герцог выдернул руку и направился прочь: он недолго любил щеголеватого графа. Граф скривил губы, но все-таки догнал Борнхелда и пошел рядом.

— Герцог, я хочу поговорить с тобой о своей дочери, Фарадей.

Борнхелд резко остановился и с интересом взглянул на Айсенда. Как и многие на именинах Приама, он обратил внимание на дочь графа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В апартаментах Брата-Наставника

Выйдя из кабинета последним, Аксис взял боевой топор, оставленный им в передней, раздраженно сунул его в чехол, висевший на перевязи, и направился в коридор, охваченный злостью и возмущением. Подчинить мирянину воинов религиозного братства? Да это неслыханно! Аксис редко возражал Джейму, но сейчас решил твердо: Брат-Наставник ему не указ! Впрочем, надо поговорить с ним, и сейчас, не откладывая.

Аксис ускорил шаг, миновав остановившихся Борнхелда и Айсенда. О чем они говорят? Вряд ли о предстоящей кампании. Единственным оружием графа, с которым Айсенд не расставался, был нож для фруктов, неизменно свисавший у него с пояса.

Когда Аксис догнал Брата-Наставника, тот разговаривал с Морисоном. Оказалось, что они обсуждают, стоит ли послать Гилберта в башню Безмолвной Женщины вместе с

топороносцами. До Гилберта Аксису дела не было. Он хотел одного: оставить топороносцев у себя в подчинении.

— Зайди ко мне, Аксис, — пригласил Брат-Наставник.

Вместе с Аксисом в комнаты Джейма проскользнула упитанная белая кошка.

— Отец, я не собираюсь переходить в подчинение Борнхелду, — едва переступив порог, заявил Боевой Топор. — У тебя что, помутился разум? Прошу тебя, скажи Борнхелду, что, поразмыслив, ты передумал, и воины Сенешаля останутся в моем подчинении и по прибытии в Горкентаун.

По лицу Брата-Наставника пошли багровые пятна.

— Ты забываешься, Аксис! — гневно воскликнул он. — Мои приказы не обсуждают.

Аксис расправил плечи, сжал пальцы в кулак и окинул Джейма вызывающим взглядом.

— Я не для того связал свою жизнь с Сенешалем, чтобы топороносцами командовал кто-то другой, — запальчиво сказал Боевой Топор. — И не для того в течение пяти лет сражался с ними плечом к плечу, чтобы ты одной несуразной фразой подчинил меня человеку, который ничего не смыслит в военном деле. С чего бы это? Может, ты с годами потерял силу духа? Испугался собственной тени?

Лицо Брата-Наставника перекошилось от гнева, щеки дрогнули, ноздри раздулись.

Аксис не унимался:

— Назови мне хотя бы одну причину, по которой я должен передать командование топороносцами Борнхелду.

Джейм молчал, хмуро глядя на Аксиса.

— Почему ты молчишь? — проговорил Боевой Топор хриплым от волнения голосом. — Говори!

В течение нескольких минут, показавшихся Аксису вечностью, Брат-Наставник задумчиво смотрел на него, а затем размеренно произнес:

— Если нам действительно придется вести войну, у Ахара должна быть одна, сплоченная армия, а у этой армии — только один командующий. Единоначалие помогло нам выиграть войну тысячу лет назад, и я не собираюсь нарушить этот принцип ради твоего честолюбия.

— Я понял тебя, отец, — глухо ответил Аксис, смотря Джейму в глаза, — и все же не согласен с тобой.

Наблюдавший за этой драматической сценой Морисон посчитал, что Брат-Наставник удовлетворится словами Аксиса, ибо большей смиренности от того ждать просто не приходилось. Он и так сбавил тон лишь из уважения к Джейму. Никому другому он бы и вовсе не уступил. Наверно, пошел в отца.

— Дай мне слово, что станешь следовать моим указаниям, — сказал Брат-Наставник, скрестив с Аксисом взгляды.

Аксис помедлил и затем выдал из себя:

— Даю слово.

Белая кошка, до того смирно сидевшая, неожиданно выпнула спину и зашипела на Джейма.

Брат-Наставник натянуто улыбнулся.

— Никак, Боевой Топор, кошка приняла твою сторону

Аксис нагнулся, взял кошку на руки и принялся ее гладить. Кошка зажмурилась от непомерного удовольствия и сладостно замурлыкала.

— Аксису предстоит нелегкий поход, — вступил в разговор Морисон, взглянув на Брата-Наставника. — Обсудим детали?

Джейм кивнул и устроился у камина, указав жестом на свободные стулья.

— В башне Безмолвной Женщины манускриптами ведает Огден, — сообщил Морисон. — Я хорошо знаю его. Это образованный человек, преданный Сенешалю. Уверен, Аксис, он поможет тебе.

— Но он далеко не прост, — угрюмо добавил Джейм. — Горд не меньше тебя, Боевой Топор. Я пошлю к нему верхового, чтобы предупредить о твоём приезде.

— С тобой отправится Гилберт, — продолжил Морисон. — Он привезет нам те документы, которые ты отберешь с помощью Огдена. — Морисон удовлетворенно вздохнул. Как и Джейм, он был рад избавиться от общества Гилберта хотя бы на какое-то время.

Аксис слушал, прикрыв глаза и поглаживая кошку, свернувшуюся клубком у него на коленях.

— Когда ты сможешь отправиться, Аксис, и сколько времени понадобится, чтобы добраться до башни Безмолвной Женщины, а оттуда до Смиртона?

Аксис открыл глаза.

— А сколько когорт взять с собой?

Брат-Наставник потер переносицу.

— Семь. Одна когорта пусть останется в Сенешале. Для охраны башни пятисот человек достаточно. Оставь часть людей в Смиртоне. Сколько — определишь сам по сложившейся в городе ситуации. Остальных приведи в Горкентаун.

— Я ожидаю, что шесть когорт, вернувшихся из Королиса, придут в Карлон завтра днем. Но после тяжелого перехода людям надо дать отдохнуть. Пока они отдыхают, я займусь продовольствием. Мы выступим через пять, самое большее — через шесть дней. До башни Безмолвной

Женщины две недели пути, а оттуда до Смиртона — около месяца.

— А сколько времени займет переход от Смиртона до Горкентауна? — спросил Джейм.

— Это самый трудный участок, особенно если, как сообщают, в Уркхартских горах выпал снег. Если снегопад повторится, дорога станет еще труднее, — Джейм и Морисон с беспокойством посмотрели в окно. Небо затянули тяжелые облака. — Думаю, переход займет двадцать дней. Если я не задержусь в Смиртоне, то буду в Горкентауне в первой половине Снежного месяца.

— К тому времени наступит зима, — озабоченно сказал Джейм.

— Раньше мне не успеть.

— Может, одну-две когорты послать в Горкентаун прямо из Карлона? — предложил Морисон.

— Я не стану распылять силы, — упрямо ответил Аксис.

Брат-Наставник кивнул.

— У Борнхелда достаточно своих войск. Кроме того, его поддержат Роланд и Йорг. Забирай с собой семь когорт, Боевой Топор.

— Тогда, отец, разреши мне уйти. У меня много дел.

Джейм поднял правую руку.

— Широкой борозды, глубокой борозды, Боевой Топор.

— Широкой борозды, глубокой борозды, Брат-Наставник, — ответил Аксис, поднимаясь со стула.

Кошка прыгнула на пол и уселась у камина. Аксис прижал к груди сжатую в кулак руку и, отвесив поклон, вышел из комнаты.

— Мы можем на него положиться? — спросил Морисон, оставшись с Джеймом наедине.

Брат-Наставник вздохнул.

— Конечно. Уверен, Аксис выполнит свою миссию до конца, хотя и не хочет попасть в подчинение Борнхелду. Морисон.... — Джейм замолчал. По его телу прополз холодный озноб.

— Что делать, дружище, — понимающе откликнулся Морисон. — Случившееся в обители потрясло и меня, однако не возьму в толк, зачем этим мерзостным существам понадобилось тело Ривки. Как ты думаешь, они догадались, что в гробу оказалось тело другой женщины? — Морисон помрачнел. Лицо его сморщилось. Казалось, он постарел на несколько лет.

— Зачем им понадобилось тело Ривки, не приложу ума, но, думаю, они распознали подлог, поэтому со злости и набросали в гроб куски человеческой плоти, — Джейм вяло улыбнулся. — Впрочем, эти существа оказали нам значительную услугу. Тело исчезло, и концы в воду. Надеюсь, два брата, оставшиеся в живых, действительно прятались в кладовой и тела не видели.

Кошка, не спускавшая глаз с собеседников, фыркнула и одарила Джейма презрительным взглядом.

— И все-таки зачем им понадобилось тело Ривки? — простонал Морисон. — Зачем?

Джейм не ответил. Нахмутив брови, он погрузился в тяжкие размышления.

Кошка мяукнула и направилась к двери. Морисон поднялся и выпустил ее в коридор.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Помолвка Фарадей

Фарадей, все еще пребывавшая во дворце, сидела у окна в одной из отведенных ее отцу комнат и с интересом наблюдала за суетой во дворе, непривычной для глаза провинциалки. Вот уже несколько дней, как во дворе толпились солдаты: лучники, копьеносцы, кавалеристы. Смех, шум, гвалт временами прерывались громкими выкриками команд, и тогда двор пустел, чтобы вскоре наполниться другой большой группой солдат, прибывших на сборный пункт.

Четыре дня назад шесть когорт воинов Сенешаля вернулись в Карлон из Королиса, а еще одна когорта топороносцев подошла к городу, оставив свои квартиры, расположенные по другую сторону Чаши. За крепостными стенами Карлона выросли два палаточных лагеря, один — возведенный топороносцами, другой — солдатами регулярной армии Борнхелда. И там, и там готовились к выступлению.

Королевский дворец был похож на растревоженный улей. В коридорах сновали слуги, порученцы, посыльные, в холлах собирались военные, а за закрытыми дверями совещались сановники.

Время от времени во дворе появлялся Аксис, и тогда Фарадей, чтобы получше его разглядеть, прижималась лицом к окну. Вот и сейчас он расхаживал по двору, то отпуская шутки солдатам, то делая властные замечания.

За Аксисом, как собачка, вертясь у него под ногами, бегала упитанная белая кошка. Но вот у Аксиса внезапно заплелись ноги, и он упал на оказавшуюся рядом кучу соломы. Понимая, что человек, попавший на виду у других в смешное, глупое положение, должен сам смеяться громче всех над собой, Аксис расхохотался, подмигнув обступившим его солдатам. Воспользовавшись благоприятным моментом, кошка прыгнула Аксису на колени и ткнулась мордой ему в живот. Аксис принялся ее гладить, и кошка опять замурлыкала от непомерного удовольствия.

В тот же день, ближе к вечеру, когда двор почти опустел, Фарадей увидела Аксиса еще раз. Он разговаривал с ее отцом, графом Айсендом. О чем шел разговор, слышно не было, но можно было понять, что граф, бурно жестикулирующий, на чем-то настаивает, а Аксис противится, порываясь уйти.

Разговор прервал появившийся Борнхелд. Аксис махнул рукой, словно согласившись с малопривлекательным предложением, повернулся на каблуке и зашагал прочь, оставив графа наедине с Борнхелдом.

Перемена за окном привела Фарадей в уныние. Еще несколько дней назад она пребывала в прекрасном расположе-

нии духа, восторгаясь всем, что окружало ее. Она давно мечтала побывать при дворе и когда узнала, что поедет вместе с родителями в столицу, просияла от счастья. Сборы в дорогу прошли в радостных хлопотах, а само путешествие — первое в ее жизни — открыло ей новый мир, произведя неизгладимое впечатление. Что тогда говорить о великолепии Карлона, о роскоши, окружившей Фарадей во дворце, об изысканных дамах, сверкающих жемчугом и бриллиантами, о блистательных кавалерах — настоящая сказка!

Но только три дня назад Фарадей спустилась с небес на землю. В тот день граф Айсенд с нескрываемой радостью на лице сообщил пораженной дочери о ее скором замужестве. Фарадей догадывалась, что ее берут в Карлон, чтобы подыскать ей подходящую партию, но даже не думала, что выйдет замуж так скоро.

Борнхелд — вот кем оказался жених. Ей предстояло стать герцогиней Ихтарской. По словам сияющего отца, о такой партии можно только мечтать. Борнхелд был не только большим вельможей, но и престолонаследником.

Когда Фарадей сообщила новость Девере, та была настолько поражена, что сначала чуть не задохнулась от удивления, а потом долго молчала, вытаращив глаза, не в силах выговорить ни слова, но затем, обретя дар речи, принялась без умолку тараторить, одаривая подругу советами, чем довела ее до полного иступления, а себя поставила в неудобное положение, ибо, когда дошла в наставлениях до интимных супружеских отношений, ей указали на дверь. Девера обиделась, хотя и оставила за собой последнее слово, обвинив Фарадей в черной неблагодарности и пострадав неизбежными трудностями, с которыми столкнется провинциалка в просвещенных великосветских кругах.

Размолвка с Деверой не расстроила Фарадей. Предстоящее замужество — вот что тяготило ее. Властный, грубый, неприветливый Борнхелд ей вовсе не нравился. Накануне она виделась с ним (в присутствии своих счастливых родителей), и что же она услышала от него? Категорические суждения и покровительственные тирады. По существу, говорил он один, она едва сумела вставить несколько слов, да и то оставшихся без внимания. Разве он может сравниться с Аксисом, несомненно, внимательным, остроумным и обходительным?

На глаза Фарадей навернулись слезы: Борнхелд ей не нравился, а пойти против воли родителей она не могла. Да и потом слишком поздно: вот-вот состоится помолвка — Борнхелд торопится: он отправляется на север вместе с войсками.

На Фарадей было белое шелковое платье с глубоким вырезом. Когда она надела его, то тут же смутилась, посчитав, что грудь неприлично обнажена, а шея, плечи и руки и вовсе оголены. Она запротестовала, но леди Мерлион поспешила уверить дочь, что такое платье просто необходимо.

Фарадей снова выглянула в окно. Двор был пуст. Она всполошилась: того и гляди к ней придут. Фарадей подошла к умывальнику, помыла лицо — ее не должны видеть заплаканной. Умывшись, она остановилась у зеркала, поправила волосы. Оказалось, что вовремя. Дверь открылась, и вслед за родителями невесты в комнату вошел Борнхелд в сопровождении графа Бурдела и лейтенанта Готье. Фарадей встретила жениха реверансом.

— Моя дорогая, — напыщенно сказал Борнхелд, помогая ей встать.

— Милорд, ты оказал мне большую честь, сделав мне предложение, — Фарадей произнесла фразу, позаимствованную у матери.

Но не леди Мерлион, а граф Айсенд взялся подыскать дочери жениха, остановив выбор на Борнхелде. Граф не был богат, но Фарадей имела собственное крупное состояние, унаследованное от деда, и Айсенд не без основания полагал, что это немаловажное обстоятельство прибавляет привлекательности его очаровательной дочери. И он не ошибся. Борнхелд, не долго думая, согласился на брак, нимало не заботясь о том, понравится ли сам Фарадей. Впрочем, он не сомневался в своих достоинствах.

— Это ты оказываешь мне честь, — ответил Борнхелд, слегка поклонившись.

Стоявший за спиной Борнхелда Готье улыбнулся. Столь куртуазная фраза была для герцога необычна. Борнхелд, не отличавшийся кротостью нрава, не только не церемонился с людьми рангом ниже, но и с равными по положению сплошь и рядом допускал вольности в обращении.

— Фарадей, — вступил в разговор граф Айсенд, — у герцога сейчас много дел, и потому нам лучше, не мешкая, приступить к церемонии.

Фарадей кивнула. Она еле стояла на подгибающихся ногах. Борнхелд взял Фарадей за руку и торжественно произнес:

— Я, Борнхелд, герцог Ихтарский, сын Сиэрласа, во имя Артора и пред его всевидящим оком в присутствии свидетелей обязуюсь взять в жены тебя, Фарадей, дочь графа Айсенда, и заявляю во всеуслышание, что обещание свое даю добровольно.

Выслушав Борнхелда, все взглянули на Фарадей. Лицо ее было мертвенно-бледно, губы дрожали. И все же она нашла в себе силы внятно повторить слова торжественного обета, запнувшись лишь в самом конце:

— ...и заявляю во всеуслышание, что обещание свое даю добровольно.

Снисходительно выслушав Фарадей, Борнхелд достал из кармана золотое кольцо с крупным рубином и надел его на безымянный палец левой руки невесты. Фарадей удивленно подняла брови: такого большого рубина она в жизни не видела.

— Какое великолепное кольцо, — восхитилась леди Мерлион.

Борнхелд самодовольно улыбнулся, неуклюже обнял Фарадей и поцеловал в губы. Фарадей содрогнулась. От герцога пахло потом и лошадьми.

— С нетерпением буду ждать дня нашей свадьбы, — сказал Борнхелд, стараясь вложить пылкость в свои слова. — Став моей женой, ты сделаешь меня счастливым человеком, а я сделаю тебя счастливой женщиной, — произнеся эту тираду (заранее подготовленную), Борнхелд самодовольно огляделся по сторонам.

К нему подошел граф Бурдел и дружелюбно похлопал его по плечу.

— Я стану охранять Фарадей, как ястреб. Можешь не беспокоиться, Борнхелд. Когда ты вернешься из Горкентауна, ты найдешь свою невесту точно такой же, какой оставляешь.

Фарадей в недоумении подняла глаза на отца. При чем здесь Бурдел?

— Моя дорогая, сейчас тревожные времена, — пояснил Айсенд. — У нас в Скарабосте небезопасно, а королевский двор — не для молоденькой девушки.

Фарадей сделала протестующее движение.

— Ты поживешь пока в Арсене, в доме графа Бурдела, — твердо продолжил Айсенд. — Граф поедет домой позднее, уладив свои дела, а ты вместе с матерью отправишься в путь завтра утром под охраной топорonosцев. Они направляются в Смиртон через Арсен. С вами поедет и леди Тэар. Она возвращается домой, так что в первой половине пути тебе будет повеселей. Топорonosцы поедут быстро, но вам с матерью не привыкать к быстрой езде.

Борнхелд казался довольным, хотя ему и претило, что Фарадей отправится в Арсен под охраной топорonosцев. Но отказаться от их услуг значило поставить себя в глупое положение. Кроме того, он нашел себе утешение: Аксис, глядя на Фарадей, станет ему завидовать. Богатая невеста не для него!

— Так ты согласна? — спросил Айсенд у дочери.

Противоречивые эмоции терзали и Фарадей. Она была довольна, что хотя бы на время избавится от общества Борнхелда, тяготилась необходимостью жить у чужих людей и вместе с тем испытывала смешанное чувство радости и смущения от мысли, что отправится в путешествие вместе с Аксисом.

— Разумное решение, — кратко ответила Фарадей с вымученной улыбкой, нисколько не сомневаясь, что к ней обратились из простого приличия. Граф Айсенд все решал сам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Прощание на рассвете

Аксис нетерпеливо расхаживал по двору, раздраженный медлительностью, с которой топорonosцы занимали место в строю, и крайне недовольный неслышанным распоряжением Брата-Наставника взять в поход женщин, обеспечив им полную безопасность. Его не утешало даже, казалось бы, приятное обстоятельство: среди навязанных ему женщин была и леди Тэар.

— Велиар! — крикнул Аксис, стараясь разглядеть в предрассветных сумерках среди скопления топорonosцев и лошадей своего лейтенанта.

— Я здесь, сэр, — откликнулся Велиар, выросший рядом с Аксисом словно из-под земли.

Это был высокий широкоплечий мужчина с загорелым лицом, копной рыжих волос и карими глубоко посаженными глазами. На нем была обычная форма топорonosцев: серая шерстяная туника, из-под которой выглядывал ворот-

ничок белой рубашки, кожаные брюки и высокие сапоги. Велиар был на семь-восемь лет старше Аксиса. Он имел большой боевой опыт, но никогда не стремился стать командиром воинов Сенешаля. Его устраивало, что тяжелое бремя ответственности за успех на поле сражения лежит не на нем.

— Почему до сих пор не все заняли строй? — спросил недовольно Аксис. — Пора выступать.

На лице Велиара не дрогнул ни один мускул. Раздражительность Аксиса была ему не в диковину.

— Строится последняя когорта, — невозмутимо произнес Велиар. — Остальные шесть в походном строю ожидают на улице.

— А где эти чертовы женщины?

— Эти чертовы женщины ждут, когда им приведут лошадей, — раздался за спиной Аксиса женский голос.

Боевой Топор повернулся. Боже праведный! Леди Тэар, а за ней целая группа женщин. Да откуда их столько взялось?

— Никак вы берете с собой горничных, прачек и швей? — спросил Аксис, сверкнув глазами. — Вы что, собираетесь у походных костров учить солдат рукоделию?

— Леди Мерлион, Фарадей и я не можем обойтись без служанок, — сухо ответила леди Тэар.

— Надеюсь, ваши служанки умеют ездить верхом, но если они сверзятся с лошади у первой канавы, вам придется продолжить путь без прислужниц, — сердито произнес Аксис и, круто развернувшись, пошел к солдатам.

— На него иногда находит, — извиняющимся тоном пояснил Велиар и, разведя руками, добавил: — Пойду распоряжусь, чтобы привели лошадей.

— Мне говорили, что у Аксиса улучшается настроение с первыми солнечными лучами, — улыбнувшись сказала Эмбет. — Уже светает. Ждать осталось недолго.

Леди Мерлион шутки не оценила.

— Ничего удивительного, что Приам не жалуется этого грубияна, — в сердцах сказала она, выругав в душе мужа, который, не вняв ее просьбе, даже не попытался найти более обходительных провожатых.

Фарадей нахмурила брови, но затем неожиданно прыснула, представив себе, как служанки одна за другой плюхаются в канаву, а Аксис проезжает мимо с гордо поднятой головой.

Мерлион одернула дочь укоризненным восклицанием. Фарадей смутилась, зато рассмеялась Эмбет, посчитав ситуацию не в меру комичной. Но тут привели лошадей, и она, уняв смех, игриво скомандовала: «Леди, по коням!» — после чего подала пример, первой вскочив в седло.

Села на лошадь и Фарадей. Оправляя юбку, увидела перед собой Борнхелда.

— Я пришел проводить тебя, дорогая, — сказал он, положив руку ей на колено.

Фарадей съежилась от смущения и стыда. Ей казалось, все глаза обращены на нее, да и Аксис вот-вот появится.

— Я стану считать дни до встречи с тобой, — поспешно произнесла Фарадей, понадеявшись, что Борнхелд оставит ее. Но нет, он вцепился ей в ногу, словно паука.

Сердце Фарадей болезненно сжалось: она увидела Аксиса. Он приближался, на этот раз верхом на коне. Это был Белагез, мощный, серый в яблоках жеребец, умный и быстрый, с нравом настоящего бойца.

— А, Борнхелд, — протянул, приблизившись, Аксис, не преминув обратить внимание на вольность своего единокровного брата и быстро сообразив, что рука Борнхелда покоится на колене дочери графа Айсенда, Фарадей, помолвка которой с престолонаследником взбудоражила весь королевский двор. Однако, к своему немалому удивлению, он узнал в дочери графа Айсенда ту самую девушку, которая бросала на него взгляды на именинах Приама. Глядя на Фарадей, Аксис заметил, что она словно окаменела, и в душе пожалел ее.

Увидев Аксиса, Борнхелд насмешливо произнес:

— Надеюсь, Боевой Топор, мои топорonoсцы не понесут больших потерь при переходе до Горкентауна.

Лицо Аксиса стало мрачнее грозовой тучи, но он сдержался и ответил не менее ядовито:

— Если ты и дальше станешь держаться за женскую юбку, то мои топорonoсцы тебе не понадобятся. Боюсь, у тебя даже не останется времени, чтобы напоить лошадь.

— Зря тревожишься, я за ней присмотрю, ведь теперь у меня кобыла из конюшни наместника Скарабоста. Такая чистокровная лошадь тебе и не снилась, — Борнхелд хлопал Фарадей по бедру и громко расхохотался, довольный собственным остроумием.

Фарадей побелела от гнева. Плохо соображая, что делает, она ударила лошадь ногой. От неожиданности лошадь заржала и шарахнулась в сторону, отшвырнув Борнхелда. Окинув герцога победоносно-мстительным взглядом, Фарадей, постаравшись вложить в свой голос сочувствие и тревогу, громко воскликнула:

— Борнхелд!

Однако герцог не пострадал, хотя и грохнулся на булыжники. Поднявшись на ноги и заметив, что Фарадей недоуменно разводит руками, он покровительственно сказал:

— Ничего страшного, дорогая. Когда мы поженимся, я научу тебя управлять конем, даже самым норовистым, — герцог решил, что виной всему лошадь.

Боевой Топор усмехнулся. Он один заметил реакцию униженной Фарадей и в душе похвалил строптивую девушку. Взглянув на извалявшегося в пыли Борнхелда, он насмешливо произнес:

— Когда вернешься из Горкентауна, попроси Фарадей научить тебя крепко стоять на ногах. Упавший на ровном месте солдат — жалкое зрелище.

Борнхелд переменился в лице и зло процедил:

— Жду тебя в Горкентауне.

Оставив за собой последнее слово, герцог подошел к Фарадей, похлопал ее по руке и, развернувшись, направился во дворец.

Приняв в перепалке сторону Аксиса, Фарадей все же неодобрительно повела головой, подивившись непримиримой вражде между братьями.

Во дворе появился Джейм.

— Счастливого пути, Боевой Топор, — сказал он, приблизившись к Аксису. — Постарайся найти ответы на все вопросы. И помни о своем обещании.

Аксис нахмурился. В холодных синих глазах блеснула молния и мгновенно потухла. На этот раз он быстро справился с раздражением, вызванным лишним напоминанием о необходимости подчинить топорonosцев ненавистному Борнхелду. Аксис приложил руку к груди, склонил голову. Затем, взглянув на Брата-Наставника, произнес:

— Широкой борозды, глубокой борозды, отец.

— Широкой и глубокой, — подхватил Джейм. — Да не оставит тебя Артор своей милостью, сын мой.

Аксис развернул боевого коня и во весь голос крикнул:

— Вы готовы, топорonosцы?

— Готовы следовать за тобой, Боевой Топор, — раздался дружных хор голосов, заполнивший своим громким звучанием не только дворцовый двор, но и близлежащие улицы.

— Тогда в путь! — провозгласил Аксис.

На этот раз ему ответил цокот двадцати тысяч копыт, поднявший с городских крыш потревоженных ястребов и орлов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

По равнине Тэар

Эмбет не раз приходилось слышать истории о невероятной выносливости воинов Сенешаля, но она искренне полагала, что все это досужие рассказы, придуманные самими топорноносцами, любителями прихвастнуть за кружкой доброго эля. Однако на пятый день перехода она поняла, что глубоко заблуждалась. Аксис вел колонну с рассвета и до позднего вечера без единого отдыха. Колонна состояла из трех с половиной тысяч всадников, трехсот вьючных лошадей и нескольких сотен коней, предназначенных для смены уставших.

Эмбет негодовала: к чему такая спешка? День-другой ничего не значит. Так нет же, изволь мучиться! Эмбет еле держалась в седле. Она видела, устали и Мерлион с Фаратей, а на служанок и вовсе было жалко смотреть, хотя ни одна из них, вопреки мрачному предсказанию Аксиса, не упала в подвернувшуюся канаву.

Эмбет оглянулась. Леди Мерлион выглядела угрюмой, видно, в очередной раз ругая в душе графа Айсенда, отправившего ее с дочерью в Арсен в сопровождении мужиковатых топороносцев, чей грубый неотесанный командир нисколько не считается с тем, что вместе с солдатами путешествуют женщины. Фарадей держалась в седле уверенней. Она заплела волосы в косу и сменила длинную амазонку на короткую юбку с разрезами и теперь сидела на лошади верхом, по-мужски. Увидев дочь в новом наряде, леди Мерлион пришла в ужас, но Фарадей быстро нашлась, ответив, что юбка с разрезами не бóльшая вольность, чем платье с глубоким вырезом.

Позади женщин ехал брат Гилберт. Он был, как всегда, задумчив. «Видимо, размышляет о данном ему поручении» — решила Эмбет, пожившись. Мысль о башне Безмолвной Женщины привела ее в трепет, но ненадолго: леди Тэар вспомнила об увязавшейся за людьми белой кошке. Эта кошка на каждом привале неотступно следовала за Аксисом, а утром всякий раз пропадала. Куда она девается днем? Верно, прячется средь поклажи какой-нибудь выючной лошади.

Эмбет придержала лошадь.

— В пятистах пейсах от нас ложбина, — сказала она, когда с ней поравнялись другие женщины. — Возможно, Боевой Топор вспомнит о нас и сделает в ложбине привал, — Эмбет посмотрела вперед. Вдали за вереницей топороносцев маячила спина Аксиса, сидевшего на сером в яблоках жеребце.

— Зря надеешься, — буркнула Мерлион. Ее волосы растрепались, а лицо приобрело бледно-землистый цвет. — Этот Боевой Топор с женщинами не считается.

Мои служанки настолько устают за день, что на привале от них почти никакого толку.

— Но мы же не на увеселительной прогулке, мама, — возразила Фарадей. — Боевой Топор ведет колонну походным маршем.

— Он мог бы вспомнить о женщинах, — в сердцах ответила Мерлион, — но нас он просто не замечает.

Действительно, Аксис словно забыл о женщинах и даже на привалах не уделял им внимания, то беседуя с офицерами, то перешучиваясь с солдатами у бивачных костров. Палатки женщин он обходил стороной, а сами женщины не смели отойти от своих убежищ: высокородные дамы — из чувства собственного достоинства, а служанки по более прозаичной причине — с них не спускала глаз Мерлион.

Разговор женщин прервал всадник, отделившийся от колонны и направлявшийся им навстречу.

— Тимозел! — радостно воскликнула Эмбет. За все пять дней путешествия она видела сына лишь мельком.

Тимозел улыбнулся матери, поклонился.

— Миледи, — обратился он к дамам, — надеюсь, путешествие доставляет вам удовольствие.

Фарадей улыбнулась и с интересом посмотрела на всадника. Это был юноша, года на два старше ее, широкий в плечах и узкий в бедрах, с круглой головой, изящно посаженной на крепкую мускулистую шею. Темно-голубые глаза, прямой открытый взгляд, каштановые кудри и стройная атлетическая фигура в ладно пригнанном, аккуратном костюме — все это не могло не привлечь внимания. Даже нос с горбинкой, казалось, его не портил. Несмотря на молодость, он уверенно держался в седле, а свисавшее с его пе-

ревязи оружие — меч и топор — придавало ему вид бывшего воина.

Заметив взгляд незнакомки, Тимозел расплылся в улыбке. Фарадей слегка покраснела и отвернулась.

Обмен взглядами не ускользнул от матери Тимозела, однако Эмбет лишь сочувственно улыбнулась, пожалев в душе Фарадей, которая, обручившись, не познала ни первой любви, ни сладостных томлений, свойственных молодости.

— Миледи, — продолжил радостно Тимозел, — я думаю, вам будет приятно услышать, что сегодня мы устроим привал раньше обычного. Невдалеке отсюда прекрасное место для отдыха с естественным укрытием и проточной водой. Боевой Топор доволен скоростью, с которой мы продвигаемся, и потому счел возможным дать отдохнуть людям и лошадям немного подольше.

— Никак у него пробудилась совесть, — буркнула Мерлион, поправляя волосы.

— Кроме того, Боевой Топор приглашает вас всех, миледи, на ужин. Он будет весьма польщен, если вы примете приглашение.

Тимозел передал приглашение Аксиса без тени смущения, хотя и догадывался о его подоплеке. От Тимозела не ускользнуло внимание, которое Аксис постоянно уделял его матери, и он с болью подозревал, что между ними существует любовная связь. Это подозрение угнетало его, и юноша уже не мог относиться к Аксису с прежним восторгом и почитанием.

Выслушав сына и придя к мысли, что Тимозел по собственному почину облек приглашение Аксиса в изящную форму, Эмбет вопросительно посмотрела на Мерлион. Та была старше, и ей одной полагалось принять решение.

— Пожалуйста, мама, — просительно произнесла Фарадей. — Вечерами так скучно. Почему бы нам не развлечься? Нам компанию, наверно, составит и Тимозел.

— С большим удовольствием, миледи, — юноша поклонился.

Хорошие манеры и обходительность Тимозела произвели на Мерлион благоприятное впечатление. В компании с ним можно приятно провести время. Без мужчин, действительно, скучно. Нудного брата Гилберта, который иногда подсаживался к женщинам у костра, леди Мерлион в расчет не брала.

— Ну что же, — сказала она, немного подумав, — раз Боевой Топор проявляет любезность, мы принимаем его приглашение и будем рады отужинать вместе с ним.

Вокруг костра у палатки Аксиса, кроме самого устроителя вечеринки и приглашенных им дам, сидели Велиар, Тимозел и Гилберт, и таким образом в лучших традициях великосветских приемов число мужчин превышало количество женщин.

Аксис пребывал в отличном расположении духа: топоросцы не подкачали, они двигались по маршруту даже быстрее, чем он планировал.

С ужином, скромным, но сытным, было покончено, и теперь у костра непринужденно велась беседа, в которой кавалеры (за исключением Гилберта) старались блеснуть остроумием, а дамы — меткими замечаниями. Аксис время от времени бросал взгляды на Фарадей, которая сидела, обхватив руками колени, и казалась самой внимательной слушательницей. Вот и сейчас она с восторженным выражением на лице слушала Тимозела, пустившегося рассказывать

забавный случай из жизни топорonosцев, приукрашенный анекдотическими подробностями. Когда Тимозел закончил рассказ, сопровождавшийся смехом и удивленными восклицаниями доверчивых женщин, Аксис снова перевел взгляд на девушку и, стараясь выглядеть равнодушным, спокойно сказал:

— Миледи Фарадей, хотя мы познакомились только в походе, у меня ощущение, что мы где-то раньше встречались, — вряд ли эта фраза была невинной. Аксис отлично помнил, какими глазами смотрела на него девушка на именинах Приама.

— В самом деле? — протянула неуверенно Фарадей и запнулась. Она не знала, как обращаться к Аксису. Обращение «Боевой Топор» казалось слишком официальным и неуместным, «Аксис» — неестественно фамильярным, а «милорд» — явно сомнительным, хотя в Аксисе и текла королевская кровь, он был незаконнорожденным.

Помолчав, Фарадей продолжила:

— Ты, вероятно, видел меня на именинах Приама. Должна признаться, я вела себя неприлично, чуть ли не пожирая тебя глазами. В Скарабосте о топорonosцах ходят легенды, и я давно мечтала увидеть воина Сенешаля воочию. Естественно, я не могла оторвать глаз от тебя, когда мне сказали, что ты сам Боевой Топор. Прошу прощения за свои плохие манеры, сын Ривки.

Воцарилось молчание. Все почувствовали неловкость. Эмбет поежилась. Еще никто, обращаясь к Аксису, не называл его «сыном Ривки». Все знали о болезненном самолюбии Аксиса и, имея с ним дело, никогда не касались темы, задевающей его честь. Исключение составлял один Борнхелд.

Фарадей выглядела смущенной, видимо, придя к мысли, что допустила оплошность, и Эмбет справедливо сочла, что девушка не хотела обидеть Аксиса.

Ошеломлен был и Аксис. Его лицо стало багровым, а вены на лбу вздулись. В то же время было заметно, что он растерян, верно, не в силах определить, насмеются над ним или нет.

Затянувшееся молчание прервала Фарадей:

— Я слышала, Аксис, что Ривка была замечательной женщиной. Такой матерью ты можешь гордиться. Я также уверена, что если бы Ривка была жива, она бы гордилась тобой.

Эмбет закусила губу. За долгие годы знакомства с Аксисом она ни разу не заводила с ним разговор о Ривке, о женщине, которая дала ему жизнь, а тут — на тебе! — совсем молодая девушка, да еще впервые говорившая с Аксисом, нашла сразу те единственные слова, которые он всегда жаждал услышать.

Лицо Аксиса просветлело.

— Спасибо, Фарадей. О моей матери редко хорошо отзываются.

Девушка улыбнулась Аксису. Их глаза встретились.

Эмбет нахмурилась. Если Аксис и Фарадей увлекутся друг другом, последствия будут ужасными: расторгнутая помолвка, грандиозный скандал, обострение и без того неприязненных отношений между Борнхелдом и Аксисом, а может, и поединок между единоутробными братьями. Эмбет содрогнулась всем телом. Надо поговорить с Фарадей и как можно скорее, а пока стоит разрядить обстановку.

— Аксис, может, ты доставишь нам удовольствие и сыграешь на арфе, а Тимозел подыграет тебе на лютне? — выдавив из себя улыбку, спросила Эмбет.

Заметив кивок Аксиса, Тимозел шутливо сказал:

— Только в том случае, если дамы споют.

Дамы заулыбались, и вскоре раздалось пение под аккомпанемент арфы и лютни.

Гилберт, промолчавший весь вечер, не сводил глаз с Фарадей и Аксиса. Он выполнял поручение Брата-Наставника: собирать любую интересную информацию. Гилберт был, как всегда, пунктуален и исполнитель.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Незапертая дверь

Два дня спустя колонна, ведомая Аксисом, подошла к городской стене Тэара, небольшого городка в провинции Тарантез, находившейся на юге Ахара и управлявшейся бароном Гревиллом. Эта провинция была самой бедной в Ахаре. Тощие почвы были мало пригодны для земледелия, и ввоз продуктов питания был неизменной заботой барона Гревилла.

Когда Эмбет вышла замуж за Ганелона, правителя Тэара, и переехала в этот город, то посчитала его редкостным захолустьем, но за двадцать лет жизни в Тэаре она полюбила этот маленький дремлющий городок, в котором выросли ее сыновья.

Никогда еще к Тэару не подходило такое большое войско, и когда разнеслась весть о его приближении, все жители города, переключаясь со двора в двор, насккивая друг на друга и оглашая воздух удивленными криками, устреми-

лись на городскую стену, чтобы поприветствовать воинов Сенешаля и потолковать меж собой о необычайном событии, которое не только скрасит их монотонную жизнь, но и пополнит, хотя бы ненамного, карманы.

Подойдя к городской стене, колонна остановилась, и топорonoсцы принялись разбивать лагерь, в свою очередь приветствуя жителей города, среди которых наметанный глаз заметил немало местных красоток.

Леди Мерлион, Фарадей, Гилберт, Аксис и Велиар получили приглашение леди Тэар поселиться у нее в замке. К ним присоединился и Тимозел, которому Аксис разрешил оставить на время топорonoсцев и провести дни пребывания в Тэаре под крышей родного дома. Впрочем, в Тэаре Аксис не собирался долго задерживаться. Три дня, не больше. За это время топорonoсцам надлежало починить снаряжение, набраться сил для дальнейшего перехода и немного развлечься в городе.

Замок леди Тэар стоял на холме в центре города и представлял собой просторное здание, в котором с удобствами разместились не только благородные дамы со своими служанками, но и Гилберт, Аксис и Велиар. Тимозел обосновался в собственной комнате, которая давно пустовала, ожидая хозяина. Двое других детей леди Тэар — близнецы, брат и сестра — остались в столице, чтобы освоиться при дворе.

Эмбет хотела поговорить с Фарадей, но тщетно. Девушка находилась под постоянным надзором матери, посчитавшей своим святым долгом подготовить ее к замужеству, и Фарадей часами выслушивала скучные наставления, касавшиеся обязанностей герцогини Ихтарской. Кроме того, Мерлион составила три длинных списка, перечислив в одном

главных сановников королевства, включая их близких и дальних родственников, в другом — вассалов и главных арендаторов Борнхелда, а в третьем — доверенных слуг, заведовавших хозяйством в домах герцога в Хсингарде и Сигхолте. Все эти списки Фарадей должна была выучить наизусть.

В последнюю ночь пребывания в Тэаре Фарадей сидела в постели, печально смотря в окно, за которым, освещаемые луной, пробегали сизые облака. Ее сердце раздирала тоска, смешанная с чувством необходимости исполнить свой долг. Да, ей нравится больше Аксис, но это увлечение может стать роковым. Конечно, Аксис интереснее Борнхелда. Не о таком ли герое она мечтала в свои длинные бессонные ночи? Но и Борнхелд не последний человек в королевстве. Он богат, наместник самой большой провинции, главнокомандующий армией, престолонаследник. Ее родители обомлели от счастья, найдя ей столь завидного жениха.

Фарадей почувствовала угрызения совести. Напрасно она вспылила, когда Борнхелд провожал ее. Он и не думал нанести ей обиду. Наоборот, проявил внимание. Что она знает о нем? Он остался без матери в раннем детстве. Отсутствие материнской ласки — вот что, несомненно, сказалось на его воспитании. Не оттого ли грубость и вспыльчивость? Да и Сиэрлас, так больше и не женившийся, умер, когда Борнхелду было только четырнадцать, и тому, по существу, еще мальчику, пришлось взвалить на себя нелегкие обязанности управления герцогством. Поневоле в таком положении огрубеешь. Может, ласковая заботливая жена умиротворит Борнхелда? Фарадей представила, как через год после свадьбы все еще задиристый Борнхелд постепенно у-

рачивает свои предосудительные замашки и становится милым, обходительным человеком, с которым приятно поговорить. Может, она и есть та самая женщина, которой суждено перевоспитать Борнхелда и направить его неиссякаемую энергию в полезное русло?

Интересно, а что чувствовала перед замужеством Эмбет? Возможно, ее тоже одолевали сомнения. Она вышла замуж еще более молодой. Надо поговорить с ней. Уже поздно, но, может, она еще не легла.

Придя к этой мысли, Фарадей поднялась с постели и, накинув на плечи шаль, выскользнула из комнаты в коридор. Кромешная темнота! Найдя рукой стену, Фарадей стала ощупью пробираться по коридору к комнате Эмбет. Девушка была босиком, и там, где пол не был устлан ковром, холодные плиты жгли ноги. Проходя мимо комнаты матери, Фарадей затаила дыхание. Из-за дверей не доносилось ни звука. Спит! Фарадей вспомнила списки с почти ничего не говорящими именами. Какое ей сейчас дело до кузин и кузенов королевских сановников! Лучше бы ей рассказали о том, чего ждет муж от жены.

Но вот и комната Эмбет. Между дверью и косяком пробивалась полоска света. Фарадей облегченно вздохнула: Эмбет не спит. Фарадей слегка постучала в дверь. Прислушалась. Постучала снова. Из-за двери послышался тихий голос. Решив, что ей разрешают войти, Фарадей проскользнула в комнату. Ее встретил недоуменный взгляд Эмбет, сидевшей в пеньюаре на стуле рядом с кроватью.

— Извини, Эмбет, что я так поздно, но я хотела спросить... — начала Фарадей и чуть не прикусила язык: в стороне у камина стоял обнаженный Аксис.

Фарадей растерялась. Не зная, что делать и говорить, она потерянно смотрела на Эмбет, теребя рукой шаль.

— Фарадей... — Эмбет поднялась на ноги.

Фарадей вздрогнула, встрепелась и со слезами на глазах бросилась в коридор.

— Подожди меня здесь, — сказала Эмбет окаменевшему Аксису. — Я скоро вернусь.

Эмбет поспешила следом за Фарадей, надеясь, что та не закроет дверь на щеколду. Остановить ее возгласом она не решалась, боясь, что подымет на ноги Мерлион. К счастью, дверь в комнату Фарадей оказалась незапертой. Девушка лежала в постели и, закрыв руками лицо, сотрясалась от рыданий.

— Фарадей, — тихо позвала Эмбет, сев на стул у изголовья кровати.

Девушка отняла руки от заплаканного лица.

— Извини меня, Эмбет, — сказала она дрожащим от волнения голосом. — Я не предполагала...

— Да ничего страшного, Фарадей. Не кори себя. Мы сами с Аксисом виноваты: не заперли дверь.

Фарадей тяжело вздохнула.

— А вы давно... — она замолчала, не сумев подобрать слов для вопроса.

— Около трех лет. Мы с Аксисом долгое время были просто друзьями, а потом вышло так, что стали любовниками, но мы друг в друга не влюблены. Ты понимаешь меня?

Фарадей кивнула, вытерев рукой слезы.

— Полагаю, что да, но у меня нет никакого опыта.

— Для начала запомни правило: не входить ночью в чужую спальню, даже если считаешь, что там нет постороннего.

Фарадей улыбнулась.

— Меня этому не учили.

— Тебе еще многое надо познать, дорогая, — ответила Эмбет, похлопав Фарадей по руке. — А о чем ты хотела спросить меня?

— Можно я сначала спрошу о другом? — Эмбет кивнула. — Скажи, у замужних женщин тоже бывают любовники?

Эмбет задумалась. Надо проявить осторожность. Замужние женщины изменяют мужьям не реже, чем мужья женам, но стоит ли разочаровывать Фарадей в супружеской жизни?

— Замужние женщины обычно верны мужьям, любовники — удел вдов, — наконец ответила Эмбет, надеясь, что Артор простит ей ложь во спасение.

— Значит, когда Ганелон был жив, Аксис не был твоим любовником?

Эмбет покачала головой.

— Нет, это случилось позже. Супружеский долг превыше всего. Когда я выйду замуж повторно, у меня не будет любовников, — на этот раз Эмбет сочла, что не покривила душой.

Фарадей согласно кивнула.

— Я хотела спросить тебя, — сказала она, — что ты ощущала перед замужеством.

— Тебя одолевают сомнения?

— Я не знаю...

— Конечно, преодолевают. В этом нет ничего удивительного: впереди новая, незнакомая жизнь. Но, Фарадей, твои родители уже подписали брачный контракт, да и ты дала слово стать женой Борнхелда по доброй воле в присутствии свидетелей, пред всевидящим оком Артора. У тебя нет путей к отступлению.

— Я знаю, Эмбет. Но вдруг мы не будем счастливы.

— Фарадей, когда ты выйдешь замуж, у тебя появится много новых обязанностей: заботиться о муже, вести хозяйство, воспитывать детей. Если придет любовь, хорошо. Но в любом случае ты должна уважать мужа, беречь его честь. Ты станешь герцогиней Ихтарской, а впоследствии, может, и королевой. У тебя появятся обязательства не только перед семьей, но и перед многими другими людьми. Ты говоришь о счастье? — Эмбет пожала плечами. — Счастье — не главное. Главное, чтобы супруги уважали друг друга и выполняли свои обязанности. Так что забудь о романтических бреднях и думай о супружеском долге.

— Я поняла, Эмбет, — тоскливо ответила Фарадей. — А скажи, ты была счастлива с Ганелоном?

Глаза Эмбет слегка затуманились.

— Ганелон был заботливым мужем, уважал меня. Выходя замуж, я не была в него влюблена и полагала, что в браке буду несчастлива. Но с годами я не только привыкла к мужу, но и полюбила его. У нас родились три сына. Ганелон погиб на охоте: его растерзал кабан, — Эмбет не сказала, что сама чуть не умерла с горя, когда слуга — весь в крови — принес страшную весть.

Фарадей задумалась. Похожий случай. Возможно, и она не только привыкнет к мужу, но и полюбит его. Надо только набраться терпения и стать верной заботливой женой.

— Спасибо, Эмбет. Я довольна, что поговорила с тобой.

— Артор вознаграждает тех, кто верен своему долгу, — сказала Эмбет. — А теперь спи, завтра рано вставать.

Когда Эмбет вернулась к себе, Аксиса в спальне не было. Она приуныла. После того, как в памяти всплыли счастливые дни замужества, ей не хотелось оставаться одной. Если бы Фарадей была помолвлена с человеком, похожим на Ганелона, за нее можно было бы не тревожиться. Но Борнхелд не чета Ганелону.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

У леса Безмолвной Женщины

Переход из Тэара до леса Безмолвной Женщины занял пять дней. Наступил месяц Обнаженных Деревьев, и погода резко ухудшилась. Небо заволокло свинцовыми облаками, и все пять дней путешествия всадники мокли под нудным морозящим дождем, что не могло не сказаться на настроении женщин, теперь угрюмых и молчаливых. Впрочем, Мерлион отыскала себе отдушину, принявшись снова честить в душе графа Айсенда, отправившего ее с дочерью в Арсен в сопровождении жестокосердных топорonoсцев. Фарадей ругать было некого, и она просто думала о своем, печально взирая на окружавшую путешественников равнину, поросшую чахлой травой и низкорослым кустарником. Иногда к дамам подъезжал Тимозел, пытаясь развеселить их анекдотическими историями, но все его усилия вызывали лишь натянутые улыбки.

Дождь прекратился лишь к вечеру пятого дня перехода, когда под все еще мрачным небом на линии горизонта показалась темная полоса леса Безмолвной Женщины.

— Вряд ли Артор доволен, что этот лес остался в целости и сохранности, — сказал Велиар, поравнявшись с Аксисом.

Аксис кивнул. Он лишь однажды бывал в этих краях, да и то объехал лес стороной, предпочтя сделать крюк, чтобы добраться до цели.

— Мы разобьем лагерь в пятистах пейсах от леса, — ответил Аксис. — Если остановиться ближе, без кошмарных снов ночью не обойтись. В лес войдем утром.

— Всеми силами? — спросил Велиар, с тревогой глядя на видневшуюся вдали чащобу.

Боевой Топор улыбнулся.

— Чтобы выполнить поручение Брата-Наставника, достаточно четверых. Я сам возглавлю четверку. Со мной отправятся Гилберт, Тимозел и кто-нибудь из командиров когорт. Пожалуй, Арн. Ты останешься в лагере за меня.

— Как прикажешь, — ответил Велиар, облегченно вздохнув.

С того места, где топорonoсцы разбили лагерь, лес выглядел еще более мрачным и неприступным. Впереди была сплошная стена высоких сучковатых деревьев с переплетенными ветками и, казалось, в лесу стоит кромешная темнота. Из леса доносились странные звуки: треск, хруст и даже невнятный шепот, как будто деревья шушукались, осуждая появление незваных пришельцев. Топорonoсцы старались не смотреть в сторону леса и, разбив

лагерь, в ожидании ужина молча приводили в порядок свое нехитрое снаряжение.

Таинственный лес внушал тревогу и Фарадей. Заметив, что Аксис и Гилберт смотрят в сторону леса и о чем-то беседуют, она рискнула вмешаться в их разговор и, подойдя к ним, сказала дрожащим голосом:

— Ничего страшнее в жизни не видела. По-моему, в этой чащобе могут жить одни демоны.

Успокоить девушку взялся Гилберт.

— Лес Безмолвной Женщины под присмотром религиозного братства. Беспокоиться не о чем: Артор с нами.

— Всегда и везде, — машинально продолжила Фарадей и посмотрела на Аксиса. — И ты отправишься в этот лес?

— Мне надо выполнить поручение Брата-Наставника, — ответил Аксис, не отрывая взгляда от леса. — Там живут наши братья.

Фарадей повернулась к Гилберту.

— А почему этот лес называли «лесом Безмолвной Женщины»?

— Чтобы дать понять любопытным, что среди женщин встречаются приятные исключения, — ответил Аксис, опередив Гилберта.

— Если я помешала, прошу извинить меня, — с трудом сдержав возмущение, произнесла Фарадей и поспешила к своей палатке.

Крутившаяся у нее под ногами белая кошка побежала за ней.

Ночь выдалась беспокойной. Топороносцы спали тревожно, многие из них просыпались в холодном поту и что-

бы снова не оказаться во власти ужасающих сновидений, вылезали из палаток и подсаживались к кострам, у которых бодрствовала охрана.

Аксис и вовсе думал, что не заснет в эту ночь: поручение Брата-Наставника не давало ему покоя. Он долго ворочался с боку на бок, но глаза его стали постепенно слипаться, и он погрузился в тяжелое забытие.

Аксис почувствовал, что он лежит на земле, связанный по рукам и ногам. Кругом царил полумрак, в котором перемещались причудливые расплывчатые тени. Они сбивались вместе, сгущались. И этот зловеющий сонм медленно, но неуклонно надвигался на Аксиса. Он попытался освободиться от пут. Тщетно! Вертвжки только сильнее впились в запястья и щиколотки.

Но вот от скопища наступавших теней отделилась одна, принявшая очертания человека. Аксис покрылся холодным потом, его дыхание сбилось.

— Нет, ты не мой отец, — с трудом выдавил он.

Призрак остановился, недоуменно глядя на Аксиса.

— Кто ты? — прошептал Аксис.

— Кто ты? Кто ты? — подхватило эхо зловеющим шепотом, казалось, отражаясь от темноты.

Внезапно Аксис почувствовал, что путы исчезли. Он поднялся на ноги, огляделся. Кругом жуткие зловеющие призраки.

— Мы не знаем, кто он и откуда пришел, — раздалось со всех сторон приглушенные голоса. — Зачем он явился сюда? Как отыскал дорогу?

— Кто вы такие? — с ужасом в голосе спросил Аксис.

— Мы те, кто мы есть. Мы здесь испокон веков. А ты кто?

— Я Аксис, сын Ривки, Боевой Топор, командир топороносцев.

Призраки пришли в возбуждение. Недоумение сменилось злобой и ненавистью. Аксис сжал кулаки, готовясь отразить нападение.

— Убирайся прочь, Аксис, сын Ривки, Боевой Топор, командир топороносцев! — раздался хор голосов, исполненных негодованием и угрозой. — Убирайся туда, откуда пришел. Тебя никто не звал.

Неожиданно в глаза Аксису брызнул свет. Он зажмурился. Привыкнув к свету, огляделся по сторонам. Он стоял посреди поляны, окруженной кольцом деревьев, за которыми двигались мрачные тени, исчезающие за стволами и вновь появлявшиеся в полосе света. Но не они привлекли внимание Аксиса. Он остановил взгляд на диковинном существе с туловищем взрослого человека и головой оленя с огромными развесистыми рогами. Человек-олень стоял на краю поляны, держа в руке горящий светильник.

— Убирайся! — оскалив зубы и гневно сверкнув глазами, крикнул он во все горло.

Аксис издал душераздирающий крик и проснулся. Он сел на походном матрасе, прислушался. Не всполошил ли он своим криком топороносцев? Только этого не хватало. Но нет, в проеме палатки виднелись люди, сидящие у костра. Никто из них не повернул головы. Аксис закрыл руками лицо. Когда же прекратятся ужасные сновидения? Внезапно он вздрогнул, почувствовал чье-то прикосновение. Открыл глаза: кошка. Аксис придвинул кошку к себе и вытянулся на своем ложе. На этот раз он быстро заснул и спал крепко. Его разбудил Велиар, когда над горизонтом поднялось солнце.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Котел-озеро

Позавтракав, пятеро всадников отправились к лесу Безмолвной Женщины. Аксиса, Гилберта, Арна и Тимозела провожал Велиар. У леса, с трудом отыскав дорогу, всадники встали.

— Дорога слишком узка, вам придется ехать цепочкой, — определил Велиар.

Аксис бросил озабоченный взгляд на дорогу, узкую, заросшую травой ленту, уходившую в полумрак, а затем угрюмо спросил:

— Далеко ли до башни, Гилберт?

— Я не знаю, — Гилберт смутился.

— А где находится башня?

— Наверно, в конце дороги.

— Наверно? — вознегодовал Велиар. — В башне живут монахи, а ты, советник Брата-Наставника, не знаешь

туда дорогу! Хороши же твои познания. На кой черт ты с нами поехал?

— Его послал Брат-Наставник, — миролюбиво произнес Аксис. — Не станем осуждать Гилберта. Думаю, башня и впрямь в конце этой дороги.

— Мы давно не имели связи с людьми из башни, — добавил Гилберт, оправдываясь.

Аксис нахмурился.

— Джейм собирался послать верхового, чтобы предупредить монахов о нашем приезде.

— Брат-Наставник действительно послал верхового в башню, но только этот посыльный не вернулся обратно, — мрачно пояснил Гилберт.

Всадники тревожно переглянулись. Тимозел и Арн положили руку на топоры.

Аксис перевел взгляд на Гилберта.

— А когда ты или Джейм в последний раз видел этих монахов?

Гилберт отвел глаза в сторону и нехотя буркнул:

— Тридцать девять лет назад.

— Тридцать девять лет назад? — удивленно воскликнул Аксис. — Тогда откуда известно, что монахи все еще в башне? Джейм говорил мне о брате Огдене, нисколько не сомневаясь, что мы увидимся с ним. Откуда он знает, что Огден все еще исполняет свои обязанности?

— Брат-Наставник, видно, решил, что монахи чрезвычайно живучи, — усмехнувшись, произнес Арн, высокий молодой человек с суровым лицом и темными волосами.

Гилберт натянуто улыбнулся.

— Монахи малообщительны, — пробормотал он.

Аксис задумался. Почему Джейм ничего не сказал о том, что уже много лет не имеет вестей из башни Безмолвной Женщины? Не найдя тому разумного объяснения, Аксис недоуменно пожал плечами и обратился к своему лейтенанту:

— Велиар, если мы не вернемся через три дня, пошли к башне отряд. Если и отряд не вернется через три дня, снимай лагерь и возвращайся в Карлон. Передай Джейму, что если хочет, пусть отправляется в башню сам, а если он такого желания не изъявит, то может отправиться в Горкентаун, чтобы выяснить самому, кто нападает на севере на наших людей.

Велиар кивнул и подал коня назад.

— Да хранит вас всех Артор! — сказал он на прощание.

— Всегда и везде! — ответил хор голосов.

— Арн, Тимозел, вы готовы? — спросил Боевой Топор. Те кивнули. Аксис перевел взгляд на Гилберта. — Брат Гилберт, поезжай впереди. Твои молитвы уберегут нас от демонов. Тимозел, следуй за мной. Арн, поедешь последним. Вы готовы, топорonosцы?

— Мы готовы следовать за тобой, Боевой Топор, — ответили в один голос топорonosцы.

— Тогда вперед! — скомандовал Аксис и пришпорил коня.

Велиар проводил отряд взглядом. Когда последний всадник исчез под пологом леса, он повернул коня и медленно поехал обратно. На полпути в лагерь он увидел одиноко стоявшую Фарадей. Девушка не сводила глаз с леса.

Углубившись в лес, топорonosцы обнажили мечи на случай внезапного нападения, если молитва Гилберта не

поможет. Дорогу заволокла тьма. Аксис посмотрел вверх. Деревья сомкнулись, и лишь самые верхние ветки филигранным узором сквозили на фоне странного серебристого цвета. Стояла глубокая тишина: ни крика птицы, ни шелеста листьев, в воздухе не чувствовалось ни малейшего дыхания ветра. Неожиданно тишину прорезал крик Тимозела:

— Боевой Топор!

Аксис оглянулся. Тимозел сползал с лошади.

— Мой топор! — крикнул он и грохнулся оземь.

Внезапно Аксис почувствовал, что и его тянет вниз. Казалось, чья-то чудовищная рука схватилась за висящий на перевязи топор, стараясь сорвать оружие. Аксис ухватился за луку седла. Не помогло. Последовали яростные рывки, и он свалился на землю. Топор потянуло дальше. Аксис освободился от перевязи, вскочил на ноги.

Невдалеке Тимозел, а чуть дальше и Арн, стараясь ухватиться за ближайшее дерево, сопротивлялись неведомой силе, тащившей их по земле за топор.

— Освободитесь от перевязи! — крикнул Аксис и побежал к Тимозелу.

Внезапно земля начала расступаться, и Тимозел стал проваливаться в образовавшуюся воронку, увлекаемый все той же таинственной силой, теперь тянувшей топор под землю. Аксис склонился над Тимозелом, распустил ему перевязь и, потянув за руки, вытащил на ровное место. Топор скрылся в воронке, земля сомкнулась. Арн освободился от топора сам.

— Артор спас нас, — сказал он, тяжело дыша.

Наступило молчание. Все трое с трудом переводили дыхание, дико озираясь по сторонам. Их руки тряслись, а лица

были мертвенно бледны. Что за чертово место! Как сражаться с противником, если земля разверзается под ногами?

— Интересно, был ли топор у того верхового, которого Джейм послал в башню? — наконец сказал Тимозел. — Если был, то, верно, он от него вовремя не избавился.

— Возможно, не один он погиб в этом лесу, — глухо проговорил Аксис. — Однако не станем мешкать. Поехали дальше. Что до меня, я себя чувствую гораздо увереннее, когда подо мной Белагез.

Едва топорonoсцы вскочили в седла, вернулся Гилберт.

— Что случилось? — спросил он с тревогой. — Почему вы остановились?

— Нас чуть не утащило под землю, — ответил Аксис и вкратце рассказал Гилберту о случившемся.

Отряд двинулся дальше. Всем было не по себе. Даже треск сухой ветки под копытами лошади заставлял каждого вздрагивать и тревожно оглядываться. Топорonoсцы не выпускали из рук мечи.

Через восемь часов пути дорога пошла под уклон, стала скользкой, и всадникам пришлось придерживать лошадей. Еще часом позже Гилберт, по-прежнему ехавший впереди, оглянулся и крикнул:

— Боевой Топор, впереди вода.

Аксис приподнялся на стременах.

— Похоже, что это озеро, — предположил он. — Возможно, башня на его берегу.

— Если только и она не провалилась под землю, — пробормотал Тимозел.

Близился вечер, и Аксис со страхом думал о том, что не исключена вероятность провести ночь в лесу.

Между тем дорога расширилась, и всадники, к немалому удовлетворению Гилберта, поехали в ряд. Но вот лес стал редеть, а дорога резко пошла под гору.

— Внизу действительно озеро, — со вздохом облегчения сказал Аксис.

Всадники осторожно спустились к воде. Их взорам представало круглое озеро со странной, золотистого цвета водой, освещенной косыми лучами заходящего солнца.

Аксис взглянул на Гилберта.

— Ты слышал об этом озере?

Гилберт покачал головой.

— Должно быть, это озеро заколдовано, — хмуро предположил Аксис. — Вода не бывает такого цвета.

— Может, это вовсе и не вода, — добавил в тон ему Тимозел.

— Посмотрите! — внезапно воскликнул Арн. — На том берегу башня, — он повернулся немного в сторону и вытянул перед собой меч.

Действительно, на другом берегу странного озера стояла высокая круглая башня, сложенная из светло-желтого камня. Кое-где виднелись узкие окна, но ни одно из них не светило.

— Выходит, мы добрались до цели, — воодушевленно произнес Аксис. — Поспешим, скоро стемнеет.

Когда отряд обогнул озеро и подошел к башне, солнце село за лес. Теперь башня казалась мрачной, неимоверно огромной, и во всей этой темной массе не видно было ни огонька, а изнутри не доносилось ни звука. Аксису показалось, что в этой громаде, в ее безмолвии таится что-то злое, но не поворачивать же обратно. Аксис подъехал к обитой железом двери — ни колокола, ни молотка. Пожав

плечами, он постучал в дверь рукояткой меча. Никто не ответил. Стояла полная тишина, будто в башне все вымерли.

— Откройте во имя Артора! — крикнул Аксис.

Не помог и крик. За дверью по-прежнему было тихо. Аксис замолотил в дверь кулаком. Неожиданно в двери отворилось маленькое окошко.

— Кто здесь? — раздался скрипучий голос.

Аксис наклонился к окошку.

— Я — Боевой Топор, командир воинов Сенешаля. Со мной топорonosцы, Арн и Тимозел, а также брат Гилберт, советник Джейма, Брата-Наставника.

В окошечке показались чьи-то глаза. Они забежали из стороны в сторону и исчезли.

— Вы не те, за кого себя выдаете, — проскрипел тот же голос. Окошко захлопнулось.

Аксис снова замолотил в дверь.

— Откройте! Именем Сенешаля, откройте!

Отворилось снова только окошко.

— Ты не Боевой Топор, — донеслось из-за двери. — Боевой Топор — Фингус. А тот человек, что рядом с тобой, не советник Брата-Наставника.

Окошко опять захлопнулось.

Аксис почувствовал раздражение. Эти монахи и в самом деле давно потеряли связь с Сенешалем. Фингус был Боевым Топором несколько десятилетий назад.

Аксис снова застучал в дверь. Ответом послужил гневный возглас:

— Убирайтесь!

— Нам негде ночевать, мы устали и голодны, — произнес Аксис в отчаянии. — Пожалуйста, пустите нас в башню.

На этот раз его слова возымели действие. Застучали задвижки, и дверь отворилась.

Перед всадниками предстал седовласый маленький кругленький человечек лет семидесяти с пухлыми щечками, носом-пуговкой, невыразительным ртом и блекло-голубыми глазами.

— Вам следовало сразу сказать, что вы нуждаетесь в крове, — раздраженно произнес он. — Входите, входите.

Всадники спешили, привязали коней к железным кольцам, вделанным в стену башни, и вошли в помещение. Позади застучали задвижки, ухнул засов.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В башне Безмолвной Женщины

Войдя в башню, Аксис, Арн, Тимозел и Гилберт оказались в большой круглой комнате, пол которой был наполовину завален на вид пустыми коробками, а вся обстановка состояла из шкафа, изогнутого по контуру башни и заслонявшего часть стены и грубо сколоченного стола, стоявшего у камина, в котором весело потрескивали дрова, освещающая комнату мутным светом. В верхние этажи башни вела винтовая лестница, еле видная в полумраке.

Оглядевшись, Аксис перевел взгляд на монаха.

— Ты брат Огден?

Монах кивнул.

— Брат Огден, меня зовут Аксис. Я — Боевой Топор, командир воинов Сенешалья. Не удивляйся, это действительно так. Вы, живущие в этой башне, давно порвали связь с внешним миром. За те тридцать девять лет, что вы здесь живете, многое изменилось. Фингус умер, и теперь

топороносцами командую я. Король Карел тоже сошел в могилу. Сейчас на троне Приам.

— Я помню его сопливым мальчишкой, — задумчиво проговорил Огден. — Да, время неумолимо. А Братом-Наставником Сенешаля, выходит, стал Джейм. Я правильно понял тебя?

Теперь кивнул Аксис.

— Совсем неплохо для деревенского паренька, — рассудительно продолжил монах. — Верно, став священником при дворе, Джейм сумел обзавестись влиятельными друзьями. Как бы иначе он стал Братом-Наставником? — высказав это категорическое суждение, он выдвинул из-под стола пару запыленных скамеек и, улыбнувшись, продолжил: — Садитесь, садитесь. Мы сейчас вместе поужинаем, а потом расскажем, зачем приехали в башню, — Огден повернулся к винтовой лестнице и вдруг прогремел раскатистым басом, никак не сообразовавшимся с его внешними данными: — Веремунд!

Гилберт, собиравшийся сесть, вздрогнул от неожиданности и сел бы мимо скамейки, если бы его не поймал за руку Тимозел.

— Веремунд! — снова прогремел Огден.

Крик Огдена мог не услышать только глухой, и вскоре на лестнице появился брат Веремунд. Держа в руке плошку с горящим маслом, он осторожно спускался вниз, опустив на грудь голову и бормоча что-то себе под нос.

Веремунд, такой же седой, как и Огден, внешне во всем другом оказался ему полной противоположностью. Он был высок, а его необыкновенную худобу подчеркивала длинная шея, на которой, как на шесте, сидела круглая голова с глубоко посаженными черными глазками.

— Как, у нас гости?! — воскликнул он, спешно спустившись с последних ступеней лестницы. Поставив плошку на стол, он с жаром пожал руки гостям. — Вот это сюрприз! — Веремунд потрепал Тимозела по голове, похлопал Арна и Гилберта по плечу, но, потянувшись к Аксису, замер, заметив на его тунике перекрещенные топоры. — Как, сам Боевой Топор?! Какая честь! Огден!

Огден, склонившийся к камину и передвигавший поближе к огню стоявший на каминной полке котел, буркнул что-то невразумительное.

— Мы оба действительно рады вам, — продолжил Веремунд с немного меньшим энтузиазмом. — Правда, брат Огден не любит, когда его отвлекают от размышлений, но, думаю, не грех и ему узнать, что нового в мире. А я просто счастлив, что вы приехали. Да вы садитесь, садитесь.

— Они еще не сказали, зачем пожаловали, — заметил Огден, теперь стоявший у шкафа и громылавший тарелками. Он подошел к свету, задумчиво посмотрел на тарелки, а затем, протерев их полой сутаны, поставил на стол.

— А куда торопиться? — Веремунд широко улыбнулся. — Разве мы ограничены временем? Нам еще обо всем расскажут, — внезапно нахмурившись, он продолжил: — И все же я хочу для начала задать вопрос: с вами не случилось в лесу что-нибудь необычное?

Огден, опять подошедший к шкафу, выжидательно обернулся.

— Случилось, — ответил Аксис. — Едва мы въехали в лес, как лишились боевых топоров.

— Я так и предполагал, — сказал Веремунд, побледнев. — Это лес отнял у вас топоры.

— Да это проделки демонов, — мрачно возразил Аксис. — Разве лес может отнять оружие?

— Этот лес члены религиозного братства пытались вырубить еще тысячу лет назад, — сказал Огден, поставив на стол блюдо с холодным мясом. — Однажды по приказу тогдашнего Брата-Наставника к лесу явились пять тысяч топороносцев. И что же? — Огден коротко хохотнул. — Лес устоял, а вот никто из топороносцев не вернулся в казармы.

Аксис с удивлением поднял брови.

— А я думал, лес Безмолвной Женщины остался нетронутым, чтобы скрыть от посторонних глаз башню, полную тайн.

— К сожалению, это не так, — ответил Веремунд, тяжело вздохнув. — Просто Сенешаль до сих пор не может справиться с этим лесом. Лес Безмолвной Женщины — вотчина древней магии, существующей испокон веку.

Веремунд недоуменно взглянул на Огдена, направлявшегося к столу с подносом, полным еды. Огден пожал плечами. Оба не понимали, каким образом топороносцам удалось добраться до башни — до сих пор каждый, кто оказывался в лесу с топором, неизменно находил свою смерть, едва углубившись в лес.

Между тем котел засвистел, и Огден, поставив поднос на стол, принялся заваривать чай, предоставив Веремунду расставлять еду по столу, а гостям — таращить глаза на яства, увидеть которые они даже не помышляли. На столе, кроме холодного мяса, появились хлеб, масло, студень, горчица, несколько сортов сыра, соленые огурцы, свежие овощи, фрукты и даже ягодный пудинг.

— Простите, братья, — спросил удивленно Аксис. — Откуда все эти яства?

Огден и Веремунд недоуменно переглянулись.

— Как откуда? — ответил за двоих Огден. — Я только что достал их из шкафа. Вы разве не видели?

— Аксис спрашивает не об этом, — вмешался Гилберт. — Он интересуется происхождением этих продуктов. Вблизи башни мы не видели ни выгона для скота, ни сада, ни огорода.

— Да я же говорю: все продукты из шкафа, а положил их туда Веремунд.

— И вовсе не я, а ты, — запротестовал Веремунд.

— Нет, ты! — возмутился Огден.

— Не спорьте, братья, — примирительно произнес Аксис. — В конце концов для нас не имеет никакого значения, откуда эти продукты. Главное, что они на столе. Признаться, мы рассчитывали в лучшем случае на струганину из кролика, а ваш стол не уступает и королевскому.

— Рады вам услужить, Боевой Топор, — сказал Веремунд. — Пожалуйста, начинайте трапезу без меня. — Ваши лошади тоже голодны. Пойду отведу их в конюшню, она по другую сторону башни. Для лошадей найдется овес. Чтобы не повторяться, не спешите с деловым разговором. Подождите меня. Я скоро вернусь.

Ужинать закончили через час. К тому времени Веремунд успел не только вернуться в башню, но и напиться чаю. К другой еде он не притронулся. Заметив, что и гости поставили пустые кружки на стол, Огден наклонился вперед и сказал:

— Полагаю, теперь самое время узнать, зачем топороносцы во главе со своим командиром и в сопровождении

советника Джейма, ставшего, как вы уверяете, Братом-Наставником, нарушили наше с Веремундом уединение.

— Братья, — ответил Аксис, — мы приехали к вам за помощью, — сделав это вступление, он с мрачным видом пустился в повествование о загадочных, страшных событиях, произошедших в Ахаре в последнюю зиму. Временами он уточнял детали у Гилберта или отвечал на вопросы внимательных слушателей. Закончив рассказ, Аксис спросил:

— Братья, вы можете нам помочь? Может, вы знаете, как бороться с бестелесными существами?

— Вы привезли ужасные новости, — ответил Огден, нахмурившись. — Но, боюсь, дело хуже, чем вы себе представляете.

— Поясни, что ты имеешь в виду, — нетерпеливо попросил Аксис.

Ему ответил брат Веремунд.

— Рассказывая о происшедших событиях, ты допустил, что не отверженные, а кто-то другой сеет смерть на севере королевства. Ты прав, Боевой Топор. Злодеяния, о которых ты рассказал, дело рук не отверженных, а Горгрила, Разрушителя, несущего с севера мрак и холод. Бестелесные существа — его воинство.

— О ком ты говоришь, Веремунд? — тревожно воскликнул Аксис. — Кто такой Горгрил? Что за таинственный Разрушитель?

Веремунда сменил брат Огден.

— Прежде чем рассказать о Горгриле, я скажу несколько слов о тех манускриптах, с которыми Брат-Наставник попросил вас тщательно ознакомиться. По твоим словам, Аксис, Джейм считает, что эти манускрипты составлены во времена Войн Топора.

— Джейм надеется, что они содержат ценную информацию об отверженных и, может, даже рекомендации, как лучше справиться с неприятелем, если он снова вторгнется в королевство.

— Вот уж нет! Какие рекомендации? Эти манускрипты составлены не ахарами, а отверженными. И потом первые из этих рукописей появились на свет восемь тысячелетий назад. Брат-Наставник об этом, видно, не знает.

— Как?! — поразился Гилберт. — Составители этих рукописей — отверженные? Почему же их не сожгли? — Гилберт знал, религиозное братство неизменно делает все возможное, чтобы вытравить саму память о ненавистных врагах.

— О чем ты говоришь, Гилберт? — возмущенно ответил Огден. — Как можно сжечь манускрипты? Манускрипты — это история. Оттого, что эти рукописи составлены отверженными, они не менее ценны.

— Но отверженные сущие дикари, — сказал Аксис. — Разве они умеют писать?

— Боевой Топор, люди, которых ахары называют «отверженными», обладают обширными знаниями, — пояснил Веремунд. — Изучая их рукописи, неизменно дивишься их высокой культуре и своеобразным интересным обычаям.

— Ты говоришь об отверженных, как о людях, которые внушают расположение, — удивленно произнес Аксис.

— Мы с братом Огденом не скрываем, что эти люди нам нравятся. Оба народа.

— Вам нравятся эти люди? — вознегодовал Гилберт. — Тогда вам не место в религиозном братстве.

— Подожди, Гилберт, — вмешался Аксис, хотя и согласился в душе с мнением Гилберта. Как можно питать расположение к людям, которые во времена Войн Топора не

цадили даже детей и женщин? — Веремунд, ты сказал: «оба народа». Какие народы ты имеешь в виду?

— «Отверженными» ахары называют людей, населяющих Ледяные Альпы и лес Теней. Но это два разных народа. Одни — икарийцы, другие — авары. Первых также называют «людьми Крыла», а вторых — «людьми Рога». Манускрипты, хранящиеся у нас, в основном составлены икарийцами, но есть и рукописи аваров.

— Как вы сумели прочесть манускрипты, составленные отверженными? — спросил Гилберт, окинув Веремунда подозрительным взглядом.

— Ахары, авары и икарийцы когда-то жили в одном государстве и говорят на одном языке.

Аксис опешил. Неужели ахары с отверженными говорят на одном языке? Тогда, может, отверженные и не враги. Может, Ахару и в самом деле угрожает этот таинственный Разрушитель?

— А в манускриптах что-нибудь говорится о Разрушителе? — спросил Аксис.

— Говорится, — подтвердил Веремунд. — Я могу и сам рассказать о нем, но, верно, лучше принести фолиант, в котором собраны манускрипты.

— Так будет лучше, — поддержал его Огден.

Веремунд забрал плошку и вскоре скрылся на лестнице.

В комнате потемнело. У стены собрались мрачные тени. Аксис поежился: по телу побежали мурашки. В этой башне можно ждать всякого, а мечи у дверей, пока до них доберешься....

Волновался не один Аксис. Тимозел, Гилберт и Арн сидели как на иголках.

Нервозность гостей не ускользнула от Огдена.

— Господа, не волнуйтесь, — спокойно произнес он. — Уверяю, вам не угрожает никакая опасность. Веремунд действительно отправился за фолиантом. Сейчас он его принесет.

И в самом деле, послышалось шарканье, и на лестнице, прижимая обеими руками к груди увесистый фолиант, показался брат Веремунд. Он подошел к столу, и фолиант грохнулся на столешницу. Огден повернул книгу к себе и стал перелистывать, шурша пергаментными листами.

Аксис вытянул шею. Листы были похожи один на другой. Текст каждого изобилует витиеватыми завитушками, а верхние выносные элементы букв были удлинены и выписаны с нажимом, так что казалось, слова несут на себе пики. Необычными были и чернила: текст отливал всеми цветами радуги.

Перевернув несколько листов, Огден стал водить пальцем по строчкам.

— Вот то, что нужно: пророчество, — сказал он, удовлетворенно кивнув. — Оно составлено много тысячелетий назад, но в него до сих пор верят и авары, и икарийцы, хотя эти народы и различны по мироощущению и образу жизни. Сейчас я вам прочту его содержание.

Огден глубоко вздохнул и принялся за чтение, спотыкаясь почти что на каждом слове.

— Настанет день, когда родятся... Два чада, связанные кровью... Но кто... — Монах замолчал, протирая глаза. — Слишком темно. Веремунд, почему ты не принес назад плошку? Читай сам.

— Да я же вижу еще хуже тебя. Может, пророчество прочтет Боевой Топор?

— И то верно, — проворчал Огден. — Боевой Топор, у тебя молодые глаза. Думаю, справишься с чтением и при таком свете. Я раньше знал это пророчество наизусть, да сейчас подзабыл. Читай вот отсюда, — Огден ткнул пальцем в первую строчку.

Аксис повернул фолиант к себе. От многочисленных завитушек и переливчатых букв зарябило в глазах.

— Странный текст, да и чернила какие-то необычные, — обескураженно сказал он. — Ничего не понять.

— Ерунда! — зычно произнес Огден. — Сосредоточься, и ты справишься с этим текстом.

Вздохнув, Аксис снова уткнулся в книгу. Неожиданно он почувствовал, что у него кружится голова. К счастью, слабость быстро прошла, а текст, к его немалому удивлению стал отчетлив. В то же время Аксису послышалась музыка, нежная музыка ритмических переливов, раздававшаяся без внешнего звука, но легко и ясно воспринимаемая.

— Теперь мне кажется, я смогу прочесть этот текст, — сказал удивленно Аксис.

— Тогда читай, — мягко ответил Огден. — Мы слушаем тебя.

Настанет день, когда родятся
Два чада, связанные кровью.
Но кто рожден Крылом и Рогом
Невзлюбит названного Звездным:
Горгрил, на Севере поднявшись,
На Юг ведет бесплотных духов,
И перед ледяной атакой
И плоть и поле беззащитны.
Чтоб мир спасти, от заблуждений
Освободиться должен Звездный,

Успеть вернуть Тенсендор к жизни,
Конец кладя войне и сварам.

Аксис остановился.

— А что такое «Тенсендор»? — спросил он.

— Объясню позже, — ответил Огден, положив руку Аксису на плечо. — Пожалуйста, продолжай.

Коль Плут, Крыло и Рог не сыщут
Моста к взаимопониманью,
Горгрил свое заслужит имя,
Неся народам Разрушение.
Склони же слух ко мне, о Звездный, —
Твоя тебя погубит сила,
Коль применить ее напрасно,
В пустом растратить поединке..
Власть развратит сердца и души
Пределы стерегущих стражей;
Очнувшись, девочка заплачет —
И древняя волжба проснется;
Со страстью распахнет объятия
Жена в ночи убийце мужа;
Развоплотившиеся души
Над смертной запоют землю;
И породит мертвец оживший
Непредставимое исчадьё,
Самой природы оскорбленье.
Тогда лишь сила, Тьмы темнее,
Окажется отцом спасенья.
Сплотятся воды в очи света,
И Жезл светящийся исторгнут.

Аксис снова остановился. Звучавшая в его ушах музыка стала громче, торжественней.

— Продолжай, — послышался словно издалика голос Огдена.

Аксис встрепенулся, когда почувствовал, что ему сжали плечо.

Мне ведомо, внимай же, Звездный, —
Волшебный жезл тебе поможет
Оборотить во прах Горгрила
И лед его разбить в осколки.
Но даже силой обладая,
Ты на стезе стоишь непрочно:
Ведь на тебя замыслил худо
Предатель, что с тобою рядом.
Не позволяй любовной боли
Тебя осилить — то погибель.
Одна лишь ненависть питает
Мощь Разрушителя, но это
Его, а не твоя дорога —
Во всепрощении спасенье
Души Тенсендора народов.

Наступило молчание. Аксис поднял глаза. Звучавшая в его ушах музыка смолкла.

Первым заговорил Тимозел.

— Я почти ничего не понял, — сконфуженно сказал он. — Я, правда, не был силен в учении, больше занимался боевыми искусствами.

— Зато в учении, видно, преуспел Аксис, — пробормотал Гилберт. Он сидел рядом с Аксисом и заглядывал в

текст, но так и не смог разобрать ни одного слова. И это он, который многие годы неустанно корпел над книгами! Как же удалось Аксису одолеть эту странную писанину?

Раздумья Гилберта прервал Веремунд.

— Тенсендор — прежнее название Ахара, существовавшее в те далекие времена, когда три народа, населявшие это древнее государство, жили в полной гармонии, хотя одни избрали для себя Путь Плуга, другие — Путь Крыла, а третьи — Путь Рога. В пророчестве, которое ты прочел, Аксис, говорится о том, что наступит такое время, когда Горгрил, Разрушитель, собрав на севере свое мерзкое войнство, двинет его на юг, чтобы завоевать Тенсендор, то бишь Ахар.

— Значит, призраки, нападавшие на патрули Магариза, и те существа с ледяными суставами, которые напали на Горкентаун, и есть воины Разрушителя?

Огден кивнул.

— Как можно верить этой чертовой писанине? — возмущенно воскликнул Гилберт. — Это вредная книга. Она несет ересь. Враги ахаров испокон веку — отверженные.

— А мне кажется, к пророчеству стоит прислушаться, — возразил Аксис. — По крайней мере, оно наводит на размышления. Вполне возможно, что мы действительно столкнулись с войнством Горгрила. Но только, — Аксис вопросительно посмотрел на монахов, — если честно признаться, я понял только начало текста, где говорится о Горгриле и об угрозе Ахару с севера, а все остальное, по мне, — загадка.

— Понять любое пророчество подчас затруднительно, — спокойно ответил Огден. — Часто его смысл открывается лишь тогда, когда оно воплощается в жизнь.

Но пренебрегать им нельзя. Надо постараться его осмыслить, чтобы извлечь из него руководство к действию.

— Насколько я понял, на Разрушителя может найтись управа в лице Звездного Человека, — неуверенно сказал Тимозел.

— Который связан с разрушителем кровным родством, — добавил, нахмурившись, Веремунд. — Может быть, они братья?

Гилберт иронически рассмеялся.

— Ты хочешь уверить нас не только в существовании Разрушителя, но и его брата. Но если, как говорится в этом смехотворном пророчестве, Разрушителю дали жизнь Рог и Крыло, то этот Разрушитель — отверженный. Тогда его брат тоже может быть только отверженным. Что же они начнут драку между собой? В это трудно поверить, да и факты говорят о противном: гибнут одни ахары, и, я нисколько не сомневаюсь, гибнут от рук отверженных. Все зло именно в них. Но Сенешаль никогда не допустит, чтобы они снова вторглись в Ахар. Никогда!

Веремунд покачал головой, затем поднялся из-за стола и понес в шкаф остатки еды. Возвратившись к столу, он положил руки на плечи Арну и Тимозелу.

— Вы устали после дальней дороги, — мягко сказал монах. — Уже поздно, да и нам с Огденом пора спать. Продолжим разговор завтра утром.

Топороносцы зевнули и потянулись. Оставив Арна и Тимозела, Веремунд похлопал Аксиса по руке, Гилберта — по спине.

— Я устрою вас в комнате на втором этаже.

Аксис почувствовал навалившуюся усталость. Веремунд прав: пора спать.

— Может, все-таки ... — начал Гилберт, собираясь отстоять свое суждение о пророчестве, но, внезапно гулко зевнув, пошел на попятный: — В самом деле, клонит ко сну.

— Тогда пойдемте, — ответил Веремунд, улыбаясь. — Я покажу вам вашу комнату.

Через пятнадцать минут, услышав из-за двери ровное дыхание спящих, Веремунд отправился вниз. Огден все еще сидел за столом, всматриваясь в лежавший перед ним фолиант. В комнате стало еще темнее: в камине догорали последние угольки.

— Что скажешь, брат Веремунд? — спросил Огден, оторвавшись от фолианта.

— То, о чем тебе хорошо известно. До сих пор ни один ахар не смог прочесть этот текст, — объяснив брату Гилберту, что ахары, авары и икарийцы говорят на одном языке, Веремунд умолчал о том, что у икарийцев есть и другой язык, на котором объясняются одни посвященные. На этом особенном языке и было составлено предсказание. — А последние строчки текста даже мы не осилили. Язык, на котором они написаны, усложнен и предназначен лишь для глаз икарийцев из числа чародеев.

— Пророчество набирает силу, брат Веремунд, — прошептал Огден.

— Будем держать ухо востро, — ответил Веремунд, поддвигая к себе книгу с пророчеством.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ночь на краю леса

Леди Мерлион давно уже спала крепким сном, а Фарадей все ворочалась и ворочалась с боку на бок на походном матрасе. В конце концов, отчаявшись заснуть в душной палатке, она решила подышать свежим воздухом. Стараясь не разбудить мать, Фарадей осторожно вылезла из постели, надела туфли и плащ, а выбравшись из палатки, накинула на голову капюшон.

Лагерь спал. Из палаток доносилось посвистывание и дружный храп с переливами. Фарадей улыбнулась. Как это Мерлион, неизменно следящая за целомудрием дочери, допустила, что ее чадо проводит ночь среди нескольких тысяч мужчин, каждый из которых необычайно опасен для неопытной девушки?

Фарадей пошла по проходу между палатками, освещаемому луной. Вот и край лагеря. Где-то здесь часовые. Сейчас ее остановит окрик. Но нет, полная тишина, никого не

видно. Еще пройти или вернуться в палатку? Неожиданно в нескольких шагах от себя Фарадей увидела белую кошку, путешествующую вместе с топорonosцами. Та сидела среди травы.

— Кис-кис, — позвала Фарадей, решив, что если заберет кошку с собой, то рядом с ней быстрее уснет.

Кошка не шевельнулась. Фарадей подошла, наклонилась, чтобы взять ее на руки, но та отскочила в сторону.

— Кис-кис, — снова позвала Фарадей, но кошка опять отбежала на несколько пейсов.

Девушка последовала за кошкой. Впустую! Кошка все отбегала и отбегала. Фарадей оглянулась: погнавшись за кошкой, она отошла от лагеря. Надо идти назад. Неожиданно кошка подбежала к самым ногам. Фарадей взял ее на руки. Пора возвращаться! Она повернулась и внезапно увидела в стороне несколько темных фигур. Фарадей вскрикнула и инстинктивно прижала кошку к груди. Кошка зашипела и вырвалась. Фарадей побежала к лагерю, но, запутавшись в полах плаща, внезапно упала, больно ударившись.

Фарадей попробовала подняться и вдруг увидела склонившуюся над ней темную человеческую фигуру.

— Убирайся! — вскричала девушка, пытаясь отползти в сторону.

— Не бойся, миледи, — прозвучал мягкий голос — Я Джек, Джек-Простак, свинопас. Я не причиню тебе зла.

Фарадей подняла глаза. Перед ней стоял человек лет тридцати пяти с прямыми редкими белесыми волосами и круглым добродушным лицом. В руке он держал деревянную палку с металлическим набалдашником. За его спиной

толпилось небольшое стадо свиней, которые, казалось, разглядывали ее с нескрываемым любопытством. А вот и кошка. Не убежала. Вертится у ног свинопаса.

Джек наклонился и, взяв кошку на руки, принялся ее гладить. Фарадей поднялась, отряхнула плащ.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Прогуливаюсь со своими друзьями, — ответил Джек. — Тихая лунная ночь располагает к прогулке.

Фарадей перевела взгляд на свиней. Их было около двадцати, все ухоженные и чистые. Должно быть, недалеко ферма, решила девушка.

— Ты напугал меня, — сказала она.

Джек смутился.

— Извини, миледи. Я заметил, что ты упала, и собрался помочь тебе. Я не хотел напугать тебя.

— Хорошо, Джек, — примирительно произнесла Фарадей. — Я вижу, ты добрый отзывчивый человек, недаром к тебе ластится кошка, — сказать по правде, девушка немного приревновала кошку, которая, впервые увидев Джека, казалось, блаженствовала у него на руках. До сих пор гордое существо оказывало знаки внимания лишь самой Фарадей и Аксису.

— Ее зовут Ир, — широко улыбнувшись, ответил Джек. — Ей около тридцати лет. Я давно знаю ее.

Фарадей деланно улыбнулась. Кошки до тридцати лет не живут. А эту Джек и видеть не мог: кошка жила в Карлоне. Бедный Джек! Верно, живет в своем, придуманном мире.

— Откуда ты взялся? — спросила девушка.

— Мы только что из леса, миледи.

— Из леса Безмолвной Женщины? — воскликнула Фарадей, изумленная сверх всякой меры. — Но, Джек, этот лес очень опасен. Ты разве не знаешь?

— Миледи, ты ошибаешься. Этот лес милостив и приветлив. Он кормит моих свиней. В лесу коренья, орехи, желуди. Я слышал, о лесе ходит дурная слава, но это лишь выдумки неосведомленных людей. Хочешь, я сведу тебя в лес? — Джек взял девушку за руку.

— Нет, нет! — воскликнула Фарадей. — Я не пойду в лес. Отпусти меня.

— Не бойся, миледи, — сказал Джек, отпустив руку девушки. — Этот лес не причинит тебе зла. Он враждебен только тому, кто сам несет зло. К тому же этот лес не простой, а волшебный. Он может предсказать тебе будущее.

— На самом деле? — скептически произнесла Фарадей и задумалась. Узнать будущее заманчиво. Выйдет ли она замуж за Борнхелда? Будет ли счастлива с ним? Станет ли он заботливым мужем? Если узнать все заранее, может, ее страхи рассеются. — На самом деле? — повторила она, на этот раз с интересом. — А далеко заходить в лес не придется?

Два существа, неотлично похожие на Веремунда и Огдена, стояли у полуоткрытой двери в комнату, в которой спали Аксис, Тимозел, Арн и Гилберт. Глаза существ золотились и походили цветом на воды озера, лежавшего у подножия башни Безмолвной Женщины.

— Они спят, — тихо молвило существо, называвшее себя Огденом.

— И спят крепко, — отозвался его напарник.

Огден и Веремунд (станем называть их, как прежде) проскользнули в комнату и подошли к кровати, на которой спал Тимозел. Веремунд склонился над спящим и положил руку ему на лицо.

— Это человек с добрым сердцем, но его терзают сомнения, — прошептал он. — К сожалению, невзгоды не минуют его. Ему предстоит сделать нелегкий выбор.

Оставив Тимозела, Веремунд подошел к Огдену, склонившемуся над Гилбертом. Поколебавшись, Огден положил руку на лицо Гилберта и вполголоса произнес:

— Этот человек мне не нравится. Он неискренен, подозрителен и коварен. От него могут пострадать невинные люди, — оторвав руку от лица Гилберта, Огден вытер ее о полу сутаны, брезгливо поморщившись. — Мы можем что-нибудь предпринять?

Веремунд печально покачал головой.

— Мы можем лишь наблюдать. Нам не дано изменить ход событий. Впрочем, попробуем предупредить Арна.

Склонившись над Арном и положив руку ему на лицо, Веремунд прошептал:

— Еще один человек с добрым сердцем. Он простоват, но прямодушен и честен. Боевой Топор может на него положиться. Арн выполнит свой долг до конца, — Веремунд нагнулся совсем низко и, обращаясь к спящему, произнес: — Послушай меня, Арн. Придет день, и Боевой Топор окажется перед лицом смертельной опасности. Охраняй его, а главное — оберегай от мнимых друзей, чьи сладкие речи похуже яда. В окружении его найдется предатель, твоя задача — предотвратить его коварный удар.

Ари нахмурился, что-то пробормотал; его руки, лежавшие поверх одеяла, сжались в кулаки.

Веремунд выпрямился и, переведя взгляд на Огдена, прошептал:

— Это все, что мы можем делать.

Огден кивнул. Оба подошли к Аксису.

— Может быть, теперь я? — спросил Огден.

— Лучше вместе.

Веремунд положил руку Огдена на лицо Аксису, поверх — свою руку и пропустил пальцы между пальцами Огдена, чтобы и самому притронуться к спящему.

Огден и Веремунд затаили дыхание.

— Какой ужас! — внезапно прошептал Огден. — Ты чувствуешь?

Веремунд кивнул.

— Разрушитель добрался до Аксиса. Правда, пока лишь вторгается в его сны. Он хочет напугать Аксиса, вселить в него неуверенность.

— Но и это еще не все! — мрачно добавил Огден. — Разрушитель проник в Священную роцу.

Веремунд содрогнулся.

— Над Аксисом сгущаются тучи, но судьба пока что хранит его. Лес Безмолвной Женщины его пощадил, — Веремунд помолчал, а затем, сокрушенно вздохнув, продолжил: — К сожалению, нам многое неизвестно. Нам следует отыскать отца Аксиса. Тогда мы узнаем больше о Разрушителе.

Приближаясь к лесу Безмолвной Женщины, Фардей чувствовала, как у нее замирает сердце, хотя Джек и

постарался ее успокоить, сказав, что надо дойти лишь до первых деревьев, а углубляться в лес нет нужды. Зато Джек, идя рядом с девушкой и не сводя с нее глаз, светился от счастья. Первой оказалась у леса Ир. Она усе-лась у одного из деревьев и с любопытством наблюдала за приближавшейся Фарадей.

— Дай мне руку, миледи, — предложил Джек, широко улыбаясь.

Хотя рука Джека и оказалась шероховатой, мозолистой, Фарадей успокоилась, улыбнулась. Разве можно опасаться этого добродушного человека?

— Деревья встревожены, — неожиданно сказал Джек.

— Встревожены? Отчего?

— В лесу побывали топорonoсцы. Деревья боятся людей с оружием. Скажи, миледи, ты не таишь зла на деревья?

— Что ты, Джек? Я просто их немного побаиваюсь.

— Что в них страшного? — удивился Джек, подводя Фарадей к кромке леса. — Не бойся. Положи руку на дерево. Вот так, — Джек прижал к стволу руку девушки, положив поверх свою руку.

— А что дальше, Джек?

— Закрой рот и обратись к дереву голосом сердца. Оно ответит тебе.

Джек не в своем уме, подумала Фарадей, но чтобы не огорчать безобидного простодушного человека, мысленно поздоровалась с деревом, шевельнув слегка пальцами, прижатыми к стволу рукой Джека. Внезапно Фарадей ощутила, что дерево отозвалось, отозвалось теплой волной. Джек улыбнулся, отпустил руку девушки. Фарадей

прижалась к дереву, обхватив ствол руками, затем на мгновение оглянулась, удивленно воскликнув:

— Джек, оно запело, поет!

По щекам Джека потекли крупные слезы.

В это самое время глаза Веремунда и Огдена, все еще стоявших рядом со спящим Аксисом, неожиданно ярко вспыхнули, осветив золотистым светом всю комнату.

— Боже мой! — воскликнул Огден, ухватив за руку Веремунда. Оба замерли в величайшем недоумении.

— Дерево поет! — снова воскликнула Фарадей. — Я чувствую. Но только песня очень печальная, — девушка всхлипнула и улыбнулась сквозь слезы. Песня была не только печальная, но и трогательная. Фарадей восторгалась. — Джек, песню подхватили другие деревья. Запел весь лес.

Теперь слезы блеснули и на глазах Ир. Наконец-то! Друг Леса найден!

— Фарадей, спроси у него о том, что хочешь узнать, — напомнил Джек, прикоснувшись к дереву.

Фарадей удивилась. Откуда ее имя известно Джеку? Однако она быстро оставила эту мысль, переключившись на куда более важную: о чем спросить дерево? Конечно, о том, за кого она выйдет замуж.

Пение прекратилось, а затем вспыхнуло с новой силой, но сам лес начал тускнеть, расплываться, пока совсем не исчез. Перед глазами Фарадей возник Лунный зал во дворце Приама.

Зал полон людей, но они не за праздничными столами, а стоят вдоль стены, по кругу. Лица людей расплывчаты,

призрачны. Середина зала пуста. Стол только один — на помосте. Рядом со столом трон. С трона поднимается Борнхелд. В его руке обнаженный меч. С кем он хочет сразиться? С Аксисом! Фарадей исторгает крик. Скорей на площадку, чтобы помешать поединку! На пути встает Йорг, хватая ее. Фарадей пытается вырваться. Тщетно! Песня Леса не умолкает, но теперь походит на поминальный плач. Борнхелд и Аксис в крови. Невыносимо жарко. Фарадей окутывает гигантский огненный шар. Его сменяет облако перьев. Они лезут в рот. Фарадей задыхается. Борнхелд наносит удар. Аксис падает на колени, его меч отлетает в сторону. Фарадей испускает крик: «Нет!» Крик тонет в сардоническом смехе отделившегося от толпы человека в черном. Кровь, повсюду кровь. А это что? Фарадей видит железную клетку, а в ней — женщину, припавшую к прутьям. А вот и другая женщина — за столом на помосте. Она безучастна, похожа на восковую фигуру. А где Аксис? Фарадей вздрагивает от ужаса. По лицу Аксиса течет кровь. Она капает на пол, бежит струей. Фарадей и сама в крови. Она чувствует ее запах. Фарадей ищет глазами Аксиса. Боже! Его тело разрублено пополам.

Фарадей исторгла крик смертельного ужаса и оттолкнулась от дерева. Она бы упала, но ее подхватил Джек, крепко прижав к себе. Тело девушки сотрясала крупная дрожь, по щекам текли слезы.

— Противное дерево! — сердито произнес Джек. — Довело леди до слез, — испепелив дерево гневным взглядом, он принялся гладить Фарадей по спине. — Успокойся, миледи, — мягко продолжил Джек. — Деревьям не всегда стоит верить. Иногда они норовят выкинуть шутку: скажут часть правды, а остальное придумают.

— Ничего страшнее в жизни не видела, — ответила Фарадей, утирая слезы. — Не хочу, чтобы эти чудовищные видения стали реальностью. Зачем ты привел меня сюда, Джек? — освободившись из его рук, она повернулась и побежала к лагерю.

Ир укоризненно посмотрела на Джека и понеслась следом за Фарадей.

Проводив их взглядом, Джек повернулся к деревьям.

— Не знаю, что вы ей показали, друзья, но только вы напугали девушку до смерти. Впрочем, оно, может, и к лучшему. Кто предупрежден, тот вооружен. Все же, надеюсь, вы не слишком напугали ее, ибо она ваша единственная надежда.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Белые ослы

Проснувшись, Аксис сладостно потянулся. Поспал на славу! Бодр как никогда!

Тимозел, Арн и Гилберт все еще спали. Осторожно, чтобы не разбудить спящих, Аксис выскользнул из постели, оделся и, стараясь не шуметь, вышел из комнаты. Оказавшись на небольшой площадке винтовой лестницы, Аксис посмотрел вверх. Лестница терялась во мраке, лишь кое-где виднелись полоски света, пробивавшиеся через бойницы. Аксис пожал плечами и направился вниз.

Оказалось, он проснулся не первым. В комнате за столом, склонившись над какими-то книгами, сидели Огден и Веремунд. На краю стола лежали переметные сумки. Обменявшись приветствиями с монахами, Аксис спросил:

— Зачем вам переметные сумки?

— Мы отправляемся вместе с вами, — ответил за двоих Огден.

— Вы поедете с нами? — Аксис опешил. Только этого не хватало, раздраженно подумал он. Сначала ему навязали женщин, а теперь в попутчики набиваются старцы. — Не стоит себя утруждать, — продолжил Аксис, подавив недовольство. — Топороносцы передвигаются очень быстро. Вы устанете. Если вам есть что дополнить о Разрушителе и отверженных, я выслушаю вас здесь, в башне.

— На это уйдет много времени, — ответил, нахмурившись Веремунд. — Кроме того, тебя сейчас интересует одно, а когда ты окажешься в Горкентауне, тебя может заинтересовать нечто другое. Будет лучше, если мы отправимся с вами, захватив с собой несколько книг, содержащих самую разнообразную информацию. Думаю, если была бы возможность посоветоваться с Братом-Наставником, он бы одобрил наше намерение.

— У меня нет для вас лошадей, — возразил Аксис.

— У нас найдутся свои скакуны, — улыбнувшись, ответил Огден. Он весело потер руки и перевел взгляд на своего компаньона. — Веремунд, мне кажется, этот фолиант нам тоже не помешает, — Огден ткнул пальцем в одну из книг. — Здесь собрана информация о верованиях и укладе жизни аваров.

Аксис обескураженно покачал головой. Отговорить монахов от путешествия не удастся. А может, они и в самом деле будут полезны? Кто знает, какие загадки возникнут со временем. Ну а если монахи станут обузой, их можно оставить в Арсене. Придя к этой утешительной мысли, Аксис вышел из башни, оставив монахов готовиться к путешествию.

По небу плыли низкие облака. Собирался дождь. Аксис перевел взгляд на озеро. Оно казалось неподвижным и

походило на золотистое зеркало. Аксис спустился к самому берегу, опустил руку в озеро. Она осталась сухой. Аксис вздрогнул, попятился, чуть не упал. Скорей назад, в башню.

Открыв дверь, Аксис увидел, к своему немалому удивлению, как Огден и Веремунд ожесточенно размахивают руками, испепеляя глазами Гилберта, застывшего с гордым видом. Тут же находились Арн и Тимозел, оторопело взиравшие на происходившую сцену. Заметив Аксиса, Веремунд ткнул пальцем в сторону Гилберта и со злостью воскликнул:

— Этот вандал собирался сжечь башню!

Гилберт презрительно фыркнул и выпятил подбородок.

— Брат Веремунд близок к истине, — пояснил Арн. — Я застал Гилберта на верхнем этаже, в библиотеке. Он держал в руке трутницу и собирался поджечь старые книги.

— А до того он успел порвать несколько книг, — подхватил Огден и бросился на Гилберта с кулаками, но его остановили топорonoсцы.

Аксис подошел к Гилберту.

— Это правда, что о тебе говорят?

Гилберт передернул плечами.

— От этих книг один вред, — сказал он убежденно. — Разве ты не заметил, что начитавшись этого бреда, Огден и Веремунд воспылали любовью к отверженным, а чтобы и нас убедить в безгрешности этих извергов, подсунули нам пророчество, сочиненное то ли мистификатором, то ли умышленным? Джейм придет в ужас, когда узнает, какие книги хранятся в башне. Эту крамолу следует уничтожить.

— Не тебе, Гилберт, принимать такие решения, — хмуро ответил Аксис. — Эти книги собраны Сенешалем и хранятся в башне уже тысячу лет.

Веремунд и Огден переглянулись, молча согласившись оставить Аксиса в заблуждении.

— Сжечь книги может приказать только Джейм, — гневно продолжил Аксис. — Если он примет такое решение, я первым возьмусь за трутницу. Но ты, Гилберт, не имеешь права действовать по своему усмотрению. Ты понял меня?

Гилберт ответил вызывающим взглядом.

— Ты не прав, Боевой Топор, но я вынужден подчиниться. С тремя топороносцами мне не справиться. Но можешь не сомневаться, я доложу Брату-Наставнику, что эти чертовы книги оказали на тебя пагубное влияние. То, что простительно выжившим из ума старикам, непростительно командиру воинов Сенешаля.

— Не стану держать тебя за руку. Как только мы возвратимся в лагерь, тебе дадут свежую лошадь. Только не забудь переписать и забрать с собой текст пророчества. Если ты не сделаешь этого, я выжгу этот текст у тебя на лбу.

— Не беспокойся, перепишу. Пусть Джейм посмеется над твоей глупостью, граничащей с изменой своему долгу. Можешь также не сомневаться, что я расскажу Брату-Наставнику обо всем, чему был свидетелем. Абсолютно обо всем, Боевой Топор.

Аксис перевел взгляд на Арна.

— А как ты оказался в библиотеке?

— Я услышал шум наверху и поднялся проверить, нет ли там постороннего. Огден и Веремунд в это время были внизу.

Аксис не удовлетворился полученным объяснением, но, посчитав нетактичным расспрашивать Арна дальше в присутствии Гилберта, обратился к монахам:

— Сколько времени вам понадобится на сборы?

— Не более получаса, — ответил Огден. — Нам осталось собрать провизию и оседлать скакунов, о которых я тебе говорил.

Аксис кивнул и повернулся к топороносцам.

— Огден и Веремунд отправятся с нами. Их советы могут оказаться полезными. Собирайтесь и вы. Чем раньше мы выберемся из леса, тем лучше. Позавтракайте на скорую руку и седлайте коней.

Восприняв приказ по-другому — «не помышляйте о завтраке и седлайте коней», — топороносцы скрылись за дверью.

Аксис уселся за стол и принялся за еду.

— Поешь и ты, Гилберт, — предложил он. — До башни Сенешаля длинный и трудный путь.

Гилберт не удостоил его ответом.

Через полчаса все были готовы к отъезду. Аксис принес Арну и Тимозелу по куску хлеба с холодным мясом, и топороносцы принялись за еду, не отходя от оседланных лошадей. Гилберт, стараясь ни на кого не смотреть, расхаживал рядом, заложив руки за спину.

— Что-то Веремунд завожился, — буркнул Огден, бросив взгляд на конюшню. — Не стану его ждать. Пойду залю в камине огонь и запру дверь.

— Я помогу тебе, — отозвался Аксис.

Зачерпнув ведром воду из бочки, стоявшей у входа в башню, он вошел в комнату следом за Огденом и, поставив ведро у камина, спросил:

— Вам, видимо, нелегко расставаться с местом, где вы прожили много лет?

— Это верно, — ответил Огден, заливая огонь. Выпрямившись, он посмотрел вверх и добавил: — Здесь остаются книги, с которыми мы сдружились.

— Что касается книг... — Аксис на секунду замаялся, — то должен признать, я отчасти разделяю опасения Гилберта. Пойми меня правильно. Я — Боевой Топор, командир воинов Сенешаля. Мой долг — защищать Ахар. Скажу откровенно, мне было не по себе, когда вы с Веремундом хвалили отверженных. Надеюсь, вы едете с нами не для того, чтобы превозносить их и дальше. Ваша задача — блюсти интересы религиозного братства, служить Сенешалю.

Огден вздохнул. Как странно, что именно Аксис стал командиром топорonoсцев. Воистину неисповедимы пути богов.

— Милорд, — произнес монах, поклонившись, — я уважаю твою преданность Ахару и Сенешалю и обещаю не влиять на твои взгляды и помыслы.

Ответ был двусмысленным, но Аксис не стал вдаваться в подробности, решив, что Огден не держит камня за пазухой.

— Не называй меня «милордом», — ответил Аксис и вышел из комнаты.

Огден на секунду задумался. Как долго они с Веремундом ждали этого человека! Теперь пришла пора действовать. В глазах монаха мелькнули золотистые огоньки. Он вздохнул полной грудью и быстрым шагом направился к выходу.

Отворив дверь, Огден чуть не натолкнулся на Аксиса, который замер у самой двери от величайшего удивления. Рядом с оседланными конями, ласково пошевеливая ушами, стояли два толстых белых осла, тоже с седлами и переметными сумками по бокам. Около ослов хлопотал Веремунд, затягивая подпруги.

— Вы поедете на ослах? — спросил Аксис, придя в себя.

— Эти животные не уступят коням, — ответил Огден, запирая дверь на замок. — У них прекрасная родословная, — повесив замок, он подошел к одному из ослов и, вдев ногу в стремя, попытался перекинуть другою через спину животного. Попытка не удалась.

— Помоги, Веремунд, — буркнул Огден.

Веремунд ухватил Огдена снизу, приподнял и толкнул в седло. Видно, он немного переусердствовал, ибо Огден едва не перелетел через спину животного и только ухватившись за холку и подтянувшись, сумел усесться в седло. Выпрямившись и взяв в руки поводья, он победоносно взглянул на зрителей и гордо сказал:

— Как в молодости. Никаких затруднений.

Аксис отвернулся, чтобы скрыть непрошеную улыбку. Арн и Тимозел рассмеялись. И только на лице Гилберта не дрогнул ни один мускул.

— Трудности у всех впереди, — сказал Аксис, вскочив в седло. — Топороносцы, Гилберт, по коням! — убедившись, что и Веремунд сел в седло, Аксис тронул коня.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Древние курганы

На краю леса Аксиса и его спутников встречали пять садников во главе с Велиаром. Заметив в отряде Аксиса вух старцев на белых ослах, Велиар вытаращил глаза от епомерного удивления, но Аксис, возликовав, что выбрался елым и невредимым из леса Безмолвной Женщины, не бменявшись с лейтенантом ни словом, помчался к лагерю, одняв лошадь в галоп.

Арн и Тимозел последовали примеру Аксиса и дали поры коням. Поравнявшись с Гилбертом, Арн хлестал его жеребца по крупу. Огласив воздух пронзительным ржанием, тот рванулся вперед, едва не выкинув Гилберта из седла.

Велиар развернул коня и подал команду топорonoсцам:
— Возвращаемся в лагерь.
Старцев он ждать не стал.

Веремунд и Огден не торопились. Невдалеке они увидели стадо свиней и, приблизившись к стаду, остановились, чтобы перекинуться несколькими словами со свинопасом.

Когда Фарадей увидела, что в лагерь возвращается Аксис, она пришла в замешательство, на глаза навернулись слезы, и она отвернулась, не заметив, как Аксис, проносясь мимо, почтительно склонил голову и приветливо улыбнулся.

Ночью ей удалось незамеченной вернуться в палатку, но заснуть так и не довелось: в ее ушах стоял звон мечей, а перед мысленным взором, повторяясь, проносились ужасающие картины, неизменно заканчивавшиеся одной: разрубленное тело Аксиса лежит в луже крови. Фарадей казалось, что она и сама в крови, налипшей на все тело.

Поднявшись с постели, она долго мылась холодной водой, не обращая внимания на причитания матери, которая зябко кутаясь в плащ, страшила дочь самыми немислимými болезнями, возникающими от переохладения организма.

Вернувшись в лагерь, Аксис немедленно занялся Гилбертом. Посадив его на свежую лошадь и вручив подготовленный Веремундом пакет для передачи Брату-Наставнику, он отправил его обратно, в резиденцию Джейма, в сопровождении нескольких человек, приказав командиру группы не спускать с него глаз ни при каких обстоятельствах.

На следующее утро колонна топороносцев двинулась дальше, взяв курс на Арсен. Монахи поехали впереди рядом с Аксисом, но вскоре надоели ему пустой болтовней, и

он, оставив около себя Огдена, надеясь расспросить его о пророчестве, отправил Веремунда, с его согласия, к женщинам, чтобы скрасить их путь.

Веремунда приняли хорошо, Мерлион с Фарадей нашли в нем приятного собеседника. Временами к дамам подъезжал Тимозел, и тогда беседа еще более оживлялась, вызывая улыбки, веселый смех и недоуменные восклицания.

И все-таки Фарадей не могла отделаться от пережитого наваждения. Стоило ей вспомнить об Аксисе, как страшные картины ночного видения начинали снова проноситься в ее мозгу. Вот Аксис скрестил мечи с Борнхелдом, вот он роняет меч, а вот уже лежит поверженный, весь в крови. Фарадей содрогалась от ужаса, хмурилась и замыкалась в себе.

На третий день перехода Тимозел, заметив, что Фарадей в сумрачном настроении, принялся рассказывать о пророчестве, которое выучил чуть ли не наизусть, не усвоив лишь конец текста. Фарадей выслушала его с нескрываемым интересом, а выслушав, обратилась за разъяснениями к монаху, который вкратце рассказал ей об аварях и икарийцах, высказав неслыханные суждения, уже успевшие возмутить благочестивого Гилберта.

— Неужели ахары жили с отверженными в полной гармонии? — спросила озадаченно Фарадей, обратившись к монаху, весьма довольному, что оказался в центре внимания.

— Да, когда они жили в одном государстве, в Тенсендоре, — пояснил Веремунд. — Это было несколько тысячелетий назад.

Фарадей насупила брови.

— Но как ахары могли жить в мире с отверженными, если те злые, кровожадные люди?

— Злые, кровожадные люди? Вовсе нет. Это домыслы Сенешаля, возникшие в те времена, когда ахары, избрав для себя Путь Плуга, надумали главенствовать в государстве, навязывая свою волю аварам и икарийцам. Это вызвало недовольство, которое ахары решили подавить силой.

— Ты хочешь сказать, Веремунд, что зачинщиками Войн Топора стали ахары?

— Отверженные — злобные, коварные существа, — вмешалась в разговор Мерлион. — Вот почему Сенешаль благословил ахаров на войну с инородцами. Победив, ахары благоразумно вырубili леса, в которых отверженные находили пристанище и откуда совершали свои губительные набеги.

Все замолчали. Тишину нарушила Фарадей.

— Веремунд, расскажи подробнее об аварах и икарийцах.

— Об этих народах сейчас можно судить только по сохранившимся манускриптам. Ознакомившись с этими рукописями, можно понять, что икарийцы живут в горах и поклоняются солнцу, луне и звездам. Возможно, поэтому они зовутся «людьми Крыла». Авары — жители леса. Они поклоняются деревьям и даже умеют общаться с ними.

Фарадей вздрогнула.

— Мама права, — сказала она уверенно. — Отверженные — злобные существа. Ахары правильно поступили, когда изгнали их из страны.

В тот же день колонна топороносцев остановилась на привал у цепочки холмов, вытянутой полукольцом и простиравшейся вдаль на пол-лиги. Холмов было около тридцати, каждый, как определил на глаз Аксис, высотой около

ста, а длиной — около двухсот пейсов. Их плоские вершины были покрыты ковром луговых цветов, а обрывистые склоны — травой и низкорослым кустарником.

— Странные холмы, — сказал Аксис, подойдя к Велиару, говорившему с Огденом. — Все одинаковые. Ты не слышал о них?

Велиара опередил Огден.

— Это могильные курганы королей Тенсендора.

Аксис нахмурился. Его уже допекли информацией о Тенсендоре. Он всегда полагал, что государство ахаров, Путь Плуга и учение Сенешаля существуют испокон веку, а, по словам Веремунда и Огдена, выходило, что ахары основали свое государство всего тысячу лет назад, а раньше проживали на одной территории с икарийцами и аvaraми.

— Эти короли управляли отверженными?

Огден улыбнулся.

— Эти короли, родом икарийцы, управляли всеми народами, населявшими Тенсендор. В течение пяти тысяч лет у власти стоял дом Парящего Солнца во главе с королем, которого называли «Великим Когтем».

Аксис и Велиар недоуменно переглянулись. Неужели ахары подчинялись отверженным?

— Не удивляйтесь, — продолжил Огден. — Великие Когти действительно управляли всеми народами, но тысячу лет назад ахары, попав под влияние учения Сенешаля, развязали в государстве войну, в результате которой изгнали аваров и икарийцев за Скалистые горы.

— Как бы там ни было, — хмуро ответил Аксис, — эти усыпальницы икарийцев сегодня послужат нам защитой от ветра.

Действительно, расположившись у подветренной стороны курганов, топорonoсцы укрылись от холодного ветра, гнавшего с севера тяжелые облака. Не пошел и собиравшийся дождь. Облака, перегоняя друг друга, стремительно неслись мимо.

И все-таки топорonoсцам было не по себе и даже сидя у бивачных костров, они чувствовали озноб, но причиной этому состоянию, постыдному для солдат, был не холод, а жуткое таинственное пророчество, леденившее душу. Арн и Тимозел не стали держать язык за зубами, и солдаты с мрачным видом пересказывали друг другу пророчество, предвещавшее появление Разрушителя во главе гнусного воинства, состоявшего, в понимании бывалых топорonoсцев, из дьяволов, демонов и вампиров.

В этот вечер общество дам, с благосклонного согласия Мерлион, разделяли Веремунд, Огден, Аксис и Велиар. Поужинав, Фарадей неожиданно поднялась и, извинившись, сказала, что хочет прогуляться по лагерю. Ее не остановили, и только Аксис проводил девушку озадаченным взглядом. После стоянки у леса Безмолвной Женщины Фарадей изменилась, стала замкнутой и задумчивой. Какая тому причина? Вряд ли тяготы перехода. Фарадей ни на что не жалуется, от строя не отстает. Да что Фарадей! Мерлион, и та держится молодцом. У нее хватает сил даже на то, чтобы присматривать за служанками, которые на привале не прочь улизнуть к солдатам.

Улыбнувшись этому обстоятельству, Аксис вернулся мыслями к Фарадей. Он вспомнил, как до крайности удивился, узнав о помолвке Борнхелда, престолонаследника, с дочерью графа Айсенда. Хотя Фарадей и унаследовала

крупное состояние, в Ахаре были невесты и побогаче. К тому же, казалось, Борнхелд и не помышлял о женитьбе, предпочитая связи со случайными женщинами. Может, он прельстился внешностью девушки? Фарадей миловидна и обещает стать настоящей красавицей. Но она не только мила, но и самостоятельна, умна, прямодушна. Разве Борнхелд оценит ее достоинства? Куда ему, с его солдафонством и самомнением!

Придя к этой мысли, Аксис встрепнулся и прислушался к разговору. Мерлион с Велиаром говорили о бароне Исгриффе, наместнике Нора, споря о том, промышлял ли барон в молодости пиратством. До Исгриффа Аксису дела не было. Он поднялся и направился следом за Фарадей.

Девушка сидела на камне за последним костром и смотрела на уходившие вдаль холмы.

— Фарадей! — позвал Аксис.

Девушка растеряно оглянулась, поднялась на ноги. Ее лицо было в слезах.

— Извини меня, — сказала она дрогнувшим голосом и направилась было к лагерю, но Аксис удержал ее за руку.

— Фарадей, что случилось? Может, я обидел тебя?

— Ты ни в чем не виноват, Аксис. Пожалуйста, отпусти меня.

— Почему ты плачешь? — Аксис протянул руку к ее лицу и стал утирать ей слезы.

— Потому что жизнь ужасно несправедлива, — ответила Фарадей, и ей бы дальше не продолжать, но пальцы Аксиса были так ласковы, так нежны, что она не сдержалась: — Потому что я помолвлена с Борнхелдом, а люблю его брата.

— Фарадей! — Аксис оторопел, но его растерянность длилась недолго. Взглянув в глаза девушки, он нежно обнял ее и приник губами к ее губам.

Фарадей не противилась, и поцелуй затянулся. Наконец, оттолкнув Аксиса от себя, она твердо произнесла:

— Прости меня, Боевой Топор. Не знаю, что нашло на меня.

Отпустив Фарадей, Аксис поймал взглядом кольцо на ее руке.

— Но почему? — пробормотал он, не спуская глаз со сверкающего рубина.

— Потому что так захотел отец. Потому что мой брак с Борнхелдом выгоден для семьи. Я дала согласие добровольно.

— Но ты же не хочешь выйти за Борнхелда.

— Дочь не может идти против воли родителей, — потерянно ответила Фарадей.

— У тебя есть характер. Ты можешь постоять за себя. До свадьбы еще несколько месяцев. Подумай. Может, ты найдешь в себе силы расторгнуть помолвку и соединиться с тем, кого любишь.

Высказав эту мысль, Аксис повернулся на каблуке и зашагал прочь. Фарадей медленно пошла следом. Неожиданно из темноты, держа на руках кошку, выступил Веремунд.

— Нам надо поговорить, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Так дальше продолжаться не может, — его глаза вспыхнули золотом.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Блюстители пророчества

Фарадей отшатнулась. Что с глазами монаха? Почему они светятся? Станный, загадочный человек. Нахваливает отверженных, хотя известно даже ребенку, что они злые, коварные существа.

— Не бойся, мы не обидим тебя, — проговорил Веремунд. — Дай мне руку. Мы немного пройдемся, — он выпустил из рук кошку.

Фарадей попятилась и едва не упала, натолкнувшись на камень. Ее сердце лихорадочно билось.

— Дай мне руку, — повторил Веремунд. Его голос был таким мягким, таким приветливым, что Фарадей протянула руку, оставив все свои страхи, и тут же почувствовала, как по телу разлилось умиротворяющее тепло.

— Пойдем, — сказал Веремунд. — Нас уже ждут, — он кивнул на ближайший холм.

— Нас ждут? Кто? Зачем? — Фарадей смутилась. Только сейчас она поняла, что монах был свидетелем ее предосудительной встречи с Аксисом. — Веремунд... — Фарадей запнулась. — То, что ты видел, — вздор, пустяки. Прошу тебя, не говори моей матери.

Монах строго взглянул на девушку.

— Не беспокойся, леди Мерлион ни о чем не узнает. Но только твоя встреча с Боевым Топором вовсе не пустяки.

— Но это тебя не касается, Веремунд. Это наше дело. Монах покачал головой.

— Ты ошибаешься, Фарадей. Ни ты, ни Аксис не вправе распоряжаться собственной жизнью по своему усмотрению. А теперь пойдем. Нам надо подняться на этот холм.

— Зачем мы идем туда? — спросила озадаченно Фарадей, поднимаясь по склону.

— Скоро узнаешь, — ответил Веремунд, тяжело дыша. — Мы почти что пришли.

Действительно, подъем оказался недолгим, и вскоре Фарадей, опираясь на руку своего странного провожатого, ступила на вершину холма, оказавшегося ровной площадкой, усыпанной луговыми цветами. К удивлению девушки, здесь, на открытом месте, было теплей, чем внизу, а ветра и вовсе не было.

— Посмотри, нас уже ждут, — сказал Веремунд.

Проследив за взглядом монаха, Фарадей увидела круг, очерченный линией из больших белых камней, а в круге — Джека и Огдена. Между ними с важным видом сидела белая кошка. Брови девушки удивленно поползли вверх.

— Как здесь оказался Джек? — спросила она. — От леса Безмолвной Женщины до этих холмов далеко. Как он сумел угнаться за нами?

— Джек знает эту местность лучше топорonosцев, — ответил уклончиво Веремунд. — Пойдем.

Фарадей вошла в круг из белых камней.

— Рад видеть тебя, миледи, — поприветствовал ее Джек. Хотя он и сохранял добродушие на лице, на простачка он больше не походил. — Присаживайся, нам надо поговорить.

Фарадей опустилась на камень и, натянув на колени юбку, собралась было что-то сказать, но ее остановил Веремунд.

— Повремени с расспросами, дорогая. Просто сиди и слушай. На все твои вопросы мы ответим потом. И помни, ты в безопасности.

Фарадей огляделась, съежилась. Да как чувствовать себя в безопасности, когда теперь глаза обоих монахов вспыхнули золотом, глаза Джека начали испускать изумрудно-зеленый свет, и даже глаза кошки, казалось, безобидного существа, вдруг замерцали странным, темно-голубым светом?

Фарадей не успела прийти в себя, когда на нее обрушились тихие слова кошки:

— Начнем, пожалуй.

Фарадей содрогнулась. Говорящая кошка? Да где это видано?

— Мы... — снова подала голос Ир.

— Усердны, — продолжил Огден.

— Аккуратны, — подхватил Джек.

— Старательны, — добавил торжественно Веремунд.

— Мы внимательны.

— Исполнительны.

— Наблюдательны.

— Вдумчивы.

Фарадей едва успевала поворачивать голову, чтобы уследить за четверкой.

— Мы хранители.

— Стражи.

— Защитники.

— Слуги.

— Мы ищем единственного...

— Чье предназначение несомненно.

— Спасителя.

— Звездного Человека!

— Мы — блюстители пророчества, — заключили все разом.

Хор голосов потонул в грохоте грома. Сверкнула молния. Ир подняла глаза к небу.

— Разрушитель, — проворчала она. — Уразумел, что мы снова появились в Тенсендоре. Вошел в раж.

— Кто вы такие? — воскликнула Фарадей. — Как кошка умудряется говорить?

— Каждый из нас избрал себе образ жизни по своему усмотрению, — ответил Джек и, одарив кошку умильным взглядом, продолжил: — Ир любит вращаться в обществе, где ей оказывают внимание, а мы с Веремундом и Огденом предпочитаем уединение. Мы скромны и неприхотливы.

«Оно и видно», — подумала Фарадей, скользнув глазами по грязным потрепанным сутанам монахов и по не уступающему им в невзыскательности одеянию Джека.

— Тебе не следует знать о нас слишком много, — добавил Огден, — но кое о чем мы можем тебе поведать. Мы существа, призванные служить пророчеству о пришествии

Разрушителя. Мы блюстители, стражи и в то же время слуги этого предсказания.

У Фарадей голова пошла кругом.

— Выходит, вы не имеете отношения к Сенешалю, — нерешительно сказала она, — и, верно, ты вместе со своим компаньоном вовсе не Огден и Веремунд. Вы маги, волшебники?

— Мы действительно не Огден и Веремунд. Огден и Веремунд были членами религиозного братства ахаров. Они погибли около тридцати лет назад, когда по повелению Брата-Наставника Сенешаля попытались добраться до башни Безмолвной Женщины. Узнав об этом, мы и приняли обличье монахов, рассчитывая, что их услуги понадобятся ахам. Наши ожидания оправдались. Что касается магии, то в этом искусстве мы добились немногого.

Фарадей ужаснулась. Прочь отсюда! Сию же минуту! Она встала с камня.

— Подожди, миледи, — остановил ее Джек. — Мы с Ир, Веремундом и Огденом — блюстители и слуги пророчества, и мы говорим: чтобы победить Разрушителя, свою миссию надо выполнить и тебе.

— Настоящий бред! — ответила Фарадей и попыталась выйти из круга. Впустую: ноги не слушались. Она снова села на камень.

— Вспомни пророчество, дорогая, — мягко произнес Огден. — Чтобы одержать победу над Разрушителем, ахары, авары и икарийцы должны забыть о вражде и немедленно объединиться. Но объединить народы Тенсендора может только один человек.

— Ахарам поможет Артор! — запальчиво воскликнула Фарадей.

— Артор вам не поможет, — сердито сказала Ир. — От него один вред. Это во имя Артора ахары тысячу лет назад изгнали аваров и икарийцев с их исконных земель, — кошка гневно выгнула хвост.

— Ир, — миролюбиво произнес Веремунд, — Фарадей еще всего не осмыслила, но, уверен, свою миссию выполнит до конца.

— Она должна, — категорично сказала кошка. — И пусть на Артора не надеется. — Ир презирала учение Сенешаля, убедившись за время пребывания в Карлоне, что за ним стоят лицемерие и обман.

Фарадей нахмурилась.

— Из пророчества можно понять, что Разрушителем является Борнхелд. Что же, Звездный Человек — его брат?

— Ты отчасти ошибаешься, дорогая, — ответил Огден. — Борнхелд и Аксис — братья по матери, а Разрушитель и Аксис — братья по отцу.

— Кто же их отец?

— Этого мы не знаем, — ответила Ир. — Мы только слуги пророчества. В предсказании немало загадок, отгадать которые нам пока не по силам.

— Думаю, со времени мы решим все загадки, — предположил Джек, — особенно если ты, Фарадей, станешь нам помогать. Скажи для начала, о чем ты расспрашивала деревья.

Вспомнив о кошмарном видении, Фарадей содрогнулась. На ее глаза навернулись слезы.

— Я не люблю Борнхелда и хотела узнать, за кого выйду замуж.

— И что ты увидела, Фарадей? — спросил Веремунд, положив руку ей на плечо.

Ощувив прилив сил, Фарадей повела рассказ о драматической сцене, развернувшейся в королевском дворце. Она описывала видение, почти не волнуясь, и только в конце, рассказывая о гибели Аксиса, не сдержалась и разразилась рыданиями.

Когда она успокоилась, Огден спросил:

— Дитя мое, кого ты увидела первым в Лунном зале дворца?

— Борнхелда, — ответила Фарадей, ненадолго задумавшись. — Да, Борнхелда. А какое это имеет значение?

Огден и Веремунд развели руками, переглянулись. Ир зашипела. Девушке взялся ответить Джек.

— Вспомни, что я сказал тебе, дорогая, перед тем как ты убежала в лагерь. Деревья часто не открывают всей правды, половину могут придумать, может, для того чтобы предупредить об опасности. Думаю, так они поступили и в этот раз. Но если Борнхелд и в самом деле одолеет Аксиса в поединке, Тенсендор падет под натиском Горгрила, ибо Аксис — единственный человек, кто может победить Разрушителя. Прежде чем умереть, он должен выполнить свое высокое предназначение.

— Нет, он не умрет! — воскликнула Фарадей, прижав руки к груди.

Веремунд обвел взглядом Ир, Джека и Огдена. Те кивнули. Монах перевел взгляд на девушку.

— Дитя мое, мы надеемся, что и ты приложишь усилия, чтобы остановить Разрушителя. Перед тобой стоят две задачи, и только выполнив обе, ты поможешь Аксису одержать верх над Горгрилом. Мы знаем, тебя и Аксиса связывают нежные чувства, но если вы дадите им волю, Аксис погибнет.

— Почему? — удивилась девушка.

— Потому что, если ты разорвешь помолвку, отыскать соперника Борнхелду не составит труда, а сойдясь с Аксисом в поединке, он, несомненно, одолеет его, ибо ты вооружишь Борнхелда чувством собственной правоты.

— Значит ли это, что если я выйду за Борнхелда, поединок не состоится?

— Нет, поединок не избежать, ибо сцена боя была главной в твоём видении. А вот исход поединка может оказаться другим. Для этого надо, чтобы чувство собственной правоты владело не Борнхелдом, а Аксисом. Если ты выйдешь замуж за герцога, поединок состоится только после победы над Разрушителем и в ситуации, благоприятной для Аксиса.

— Фарадей, ты должна выйти за Борнхелда, — категорично добавила Ир. — Только став женой герцога, ты спасешь Аксиса, а главное, принесешь мир на землю Тенсендора.

Фарадей закрыла лицо руками и разрыдалась. Как ей выйти за Борнхелда, когда она ещё чувствует на губах нежный поцелуй Аксиса?

Веремунд обнял ее за плечи. Он чувствовал, какие душевные муки переживает неопытная простосердечная девушка. Но только оставить ее в неведении было нельзя. К тому обязывало пророчество.

Когда рыдания стали стихать, Ир снова подала голос:

— Дорогая, ты должна выйти за Борнхелда как можно быстрее.

— Нет, нет! — лицо Фарадей исказила страдальческая гримаса. — Пожалуйста, дайте мне время.

Веремунд погладил девушку по спине.

— Дитя мое, нам не дано все предвидеть, но кое-что для нас очевидно. В Смиртоне Аксис надолго не остановится, поспешит в Горкен-форт. Важно, чтобы ты опередила его, и к тому времени, как он появится в Горкен-форте, стала женой Борнхелда. Вообразив, что ты не можешь жить без него и потому приехала в Горкентаун, не в силах томиться ожиданием в Арсене, Борнхелд возгордится, почувствует себя триумфатором, а когда женится на тебе, ему будет не до поединка с Боевым Топором, на которого станет смотреть сверху вниз. Не забывай и о том, что выйти замуж за Борнхелда — твой долг, и невелика разница, когда это произойдет.

— Я понимаю, — ответила Фарадей, вспомнив поучения Эмбет. — Но как я попаду в Горкен-форт раньше Аксиса?

Блюстителю пророчества облегченно вздохнули. У них не было уверенности, что Фарадей пойдет им навстречу, а приказать ей они не имели права. Ир подбежала к девушке и прыгнула ей на колени, разрешая себя погладить.

— Ты отправишься в Горкен-форт вместе со мной и Ир, — сказал Джек. — Оставайся в колонне, пока не приедешь в Арсен, а как только топорonoсцы двинутся дальше, мы отправимся в Горкен-форт. Только ничего не говори матери.

Фарадей улыбнулась.

— Да, если я расскажу о вас матери, она посчитает, что я повредила в уме.

— Было бы лучше отправиться в Горкентаун немедленно, — продолжил Джек, — но, обнаружив, что ты исчезла, Аксис бросит на поиски всю колонну, а от нескольких тысяч топорonoсцев нам не уйти.

— Скажите, а Аксис знает о том, что ему следует совершить?

— Нет, не знает, — ответил Огден. — Он еще не готов к выполнению миссии. Узнает обо всем позже, когда изменит свои убеждения.

— Вы говорили, что передо мной стоят две задачи. Одна — поскорее выйти замуж за Борнхелда. А какая другая?

— О второй задаче ты узнаешь в пути, когда отправишься в Горкентаун, — пояснил Веремунд. — Сейчас ты слишком возбуждена, устала. Скажи напоследок, ты не отступишь от своего слова?

— Не отступлю, но думаю, вы не совсем понимаете, на какое самопожертвование мне придется пойти.

— Пророчество требует мужества от многих людей, Фарадей. И знай, нам, блюстителям предсказания, придется труднее всех. Так что не говори нам о самопожертвовании.

— Извините меня, — Фарадей смутилась.

— Я знаю, тебе нелегко, — продолжил Веремунд мягким голосом. — Ты действительно жертвуешь многим: своей любовью, своими надеждами. Но это жертва во имя великой цели. А теперь тебе пора спать. Ир проводит тебя.

Оставшись одни, Джек, Огден и Веремунд провели несколько минут в полном молчании. Первым заговорил Джек:

— Пророчество набирает силу, друзья. Мы дали знать Разрушителю о нашем существовании, но только мы не в полном составе.

— Где она? — спросил Веремунд. — Почему до сих пор не с нами?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Тучи сгущаются

Забравшись в постель, Фарадей не могла сомкнуть глаз. Мысль невольно возвращалась к разговору с блюстителем пророчества и данному им обещанию поскорее выйти замуж за Борнхелда. И все-таки навалившаяся усталость взяла свое. Блаженное ощущение покоя дало другое направление ее мыслям, и тревога сменилась надеждой на лучшее будущее. Во сне она видела Аксиса, ощущала на губах его нежные поцелуи, замирала в его объятиях.

Проснувшись, она увидела, что матери нет в палатке, а на ее походном матрасе, свернувшись клубком, лежит кошка. Увидев кошку, Фарадей вернулась к тяжелой реальности. Скоро она выйдет замуж за Борнхелда. В то же время она смешалась. Как теперь вести себя с кошкой? Подумав, решила, что приветствие никогда не бывает лишним.

— Доброе утро, Ир, — сказала она.

— Ты слишком долго спишь, Фарадей, — ответила кошка. — Я давно хочу есть.

Позавтракав, топорonoсцы двинулись дальше по направлению к Арсену. Погода резко ухудшилась. Северный ветер, и так досаждавший всадникам, заметно усилился, но странное дело: облака не рассеялись, а опустились ниже к земле, поливая путешественников холодным дождем. Сверкали молнии, грохотал гром.

Веремунд, ехавший рядом с женщинами, то и дело обменивался тревожными взглядами с кошкой, устроившейся на чепраке позади Фарадей.

— Извините меня, — наконец произнес монах. — Мне надо поговорить с Огденом, — Веремунд ударил осла ногами и помчался вперед.

Поравнявшись со своим компаньоном, Веремунд утробно сказал:

— Странные облака. Стелятся чуть ли не по земле.

— Порождения Горгрила, — хмуро ответил Огден. — В колонне пятеро его злейших врагов. Прекрасная возможность покончить со всеми разом.

— Что же делать?

— Мы можем лишь предупредить Аксиса об опасности. В Разрушителя он не поверит. Скажем, что надвигается ураган. А урагана не избежать, можешь не сомневаться.

Монахи припустили ослов. Догнав Аксиса и ехавшего рядом с ним Велиара, Огден сказал:

— Боевой Топор, надвигается ураган. Кругом равнина. Негде укрыться.

Аксис кивнул. Порывы ветра достигли угрожающей силы. Поразмыслив, он осадил Белагеца. Остановился и лейтенант.

— Велиар, мы далеко отъехали от холмов?

— Не берусь сказать точно. Солнца не видно. Но думаю, мы в пути больше часа.

Больше часа! Аксис тихонько выругался. Вместо того чтобы подумать о безопасности войска, он больше часа думал о Фарадей, вспоминал ее неожиданное признание и размышлял, хватит ли у девушки сил, чтобы порвать с Борнхелдом.

— Огден прав, Велиар. Надвигается ураган. Как ты думаешь, когда он на нас обрушится?

Лейтенант уставился вдаль. Тем временем колонна двигалась дальше. Топороносцы кидали на остановившихся командиров тревожные взгляды.

— Линии горизонта не видно, — ответил лейтенант, повернувшись к Аксису. — Думаю, до урагана менее часа.

— Велиар, разворачивай колонну. Поедем обратно. И распорядись, чтобы ехали быстро. Холмы — единственное место, где можно укрыться от урагана.

Велиар кивнул и поднял лошадь в галоп, устремившись к первым рядам колонны.

Аксис проводил его обеспокоенным взглядом. Развернуть колонну непросто. Не оберешься хлопот со сменными и вьючными лошадьми. Да и три с половиной тысячи всадников могут нарушить строй. А тут еще дождь, сильный ветер!

Беспокойство Аксиса не оказалось напрасным. Колонна, поначалу правильно изогнувшись, вскоре рассыпалась.

Воздух огласился проклятиями солдат и пронзительным ржанием лошадей. Но вот произошло самое худшее: освободившиеся от поводьев сменные и вьючные лошади понеслись друг за другом, не разбирая дороги, увлекая за собой растерявшихся всадников.

— Боевой Топор должен знать правду, — вполголоса сказал Веремунд, приблизившись к Огдену. — Думаю, он все же прислушается к нашим словам.

Огден кивнул и осторожно подъехал к Аксису, конь которого выказывал явные признаки беспокойства.

— Боевой Топор, этот хаос — дело рук Разрушителя.

— Тогда скажи, как бороться с ним, — раздраженно ответил Аксис, взирая на проносившихся мимо всадников.

— Я не знаю, — прошептал Огден. — Не знаю.

— Тогда поехали. Строй не восстановить, но, может, доскакав до холмов, лошади успокоятся.

Боевой Топор дал шпоры коню. Огден и Веремунд поскакали следом.

Развернуться в нужном направлении всадникам помог Тимозел, ударяя мечом плашмя их лошадей.

Юноша встревожился не на шутку. Ветер усилился — вот-вот выкинет из седла, а низкие жуткие облака, освещаемые странными разноцветными вспышками таинственного огня, словно взбесились и, казалось, кипели над головой.

Фарадей едва держалась в седле. Она вспомнила, как внезапно сверкнула молния, и прогремел гром, когда сидела на вершине холма вместе с блюстителями пророчества. Не иначе как этот проклятый ветер, холодный дождь и устрашающие грозные облака — злонамеренное развитие того неожиданного явления.

— О Аксис, — прошептала девушка, озираясь по сторонам, — да убережет тебя Артор!

Не лучше себя чувствовала и кошка. Она сидела на крупной лошади, вцепившись в край чепрака, и гневно шипела. Уловив слова Фарадей, кошка, сверкнув глазами, произнесла:

— Джек! Джек! Явись! Помоги!

Фарадей молила, чтобы лошадь не понесла. Мимо проносились кони без седоков, рядом скакали всадники с мертвенно-бледными лицами и вытаращенными глазами. Неожиданно она услышала сзади крик. Обернулась. Одна из служанок лежала распростертая на земле под копытами проносившихся лошадей. Фарадей с трудом осадил лошадь.

— Девушке уже не поможешь, — глухо сказал подъехавший Тимозел. — Спасайся сама. Вперед!

Мимо с выражением смертельного ужаса на лице пронеслась, держась за гриву взмыленной лошади, Мерлион. Фарадей поскакала следом за матерью.

Аксис оглянулся через плечо. Где монахи? Слава Артору, не отстали. Но что это? Аксис вздрогнул. Висевшее над головой низкое облако приняло очертание человекоподобного существа. Аксис вгляделся: крупная косматая голова с глубоко посаженными глазами, источающими угрозу, крючковатый нос, чудовищные клыки, с которых капает омерзительная слюна. Существо походило не только на человека, но и на злобную, хищную птицу, распростершую крылья.

— Аксис, сын мой, — донеслось сверху.

— Ты не мой отец, — пробормотал Боевой Топор.

— Это существо — порождение Горгрила, — произнес Веремунд, приблизившись к Аксису. — Не слушай его!

— Твоя мать не отвергла меня, любила, — снова донеслось сверху. — Да, она любила меня.

Неожиданно Аксис остановился. Казалось, он оцепенел от неимоверного ужаса. Его лицо помертвело, взгляд помутился.

— Аксис, Аксис, поехали, — заторопил его Веремунд. Аксис не шелохнулся, да и Белагез замер на месте. Веремунд оглянулся.

— Огден, что делать? Если Аксис останется здесь, он пропал. Облако поглотит его.

— Я знаю, что делать, — ответил Огден.

Он подъехал вплотную к Аксису, привстал на стременах и перебрался на круп коня. Усевшись позади Аксиса, Огден обнял его за плечи и, прошептав в самое ухо: «Мальчик мой, ты помнишь эту мелодию?», стал напевать веселую песенку.

Аксис вздрогнул. Огден продолжал петь. Он пел все громче и громче. Аксис повернул голову, его взгляд стал осмысленным.

— Ты вспомнил песенку, Аксис? Тогда пой, пой вместе со мной.

Аксис запел, сначала немного сбиваясь, а потом все уверенней и уверенней, словно вспомнив когда-то разученные слова.

Услышав песню, Веремунд воспрял духом, приободрился. То была икарийская песня, которую обычно пели будущие отцы еще не родившимся детям — детям, находившимся в чреве матери. То была песня, считавшаяся магическим средством против опасности. Если отец Аксиса икариец, песня убережет командира топороносцев от страшного призрака.

— Пой, Аксис, пой, — прошептал Веремунд, едва сдерживая набежавшие слезы.

Аксис продолжал петь. Он пел все звонче и звонче, сумев придать, казалось бы, неприятязательной песенке новое торжественное звучание. Его лицо прояснилось, глаза заблестели.

Веремунд поднял голову, погрозил призраку кулаком.

— А тебе, Горгрил, пел отец эту песню?

Неожиданно сверху раздался протяжный, печальный, высокий звук, похожий на поминальный плач. Звук нарастал, становился громче и вдруг прорвался душераздирающим воплем, исторгнутым, казалось невыносимой болью.

Призрак исчез, на его месте появилось обычное облако, однако ветер не стих, его порывы даже усилились.

— Огден, Аксис, поехали! — сказал Веремунд.

— Это не мой отец, — прошептал Аксис и дал шпоры коню.

Веремунд поскакал сзади. Осел Огдена, оставшись без седока, помчался вперед и вскоре скрылся из вида.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Ураган

Изнемогая от усталости, задыхаясь, топорonosцы продолжали единоборство с ветром, дождем и мраком, гонимые одним безумным желанием: поскорее добраться до цепочки древних холмов. Однако земля раскисла, и теперь лошади еле плелись, скользя и спотыкаясь на каждом шагу. Дождь лил не переставая, ветер достиг ураганной силы. И даже у бывалых солдат, грязных и промокших до нитки, как и другие топорonosцы, был перепуганный, затравленный вид, как у загнанного зверя, который слышит приближающийся лай гончих.

Фарадей, не менее грязная и промокшая, чем солдаты, продолжала путь в сопровождении Тимозела.

Но вот и холмы! Девушка остановилась, огляделась по сторонам.

— Тимозел, где мама?

Тимозел спешился.

— В этой сумятице ее не отыщешь. Фарадей, слезай с лошади. Нам надо найти укрытие.

— Мама! Где моя мама?

Тимозел поспешно подошел к девушке, взял ее обеими руками за талию, приподнял и поставил было на землю, когда ему на плечо прыгнула кошка. Тимозел потерял равновесие, и Фарадей вместе с Ир полетела в грязь. Лошадь шарахнулась в сторону, отбежала.

Ослепив глаза, ударила молния. Поднявшаяся на ноги Фарадей закричала от страха, но осталась целой и невредимой, а вот лошадь как подкошенная упала на землю. Тимозел подбежал, собираясь помочь ей встать, и в ужасе отшатнулся: тело лошади пронзило ледяное копьё.

Воздух огласился пронзительным свистом: к земле летели новые копыя, поражая топорonoсцев и лошадей.

— Фарадей, скорее к холму! У подветренной стороны можно спастись.

Тимозел схватил девушку за руку и повлек за собой, прокладывая путь между поверженными наземь топорonoсцами и непрерывно увертываясь от растерявшихся всадников и обезумевших лошадей.

Благополучно достичь холма Тимозелу не удалось. Проносившаяся мимо лошадь ударила его крупом в плечо, и он полетел на землю, увлекая за собой Фарадей.

Приподнявшись, девушка закричала: в нескольких шагах от себя она увидела Мерлион, пригвожденную к земле ледяным копьём. По ее щекам, словно слезы стекали капли дождя. Фарадей поднялась, подошла, спотыкаясь и, разрыдавшись, упала на тело матери.

Тимозел замер от потрясения. Он часто видел смерть на поле сражения, но ни разу не был так поражен, как

теперь, глядя на бездыханное тело женщины, пронзенное поистине дьявольским невероятным оружием, и распростертую рядом с ней девушку, обезумевшую от безысходного горя.

Тимозел встrepенулcя, когда услышал повелительный голос:

— Нельзя терять время. Этой женщине уже ничем не поможешь. Фарадей, дай мне руку.

Тимозел поднял голову. Перед ним стоял человек средних лет, по виду крестьянин. В руке он держал палку с металлическим набалдашником. Откуда он взялся?

— Горгрил разбушевался, — продолжил твердым голосом незнакомец. — Вы представляете для него хорошую цель. Надо уйти отсюда как можно скорее.

Фарадей приподняла голову, оглянулась.

— Джек, — прошептала она.

— Пойдемте, пойдемте, — ответил Джек, приподымая девушку за руку. — Ир, следуй за нами.

Видя, что девушка нисколько не удивилась появлению незнакомца, и даже знает его по имени, Тимозел не стал задавать вопросов и молча присоединился к Джеку и Фарадей.

Ледяные копья больше не сыпались, но дождь и ветер не утихали. Топороносцы спешили к подветренной стороне холмов.

Подойдя вместе с Тимозелом и Фарадей к ближайшему холму, у подножия которого уже толпилось несколько десятков солдат, Джек обратился к юноше:

— Тебе, молодой человек, лучше остаться с топороносцами, а мы с Фарадей пройдемся, поищем место, где девуш-

ка, не стыдясь посторонних глаз, сможет оплакать мать, — глаза Джека зажглись изумрудно-зеленым светом.

Тимозел покорно кивнул, впад в забытие. Когда он пришел в себя, Фарадей и Джек были еле видны. Юноша потряс головой. Как он мог отпустить девушку с незнакомцем? Подозрительный человек, может, даже колдун. Довел до беспамятства. Навредить беззащитной девушке ему и вовсе не составит труда. Рассудив таким образом, Тимозел побежал, бросившись вдогонку за видневшимися вдали Джеком и Фарадей.

Подойдя к последнему из холмов, Джек обнял Фарадей за плечи и, чувствуя, что творится в душе у девушки, только что потерявшей мать, спросил мягким голосом:

— Дорогая, ты помнишь данное тобой обещание?

Фарадей кивнула.

— Разрушитель натворил много бед, — продолжил Джек, похлопывая девушку по спине, — но нам не грех воспользоваться сложившейся ситуацией и отправиться в Горкентаун прямо сейчас. Аксис посчитает тебя убитой и не станет искать.

Фарадей возразила:

— Но я чувствую, Аксис любит меня. Если он посчитает меня убитой, то переживет потрясение.

— Любовь к тебе отвлекает Аксиса от его высокого предназначения. Будет лучше, если ты прямо сейчас отправишься к Борнхелду, — Джек перевел взгляд на кошку и похлопал себя по плечу. — Ир, влезай.

Оказавшись на плече Джека, Ир нетерпеливо произнесла:

— Поспешим!

Джек кивнул и снова взглянул на девушку.

— Фарадей, обхвати мой посох руками, он убережет тебя от опасности.

Убедившись, что девушка обхватила посох, Джек постучал им три раза по оказавшемуся рядом плоскому камню и возгласил:

— Пойте звонко, летайте высоко, Звездные Странники! Во имя того, кто однажды к вам присоединится, пустите нас в усыпальницу Великого Котя!

Едва Джек замолчал, чья-то рука коснулась его плеча. Он обернулся: перед ним стоял Тимозел. Лицо Джека перекосилось от гнева. Вознегодовала и кошка. Она зашипела и укусила Тимозела за палец.

Фарадей собиралась заступиться за юношу, но в это время земля под ногами неожиданно задрожала, образуя расщелину. Девушка инстинктивно попятилась, испустила крик, но расщелина вмиг расширилась, и Фарадей полетела вниз. Получив удар камнем по голове, она потеряла сознание.

Подъехав к холмам, Аксис содрогнулся от ужаса. Куда ни глянь, на земле в лужах крови лежали пронзенные ледяными копьями люди и лошади. Отовсюду неслись тяжкие стоны и предсмертные хрипы раненых.

Аксис остановился, прикинул: потери — около двухсот человек. Он застонал.

— Это дело рук Горгрила, — раздался за его спиной голос Огдена.

Аксис не обернулся. Склонив голову, он прошептал:

— О Артор, что я наделал! Разве от урагана может погибнуть столько людей?

— Ты сделал все, что мог, Боевой Топор, — сказал подъехавший Веремунд, держа на поводу осла Огдена. — Сражаться мечами и топорами с ураганным ветром и ледяными копьями бесполезно. Если бы ты не вернул войско к холмам, то потерял бы гораздо больше людей.

Веремунд Аксиса не утешил. Боевой Топор упрекал себя за непозволительную расслабленность. Вместо того чтобы своевременно обратить внимание на ненастье, он думал о Фарадей, предаваясь иллюзорным надеждам.

Аксис поехал дальше, мрачно вглядываясь в лица погибших топороносцев. Потом поднял голову. Фарадей! Слава Артору, живая и невредимая! Но что она делает на краю гряды? Рядом с ней Тимозел и невесть откуда взявшийся человек, по виду вроде крестьянин. Аксис дал шпоры коню.

Неожиданно земля затряслась. Белагез споткнулся и чуть не упал. Раздался крик. Фарадей! Она шатается, еле держится на ногах! И вдруг Аксис с ужасом увидал, как Фарадей, а вместе с ней крестьянин и Тимозел проваливаются под землю.

Аксис поднял коня в галоп. Поздно! На том месте, где только что была Фарадей, высилась куча грязной мокрой земли, увенчанная большим плоским камнем. Аксис спрыгнул с коня и, упав на колени перед горкой земли, издал душераздирающий крик: «Нет!»

К Аксису подъехали Огден и Веремунд.

— Их не вернуть, — сказал Огден.

Аксис не слышал. С исступленным выражением на лице он водил дрожащей рукой по камню и шептал:

— Нет! Этого не может быть! Нет!

Услышав крик Аксиса, к нему подошел Велиар. Его плечо было в крови. Заметив рядом монахов, лейтенант махнул им рукой, повелевая отойти в сторону, затем склонился над Аксисом и что-то шепнул ему на ухо.

Аксис кивнул и поднялся на ноги.

— Я найду Разрушителя и сражусь с ним, — твердо произнес Боевой Топор. — За свои злодеяния он поплатится жизнью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В усыпальнице Великого Когтя

Когда к Фарадей возвратилось сознание, она почувствовала, что голова раскалывается от боли. Тело ломило. Казалось, на нем не осталось живого места. На лице какая-то тяжесть. Девушка повела головой, стараясь освободиться от неприятной помехи.

— Я вытираю тебе лицо, ты запачкалась, — раздался рядом спокойный голос. Помеха исчезла.

Фарадей открыла глаза. Вокруг царил полумрак. Вглядевшись, она увидела склонившегося над ней Джека.

— У меня все болит, — с трудом прошептала девушка.

— Не думал, что мы попадем в усыпальницу, подвергаясь опасности, — смущенно произнес Джек. — Нам с Ир повезло, мы нисколько не пострадали, а на тебя и топоносца посыпались камни.

— Тимозел! — Фарадей стремительно села и, застонав от боли, схватилась за голову.

— Не надо делать резких движений, — посоветовал женский голос. — Сейчас я помассирую тебе голову. Станет легче.

Ощувив приятное поглаживание, Фарадей закрыла глаза. Массаж помог. Головная боль отступила.

— Спасибо, — произнесла Фарадей, снова открыв глаза. Перед ней прямо на полу сидела нагая женщина с длинными белокурыми волосами по пояс.

— Откуда ты взялась? — девушка отшатнулась.

— Ты не узнаешь меня, Фарадей? Я — Ир. Это мое человеческое обличье, — женщина провела рукой по груди.

— Ты можешь менять обличье?

Ир весело рассмеялась.

— Это довольно трудно, но здесь, в усыпальнице Великого Когтя, ощущается аура магической силы, и потому изменить обличье труда не составило, — Ир помолчала и продолжила доверительно: — Когда я была кошкой, Джек все время ворчал. Конечно, смотреть на женские прелести интереснее, — она снова заливисто рассмеялась и озорно подмигнула Джеку. — Но посуди сама, Фарадей, разве на кошку обращают внимание? В королевском дворце я заходила, куда хотела. Чего только не понаслушалась! Пожалуй, была самой осведомленной особой. А Джек на меня беспрестанно дулся. Разумеется, его можно понять...

— Помолчи! — рявкнул Джек. — Фарадей, ты можешь подняться на ноги?

Ир и Джек помогли девушке встать. Фарадей огляделась. Да она оказалась в настоящем подземном зале! Длинные стены пейсов по сорок, короткие — по пятнадцать. Стены и пол — каменные, потолок земляной. У стен, на

высоких подставках — по медной лампе, светящейся тусклым светом. Посреди зала длинный блок из белого камня, похожий на постамент. Неужели для гроба? Фарадей вздрогнула. Слава Артуру, постамент пуст. Она снова посмотрела на потолок.

— После того как мы провалились в расщелину, земля над нами сомкнулась, — пояснил Джек, проследив глазами за взглядом девушки. — Несомненно, свидетели происшествия решили, что мы погибли.

Фарадей снова вздрогнула. Аксис решит, что она погибла. Но, может, оно и к лучшему? Неожиданно она увидела Тимозела, распростертого на полу. Фарадей склонилась над ним.

— Тимозел, — позвала она.

Джек и Ир помрачнели. Топороносец мог нарушить их планы.

Фарадей тронула Тимозела за подбородок. Тот даже не шелохнулся.

Джек тяжело вздохнул.

— Подожди, Фарадей. Я сам помогу ему.

Джек сел на корточки и положил руку на лицо Тимозелу. Из пальцев Джека вырвались изумрудно-зеленые огоньки. Постепенно щеки Тимозела порозовели, он шевельнулся и застонал.

— Фарадей, — сказал Джек. — Ты должна убедить своего приятеля, что ни я, ни Ир не представляем для него никакой угрозы. Он вооружен и если придет в неистовство, нам с ним не справиться. Мы блюстители и слуги пророчества и не можем умереть раньше времени.

Фарадей кивнула и погладила юношу по щеке. Тимозел встрепенулся, открыл глаза, стремительно сел и схватился

за меч. Джек и Ир инстинктивно отпрянули. Фарадей схватила юношу за руку.

— Тимозел, не волнуйся. Все в порядке. Мы в безопасности.

Юноша огляделся.

— Фарадей, что случилось? — удивленно воскликнул он.

— Все хорошо, Тимозел, — ответила девушка, поглаживая его по руке. — Все хорошо.

— Где мы? Как попали сюда?

Заметив Джека, Тимозел помрачнел. Тот самый колдун, который довел его до бесчувствия. Юноша отвел глаза в сторону и пришел в еще большее замешательство, увидев нагую женщину.

Заметив смущение Тимозела, Ир прикрыла грудь волосами, а затем, неспешно накручивая на палец длинную прядь, одарила юношу кокетливым взглядом.

Тимозел покраснел, Джек вспыхнул от гнева.

— Ир! — гаркнул он.

— Не сердись, Джек, — сказала Ир примирительно. — У меня нет одежды.

Не отрывая взгляда от незнакомки, Тимозел скинул плащ и протянул его Ир.

— Возьми!

— Он мокрый, — капризно сказала Ир.

— Надевай, тебе говорят! — вспыхнул Джек, в первый раз пожалев, что Ир обернулась женщиной.

Ир вздохнула и закуталась в плащ.

— Он скоро высохнет, — сказала она, улыбнувшись. — Благодарю тебя, Тимозел.

Оправившись от смущения, юноша поклонился.

— Миледи! — произнес он.

Фарадей взяла Тимозела за руку.

— Тим, это Джек и Ир. Они... — Фарадей замялась и вопросительно взглянула на Джека.

— Тимозел, ты помнишь пророчество, с которым тебя, Аксиса, Арна и Гилберта познакомили в башне Безмолвной Женщины? — спросил Джек. Тимозел кивнул. — Так вот, мы с Ир — блюстители и слуги этого предсказания.

Тимозел нахмурился. Конечно, он помнит это пророчество, но если раньше оно казалось ему всего лишь любопытной загадкой, то теперь, после гибели его товарищей по оружию, оно обрело устрашающую реальность. Тимозел знал — тому его учили с раннего детства — любая магия, а тем более колдовство — наипервейшее зло, носителями которого являются коварные безжалостные отверженные. Может, этот таинственный человек, называющий себя блюстителем предсказания, и в самом деле колдун, а эта странная женщина — чародейка? Тимозел снова потянулся к мечу.

— Оставь свой меч, Тимозел, — поспешила вмешаться Ир. — Мы с Джеком не причиним тебе зла. Наша задача — найти Звездного Человека и помочь ему победить Разрушителя.

— А зачем вы похитили Фарадей?

— Меня никто не похитил, — ответила девушка, опередив блюстителей предсказания. — Джек и Ир провожают меня в Горкентаун, чтобы я смогла поскорее выйти замуж за Борнхелда. Они полагают, что я придам ему силы в борьбе с бестелесными существами.

— Они считают, что Борнхелд сможет спасти Ахар?

— Он сыграет важную роль в защите Ахара, — пояснил Джек. — Если Фарадей будет рядом, она вдохновит его.

Тимозел задумался. Выйти как можно скорее замуж после помолвки — вполне естественное желание. К тому же, может, Борнхелд и в самом деле воодушевится, если Фарадей будет рядом. И все же далеко не все ясно.

— А зачем мы опустили в это чертово подземелье? — спросил Тимозел.

— Оставаться с солдатами очень опасно, — ответила Фарадей. — Ты же видел, какому страшному нападению подверглись топороносцы. Кроме того, если бы я оказалась в Арсене в доме графа Бурдела, то могла бы там застрять на неопределенное время. Я горю желанием поскорее встретиться с Борнхелдом и потому без колебаний приняла предложение Джека отправиться в Горкентаун немедленно, — давая пояснения Тимозелу, Фарадей удивлялась, как ворочается у нее язык, но сочла, что Артор простит ей ложь.

Выслушав Фарадей, Тимозел кивнул и снова задумался. Путь до Горкентауна долог, опасен. Разве Джек сумеет защитить Фарадей в случае нападения? У него и оружия нет. К тому же он и сам подозрителен, да и его спутница — тоже. Девушке нужен настоящий защитник, воин. Таким защитником может стать он, Тимозел. Артор предоставляет ему шанс отличиться.

Рассудив таким образом, Тимозел приблизился к Фарадей, упал перед ней на одно колено и взял ее руки в свои.

— Госпожа, — сказал торжественно он, — перед всевидящим оком Артора обязуюсь стать твоим верным защитником. Знай, я не пожалею собственной жизни, чтобы защитить твою честь и твое телесное существо. Артор сви-

детель, я даю обет добровольно, и только моя смерть или твой отказ от моих услуг может прервать мою почетную миссию. Леди Фарадей, берешь ли ты меня в услужение?

Фарадей слушала Тимозела со смешанным чувством удивления и растроганности, отдавая дань преданности и чистосердечию юноши. Но что ответить ему? Она знала, что воины нередко служили прекрасным дамам, но это было давно. Воин, бравший даму под свое покровительство, становился не только ее защитником, но и другом, советчиком. В то же время он не претендовал на интимные отношения с подопечной, а если и испытывал к ней романтические чувства, то таил их в себе, предпочитая платоническую любовь. Возможно, когда она выйдет замуж за Борнхелда, Тимозел скрасит ей жизнь. И все же не зная, на что решиться, Фарадей вопросительно посмотрела на Джека.

Джек кивнул, рассудив, что топороносец не окажется лишним на пути в Горкентаун.

Заручившись одобрением Джека, Фарадей степенно произнесла:

— Я принимаю твое предложение, Тимозел. Благодарю тебя от всего сердца. Да приобретем мы благоволение Артора, и да сохранит он нас на нашем пути.

Тимозел улыбнулся, поцеловал девушке руку и выпрямился. Он был доволен. Теперь Джек, если захочет причинить девушке зло, наверняка призадумается. У Фарадей появился настоящий защитник. Юноша принял надменный вид и, повернувшись к Джеку, важно сказал:

— А теперь расскажи, где мы находимся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Вечер у могильных курганов

Ураган прекратился, и топорonoсцы по распоряжению Аксиса разбили лагерь у подветренной стороны холмов, чтобы, переночевав, снова двинуться в путь. Поставив палатки, солдаты принялись за рытье могил для убитых, в то время как лекари уже хлопотали над ранеными, которых предстояло на носилках отправить в Тэар.

— Если в этих курганах лежат отверженные, то почему бы этой земле не принять и ахаров, — угрюмо заметил Аксис, когда к нему подошли Огден и Веремунд. — Надеюсь, вы отпоете покойников.

Монахи переглянулись и согласились.

После похорон у палаток загорелись костры. Аксис ходил от костра к костру, отвечая на вопросы топорonoсцев и воодушевляя раненых и уставших. Однако, подбадривая солдат, он со стыдом ощущал, что и сам не может обрести душевного равновесия. Мысль его невольно все время об-

раждалась к страшным событиям прошедшего дня, а перед глазами стояло омерзительное видение. Еще хорошо, что этого призрака не видел никто другой, кроме него самого и монахов. Как бы он объяснил солдатам, почему призрак называл его своим сыном? Кто же на самом деле его отец? Озабоченный этой мыслью, Аксис подошел к костру, около которого сидели Огден и Веремунд, склонившись над толстой книгой.

— И что же вы нашли в этой книге? — спросил Аксис, заложив руки за спину. — Может, в ней сказано, как противостоять Разрушителю или как уберечься от его дьявольских копий?

— Присаживайся к костру, Аксис, — ответил Веремунд, оторвавшись от книги. — Нам надо поговорить.

Аксис быстро сел, скрестив ноги, как показалось Огдену, с грацией икарійца.

— Нам действительно надо поговорить, — сказал Боевой Топор. — Надеюсь, вы не станете от меня ничего скрывать.

— Мы и так от тебя ничего не скрываем, — ответил Огден. — Просто в пророчестве нам многое и самим непонятно.

— Но, может быть, вы все-таки скажете, кто явился мне в виде призрака. Это был Разрушитель?

— Нет, то было изображение Разрушителя. Самому Горгрилу так далеко на юг не забраться.

— А почему он напал на нас?

— Горгрил знает, что ты ведешь войско на север, чтобы сразиться с его солдатами, бестелесными существами. Чем меньше топорonoсцев доберется до Горкен-форта, тем лучше для Разрушителя.

Аксис кивнул, задумчиво уставившись на костер. Да, он ведет войско на север, но, даже не добравшись до Арсена, успел потерять не только две сотни топорonoсцев, но и Фарадей с Тимозелом.

Наступило молчание. Монахи уткнулись в книгу, словно почувствовав, какие душевные муки переживает их собеседник. Они знали, что Фарадей не погибла, но не хотели, чтобы Аксис свернул с предначертанного пути. Они ведь были блюстителями пророчества.

— А что, если Горгрил опять нападет на нас? — спросил Аксис, нарушив затянувшееся молчание. — Что надо делать, чтобы отразить нападение?

Веремунд и Огден переглянулись. Они уже обсуждали действия Разрушителя и дружно сошлись на том, что Горгрил наслал губительный ураган, обнаружив в колонне топорonoсцев сразу пятерых своих злейших врагов: Аксиса, Фарадей и блюстителей предсказания. Монахи также сочли, что Горгрил вряд ли возобновит нападение, узнав, что Фарадей и Ир скрылись. К тому же они посчитали, что Разрушитель потратил на нападение много сил и на какое-то время выдохся.

— Мы полагаем, что Горгрил, если и нападет опять на колонну, то только на севере, — ответил Огден. — Разрушитель потерял много сил и даже до центральных провинций Ахара ему пока не добраться. Подумай сам, Аксис. Ураган длился недолго. Если бы Горгрил мог, он бы уничтожил не двести топорonoсцев, а всю колонну. Пока он не наберет силу, он будет действовать лишь на севере.

— А почему Разрушитель вторгается в мои сны? — спросил Аксис.

— Горгрилом движет ненависть, она — основа его па-
костной жизни.

Аксис кивнул.

— Я чувствую, он ненавидит меня.

— Он ненавидит всех, кто стоит на его пути, пути то-
тального разрушения.

— Почему?

Огден пожал плечами.

— Он просто ненавидит, другого ему не дано. Горгрил
делает все, что ему по силам, чтобы запугать тех, кто может
ему помешать. Он чувствует, что ты его враг, и при каждой
возможности устрашает тебя.

Снова наступило молчание, хотя монахи знали заранее,
о чем еще спросит Аксис.

Они не ошиблись.

— Скажи, Огден, что за песню мы пели, когда Разру-
шитель напал на нас? — спросил Боевой Топор.

— Эта песня отводит несчастья.

— Колдовство! — Аксис нахмурил брови.

— Нет, нет, никакого колдовства. Она просто отводит
зло. Эту песню знают лишь те, кто слышал ее, еще не по-
явившись на свет, пребывая в утробе матери. Аксис, тебе
пел эту песню отец. Ты был желанным ребенком, и отец
хотел уберечь тебя от опасностей.

На глаза Аксиса навернулись слезы. Он отвернулся.

— Не сомневайся, — продолжил Огден, — твой отец
любит тебя. Да, он не дает знать о себе, но тому виной об-
стоятельства.

По щекам Аксиса заструились слезы.

— Кто мой отец? — прошептал он. — Кто?

Огден пересел к Аксису и обнял его за плечи.

— Никто из нас не знает, кто твой отец, — тихо сказал монах, хотя и догадывался, что отец Аксиса икариец, из числа чародеев. — Когда ты его найдешь, тьма для тебя станет светом.

— Когда я читал пророчество в башне Безмолвной Женщины, то мне и тогда казалось, что тьма для меня становится светом, а теперь я задумываюсь над тем, не лучше ли, как и прежде, бродить в потемках.

Высказав это горестное суждение, Аксис поднялся.

— Пора расходиться. Завтра мы отправимся в Арсен, а оттуда, пополнив продовольственные запасы, напрямик в Смиртон. Разрушитель не остановит меня. Отряд топорноносцев доставит раненых в Тэар, а затем отправится в Карлон оповестить о случившемся Брата-Наставника. Ложитесь спать, а мне еще предстоит написать леди Тэар о гибели Тимозела.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Звездные Врата

— Мы в усыпальнице девятого из двадцати шести Великих Когтей, похороненных в этой местности, — ответил Джек, выслушав Тимозела.

Топороносец огляделся по сторонам. Он находился в подземном зале. Стены каменные, пол выложен плитами. Кроме длинного блока из белого камня и светильников на подставках, в зале не было ничего. Да что обстановка! В помещении не имелось не только ни одной двери, но и вообще какого-либо проема в стенах.

— Как мы выберемся отсюда? — спросил Тимозел.

— Джек, расскажи подробнее об усыпальницах Великих Когтей, — подала голос Ир.

— Такие склепы были возведены лишь для двадцати шести Великих Когтей, королей Тенсендора. Великие Когти, все икарийцы, правили государством более пяти тысяч лет, но в этих склепах похоронены только избранные.

Остальные покоятся в обычных могилах. Великие Когти, похороненные в курганах, были не только королями Тенсендора, но и искусными чародеями. В этих курганах до сих пор ощущается аура магической силы.

Тимозел сдвинул брови. Воспитанный в почитании и любви к Артору, он хорошо знал: любая магия — зло.

— Неужели Великий Коготь лежит под этим каменным блоком? — спросила Фарадей, с опаской покосившись на постамент.

— Нет, — ответил Джек, улыбнувшись. — Великий Коготь покоился на постаменте, покоился до тех пор, пока не ушел. Его путь предстоит проделать и нам.

— Мы отправимся к Звездным Вратам, — пояснила Ир. — Я никогда их не видела.

Джек кивнул.

— Из всех блюстителей предсказания я один видел эти врата, а в последнюю тысячу лет ими пользовались одни Звездные Странники.

— Кто такие Звездные Странники? — поинтересовалась Фарадей.

— Могущественные икарийские чародеи, — пояснил Джек. — Каждый из них в свое время был королем Тенсендора. Чародеи поклоняются звездам и черпают из них силу.

— А зачем идти к Звездным Вратам? — спросил Тимозел.

— Другого пути на поверхность не существует.

— А этот путь не опасен? — спросила, поежившись, Фарадей.

— Нас поведет Джек, — ответила Ир. — С ним не страшно. Впрочем, он не все рассказал. По существу, скле-

пы в курганах не усыпальницы, ибо не хранят тела умерших. Когда умирал Великий Коготь Тенсендора из числа чародеев, икарийцы возводили курган с залом внутри, а под этим залом строили лестницу, ведущую к Звездным Вратам. Когда строительство сооружения завершалось, умершего Великого Когтя клали на постамент, после чего вход в склеп замуровывали. Поднявшись со своего ложа, Великий Коготь спускался по лестнице, направляясь к Звездным Вратам. Говорят, все Великие Когти из числа чародеев так и остались у Звездных Врат. Ждут чего-то.

— Чего они ждут? — спросила заинтересованно Фарадей. Хотя она и не утратила веру в Артора, отверженные больше не казались ей коварными существами, и рассказ о Звездных Странниках и Звездных Вратах вызвал у нее не притворное любопытство.

— Об этом знают лишь они сами, — ответила Ир и взглянула на Тимозела.

Топороносцу было не по себе. Как мертвый может подняться с ложа и спуститься по лестнице? Волшебство, да и только! А Джек и в самом деле, видно, колдун. Надо держать ухо востро.

Ир подошла к Тимозелу и положила руку ему на плечо.

— Какое нам дело до мертвых, — проворковала она. — Гораздо лучше иметь дело с живыми, — полы ее плаща разошлись.

Тимозел нахмурился, отстранился.

Ир пожала плечами, надула губы и, запахнув плащ, отошла к стене.

— Довольно! — вознегодовал Джек. — Нам пора отправляться. У нас нет еды. Чем скорее мы выберемся из подземелья, тем лучше.

Джек взял посох в левую руку, а правой погладил металлический набалдашник. Фарадей подошла поближе. На набалдашнике красовался вырезанный в металле замысловатый узорный рисунок. Рассмотреть как следует рисунок не удалось. Джек склонился над посохом и стал что-то нашептывать. Затем его голос стал громче, и, казалось, Джек напевал, но слов было не разобрать. Но вот в такт мелодии из пальцев Джека стали вылетать изумрудные огоньки.

— Не надо ему мешать, — шепнула Ир, подойдя к Фарадей. — Отойди в сторонку.

Фарадей подошла к Тимозелу. Топороносец напряженно следил за Джеком, держа руку на эфесе меча.

Неожиданно Джек поднял посох на уровне плеч, обернулся три раза вокруг себя, а затем, перевернув посох и стукнув набалдашником по ближайшей плите, громко провозгласил:

— Звездный Странник, открой!

Плита отошла вниз и отодвинулась в сторону. У ног Джека открылось отверстие.

— Молодчина, Джек! — воскликнула Ир. — Вижу, ты недаром корпел над древними манускриптами, ожидая Звездного Человека.

Джек зарделся от удовольствия.

Фарадей, Тимозел и Ир подошли к открывшемуся отверстию. В крошечную темноту уходили крутые ступени винтовой лестницы.

— Мы с Тимозелом возьмем по лампе, — сказал Джек, заглянув в отверстие. — Я пойду впереди, а Тимозел — сзади всех. Будьте осторожны: ступени скользкие.

Подобрав полы плаща, Фарадей шагнула в отверстие вслед за Джеком и Ир. Лампы светили тускло. Больше двух-трех ближайших ступенек было не разглядеть. Фарадей содрогнулась. Того и гляди упадешь, а то и шею сломаешь. Вскоре девушка потеряла счет времени. Казалось, спуск бесконечен. Начали болеть ноги. Неожиданно Фарадей наткнулась на Ир.

— Будь внимательна, — раздался сердитый голос. — Джек остановился передохнуть.

Извинившись, Фарадей села и стала растирать икры. Ее примеру последовали Джек и Ир. Оказалось, знакомство с магией не уберегает их от усталости. На ногах остался один Тимозел.

— Джек, еще далеко? — спросила Фарадей, надеясь на благоприятный ответ.

Ответ оказался неутешительным:

— Мы прошли около половины пути.

Ир повернулась к разочарованной девушке и стала приводить ей в порядок волосы, спутанные и мокрые.

Рассудив, что это надолго, Тимозел прислонился плечом к стене и закрыл глаза. Неожиданно перед его мысленным взором предстала удивительная картина: он скачет верхом, но только не на коне, а на каком-то странном животном, которое то галопирует по земле, то, оттолкнувшись, взмывает в воздух и, перебирая ногами, несется дальше.

Тимозел встрепнулся, вскрикнул.

— Что случилось? — встревожился Джек.

— Я поскользнулся, — ответил сконфуженно Тимозел. Джек окинул топоросоца испытующим взглядом.

Тимозелу, видно, не по себе. Потерять присутствие духа в мрачном подземелье не удивительно.

Тимозел опять прислонился к стене и снова закрыл глаза. Теперь он увидел, что скачет во главе огромного войска навстречу неприятельской армии.

Топороносец открыл глаза, на этот раз не издав ни звука. Может, он и впрямь станет командовать целым войском? Пути Артора неисповедимы. Надо только не упустить подвернувшуюся возможность. В рядах топороносцев многого не добьешься. Аксис неравнодушен к матери, а его, ее сына Тимозела, и в грош не ставит.

Топороносец снова закрыл глаза. Голова наполнилась многоголосым воинственным кличем: «За Тимозела! За Тимозела!». Войско пошло в атаку под предводительством искусного полководца, великого воина. Неприятель дрогнул, бежит.

Видение ниспослано Артором, рассудил Тимозел. Вероятно, в награду за то, что стал защитником Фарадей. Что же, он оправдает доверие Артора. Его ждут блистательные победы. Он спасет королевство. Его имя войдет в историю!

Сладостные мечты прервал донесшийся, словно изда-лека, голос:

— Тимозел, что ты бормочешь?

Топороносец открыл глаза. Фарадей! Надо же, прервала пророческое видение.

— Не беспокойся, — выдавил Тимозел. — Все хорошо. Готов идти дальше.

— Нам и в самом деле пора, — отозвался Джек, поднимаясь.

Фарадей снова взглянула на Тимозела. Он уже не опирался на стену, а стоял, дожидаясь, приняв позу, исполнен-

ную достоинства. Казалось, он даже стал выше ростом. Черты лица его обострились, глаза сузились. Девушка улыбнулась. Тимозел — верный рыцарь, настоящий защитник.

Топороносец покровительственно кивнул. Да, он постоит за прекрасную даму. Она может не волноваться. Он защитит ее от любой, даже смертельной опасности и прославится подвигами на все королевство.

Тем временем Джек двинулся дальше. Ступени по-прежнему были едва различимы. Фарадей осторожно спускалась следом за Ир, стараясь не оступиться. Неожиданно вздрогнула, представив себе, как по этой же лестнице когда-то спускался поднявшийся со своего ложа покойник.

Внезапно повеяло холодом, тихонько засвистел ветер.

— Что это? — удивленно воскликнула Фарадей.

— Это голос Звездных Врат, — ответила Ир таинственным голосом.

Свист ветра усилился. Откуда-то снизу полился блекло-голубой свет. С каждым шагом становилось светлее.

Но вот стало совсем светло.

Джек остановился и, погасив лампу, сказал:

— Мы почти что пришли. Тимозел, погаси и ты лампу.

Вскоре лестница кончилась, приведя к длинному коридору, в конце которого виднелась невысокая арка. Теперь свет стал пронзительно голубым, а свист ветра — благозвучным и мелодичным.

Ир пришла в возбуждение. Казалось, она не утерпит и побежит, не дожидаясь других, к видневшейся арке. Разволновалась и Фарадей: впереди новое чудо! Ее дыхание участилось, губы дрогнули. Расценив волнение девушки как тревожное ожидание, Тимозел взял ее за руку.

Заметив движение Тимозела, Джек мягко сказал:

— Вам обоим не о чем беспокоиться. Вам ничто не грозит. Но кое о чем я должен предупредить, — Джек прервал свою речь и с укоризной взглянул на Ир, дернувшую его за рукав. — Не могу похвалить тебя за усердие. К чему нетерпение? Ты — блюстительница пророчества и должна вести себя чинно, хладнокровно и рассудительно, — Джек перевел дыхание и продолжил, обращаясь к Тимозелу и Фарадей: — Так вот, Звездные Врата — святилище икарийцев, но за последнюю тысячу лет сюда не приходил ни один человек. Звездных Странников не принято беспокоить, хотя Звездные Врата очень красивы. Вы слышите их мелодичное пение. Оно завораживает, манит. Но только тот, кто, поддавшись очарованию, ступит в эти врата, обратно никогда не вернется. Вы меня поняли?

Фарадей и Тимозел согласно кивнули.

— Тогда пойдемте. Звездные Врата находятся в Звездном зале.

Тимозел окинул девушку ободряющим взглядом и, держа ее крепко за руку, твердой поступью последовал за Джеком и Ир. Фарадей и в самом деле нечего опасаться: рядом с ней ее верный защитник, будущий полководец, воитель.

Ветер начал стихать, прекратился вовсе, но мелодическое пение не смолкало.

Пройдя под аркой, все огляделись. Они оказались в просторном круглом помещении с высоким куполообразным потолком и расставленными по кругу статуями, изображающими обнаженных мужчин с распростертыми крыльями. Каждый стоял на небольшом постаменте, одни — задумчиво опустив голову, другие — устремив взгляд к центру круга и высоко подняв руки, словно чему-то радуясь. Крылья соседних статуй соприкасались между собой, образуя

арочные проемы. Даже не пересчитав статуи, изображающие мужчин с высоко поднятыми руками, Фарадей поняла, что их двадцать шесть.

— Посмотри, Фарадей, — шепнул Тимозел, подняв глаза к потолку. Под куполом зала на белом фоне перемещались обгоняя друг друга, причудливые голубые тени. Каждая имела свое очертание, свой рисунок, но стоило задержать взгляд на одной из них, как та становилась невидимой, словно растворялась в воздухе. Порождения Темных Сил, рассудил Тимозел.

— Как красиво! — воскликнула Фарадей.

— Вы не туда смотрите, — сказал Джек. — Звездные Врата в центре зала.

Посреди зала оказалось сооружение, похожее на огороженный парпетом круглый бассейн. Фарадей потянула к сооружению Тимозела, но топорonoсец остановился на полпути, вырвав руку. Подойдя к парпету, Фарадей без колебаний опустила на ограждение. К ней подошли Джек и Ир. Все трое заглянули за парпет. Да это не бассейн. Никакой воды.

У Фарадей захватило дух. Да этот космос! Глубины космоса! Мириады звезд, яркие солнца, планеты, луны, кометы. В лицо пахнуло межзвездным ветром. Фарадей хотела что-то сказать, чтобы выразить свой восторг, уже повернулась к Джеку, но не нашла нужных слов, а только вскрикнула от непомерного восхищения. Ничего удивительного, что икарийцы поклоняются Звездным Вратам. Настоящее чудо, недоступное ее соплеменникам! Разве плуг и топор сравнятся с сокровищами бескрайнего космоса? Фарадей потянулась рукой к Звездным Вратам.

Джек тронул ее за плечо.

— В Звездные Врата могут ступить только икарийские чародеи.

Фарадей обернулась. По щекам текли слезы.

— Умершие Великие Когти?

— Не только, — ответил, помедлив, Джек. — Говорят, что однажды среди икарийцев найдется могущественный чародей, который не только при жизни войдет в эти врата, но и вернется целым и невредимым.

— Зачем ему возвращаться, если вселенная так красива?

— Хорошо, что эти врата произвели на тебя впечатление, — тихо ответил Джек. — Помни о них всегда, это поможет тебе.

— Я их никогда не забуду, — пылко произнесла Фарадей.

Джек улыбнулся и, взяв девушку за руку, подвел ее к Тимозелу.

— Вот твоя подопечная, парень.

Тимозел хмуро кивнул, недовольный обращением Джека.

Джек возвратился к Ир, все еще сидевшей на парапете. Выслушав Джека, она кивнула и вместе с ним подошла к Тимозелу и Фарадей.

— Здесь проходов больше, чем холмов наверху, — сказал Тимозел. — Куда ведут остальные?

— Остальные ведут на поверхность, — ответил Джек. — Но только ими давно не пользовались. За каждым таким проходом поднимающийся вверх коридор. По одному из них мы и пойдем. Идите за мной. — Джек направился к арочному проходу между статуями, изображающими крылатых мужчин с поникшими головами.

Выходя из Звездного зала, Фарадей оглянулась, а затем обратилась к Джеку:

— Почему чародеи с крыльями? Что, эти крылья символизируют возможность космических путешествий?

Джек обернулся.

— Эти крылья не символы, дорогая. Просто икарийцы — крылатые люди.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

По равнинам Аркнесса

Коридор, о котором говорил Джек, быстро перешел в заброшенный, прорытый в земле тоннель, потолок которого кое-где подпирали деревянные стойки. Из стен тоннеля торчали корни деревьев, а с потолка сочилась вода, крупные капли которой, падая на голову и за шиворот, растекались между лопатками. Да что вода! С потолка падали и комья земли. Вскоре путешественники стали не только мокрыми, но и грязными.

По словам Джека, тысячу лет назад этот тоннель был главной дорогой к Звездным Вратам, но после того как им перестали пользоваться, его ни разу не укрепляли. Однако самым неприятным сюрпризом для Фарадей оказалась длина тоннеля. Он тянулся на много лиг, и идти предстояло весь оставшийся день и ночь, да и не идти, а брести почти в непроглядной тьме, ибо, чтобы не остаться без света, вто-

рая лампа, по настоянию Джека, была оставлена про запас.

Фарадей шла, вспоминая мать. По ее щекам текли слезы, перемешиваясь с холодными каплями с потолка. Временами, чтобы отвлечься от грустных мыслей, она заговаривала с мужчинами, но те разговор не поддерживали, отвечая коротко и натужно.

Наконец Фарадей потеряла счет времени. Она еле шла, машинально передвигая ноги. Казалось, тоннель никогда не кончится.

Но вот Джек внезапно остановился и принялся водить перед собой лампой. Дорогу преграждала земляная стена.

— Завал, — сказал Джек. — Завал у самого выхода.

— Ты можешь проделать ход с помощью магии? — спросил Тимозел пренебрежительным голосом. Он был недоволен, что Джек, а не он идет во главе отряда, да еще всякий раз действует по своему усмотрению, ни с кем не считаясь.

— Я не маг, — хмуро ответил Джек. — Нам придется проделать ход своими руками. Ир, Фарадей, отойдите в сторону. Мы с Тимозелом примемся за работу, — Джек подошел к стене и попытался отковырнуть ком земли.

— Подожди, — сказал Тимозел. Он вынул топор и стал со всего плеча рубить землю.

— Не переусердствуй, глупец! — вскричал Джек. — На нас может обрушиться потолок, — Джек поднял посох и замер, словно раздумывая, ударить им по стене или огреть не в меру усердного Тимозела.

Предостережение Джека Тимозела не урезонило. Он продолжал яростно махать топором, врубаясь в земляную преграду. Фарадей содрогнулась, наблюдая за мельканием

топора и моля, сама не зная кого, чтобы Тимозел поскорее проделал ход.

Но вот в стене образовалось отверстие, и в то же самое время потолок тоннеля пришел в движение, и на головы путешественников полетели комья земли. Лампа погасла.

— Скорее в проход! — крикнул Джек.

Ир и Фарадей застыли на месте, словно парализованные. Их схватили за руки и вытащили наружу. И вовремя. Потолок рухнул, закрыв отверстие.

Все четверо повалились в траву. Немного придя в себя, стали отряхиваться от грязи. Все кашляли и чихали.

Фарадей не держали ноги. Она легла на траву, подложив под затылок руки, и подняла глаза к небу. Сквозь рваные серые облака пробивались тусклые солнечные лучи. Задрожав вскоре от холода, села, с опаской взглянув на заваленный осыпью выход из подземелья. Рядом с выходом увидела покосившийся холмик, а на нем — куст шиповника с покоренными корнями. Неожиданно Фарадей почувствовала, что земля сотряслась.

— Весь тоннель рухнул, — пояснил Джек со смущенным видом. — Мы вовремя выбрались на поверхность.

— Не стану горевать, если разрушились и те дьявольские врата вместе со всеми статуями, — сказал Тимозел, подавая Фарадей руку.

Девушка взглянула на Тимозела. Он больше не походил на веселого добродушного юношу, который развлекал дам во время длинного тяжелого перехода в составе колонны топороносцев. В его чертах проступило выражение сосредоточенности и суровости. Казалось даже, он повзрослел на несколько лет. Ничего странного, подумала Фарадей.

Наверное, она и сама изменилась после смертоносного урагана и гибели матери.

Ее размышления прервал радостный голос Джека:

— А, мои дорогие! Нашли меня!

К путешественникам приближалось стадо свиней. Розовые, упитанные, с хвостами, закрученными в колечки, они семенили навстречу Джеку, сверкая заплывшими жиром глазками и похрюкивая, казалось, от непомерного удовольствия.

— Джек встретил своих друзей и доволен, — сказала Ир. — А я хочу поесть и помыться.

— Недалеко отсюда ручей, — ответил Джек, почесывая между ушей одну из свиней. — Там можно помыться.

— А где раздобыть еду? — спросил Тимозел, опуская топор в чехол.

— С едой придется повременить. Нас накормят мои друзья, у них ферма, но она далеко отсюда.

— А нет ли чего поближе? — спросила упавшим голосом Фарадей. Ей казалось, еще одного длинного перехода она не осилит.

— Привыкай ходить пешком, Фарадей, если только не умеешь ездить верхом на свинье, — сухо сказала Ир.

Ручей оказался как нельзя кстати. Путешественники не только помылись, но и утолили нестерпимую жажду, после чего прямо на берегу расположились на отдых, чтобы отправиться в путь после захода солнца. Погода была прохладной, и о ночевке на ветру под открытым небом, как объяснил предусмотрительный Джек, нечего даже и помышлять.

— Когда идешь, гораздо теплее, — рассудительно сказал он и направился к свиньям.

Проводив Джека недоумевающим взглядом, Тимозел вытащил из сапога нож и попросил Фарадей укоротить ему волосы, которые, по его уверению, были излишне длинными и падали на глаза.

— Попытаюсь, — ответила Фарадей, перебирая густые пряди его отросших волос. Покрутив в руке нож, она принялась за работу.

— Готово! — наконец сказала она, облегченно вздохнув.

Тимозел удовлетворенно кивнул и принялся за бритье, используя тот же нож. Но разве чисто побреешься без горячей воды? На щеках и подбородке топорonoсца остались островки черной щетины.

Фарадей улыбнулась и все же, глядя на Тимозела, снова сочла, что за время тяжелого перехода он значительно изменился: стал взрослей и самостоятельней.

Ир тоже заметила перемену в облике Тимозела, но, расценив ее на свой лад, она приписала ее тому, что Тимозел побывал в Звездном зале. Однако своими догадками она не поделилась ни с Джеком, ни с Фарадей.

После захода солнца путешественники пустились в дальнейший путь. Хотя Джек и уверял, что при ходьбе согреваешься, Фарадей быстро замерзла: дул встречный ветер, пронизывая путников до мозга костей. Бороться приходилось не только с ветром, но и с почти непроглядной тьмой. Фарадей спотыкалась и не раз бы упала, если бы не вовремя протянутая рука Тимозела. Шли молча.

Тишину нарушали лишь свиньи, которые бежали за Джеком, тихонько похрюкивая.

Равнина, по которой шли путешественники, напоминала равнину Тэар — кругом пожухлая трава и низкорослый кустарник. Летом равнину использовали как пастбище, но ближе к зиме скот возвращали в селения, и местность пустела. Лишь кое-где, как уверял Джек, можно было увидеть стадо свиней.

Длительное молчание нарушил топороносец.

— Каким путем ты хочешь добраться до Горкентауна? — поинтересовался он, поравнявшись с Джеком.

— Отдохнув у моих друзей, мы пойдем напрямик на север, к Нордре. Если не произойдет ничего непредвиденного и мы доберемся до Тэйленской излучины, то в Жервуа сможем взять внаем лошадей. Дальнейший путь особого труда не составит. По распоряжению Борнхелда, от Жервуа до Горкентауна организована цепочка подстав и продовольственных складов.

— Но зачем добираться до Горкентауна? Гораздо ближе Касталеон. Кроме того, можно вернуться в Карлон.

— И в Касталеоне, и в Карлоне Фарадей окажется в западне, — ответил Джек, снисходительно улыбнувшись. — Никто не поймет ее страстного желания поскорее увидаться с Борнхелдом. Станут стращать опасностями, возьмут под опеку.

Тимозел кивнул. Рассуждения Джека показались ему убедительными. Какая женщина не хочет поскорее воссоединиться с возлюбленным! Действительно, место Фарадей — в Горкентауне. Вот только дорога туда опасна, да и попутчики подозрительны.

Разговор с Тимозелом навел Джека на мысль придумать историю, которая объяснила бы любопытным, как знатная дама оказалась в компании свинопаса и куда держит путь. Вот что придумал Джек, решив выдать Ир за служанку.

Фарадей вместе с Ир в сопровождении эскорта направлялась в Арсен, когда несколько дней назад попала под губительный ураган. Из всего эскорта уцелел один Тимозел. Кроме того, путешественники потеряли всех лошадей и вдобавок сбились с пути. Им на выручку пришел повстречавшийся свинопас, перегоняющий стадо свиней в Ретию, к Папоротниковым горам. Фарадей надеется, что в Ретии ей, несомненно, окажут помощь.

На коротком привале Джек изложил историю обессиленным путникам. Никто не возразил — даже Ир, уставшая не меньше своей новоявленной госпожи.

Немного отдохнув, путники пошли дальше, однако накопившаяся усталость быстро взяла свое. Бедные женщины делали героические усилия, но их силы истощались с каждой минутой. Они все больше ослабевали, и уже не шли, а еле-еле плелись.

И все же Фарадей старалась бодриться. Ее поддерживала мысль, что страдания не напрасны. Скоро она станет женой Борнхелда и тем самым уберет Аксиса от смертельной опасности. Где он сейчас? Как воспринял известие о ее трагической гибели? Вспоминает ли? Но вот ее мысли спутались, и она продолжала путь в полубеспамятстве, опираясь на руку Тимозела.

Ир ковыляла сзади. Она успела упасть, разбив в кровь колени, и теперь каждый шаг давался ей с превеликим трудом.

Страданиям женщин положил конец возглас Джека: «Ферма!» Вытянув перед собой посох, он довольно добавил: — Там живет чета Ренкинов. Они хорошие люди.

Фарадей встрепелась, подняла голову. Уже рассвело, и она увидела впереди на невысоком пригорке небольшой каменный дом с фруктовым садом и хозяйственными постройками. Из трубы дома вился сизоватый дымок. Фарадей пошла к дому. Она надеялась выспаться и поесть.

У порога дома путешественников встретили хозяева, муж и жена Ренкины. Оба были изумлены, когда за спиной своего давнего друга Джека увидели едва державшуюся на ногах благородную даму с не менее утомленной служанкой и — надо же! — воина Сенешаля, топороносца.

Пригласив путников в комнату, хозяева с разинутыми от удивления ртами выслушали историю о губительном урагане и, дружно поахав, пригласили гостей к столу.

Джек отказался за всех.

— Мы нуждаемся не столько в еде, сколько в отдыхе, — сказал он утомленным голосом. — Мы все еле держимся на ногах.

Путешественники уснули, едва положив голову на подушку, — Фарадей и Ир на хозяйской кровати, а Джек с Тимозелом — на деревянных скамейках.

Хозяева удивленно переглянулись, а затем фермерша, озабоченно поджав губы, направилась в кладовую. Когда гости проснутся, их надо как следует накормить.

Фарадей еще ни разу не видела такой удивительный, такой интересный сон. Она сидит на пригорке в роще,

устремив взгляд в звездное небо и испытывая тот же восторг, что ей довелось пережить в Звездном зале у Звездных Врат. На ней простая льняная блузка. Она расстегнута. Фарадей кормит грудью младенца. Ребенок причмокивает, шевеля нежными пальчиками. Она улыбается и гладит младенца по голове. Фарадей на вершине блаженства. Она склоняет голову над ребенком и напевает ему веселую песенку. Но вот на ее колени падает тень. Фарадей хмурится: ей помешали. Затем улыбается: она видит своего друга, существо с человеческим телом и головой оленя с развесистыми рогами.

— Тебе надо уйти отсюда, — говорит человек-олень.

Фарадей снова хмурится.

— Нет, — возражает она. — Я не хочу. Здесь так приятно, покойно. К тому же я под твоей защитой. Я доверяю только тебе, тебе одному.

— Придет время, и ты вернешься сюда, — успокаивает человек-олень. — Тогда, если захочешь, останешься здесь.

— Нет! — восклицает Фарадей, увидев, что очертания рожи стали медленно расплываться. — Нет! Я не хочу уходить отсюда.

Тимозел тоже увидел сон. Ему приснилось, что он, обнаженный по пояс, идет через силу по заснеженному тоннелю, в конце которого его поджидает смерть. Вокруг скачут, прыгают и кривляются, позвякивая ледяными костями, странные аморфные существа. Бежать! Попытка не удастся: ноги не слушаются. Тимозел подходит к концу тоннеля и видит перед собой массивную дверь, покрытую изморозью. На лбу выступает испарина, от страха

лязгают зубы, но рука против воли тянется к двери. Он стучит.

— Входи! — раздается громовой голос.

Рука тянется к ручке и замирает.

— Входи! — снова рявкает тот же голос. За дверью раздаются шаги. Она отворяется.

— Нет! — кричит Тимозел.

Дверь исчезает, а вместе с ней и тоннель.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

На ферме

Фарадей медленно просыпалась, нежась в мягкой постели и вспоминая обрывки дивного волшебного сна. Но вот приятный запах свежееиспеченного хлеба вывел ее из состояния сладостного покоя, она открыла глаза и села в постели, вызвав неудовольствие Ир, которая, пробормотав что-то невнятное, повернулась на другой бок.

В комнате топился камин, в котором горели брикеты торфа (неизменного топлива, которым пользовались все фермеры, добывая торф в торфяных болотах), а на каминной полке стояли рядом кастрюли. У камина хлопотала хозяйка, а ее сыновья-близнецы, едва научившиеся ходить, возились в углу. Третий ребенок фермеров, младенец в пеленках, спал в подвешенном состоянии. Его обвязали тесьмой и повесили на крюк, вбитый в стену.

Улыбнувшись забавной картинке, Фарадей оглядела комнату. Бедность обстановки сразу бросалась в глаза. Кро-

ме кровати — стол, скамейки, буфет, два кованых сундука да полки с домашней утварью. Зато было видно, что хозяева не умрут с голода. Со стропил соломенной крыши свисали сыры, окорока, плети лука.

— А, ты проснулась, — раздался голос хозяйки. — Проспала почти целый день, бедняжка. А твои спутники все еще спят. — Она взяла с полки чашку и, наполнив ее, протянула страдальце. — Пока не сели за стол, подкрепись. Выпей бульону.

Фарадей поблагодарила и окинула женщину взглядом.

Хозяйке фермы, женщине среднего роста с пышными формами, круглой головой на короткой шее и узлом каштановых волос на затылке, было не более тридцати, но лицо ее, загорелое и обветренное, успело сморщиться и походило на печеное яблоко. На ней было платье камвольной пряжи, обычное для крестьянок. Собранные в буфы короткие рукава обнажали по локоть руки, красные и натруженные. Одежду дополнял расписанный цветами передник.

Отведя взгляд от женщины, Фарадей поднесла чашку ко рту.

— Вам повезло, что вы встретили Джека, — сказала хозяйка. — Если бы не он, даже страшно подумать, что могло бы с вами случиться во время страшного урагана.

— Нам повезло, что у Джека такие друзья, как ты с мужем, — ответила Фарадей, поднявшись с постели и погладив женщину по руке. — Если бы не вы, мы бы замерзли, ибо уже не могли идти, или умерли с голода. Тимозел, закаленный в походах, и тот валился с ног от усталости. Ты и твой муж оказали нам великую услугу, больше которой человек не может оказать ближнему: своим великодушным

гостеприимством вы спасли нам жизнь. Даже не знаю, как расплатиться с вами за доброту и участие.

— О каком вознаграждении ты говоришь? — запротестовала хозяйка. — Артор учит помогать ближнему, — женщина замолчала, а затем, ободренная прикосновением Фарадей, потянулась к ее лицу и, убрав непослушную прядь волос, проникновенно произнесла: — Миледи, ты очень красива, — фермерше еще ни разу не приходилось видеть вблизи знатную даму, и теперь, глядя на гостью, она дивилась ее белой и нежной коже.

Выпив бульон и поставив чашку на стол, Фарадей чуть поморщилась и сказала:

— Мы все очень грязные. Может быть, нам можно помыться? А потом было бы неплохо переодеться, чтобы починить свою одежду. И вот еще что, — Фарадей ненадолго задумалась, а затем, облегченно вздохнув, продолжила: — У моей служанки и вовсе нет одежды. Ты видела ее в плаще Тимозела. Служанка купалась в ручье, когда налетел ураган. Всю ее одежду унесло ветром. Может, ты найдешь что-нибудь для нее? Я с тобой расплачусь, — на Фарадей была тонкая золотая цепочка с пятью жемчужинами, которая могла с лихвой покрыть все расходы.

— Я все устрою, не беспокойся, — отозвалась хозяйка. Появление в доме дамы из общества настолько взволновало ее, что она вряд ли бы отказала, даже если бы гостья попросила отдать ей все нажитое добро.

Фарадей принялась будить Ир, которая проснулась только после основательной встряски, крайне недовольная тем, что ее разбудили, но пойти помыться не отказалась.

Хозяйка отвела их в сарай, где стояли бочки с водой. Оставив мыло, полотенца, два платья и ботинки для Ир, фермерша удалилась.

Вода оказалась холодной, и все же после нескольких минут визга, криков и негодующих восклицаний женщинам удалось помыться, помогая друг другу. Одевшись, они покатались со смеху: платья, предназначенные для пышных форм фермерши, висели как балахоны.

Когда Фарадей и Ир возвратились в дом, Тимозел и Джек сидели у камина с чашками бульона в руках. Джек напустил на лицо глуповатое простодушное выражение и снова походил на того простака, которого встретила Фарадей рядом с лагерем воинов Сенешаля. В отличие от Джека, топороносец сидел с хмурым видом. Глаза его потускнели и стали безжизненными. Заметив, что Тимозел явно не в духе, Фарадей обратила внимание и на его испачканное лицо, и на еще более замаранную одежду.

— Тимозел, — сказала она, — за домом в сарае стоят бочки с водой. Ты можешь сходить помыться и почистить одежду.

Тимозел кивнул и, допив бульон, подал чашку хозяйке, не спускавшей с него восторженных глаз. Надо же, у них с мужем в гостях не только благородная дама, но и воин Сенешаля, топороносец. Будет о чем рассказать подругам!

Фермерша полезла в сундук и, достав оттуда рубашку мужа, протянула ее Тимозелу.

— Ты очень добра, — учтиво произнес Тимозел, забирая рубашку. — Более гостеприимного дома мне видеть не приходилось.

Фермерша покраснела от удовольствия и неловко сделала реверанс. Когда топороносец вышел из комнаты, она убежденно сказала:

— С таким провожатым можно отправиться хоть на край света.

Фарадей улыбнулась и подсела к камину, чтобы высушить волосы.

Ир осторожно открыла дверь и вошла в сарай. Около бочки с водой, спиной к двери, стоял Тимозел, намыливая мочалку. Ир остановилась, пожирая глазами его обнаженное мускулистое тело. Узкий в бедрах, широкий в плечах, он был неотразимо красив.

Должно быть, услышав какой-то шорох, Тимозел обернулся и замер в растерянности. Ир подошла, взяла из его рук мочалку и мыло и опустила их в таз с водой. Затем, приблизившись, провела языком по его груди, руками — по бедрам.

Тимозел задрожал, немного отпрянул и схватил Ир за плечи.

— Ты этого хочешь? — сказал он глухим голосом.

Ир застонала и потянулась к его губам. Тимозел прижал Ир к стене и резким движением задрал подол ее широкого платья.

Оправдав ее ожидания, он повернулся и потянулся к мочалке. Ир в изнеможении опустилась на земляной пол.

Юноша показал себя настоящим мужчиной.

Когда Тимозел и Ир возвратились в комнату, оба выглядели смущенными, что не укрылось от Джека. Он насутился, помрачнел. Стараясь не встретиться с ним глазами,

Ир присела около Фарадей и, исполняя роль усердной служанки, принялась причесывать госпожу, в то время как Тимозел (по настоянию Фарадей) завел разговор с хозяевами о возможности покупки у них еды, одежды и одеял, необходимых для дальнейшего путешествия. Откликнувшись на взгляд Тимозела, Фарадей сняла с шеи цепочку и положила ее на стол, чем прервала разговор, ибо фермер и фермерша пришли в небывалое замешательство, выпучив глаза от непомерного удивления.

Наконец, обменявшись взглядом с женой, фермер степенно проговорил:

— Кроме еды, одежды и одеял, мы отдадим вам мула для перевозки вещей. Прошу прощения, но у нас нет верховых лошадей.

Фермерша довольно кивнула, прикидывая, что на деньги, вырученные от продажи цепочки, можно купить не только другого мула, но и обзавестись новой мебелью, справить мужу новые сапоги, себе — туфли...

Не закончив списка, она вострепелась и пригласила гостей к столу.

Пожинав, Тимозел предложил Фарадей, Ир и Джеку, не откладывая, лечь спать, чтобы получше выспаться и отправиться в путь сразу после восхода солнца. Фарадей и Ир легли на ту же кровать, а Тимозел с Джеком устроились на полу, закутавшись в одеяла и оставив скамейки гостеприимным хозяевам. Но фермер и фермерша ложиться не торопились. Они сели за стол и стали потихоньку обстоятельно обсуждать, что они купят на деньги, вырученные от сделки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«Моя красавица жена»

Приведя колонну топорonoсцев к Арсену, Аксис поспешил в город, в дом графа Бурдела, чтобы рассказать его родственникам о трагической гибели Мерлион и о не менее ужасном конце, постигшем ее несчастную дочь. Выполнив эту скорбную миссию, Аксис после долгих мучений справился и с другим трудным тягостным делом: написал подробные сообщения о произошедших страшных событиях Брату-Наставнику, Борнхелду и графу Айсенду.

Пополнив в Арсене продовольственные запасы, Аксис повел отдохнувших топорonoсцев на север, к Папоротниковым горам, чтобы пройти их по цепочке узких проходов и добраться до Смиртона.

Несмотря на дружные уверения Веремунда и Огдена, что Горгрил на время выдохся, Аксис решил не рисковать жизнью солдат, и приказал им надеть кольчуги, чтобы уберечься от ледяных копий, если Разрушитель перейдет в но-

вое наступление. В лиге от гор Аксис распорядился разбить лагерь. Близился вечер, и от одной мысли оказаться ночью в теснине, становилось не по себе. Аксис принял и другие меры предосторожности: удвоил караулы и приказал топоносцам спать не раздеваясь, с оружием наготове.

Тем не менее Аксиса не покидало чувство тревоги, и он, сидя вечером у костра, едва прислушивался к веселым рассказам Велиара и командиров когорт об их приключениях в питейных заведениях Арсена. Молчали и Веремунд с Огденom, видимо, думая о своем. После страшного урагана Аксис почти с ними не разговаривал, придя к мысли, что хотя оба монаха и обязались принести пользу, их ответы на поставленные вопросы зачастую оказывались расплывчатыми или — что не лучше — неутешительными, и он уже серьезно подумывал, не отправить ли обоих обратно. В то же время Аксис не мог не признать, что монахи оказались приятными собеседниками. Поговорить с ними одно удовольствие, если только они не сбивались на разговор о пророчестве и отверженных. Кроме того, они знали много баллад и песен, и у костра на привале можно было забыться, слушая их приятное пение.

И все же оба монаха — странные люди, заключил Аксис, окинув взглядом Веремунда и Огдена. Знают старинную икарийскую песню, которая помогла отразить нападение Разрушителя, а когда после смертоносного урагана их попросили отпеть погибших, они скомкали службу, ограничившись невнятной молитвой, чем вызвали всеобщее недовольство и удивление. Может, они вовсе и не монахи? Ни тот, ни другой ни в одном населенном пункте, оказавшемся на пути колонны, не встретился ни с одним Хранителем Плуга. Крайне странное упущение, на которое обратили

внимание даже командиры когорт, зачастую забывающие о религиозных обрядах. Кроме того, монахи вечно недоговаривают. Намекают на то, что его отец икариец, и больше ни слова. Кто же его отец?

Смех Велиара и нестройные звуки арфы вывели Аксиса из задумчивости. Он улыбнулся. Велиар — хороший солдат, а музыкант никудышный.

— Дай мне арфу, ее нужно настроить, — дипломатично произнес Аксис.

Улыбнулся и Велиар. Он знал о своих музыкальных способностях и специально начал перебирать струны непослушного инструмента, чтобы вывести Аксиса из задумчивости, несомненно, связанной с гибелью товарищей по оружию.

Взяв в руки арфу и подтянув для вида несколько струн, Аксис спросил:

— Что споем, друзья?

— «Моя красавица жена», — откликнулся Арн, вызвав смех и аплодисменты. Это была любимая песня топороносцев.

Аксис тронул струны, запел:

За окнами колючий снег,
Тоскливая картина,
Не любит стужу человек,
Не любит и скотина.

Песню подхватил другой голос, третий. Грянул хор.

Моя красавица жена
Дела решает споро.

«Что ты сидишь? — кричит она. —
Веди домой корову...»

Когда песню спели, повторив последний куплет несколько раз, все снова зааплодировали.

Пение продолжилось (топороносцы знали немало баллад и песен), и только когда голоса немного охрипли, сидевшие у костра продолжили разговор, направив его по новому руслу. Что их ждет впереди? Что за страшные существа напали на Горкен-форт? Откуда они взялись? Кто командует ими?

— Боевой Топор, что ты думаешь о пророчестве? — спросил Болдуин, один из командиров когорт. — Неужели на Горкен-форт напали существа из воинства Разрушителя? Раньше мы были уверены, что в гибели солдат Горкен-форта повинны отверженные. А теперь... — Болдуин недоуменно развел руками.

Наступило молчание. Все глаза устремились на Аксиса.

— А как ты считаешь сам? — спросил Боевой Топор в свою очередь.

— Это пророчество у меня из ума нейдет, — ответил смущенно Болдуин.

Веремунд и Огден переглянулись, кивнули друг другу. Так и есть, услышав пророчество, никто не может его забыть. Разумеется, кроме третьей строфы, предназначенной лишь для одного человека. Что же, в ближайшие месяцы число приверженцев Артора поубавится.

— Мне кажется, в этом пророчестве есть смысл, — продолжил Болдуин. — И если за злодеяния на севере ответствен Горгрил, то вполне вероятно, что и обрушившийся на нас губительный ураган дело рук Разрушителя.

Аксис нахмурился и собрался было ответить, но его опередил Метьюн, еще один командир когорты.

— Если на Ахар ополчился Горгрил, нам надо искать Звездного Человека.

И снова Аксису не дали ответить. На этот раз его опередил Велиар.

— Аксис, что ты наигрываешь? — спросил лейтенант.

Боевой Топор вздрогнул. Действительно его пальцы касались струн, наигрывая странную незнакомую мелодию.

— Я просто перебирал струны, — ответил Аксис. Он положил арфу на землю и, поднявшись на ноги, хмуро бросил: — Пойду проверю посты.

Поднялся и Арн, собираясь пойти вместе с Аксисом.

— Не надо, — остановил его Велиар, удержав за рукав. — Аксис хочет побыть один.

Проверив посты, Аксис предался тягостным размышлениям, расхаживая взад и вперед за пределами лагеря. В результате смертоносного урагана он потерял около двухсот человек. Погибли Тимозел, Фарадей, Мерлион. Правда, с тех пор больше ничего страшного не случилось. Его даже перестали мучить ночные кошмары. Но кто его отец, так и остается загадкой. Если верить Веремунду и Огдену, — чародей, напевавший ему, еще не появившемуся на свет, волшебную песенку, которая оберегает от несчастий и темных сил. Но всякое чародейство — зло. Этому его учили с раннего детства. Любое колдовство карается Сенешалем. Аксис знал: даже невежественных крестьянок, лечащих заговором больных, неизменно предают пыткам, суду, а затем сжигают на костре, не принимая во внимание даже то, что после смерти несчастной остается орава малолетних детей.

Ему и самому, по приказу Брата-Наставника, приходилось доставлять таких женщин в суд. Хорошо еще, его не заставляли орудовать трутницей. Аксис вздрогнул, вспомнив крики несчастных женщин.

Не ждет ли и его расплата за чародейство? Ведь он отразил нападение Разрушителя странной волшебной песней. А что за загадочную мелодию он играл только что у костра? Пальцы сами перебирали струны...

А откуда он умеет играть на арфе? Этому искусству его никто не учил, хотя еще в детстве он музицировал лучше любого барда. Может, своими успехами он обязан отцу-чародею? Если его отец действительно чародей и о том узнают служители культа, то и его ждет костер. Не поможет и Джейм. Неожиданно Аксис впервые в жизни почувствовал удовлетворение оттого, что от башни Сенешаля его отделяет приличное расстояние.

Спокойствие длилось недолго. Аксис нахмурился, снова вспомнив о Тимозеле и Фарадей. Это он виноват, что не уберег сына Эмбет и девушку, которая не только нравилась ему за красоту, мягкость и женственность, но и которую он искренне уважал за прямодушие и порядочность.

Аксис ни разу не был влюблен, хотя и водил знакомство со многими женщинами, неизменно доказывая, что солдат не промах и в любви. Но все эти сластолюбивые отношения не трогали его сердца, которое, быть может впервые, дрогнуло ночью у могильных курганов, когда чистая невинная девушка так неожиданно и смело призналась ему в любви.

Заложив руки за спину и опустив задумчиво голову, Аксис продолжал неспешно прохаживаться невдалеке от бивачных костров, вспоминая ту мимолетную встречу. Кого он имел в виду, когда посоветовал Фарадей разорвать

отношения с Борнхелдом и выйти замуж за любимого человека? Неужели себя? Да, конечно себя. Аксис нервно рассмеялся. Как он мог предложить графской дочери отказать от выгодного замужества и потерять возможность стать королевой? Разве он ровня ей? Зачем же он тогда поцеловал Фарадей? Может, лишь для того чтобы в душе посмеяться над Борнхелдом, а то и отнять у него невесту вопреки глумливым словам единоутробного брата, что богатая невеста не для незаконнорожденного? Нет! Аксис покачал головой. Фарадей понравилась ему с первого взгляда. Да и она, возможно, любила его. Она призналась... Хотя разве можно верить словам молоденькой девушки? Как бы там ни было, Фарадей погибла, приняв ужасную смерть, и теперь покоится вместе с Мерлион и топороносцами в земле, отведенной отверженными для захоронения своих королей. И это он, Боевой Топор, виноват в ее гибели. Как он мог не заметить вовремя приближавшийся ураган?

Тягостные раздумья прервал дружеский голос:

— Не стоит винить себя, Аксис.

Аксис досадливо обернулся, недовольный тем, что его оторвали от размышлений, и увидел Велиара, который, подняв глаза, сосредоточенно рассматривал проплывавшие облака. Велиар был его старым другом, делившим с ним тяготы и невзгоды военной службы, и при встречах, не относившихся к исполнению служебных обязанностей, оба называли друг друга просто по имени.

— Я один во всем виноват, — сказал Аксис. — Больше винить некого.

Велиар не ответил, глядя на хмурое небо. Он, как и другие топороносцы, всерьез воспринимал пророчество о при-

шествии Разрушителя и считал губительный ураган, обрушившийся на войско, делом рук коварного Горгрила. Велиар сочувствовал Аксису, не только потерпевшему первое военное поражение, но и потерявшему Фарадей, девушку, которая ему явно нравилась, что наблюдательному глазу заметить было нетрудно.

— Велиар! — позвал Аксис.

Лейтенант встрепенулся, оторвав взгляд от неба.

— Я смотрел, как на нас опять надвигаются мрачные облака. Ты хочешь о чем-то меня спросить?

— Скажи, что за мелодию я играл сегодня последней?

— Не знаю. Ты, наверное, импровизировал, словно бард, а барды склонны к фантазиям.

— Ты нашел меня, чтобы поговорить?

— У пятой когорты возникли некоторые проблемы...

— Велиар! — остановил его Аксис, устремив взгляд на небо.

К лагерю топорonoсцев медленно приближались огромные иссиня-черные облака. Неожиданно ударили молнии странного голубовато-белого цвета. Загрохотал гром. Разрушитель! Аксис разгневался. Хороши монахи! Оба заявляли, что Горгрил выдохся и не повторит нападения. Негодование сменил страх. Как спасти людей?

Аксис схватил Велиара за руку.

— Беги в лагерь. Собери командиров когорт. Пусть топорonoсцы окапываются, зарываются в землю. Это единственный шанс спастись. Укрытия не найти.

Проводив Велиара взглядом, Аксис снова поднял глаза, ожидая увидеть изображение Горгрила. Но нет, злоеущего лица видно не было, а вот облака словно взбесились: разбившись на части, они перемешивались, вращались и,

казалось, кипели над головой. Но, странное дело, ветра не было вовсе.

Аксис побежал следом за Велиаром.

Солдаты, с лицами, перекошенными от страха, спешно окапывались, пустив в ход лопаты, мечи, топоры и даже миски и котелки.

Аксис снова взглянул на небо. Облака снизились. Хуже того, они продолжали медленно, но неуклонно снижаться, словно замыслили окутать топорonosцев и утащить их в губительную пучину.

Боевой Топор встрепенулся, когда его тронули за плечо.

— Послушай, Аксис, Горгрил не в силах...

Боевой Топор обернулся: Огден, а рядом с ним Веремунд.

— Вы говорили, что Горгрил выдохся и не повторит нападения, — прервал гневно Аксис. — Вы ошиблись. Какой от вас толк?

— Не делай поспешных выводов, Аксис, — возразил Веремунд. — Разрушитель действительно ослабел. Посмотри на облака. Разве они такие же грозные, как и во время смертоносного урагана? Кроме того, нет ветра. Горгрил на время выдохся.

— Но он атакует нас!

— Но только другим оружием, — тихо пояснил Огден. — Не копьями, а волнами страха.

Аксис кивнул. Вероятно, монахи правы. Страх вызывает панику, а паника не раз губила даже боеспособную армию. Он огляделся. Топорonosцы продолжали окапываться. Заметив невдалеке от своей палатки склонившегося над землей Велиара, Аксис направился к лейтенанту.

Веремунд тронул Огдена за рукав.

— Пошли к лошадям. Нельзя допустить, чтобы они напугались. Если взбесятся, то затопчут полвойска.

— Я вырыл для нас небольшой окоп, — сказал Велиар, заметив подошедшего Аксиса. — Солдаты тоже времени не теряют. Почти все уже окопались.

— Ложись в окоп, Велиар. Я встречу Горгрила на ногах. Разрушитель не запугает меня.

Лейтенант немного потоптался на месте, затем недоуменно взглянул на Аксиса и полез в окоп.

Внезапно воздух огласился тревожным ржанием лошадей. Аксис обернулся на звук. Неужели лошади, напугавшись, сорвутся с места? Только этого не хватало. Но нет, послышался тихий свист, и лошади успокоились.

Аксис облегченно вздохнул и посмотрел вверх, чтобы тотчас же ужаснуться. Облака, клубясь и вращаясь, продолжали снижаться. Вот они все ближе и ближе, вот уже прямо над головой. Аксис вздрогнул — его окутало облако. Вздрогнув, тут же зажмурился, ибо отовсюду, со всех сторон, из глубин жуткого полога, вырывались небольшие яркие молнии, а вырываясь, отражались от ледяных кристаллов и капель, превращая мрачное облако в сверкающую, переливчатую массу. Пахло жаром, но в то же время Аксис почувствовал, как по телу медленно поползли холодные липкие струи какой-то мерзостной жижи. Аксиса охватил страх, но он испугался не облака. Ему показалось, что он остался один в полном безмолвии, один на земле.

Аксис ошибся. Сверху раздался голос:

— Сладкий, сладкий... Аппетитный, аппетитный.

И тут же послышалось щелканье.

Щелк, щелк. Щелк, щелк. Щелк, щелк.

Казалось, какое-то страшное кровожадное существо, щелкая зубами от плотоядного нетерпения, спускается с высоты, чтобы отыскать свою жертву и немедленно сожрать ее.

Аксис постарался взять себя в руки. Нельзя бояться. Страх убивает.

Щелканье повторилось, потонув в шуме крыльев, и в тот же миг снова раздался голос, на этот раз почти что над головой:

— Сладкий, сладкий... Аппетитный, аппетитный.

Аксис отпрянул, чувствуя, как бешено бьется сердце.

— Нет! — внезапно раздалось где-то рядом.

Велиар! Аксис вздохнул полной грудью. Он не один. Рядом с ним Велиар, да не только он, а и более трех тысяч топорonoсцев. Как он мог забыть о своих друзьях? Правда, каждый из них, несомненно, охвачен страхом. Что же, страх следует побороть. Надо действовать.

Разглядев в синеватой мгле вырытый Велиаром окоп, Аксис подошел к лейтенанту. Тот лежал в окопе на животе и мелко подрагивал. Аксис потряс его за плечо.

— Дружище, что ты дрожишь от страха, как малый ребенок? Ты участвовал в десятках сражений и никогда не показывал врагу спину. Вставай! Дадим отпор Разрушителю.

Велиар поднял голову.

— Аксис?

— Подымайся, дружище. Мы еще не пели нашему гостю.

— О каком пении ты говоришь? — спросил Велиар, стуча от страха зубами.

— Скоро услышишь. Вставай, подымай людей. У нас в гостях Горгрил, и надо доставить ему удовольствие. Ты же не хочешь ударить в грязь лицом перед гостем?

Ободренный шутивым тоном, Велиар выбрался из окопа, но все же тревожно огляделся по сторонам.

— Иди, подымай людей, — повторил Боевой Топор. — Ничего не бойся. Разрушителю нас не осилить.

Проводив Велиара взглядом, Аксис полез в палатку и достал арфу. Усевшись на камень, он поднял голову и громко сказал:

— Надеюсь, Горгрил, тебе понравится эта песенка.

Аксис тронул струны и запел во весь голос:

За окнами колючий снег,

Тоскливая картина.

Не любит стужу человек,

Не любит и скотина.

Моя красавица жена

Дела решает споро.

«Что ты сидишь?» — кричит она. —

Веди домой корову».

Услышав пение, Веремунд и Огден переглянулись.

— Аксис поборол страх, — сказал Огден. — Но почему он не запел песню, которую пел вместе со мной во время смертоносного урагана?

— Аксис поступил правильно, — ответил назидательно Веремунд. — Он поет песню, которую знают все.

— Ты прав, — сказал Огден, широко улыбнувшись. — Песню, несомненно, подхватят.

Пение продолжалось.

Сметана, сыр и молоко,

Все это — от Буренки.

С такой коровой жить легко,
Да и поется звонко.

И вот песню подхватило несколько голосов:

С женою спорит остолоп.
Ему я не подобен.
И плащ надев, без лишних слов,
Я выхожу из дома.

Кругом засверкали молнии, загремел гром, но песня не умолкала. Ее подхватывали все новые и новые голоса, и наконец грянул хор.

Мой плащ удобен и хорош
Для всякой непогоды.
Ношу его, купив за грош,
Сорок четыре года.

Облака стали рассеиваться, показалась луна. Она спокойно и торжественно поплыла по ночному небу, заливая своим мирным сиянием лагерь топороносцев. Но пение не стихало.

Моя красавица жена
Дела решает споро.
«Что ты сидишь?» — кричит она. —
Веди домой корову!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

К Папоротниковому озеру

Переночевав на ферме, Джек, Фарадей, Тимозел и Ир продолжили путешествие в обществе приобретенного мула, который, не противясь, нес увесистую поклажу из продовольствия, одежды и одеял. Если не считать весело бежавших впереди похрюкивавших свиней, шествие возглавлял Джек, расставшийся сразу после прощания с фермерами с напущенным на себя глуповатым видом недалекого добродушного свинопаса. За ним шагал Тимозел, ведя на поводу мула, а последними шли Фарадей и Ир, которую добрая фермерша снабдила не только платьем с ботинками, но и добротным плащом, оставшимся от почившего свекра. Ветра не было, но шел снег — небывалое явление в Аркнесе в середине месяца Обнаженных Деревьев, — и каждый из путников относил снегопад к числу бесчинств Разрушителя, хотя и не говорил о том вслух.

Маленький отряд под предводительством невозмутимого Джека направлялся к невысоким Папоротниковым горам, отделявшим Аркнесс от Скарабоста. По мере продвижения отряда местность постепенно утрачивала равнинный характер, пока не перешла в беспорядочно разбросанные холмы, и путникам, чтобы не петлять между ними, приходилось преодолевать встречавшиеся препятствия, которые, впрочем, не были труднопреодолимыми, к немалому неудовольствию Тимозела, не имевшего случая даже протянуть руку даме, взятой им под свое покровительство. Мало того, даме не угрожала даже незначительная опасность, и Тимозелу оставалось только мечтать о будущих подвигах, которые прославят его на все королевство, да заботиться на привалах о Фарадей, всякий раз добиваясь для нее существенных привилегий: у костра — самое удобное место, из общего котла — самый вкусный кусок.

Вниманием Тимозела (правда, другого сорта) пользовалась и Ир. Всякий раз после ужина он приглашал ее на прогулку, которая неизменно затягивалась, что наводило Фарадей на неприятную мысль о близких отношениях между молодыми людьми. Тем не менее эта мысль вызывала другую, более интересную, и Фарадей, ложившаяся спать сразу же после ужина, долго размышляла о таинствах отношений между мужчиной и женщиной, смутно представляя себя на ложе с избранником, и засыпала только тогда, когда образы Борнхелда и Аксиса смешивались перед ее мысленным взором.

В то же время Джек, сидя один у костра, предавался собственным размышлениям, всякий раз думая о пророче-

стве и о взаимоотношениях с Ир, Тимозелом и Фарадей. Стоически перенося увлечение Ир приبلудным топорonosцем, Джек был уверен, что в надлежащий момент она оставит любовника, чтобы выполнить миссию, предначертанную пророчеством. Тимозел казался Джеку помехой, хотя Огден и Веремунд охарактеризовали топорonosца как человека с добрым и отзывчивым сердцем. Однако, побывав в Звездном зале, Тимозел стал излишне самоуверенным. Хорошо, если это излишество ограничится опекой над Фарадей, которой предопределена немаловажная роль в победе над Разрушителем. Для того ей надо выполнить две задачи: одну, о которой ей уже рассказали, — выйти замуж за Борнхелда и предотвратить несвоевременный поединок между единоутробными братьями, — и другую — стать Другом Леса.

Размышления Джека прерывала пара, возвращавшаяся с прогулки. Обменявшись с ним несколькими словами, Тимозел и Ир тут же легли спать, а Джек еще долго сидел у костра, подкладывая в огонь сухие ветки шиповника, которые можно было набрать, если хорошенько залезть под куст, не побоявшись шипов.

На десятый день путешествия маленький отряд подошел к проходу в Папоротниковых горах. Посчитав, что в теснине может таиться опасность, Тимозел вместе с мулом обогнал Джека и первым вошел в проход. Фарадей устремилась было за ним, но ее остановил Джек.

— Не спеши. Нам надо поговорить. Пойдем, не торопясь, следом за Тимозелом.

Фарадей вопросительно подняла глаза.

— Дорогая, — продолжил Джек, — ты единственная, кому блюстители пророчества полностью доверяют. К тому же тебе одной, кроме нас, известно о предназначении Аксиса, и потому держи язык за зубами. Не говори лишнего Тимозелу. Одним неосторожным словом он может навредить Аксису. Ты понимаешь меня?

Фарадей удивилась. Разве можно что-то скрывать от своего покровителя?

Ир улыбнулась и взяла ее за руку.

— Если ты хочешь поговорить по душам, поговори лучше со мной, — доверительно сказала она. — Я разрешу твои сомнения и сохраню в тайне твои секреты.

— Но я вовсе не собираюсь навредить Аксису, — ответила Фарадей. — Я ничего не говорила о нем Тимозелу и не собираюсь этого делать.

— Вот и хорошо, — одобрительно сказал Джек. — Тем более что завтра, когда мы окажемся на Папоротниковом озере, ты узнаешь и о второй задаче, с которой тебе надобно справиться.

— А почему не сейчас? Я и так долго ждала.

Джек задумался и кивнул.

— Хорошо. Только сначала вспомни, как однажды пели тебе деревья.

Фарадей побледнела, и Джек поспешно продолжил:

— Не стоит на них сердиться. Я уже говорил тебе, деревья иногда норовят выкинуть шутку: скажут часть правды, а остальное придумают.

Слова Джека не успокоили Фарадей. Она с ужасом вспомнила ночное видение, закончившееся гибелью Аксиса.

Заметив ее замешательство, Ир, опередив Джека, мягко сказала:

— Дорогая, деревьям нужен преданный друг, который смог бы объединить скрытую в них энергию с энергией Аксиса. Другом Леса должна стать ты, ибо к тебе, единственной из ахаров, лес отнесся с доверием. Он даже спел тебе песню.

— Мне не нравится лес, — поморщившись, ответила Фарадей. — Он противный, злой. Не хочу иметь с ним ничего общего.

Ир бросила на Джека тревожный взгляд. Джек подошел к Фарадей и обнял ее за плечи. Девушка отшатнулась.

— Не пытайся заставить меня согласиться с помощью чар! — вознегодовала она. Хотя Фарадей относилась к Джеку с симпатией, но его странные загадочные способности ее настораживали.

Джек убрал руку.

— Никто из блюстителей предсказания не станет тебя к чему-нибудь принуждать.

— Вы возьмете свое не силой, так хитростью, — сердито ответила Фарадей. — Ты однажды меня уже обхитрил. Напустив на себя простодушный вид, заманил к самому лесу, который меня до смерти напугал. А теперь ты призываешь меня молчать, ничем не делиться, даже с моим защитником, Тимозелом. Да ему больше нашепчет Ир, которая проводит с ним ночи. Если вам нужен Друг Леса, поищите кого другого на эту роль, — закончив эту приподнятую тираду, Фарадей ускорила шаг, чтобы догнать Тимозела.

Ир рванулась было за ней, но Джек удержал ее.

— Не будем навязчивыми. Вспомнив о страшном видении, Фарадей пришла в раж. Оставим на время ее в покое. Повторим попытку у озера. Надеюсь, мы добьемся

успеха. Если в ближайшие дни мы не представим Фарадей Матери, наши планы расстроятся.

— Близится вечер, остановимся на ночлег, — сказал Джек, оглядываясь по сторонам.

Место для ночлега сочли удобным: горы защищали путешественников от ветра, а росшие на их склонах кусты могли сойти за сносное топливо. Каждый занялся своим делом: Тимозел стал развьючивать мула, Джек отправился за дровами, а Ир с Фарадей принялись за приготовление нехитрого ужина из запасов, предоставленных путникам радушными фермерами.

Но вот все расселись вокруг костра (Фарадей на самом удобном месте, о чем позаботился Тимозел) и принялись за еду, запивая чаем хлеб с ветчиной (самые постные куски мяса, считая их наиболее вкусными, топоросодец услужливо предлагал своей подопечной). В костре весело потрескивали дрова, блюдо с хлебом и ветчиной постепенно опустошалось, а вот разговор не клеился. Фарадей казалась задумчивой, Джек и Ир размышляли о предсказании, а Тимозел молчал, потому что молчали другие.

После ужина Тимозел, как обычно, предложил Ир прогуляться. Она взглянула на Джека и неожиданно отказалась. Передернув плечами, топоросодец принял надменный вид и сообщил, что прогуляется и один.

Когда Тимозел скрылся в проходе за поворотом, Фарадей обратилась к Джеку:

— Я сегодня проявила несдержанность. Прошу прощения, я была не в себе. Понятно, и ты, и Ир помышляете о победе над Разрушителем. Я согласна помочь вам. Но по-

чему лесу так необходим друг и почему этим другом непременно должна стать я?

— Друг нужен не только лесу, но и живущим в лесу аварам, чтобы помочь им объединиться с икарийцами и ахарами. Только объединившись, народы Тенсендора смогут победить Разрушителя. Ты понравилась лесу, он пел тебе. Не отвергай его дружбу. Став Другом Леса, ты поможешь и Аксису.

— По словам Веремунда, моя вторая задача гораздо легче, чем первая. Это правда?

— Конечно, — вступила в разговор Ир. — Дружба с лесом принесет тебе радость.

— Радость? — Фарадей удивилась. — Когда я слушала Песню Леса, она показалась мне очень грустной.

— У деревьев пока нет причины для радости, — скорбно пояснил Джек. — Ахары, потеснив аваров и икарийцев, вырубали леса на завоеванной территории, оставив нетронутым только лес вокруг башни Безмолвной Женщины. Впрочем, хватит об этом. Завтра мы отправимся к Папоротниковому озеру, но только без Тимозела. Подходить к этому озеру топороносцу опасно.

Заметив на лице Фарадей тревогу, Ир мягко произнесла:

— Мы усыпим Тимозела. Он просто поспит во время нашей прогулки. Пожалуйста, не волнуйся.

Фарадей тяжело вздохнула.

— Было бы куда лучше, если бы родители оставили меня дома. Поездка в Карлон мне счастья не принесла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Папоротниковое озеро

Проснувшись, Фарадей увидала, что Джек и Ир стоят около бѣзмятежно спящего Тимозела. Но вот Ир склонилась над юношей и положила руку ему на лицо. Из ее пальцев брызнули изумрудные огоньки. Джек довольно кивнул, перевернул оказавшийся в его руке посох и ткнул набалдашником в руку Ир. Теперь из ее пальцев вылетел целый сноп огоньков.

Бедный Тимозел, подумала Фарадей. Ни за что ни про что попал в настоящую передрагу. А что ожидает ее саму? С какой стати она безропотно уступает блюстителям предсказания? Да и вообще, почему это загадочное пророчество связало ее по рукам и ногам?

— *Потому что это предопределено самим предсказанием,* — раздался в ее голове торжественный голос.

Фарадей содрогнулась и растерянно посмотрела на Джека. Он глядел на нее в упор. Неужели он читает чужие

мысли и умеет мысленно говорить? По телу пошли мурашки. Она часто думает о своем, сокровенном. Неужели Джеку известны ее мечты, ее тайные помыслы? Как можно вторгаться в чужую жизнь?

Тем временем Ир оставила Тимозела и стала причесываться.

— Что вы сделали с Тимозелом? — спросила Фарадей, надев платье.

— Мы замедлили для него течение времени, — ответила Ир. — Он проспит трое суток, а когда встанет, ему всего лишь покажется, что он встал на три часа позже обычного.

— С ним ничего не случится? Может пойти дождь или даже снег. Он не простудится?

— Тебе незачем тревожиться, дорогая. Проход в горах, в котором мы оказались, под защитой Папоротникового озера. Оно позаботится не только о Тимозеле, но и о муле, и даже о свиньях Джека. Когда мы вернемся, то найдем всех точно такими, какими оставили.

— Как озеро может о ком-то заботиться? — спросила растерянно Фарадей.

— Поймешь все на месте, — ответил Джек. — Не станем терять понапрасну время. Нас ждет Мать.

Фарадей еще более удивилась.

— О ком ты говоришь, Джек?

— Ты помнишь Звездные Врата? — в свою очередь спросил Джек. Фарадей кивнула. Красоту Звездных Врат она не раз вспоминала. — Это одно из могущественных мест Тенсендора, но не единственное. Другим является озеро, которое авары зовут «Матерью». После того как Тенсендор распался, ни один из ахаров не был на этом озере. Тебе

повезло, ты скоро его увидишь. Собирайся, пора выходить. — Джек повернулся к Ир. — Собирайся и ты. Я приготовил каждому по мешку. В них продукты.

Надев плащ и заплечный мешок, Фарадей подошла к Тимозелу.

— Спи спокойно, Тим, — сказала она. — Мы скоро вернемся.

— Идите, идите, — поторопил Джек. — Я вас догоню.

— Расскажи мне подробнее о Тенсендоре, — попросила Фарадей, поравнявшись с Ир.

— С удовольствием, дорогая. Тысячу лет назад ахары, авары и икарийцы населяли одно государство...

Когда женщины скрылись за поворотом, Джек подошел к Тимозелу и, склонившись над спящим, положил руку ему на лицо. Из его пальцев вылетели изумрудно-зеленые огоньки.

Выпрямившись, Джек недоуменно покачал головой. Все правильно. Как и говорил Веремунд, Тимозел — человек с добрым сердцем, но его терзают сомнения. Верно и то, что юношу ожидают невзгоды, и он окажется перед тяжелым жизненным выбором. Все так, но только Джек, прикоснувшись к топороносу, ощутил и некую странность, то ли относившуюся к характеру Тимозела, то ли касавшуюся загадочного события, с которым столкнется топороносец.

Джек тяжело вздохнул и, надев заплечный мешок, пошел следом за женщинами, сожалея о том, что ему пришлось, отправляясь с Фарадей в путешествие, спуститься в усыпальницу Великого Когтя, хотя и хорошо знал: другим путем он пойти не мог, ибо не имел права отклониться от предначертаний пророчества.

К неудовольствию Фарадей, Джек сообщил, что Папоротниковое озеро находится высоко в горах. Пройдя чет-

вёрть лиги, путешественники оставили удобный проход, свернув на поднимавшуюся в гору крутую тропу, пересохшее русло некогда сбегавшего вниз извилистого ручья.

Идти приходилось, наклонившись вперед, чтобы поддерживать равновесие. Тропа становилась все круче, а сжимавшие ее с обеих сторон скалы — массивнее. Кругом было тихо. Ни крика птицы, ни стука от упавшего камня. Лишь тихий свист ветра, шорох осыпавшейся из-под ног гальки да тяжелое дыхание путников нарушали глубокую тишину. Вскоре начали болеть мышцы ног. Тропа стала уже. Теперь путешественники уже могли потрогать обступившие тропу каменные громады.

Но вот путники вышли на небольшую площадку, и Джек устроил привал. Сняв мешки, Фарадей и Ир опустились на землю и прислонились к скале, вытянув перед собой ноги.

«Неужели все святилища аваров и икарийцев находятся или высоко в горах, или глубоко под землей», — подумала Фарадей.

— Остальные разрушены еще тысячу лет назад по приказу Брата-Наставника Сенешаля, — сказала Ир, отвечая на мысленное недоумение девушки.

Фарадей чуть не подскочила от неожиданности. Выходит, и Ир читает чужие мысли.

— Мы с Джеком не злоупотребляем своими способностями, — пояснила Ир, погладив девушку по руке. — Не беспокойся, в твои мысли мы почти не вторгаемся.

— Читать чужие мысли — удивительный дар! — воскликнула Фарадей. — Наверное, ты о многом узнала, бродя по дворцу Приама.

— Да, только ни о чем утешительном, — Ир вспомнила, какие интриги плели во дворце придворные. Вспомнила

и о том, как не раз ходила на другую сторону Чаши, в резиденцию Брата-Наставника, где процветают ханжество и обман. Слава Матери, что Аксис отправился в Горкентаун, покинув рассадник религиозного учения Сенешаля. Возможно, за время своего путешествия Аксис прозреет, обретет свою веру.

Тем временем Джек предавался собственным размышлениям. Он был доволен, что хотя бы на время сумел избавиться от общества Тимозела. Фарадей отведена весомая роль в победе над Разрушителем, и он, Джек, лезет из кожи вон вовсе не для того, чтобы ее сбили с толку. Тимозелу нечего лезть в чужие дела, пусть лучше выпится хорошенько.

Придя к этой утешительной мысли, Джек достал из мешка свиной окорок, хлеб, смородинный пирог и несколько яблок.

— Фарадей, Ир, идите завтракать, — позвал он.

Когда все принялись за еду, Джек обратился к Ир:

— Пока мы едим, можешь рассказать Фарадей о священных озерах.

— Одно из них, несомненно, то, к которому мы идем, — сказала Фарадей, перестав жевать.

— Да, дорогая, — ответила Ир, хрустнув яблоком. — А всего священных озер четыре. Мне кажется, часть из них ты и сама можешь назвать.

Фарадей облизала пальцы: ветчина — просто объедение. Интересно, какое топливо используют фермеры для копчения мяса. Дрова? Торф? А может, высушенные коровьи лепешки? Фарадей улыбнулась. В это время Джек выплюнул какую-то жилу. Соединив плевков Джека с наиболее экзотическим видом топлива, девушка рассмеялась.

Джек и Ир обменялись недоуменными взглядами.

— Извините, — смущенно произнесла Фарадей. — Я задумалась и не вовремя рассмеялась.

— Ты действительно отвлеклась, — сухо сказала Ир. — Я спрашивала тебя о священных озерах. Мне кажется, ты можешь назвать некоторые из них.

— Одно из них, наверное, Котел-озеро, — медленно ответила Фарадей. — По словам Тимозела, оно необычное, странного золотистого цвета.

Ир кивнула.

— Но есть и другое, которое тебе лучше известно.

Фарадей задумалась, а затем смущенно ответила:

— Разве в Ахаре есть другие таинственные озера? Да и больших озер нет, кроме... Да нет, другого священного озера я не знаю.

— Мне кажется, Фарадей догадалась, — заметил Джек.

— Неужели Чаша?

— Вот именно. Но только за последние несколько сотен лет его чародейные свойства никто не использовал, а вот в стародавние времена воспользоваться помощью озера не гнушались даже слугители Сенешаля.

— А какое четвертое священное озеро?

— Оно лежит далеко на севере, — пояснил, улыбнувшись, Джек. — Оно самое красивое. Возможно, тебе доведется его увидеть.

Фарадей повернулась к Ир.

— А почему эти озера священные?

Ир проглотила кусок пирога и, стряхнув со рта крошки, степенно ответила:

— Потому что им поклоняются люди, черпая у них силу. Скоро ты увидишь Папоротниковое озеро, которому поклоняются авары, называя его «Матерью».

Фарадей вспомнила, что Веремунд, рассказывая ей об отверженных, называл аваров «лесными жителями», а икарийцев — «людьми Крыла». Оказалось, что икарийцы заставляют свое диковинное название, ибо, как позже пояснил Джек, они — крылатые люди.

— Икарийцев называют «людьми Крыла», потому что они крылатые люди, — сказала задумчиво Фарадей. — А как выглядят авары, жители леса? У них что, вместо волос листья на голове?

Джек и Ир рассмеялись.

— Нет, дорогая, — ответил Джек, поднимаясь на ноги. — Ты в этом скоро убедишься сама. А сейчас нам пора идти дальше.

Продолжая взбираться в гору, Фарадей вспомнила и о том, что, по уверению Веремунда, авары не только живут в лесу, но и без затруднений разговаривают с деревьями. Фарадей огляделась по сторонам. Деревьев не видно. На склонах гор одни папоротники. Может, деревья растут у озера? Она поежилась. Всю свою жизнь она боялась деревьев и живущих в лесу отверженных. Не так легко преодолеть этот страх.

Вопреки пожеланию Фарадей, Тимозелу снова приснился кошмарный сон, повторивший ужасное сновидение, привидевшееся ему в доме фермеров.

Тимозел опять идет по заснеженному тоннелю, приближаясь к массивной двери, покрытой изморозью. Вот и дверь. Тимозел стучит.

— Входи! — раздается громовой голос.

Рука тянется к ручке и замирает. За дверью раздаются шаги. Она отворяется.

— Нет! — кричит Тимозел.

Дверь исчезает, а вместе с ней и тоннель.

Спустя несколько часов Джек, Фарадей и Ир пробрались между вставшими перед ними скалами и оказались на открытой площадке, усыпанной камнями и галькой. Внизу, в котловине, лежало круглое озеро, в зеленых водах которого отражались вершины гор. Вокруг озера росли огромные папоротники, уступавшие небольшую полосу берега гигантским деревьям. Показав на деревья, Джек сказал:

— У тех деревьев лужайка. Нам туда.

Спускаться к озеру пришлось петляя между древесными папоротниками, такими высокими, что они возвышались над головой, загораживая небо огромными листьями. Озера теперь не было видно, но на Фарадей, успевшей его рассмотреть, оно не произвело яркого впечатления. К тому же ее смутили деревья, заставив снова вспомнить картины ужасающего видения, завершившегося жуткой сценой гибели Аксиса. Ир уверяла, что Фарадей подружится с лесом, но девушка думала лишь о том, как превозмочь страх перед таинственными деревьями, которыми ее пугали с раннего детства. Возможно, она постепенно привыкнет к ним, а пока она боязливо ежилась, не зная, что ждет ее впереди, и даже веселое щебетание птиц не помогало избавиться от тревожного ожидания.

Спустя час путники, обогнув озеро, увидели впереди лужайку, замеченную с другого берега.

— Это место, особо почитаемое аvaraми, — благоговейно сказала Ир. — Видишь ли, авары...

— Не стоит пояснять, дорогая, — перебил Джек. — Нам повезло. К берегу идет аварский шаман. Сейчас он выйдет из-за деревьев.

Фарадей замерла: мало ей несносных деревьев, так еще и шаман. А вот и он! Да он не один! Увидев на руках шамана ребенка, Фарадей чуточку успокоилась.

Кошмарное сновидение оставило Тимозела только на время.

Вот он опять перед таинственной дверью. Она медленно отворяется. За ней — человек, закутанный в черный плащ, а в глубине помещения с ледяными стенами и такими же полом и потолком — какое-то страшное человекоподобное существо с птичьим клювом и когтистыми лапами.

Тимозел вскрикнул, и видение стало таять.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Шаман и ребенок

— Откуда взялся этот шаман? — спросила Фарадей, поравнявшись с Ир.

— Тс-с! — Ир приложила палец к губам и подошла к Джеку, не спускавшему глаз с шамана.

Шаман был человеком среднего роста, коренастым и мускулистым. Костюм его состоял из коричневых шерстяных панталон и такой же туники, по оторочке которой бежали друг за другом олени с развесистыми рогами. На широкие плечи шамана ниспадали длинные прямые темно-каштановые волосы. У него была круглая крепкая голова, высокий лоб, длинный с горбинкой нос, тонкие губы и выдающийся вперед подбородок. Но самыми примечательными у шамана были глаза: большие и темные, они походили на бездонные омуты.

Ребенком, которого шаман держал на руках, оказалась девочка, на вид не старше трех лет. Увидев людей, она радостно улыбнулась и неожиданно заворковала.

Шаман открыл было рот, чтобы что-то сказать, но его опередили Джек с Ир. Молитвенно прикоснувшись к лицу (Ир — обеими руками ко лбу, а Джек, державший посох, — одной рукой к левой брови), они склонились в низком поклоне. Выпрямившись, они с чувством произнесли:

— Мы рады приветствовать тебя, о шаман. Пусть будет вечно ясен твой путь, и да не зарастет для тебя тропа в Священную рощу.

В глазах Джека и Ир мелькнули изумрудно-зеленые огоньки.

Шаман бережно опустил девочку на землю, провел руками по лбу и глазам и в свою очередь поклонился.

— И я рад приветствовать вас, блюстители предсказания, — сказал он степенно. — Однако не скрою: увидев вас, я встревожился. Ваше появление в священном месте аваров подтверждает мои самые худшие опасения. Выходит, я оказался прав, и пророчество о пришествии Разрушителя начинает сбываться. Я не ошибся?

— Ты прав, о шаман, — угрюмо ответил Джек.

Шаман мрачно кивнул и перевел взгляд на оцепеневшую Фарадей, удивлявшуюся в душе, что шаман, хотя и с легким акцентом, говорит на ее родном языке.

— *Не удивляйся, Фарадей,* — раздался в ее голове голос Джека. — *Народы Тенсендора — ахары, авары и икарийцы до сих пор говорят на одном языке.*

— Представься шаману, — шепнула Ир.

Фарадей встрепенулась, провела руками по лбу и почтительно поклонилась.

— О шаман, — сказала она. — Меня зовут Фарадей. Я дочь графа Айсенда, наместника Скарабоста.

Шаман нахмурился. Незнакомка оказалась ахаркой, жительницей равнины. Но она пришла к Матери вместе с блюстителями пророчества. Приняв во внимание это немало-важное обстоятельство, он приветливо произнес:

— Я рад познакомиться с тобой, Фарадей.

Подняв девочку на руки, он продолжил:

— Ее зовут Шира, а я — Раум из клана Тенистого Дерева.

Джек и Ир называли себя. Посчитав церемонию знакомства законченной, Джек вежливо произнес:

— Нам надо поговорить. Сядем, если не возражаешь. Мы проделали долгий путь и устали.

Шаман кивнул. Джек, Фарадей и Ир сняли мешки и опустились на землю. Раум сел рядом, поджав под себя ноги. Девочка устроилась перед ним, с любопытством таращась на незнакомцев.

Ласково улыбнувшись девочке, Джек перевел взгляд на Раума и спросил:

— Ты уже представил девочку Матери?

— Нет, мы только что пришли, да и сейчас не время для представления. Я займусь этим завтра, на рассвете.

— Мы с Ир привели сюда Фарадей с той же целью. Хотим представить девушку Матери. Но раз ты здесь, можешь, возьмешь эту миссию на себя и представишь Матери вместе с Широй и Фарадей?

Лицо шамана побагровело, в глазах сверкнули молнии.

— Фарадей ахарка, а все ахары ненавидят деревья. Как тебе пришло в голову такое кощунство?

— Раум, человек твоей эрудиции должен хорошо понимать пророчество. Не так ли? — шаман кивнул. — Так вот, чтобы пророчество сбылось, ему нужны слуги. Фарадей послужит пророчеству, сослужив службу деревьям. Мы с Ир уверены в этом. Испытай Фарадей. Если сочтешь, что она недостойна служить пророчеству, мы уйдем отсюда, не возражая.

Шаман задумался. Затем, не сказав ни слова, он внезапно поднялся на ноги, подошел к Фарадей, склонился и, зажав руками голову девушки, пронзил ее взглядом. Фарадей впала в беспамятство, похожее на кошмарный сон.

Фарадей казалось, что она бежит по темному дремучему лесу, преследуемая каким-то страшным чудовищем, которое норовит догнать ее, чтобы разорвать на куски. Кругом мрачные покоробленные деревья с заскорузлой корой, переплетенные между собой толстыми ветками. Под ногами корни деревьев, густая сеть ползучих растений. Фарадей падает, поднимается, бежит снова. По лицу и рукам хлещут ветки. Лицо и руки в царапинах, из которых сочится кровь. Фарадей кричит, ускоряет шаг, но лес не редет. За спиной — рев чудовища, которое несется за Фарадей, с хрустом ломая ветки. «Помогите!» — кричит Фарадей. Но нет, деревья еще плотнее смыкаются. Девушка выбивается из последних сил, ее одолевает отчаяние. Почему деревья против нее? «Противные деревья! — гневно восклицает она. — Вы должны помочь мне!» Внезапно Фарадей выбегает на небольшую поляну. Посреди нее — огромный раскидистый дуб. Фарадей подбегает к дубу, прижимается к дереву и неожиданно вспоминает, как разговаривала с деревьями, желая узнать

о своей судьбе. «Послушай меня, дуб!» — восклицает она и изливает дереву свои страхи, содрогаясь от плотоядного урчания за спиной. И вот, когда казалось, что смерть неминуема, она слышит, как дуб тихонько запел. Дуб поет все громче и громче. Песню подхватывает другое дерево, третье... Звучит Песня Леса. По телу Фарадей разливается умиротворяющее тепло, на глаза выступают слезы, чувство страха проходит. Рев чудовища затихает. В ушах звучит одна Песня Леса. Фарадей улыбается и открывает глаза.

Шаман разжал руки и отстранился от Фарадей.

— Это ты преследовал меня? — спросила девушка, улыбнувшись.

Раум молча кивнул. Казалось, он был в великом недоумении. Вернувшись на свое место, он обвел взглядом блюстителей предсказания и тихо заговорил:

— Фарадей подверглась такому же испытанию, которому авары подвергают одаренных детей, намереваясь в будущем сделать из них шаманов. Не скрою, далеко не все дети выдерживают тяжелое испытание, хотя от них требуется всего лишь одно: перед лицом смертельной опасности обратиться за помощью к лесу, — шаман тяжело вздохнул и скорбно продолжил: — Большинство детей умирает от страха. Представить Матери удастся немногих.

— А как повела себя Фарадей? — спросил Джек, чрезвычайно довольный тем, что девушка прошла испытание.

— Фарадей, хотя смерть неслась за ней по пятам, нашла в себе силы остановиться и попросить о помощи дерево. И дерево помогло. Оно запело, запело для Фарадей. Песню подхватили другие деревья, и смерть отступила. Ни

одному из наших детей, подвергавшихся испытанию, не довелось слышать Песню деревьев. Да что дети! Лишь немногие взрослые слышали Песню Леса, — шаман замолчал, а потом недоуменно воскликнул: — Подумать только, деревья пели для жительницы безлесной равнины! — благоговейно взглянув на девушку, шаман задумчиво произнес: — Что же они сделают для нее, когда узнают, что она представлена Матери?

Кошмарное сновидение оставило Тимозела только на время, чтобы снова вернуться. Вот он видит, как к нему приближается страшное существо. «Кто это? — раздается громовой голос. — Кто посмел потревожить меня?» Тимозел хочет бежать, но ноги не слушаются. Он отвечает сдавленным голосом: «Меня зовут Тимозел. Я пришел сюда не по своей воле. Не хочу оставаться здесь». Однако на этот раз видение не растаяло.

Раум поднялся на ноги и принес из-за дерева оставленный там мешок. В мешке оказалась еда, а среди съестного — лепешки со странным, хотя и приятным вкусом.

— Из чего они сделаны? — поинтересовалась Фарадей.

— Из клубней мэлфери, — пояснил Раум. — Аваринхейм богат этим растением. Клубни высушивают, толкут, получая муку, в которую примешивают добавку по вкусу. В зимнее время такие лепешки — основная еда аваров. Эти лепешки с сыром.

— А что такое Аваринхейм? — спросилась Фарадей, усаживая подошедшую девочку на колени.

На лице шамана отразилось недоумение.

— Извини, Раум, — вмешался Джек. — У нас не было времени расширить познания Фарадей. Мы познакомились с ней недавно. Не сочти за труд, Расскажи Фарадей о своем народе. Да и мы с Ир послушаем.

Шаман закрыл глаза и несколько минут молчал, напустив на лицо важное, сосредоточенное выражение, потом его лицо прояснилось, и он поднял палец, призывая слушателей к вниманию.

— Мы с Широю авары, — начал шаман. — Вот уже тысячу лет авары живут в Аваринхейме, огромном лесу, который простирается от Ледяных Альп до Скалистых гор. В этот лес нас загнали ахары во времена Войн Топо-ра. Они называют Аваринхейм «лесом Теней», боясь и ненавидя аваров, чему способствует учение Сенешаля. Нас и живущих в горах икарийцев ахары называют «отверженными», — шаман замолчал, взглянул на садившееся за вершины гор солнце, затем продолжил: — Когда-то Аваринхейм — Великий Аваринхейм, как его называли еще тысячу лет назад, — простирался от Ледяных Альп до залива Внешнего Мира и от Моря, Плодящего Вдов, до Нордры. Ахары отняли у нас наши исконные земли, а отняв, вырубали леса, оставив, насколько я слышал, только лес вокруг Котла-озера, — Раум вопросительно посмотрел на Джека. Тот кивнул.

Воспользовавшись паузой в монологе шамана, Фарадей сухо сказала:

— За последнее время я слышала немало самых разных суждений о событиях далекого прошлого.

Оставив реплику Фарадей без внимания, Раум продолжил:

— Авары — мирные люди. Мы живем в гармонии с природой, в отличие от ахаров, которые нещадно эксплуатируют землю, ничего не давая ей взамен. Путь Плуга ведет в тупик, Фарадей.

— Достаточно, Раум, — прервала Ир. — Фарадей не ответственна за целый народ.

— Это так, — согласился шаман. — И все же я хочу подчеркнуть, что аварам больно смотреть, как ахары выжимают из земли все соки. Мы любим землю, а особенно чтим деревья. Для нас лес — одушевленное существо, член сообщества. Все наши обряды связаны с лесом. Мы бережем его. Особую заботу о лесе проявляют шаманы.

— А шаманов вы готовите из одаренных малолетних детей, подвергая их жестокому испытанию, — холодно заметила Фарадей. — И вас не волнует, что часть детей погибает?

— Что делать, жизнь сурова. Чтобы стать шаманом, надо пройти обучение, а обучение следует начинать с раннего детства, но прежде полагается получить одобрение Матери, которое на получишь, не пройдя испытание.

— А почему это озеро вы называете «Матерью»?

— Это озеро — колыбель жизни, — ответил Раум.

В голове у Фарадей слегка загудело: шаман своими странными речами сбил ее с толку, поверг в недоумение. Да и откуда взялся этот шаман?

— Раум, как ты добрался до этого озера? — спросила она. — Неужели ты пересек незамеченным Скарабост?

— Нашим шаманам волей-неволей каждый год приходится проделывать этот путь. Но мы путешествует ночью и стараемся не попадаться на глаза местным жителям. К тому же нам помогает женщина, твоя соплеменница, которая уже

многие годы живет среди икарийцев. Мы передаем детей ей, а она добирается с ними до Папоротниковых гор, не привлекая излишнего внимания, — шаман вздохнул и продолжил: — И все же привести детей к Матери — многотрудное дело. В последние годы нам не хватает шаманов, а их нужно все больше и больше. Аваринхейму с севера угрожает опасность, а сплотить аваров, вдохнуть в них уверенность в свои силы могут только шаманы.

Фарадей собралась расспросить шамана о женщине, живущей у икарийцев, но ее опередил Джек.

— Какая опасность угрожает аварам с севера? — взволнованно спросил он.

— У северных пределов Аваринхейма наблюдается скопление скрелингов. Пока они нас, правда, не беспокоят, ибо боятся деревьев, но если они наберутся храбрости, боюсь, последствия будут страшными. Мы иногда встречаемся с икарийцами. Во время нашей последней встречи икарийские чародеи предположили, что начало сбываться пророчество о пришествии Разрушителя. Мы усомнились и, оказывается, напрасно. Встретив вас, блюстителей предсказания, мы видим, что предположение икарийцев — реальность. Выходит, Горгрил действительно появился на свет и вот-вот двинет духов на юг. Скажи, Джек, вы уже нашли Звездного Человека? Мы можем рассчитывать на него?

— Звездный Человек пока в плену предрассудков. Остается надеяться, что он осознает свое великое предназначение. Будем верить в мудрость пророчества.

— Боюсь, что Горгрил уже в предстоящую зиму пошлет скрелингов в наступление, — подала голос Ир. — Скорее всего, они двинутся на Ихтар. Сомневаюсь, что

ахары справятся с ними сами. Как ты думаешь, Раум, икарийцы помогут ахарам?

Шаман потер лоб. Фарадей показалось, что на темени Раума блеснули два бугорка. Впрочем, стало темнеть, и она сочла, что ошиблась.

— Ахары называют икарийцев «отверженными», — ответил шаман, — и если люди Крыла предложат им помощь, ахары посчитают эту инициативу злым умыслом.

Суждение Раума навело Фарадей на мысль, что в Горкентауне ей придется решать и дополнительную задачу, столь же трудную, как и первые две.

— Я не хочу оставаться здесь, — повторил Тимозел и закрыл от страха глаза. Он попятился к двери, но его пригвоздил к месту громовой голос, оледенивший сразу всю кровь в его жилах. — Ты мне нравишься, Тимозел. Ты хороший парень. Как ты нашел меня? — Тимозел не знал, что ответить. Он судорожно ухватился за дверь и, несмотря на странную похвалу, застыл в ожидании неминуемой смерти. Громовой голос сменился сладкоречивым: — Тимозел, хочешь стать моим другом? Я не прочь подружиться с топороносцем, — Тимозел опешил от неожиданности и открыл глаза, чтобы тут же исторгнуть крик, увидев страшное существо. Этот крик был так пронзителен и так громок, что видение вновь исчезло.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Мать

Наступила ночь, и Раум попросил Фарадей уложить Ширю спать, посоветовав девушке вздремнуть несколько часов и самой. Фарадей вопросительно посмотрела на Джека.

— Делай то, что велит тебе Раум, — откликнулся Джек.

Фарадей покорно кивнула и, приготовив постели из одеял, улеглась с Широй спать.

Джек, Раум и Ир обошлись без сна. Расположившись вокруг костра, они повели разговор о пророчестве, пытаясь предугадать, сумеет ли Звездный Человек побороть предрассудки и объединить народы Тенсендора для борьбы с Разрушителем.

Спустя несколько часов Раум разбудил Фарадей. Девушка села в постели, протерла глаза и тут же задрожала от холода. Надев платье, подняла голову. Над горизонтом

взошла луна, похожая на огромный масляный блин. На небе ни облачка. В зените — тысячи тысяч звезд.

Фарадей разбудила Ширу и, взяв девочку на руки, огляделась.

— А где Джек и Ир? — спросила она встревоженно. Шаман показал рукой на деревья.

Джек и Ир сидели у ближайшего дерева, почти слившись с темным стволом, и тихо беседовали.

— Они останутся здесь, будут ждать нашего возвращения, — пояснил Раум. — Им есть чем заняться. Обсудят пророчество. В нем немало неясностей. А тебе, Фарадей, придется временно помолчать. Не открывай рот без моего разрешения. Ты поняла?

Фарадей молча кивнула.

— Тогда пошли, — сказал Раум и направился к озеру.

Не дойдя нескольких пейсов до берега, Раум остановился и тихо сказал:

— Нам надо раздеться. Мы должны предстать перед Матерью обнаженными — такими, какими появились на свет.

Фарадей собралась выразить возмущение, но шаман пронзил ее твердым взглядом, и она подчинилась: раздела Ширу и разделась сама.

От холода тело покрылось пупырышками. Фарадей распустила волосы, прикрыв плечи. Теплее не стало. Фарадей поежилась, но не только от холода, она смущалась собственной наготы. Однако отступать было нельзя и, взяв Ширу на руки, Фарадей снова пошла за Раумом, стараясь не смотреть на шамана. Внезапно она подумала, что сказала бы мать, доведись ей узнать о совершенно немыслимом поведении дочери. Воспоминание вызвало слезы, но Фарадей быстро

справилась с неуместным волнением, и, главное, вовремя. У берега Раум снова остановился.

Фарадей опустила Ширу на землю. Наклонился и Раум. Когда он выпрямился, Фарадей удивленно вскинула брови: шаман держал за уши зайца. Но что это? Девушка замерла. В другой руке Раума блеснул нож. Слова недоумения почти ощутимо затрепетали на устах девушки, но шаман вновь пронзил ее твердым взглядом, и Фарадей не проронила ни слова.

Шаман уложил животное на ладонь. Заяц не шевелился, только поблескивал раскосыми глазками.

— Благодарю тебя за самопожертвование, — прошептал шаман, глядя на зайца. — Скоро ты соединишься с Матерью.

Отвернувшись от Фарадей, Раум вонзил в зайца нож. Брызнула кровь. Шаман положил нож на камень, погрузил пальцы в рану животного и склонился над Широй.

— Этой жертвенной кровью я связываю тебя с Матерью. Клянешься ли ты служить ей верой и правдой?

— Клянусь! — ответила Шира.

— Да будет вечно доступна тебе дорога в Священную рощу, — торжественно произнес Раум и провел кровавыми пальцами по лицу и груди ребенка.

Настала очередь Фарадей.

— Этой жертвенной кровью я связываю тебя с Матерью, — повторил шаман слова загадочного обряда. — Клянешься ли ты служить ей верой и правдой?

Фарадей растерялась. Она не знала, как поступить. Всю свою жизнь она верила в Артора, тому ее учили родители. Что делать? Бежать? Но тут она вспомнила Звездный зал, необыкновенную красоту Звездных Врат. Разве молитвенные залы ахаров могут сравниться со святилищами

отверженных? А обряды отверженных так таинственны, привлекательны.

Придя к этой мысли, Фарадей твердо проговорила:

— Клянусь!

Раум удовлетворенно кивнул и, пристально уставившись в глаза девушки, вывел кровавые полосы на ее лице и груди.

Почувствовав, как кровь стекает с груди, Фарадей закрыла глаза, вспомнив о страшном видении, когда ей привиделся не только окровавленный Аксис, но и почудилась кровь на собственном теле.

Когда она открыла глаза, Раум все еще смотрел на нее, но теперь — доброжелательно и участливо, словно поняв, что творится в ее душе. Фарадей ощутила, как по телу разливается умиротворяющее тепло. Ее страхи прошли. Она улыбнулась.

Шаман ответил улыбкой, а затем, протянув ей зайца, мягко сказал:

— Фарадей, подвергни и меня тому же обряду.

Фарадей погрузила пальцы в кровоточащую рану животного и помазала Раума кровью.

— Пусть эта кровь еще теснее свяжет тебя с Матерью, — торжественно сказала она. — И да будет уверенной твоя поступь на пути в Священную рощу.

Раум довольно кивнул, а затем, погрузив руку в разрез на теле животного, вырвал у зайца сердце. Держа трепещущее сердце на раскрытой ладони, шаман повернулся к озеру и вскричал:

— О Всемогущая Мать, пусть кровь этой жертвы утолит твою жажду. Прими нас в свои объятия! — шаман размахнулся и швырнул сердце в озеро. Как только оно косну-

лось воды, озеро засияло изумрудно-зеленым светом, озарив горы и небо.

Фарадей замерла. Озеро притягивало, манило. Девушка вопросительно посмотрела на Раума.

— Да, — прошептал шаман. — Пора представить вас Матери, — взяв Ширу за руку, он продолжил: — Возьми и ты меня за руку, Фарадей. Сейчас мы окажемся в объятиях Матери, а затем пойдем в Священную рощу. Добро пожаловать.

Фарадей взяла Раума за руку, и все трое ступили в озеро.

Кошмарное сновидение вновь оставило Тимозела только на время, чтобы снова вернуться. Он слышит тяжелые шаги, ощущает мерзостное дыхание грозного незнакомца. Сердце Тимозела лихорадочно бьется. Он не выдерживает и открывает глаза. Перед ним то же страшное человекоподобное существо с птичьим клювом и когтистыми лапами. «Тимозел, ты станешь мне другом?» — раздается вкрадчивый голос. Тимозел собирается с духом и восклицает: «Нет! Никогда! Лучше попасть в преисподнюю, чем общаться с тобой». Раздается зубовой скрежет. Когтистые лапы тянутся к Тимозелу.

Держась за руку Раума, Фарадей безбоязненно удалялась от берега. Но, странное дело, она не чувствовала, что идет по воде, и даже могла поклясться, что ноги ее остаются сухими. Шира смеялась, погрузив руки в озеро. Шаман улыбался.

Но вот вспыхнувший над озером изумрудно-зеленый свет стал разрастаться, подымаясь все выше и выше. Он обволакивал, как туман.

Раум взял Ширу на руки, а Фарадей успокоил:

— Смелее! Смелее! Нам ничто не грозит.

Напутствие Раума оказалось излишним. Фарадей страха не чувствовала и даже нисколько не испугалась, когда изумрудно-зеленый свет поглотил ее с головой. Дышалось легко, а ноги, казалось, шли сами. Фарадей обернулась — берег пропал из вида. Подняла голову — один туман, неба не видно.

Но вот туман стал рассеиваться, и Фарадей, к своему великому удивлению, обнаружила, что идет по мягкой траве. Посмотрела наверх — небо, а на нем яркие звезды. Впереди показались вековые деревья. Да это дремучий лес!

Дремучий лес Раума не смутил. Он быстро нашел тропинку и, не колеблясь, как человек, не раз бывавший в этих местах, углубился в чащобу.

Фарадей охватило чувство восторга. Надо же, ей, единственной из ахаров, удалось побывать в святилище икарийцев, полюбоваться красотой Звездных Врат, а теперь ей выпала и другая удача, да нет — настоящее счастье увидеть своими глазами священное озеро другого таинственного народа, аваров, да и не только увидеть, но и пройти по его глубинам, побывать в объятиях Матери!

Но вот лес начал редеть. Мрачные, толстые, в несколько обхватов деревья постепенно сменялись веселыми тонкими деревцами. Раум опустил Ширу на землю. Девочка заняла место между шаманом и Фарадей и гордо выступила вперед, вызвав улыбки и оживленные восклицания Раума.

Путники вошли в светлую веселую рощу. Посреди рощи нашлась поляна. Ступив на поляну, шаман воздел руки к небу и трубно провозгласил:

— О Всемогушие Рогачи, я привел к вам Ширу и Фарадей, которые, выдержав тяжкое испытание, получили благословение Матери, воссиявшей над ними своим живительным светом. Одна из них вырастет бесстрашной и сильной и станет служить верой и правдой Матери, вам, Всемогушие Рогачи, и народу Аваринхейма. Другая, следуя пророчеству о пришествии Разрушителя, поможет победить Горгрила и его гнусное воинство. О Всемогушие Рогачи, гласом своим взываю к вам: покажитесь, даруйте благословение Шире и Фарадей и направьте их на истину вашу.

В глубине рощи стали сгущаться тени. Однако Фарадей и на этот раз нисколько не испугалась. Наоборот, ею овладела безотчетная радость. Она взглянула на Раума. Лицо шамана сияло. Но что это? На его голове действительно какие-то бугорки. Фарадей потянулась к Рауму. Да это маленькие рога. Шаман улыбнулся.

— Надеюсь стать в будущем Рогачом, — застенчиво сказал он.

— Ты обязательно станешь им, Раум, — участливо ответила Фарадей. Она бы нашла и другие ободряющие слова, но в это самое время на поляну вышли девять странных существ, каждый — с человеческим телом и головой оленя с развесистыми рогами. На плечи людей-оленей ниспадали длинные волосы. У одних они были черными, у других — каштановыми, а у одного — серебристыми.

— Это — Всемогушие Рогачи, — шепнул Раум.

Рогач с серебристыми волосами степенно вышел вперед и, подняв руку в приветствии, сказал мягким голосом:

— Добро пожаловать, Раум! Добро пожаловать, Шира! Добро пожаловать, Фарадей!

Рогач подошел к Рауму и потерся щекой о щеку шамана. Затем, взяв Ширу на руки, прикоснулся щекой к щеке девочки. Опустив Ширу на землю, подошел к Фарадей.

— Друг Леса, — сказал Рогач, — мы счастливы, что ты пришла в Священную роццу, — он взял Фарадей за плечи и, чуть приблизив к себе, потерся щекой о ее щеку.

— Мне можно остаться здесь? — спросила неуверенно девушка, ибо знала ответ.

— Тебя ждут великие дела, Фарадей, — ответил Рогач. — Выполнив свою миссию, ты вернешься сюда. Тогда, если захочешь, останешься здесь.

Глаза Фарадей вспыхнули ослепительным блеском. Она знала: ее не обманывают.

— Конечно, иногда ты можешь навещать сюда, — добавил Рогач.

— Спасибо, — ответила Фарадей.

Серебристый Рогач обернулся и сделал призывный жест. К нему подошел один из его собратьев и передал какой-то предмет.

— Друг Леса, — приветливо сказал Серебристый Рогач, — позволь сделать тебе подарок, который поможет тебе окрепнуть и возвыситься духом. С его помощью ты также сможешь найти нас, если мы понадобится тебе. Набирайся сил и умней, дочь моя, и не забывай служить верой и правдой Матери, — Рогач поклонился и протянул Фарадей широкую деревянную чашу красного цвета.

— Спасибо, — ответила девушка, благоговейно принимая подарок. Взяв чашу в руки, Фарадей удивилась: от чаши исходило тепло. И словно желая посмотреть на диковину, с неба сорвалась маленькая звезда и ринулась вниз, оставив за собой мгновенный ослепительный росчерк.

Серебристый Рогач перевел взгляд на Раума.

— Время не ждет. Иди с миром. Только будь осторожен. Тебе и ребенку угрожает опасность, — Рогач склонился над Широю: — Иди с миром и ты. Служи верой и правдой Матери. Учись, набирайся знаний. Если ты станешь стараться, то принесешь пользу аварам.

— Я буду стараться, — ответила девочка важным голосом.

Рогач сдержанно улыбнулся.

— Я верю тебе, — серьезно ответил он. — Я верю и тебе, Фарадей, — продолжил Рогач, переводя взгляд на девушку. — Верю в твою честность и преданность, — он коснулся лба Фарадей, передав ей заряд энергии. Взглянув в глаза девушки, Рогач удовлетворенно кивнул и вернулся к своим собратям.

Мгновение, и Всемогущие Рогачи исчезли.

— Пойдемте, — сказал шаман. — Нам пора возвращаться.

На этот раз кошмарный сон не прервался. Тимозел чувствует, как когтистая лапа хватается его за горло и принуждает опуститься на ледяной пол. «Тебе не вырваться, — раздается зловеющий шепот. — Если ты не хочешь стать моим другом, станешь служить мне, как и другие». Тимозел с трудом поднимает голову. Над ним нависло страшилище, изо рта которого капает омерзительная слюна. «Что за красавчик! — снова слышится шепот. — Ты станешь служить мне». «Я уже нахожусь на службе», — выдавливает из себя Тимозел, с трудом разжимая челюсти. «На службе? — страшное существо презрительно усмехается. — Какая служба в воинстве Сенешаля, где тебя в грош не ставят?» Тимозел нехотя отвечает: «Я несу и другую службу. Я дал

обет, нарушить его не могу». Страшилище свирепеет. На его лице проступает краска негодования. «Кому ты служишь? — изрыгает он разъяренно. — Кому дал обет?» Тимозел качает головой. Ответить — значит предать Фарадей. «Ладно, — раздраженно продолжает страшное существо. — Я подожду. Но только поклянись, смрадный кусок дерьма, что как только ты освободишься от своих гнусных обязанностей, ты перейдешь на службу ко мне». Огромная когтистая лапа хватает Тимозела за шею и клонит вниз, к полу. Тимозел обмякает. «Хорошо, — хрипит он. — Как только я освобожусь от своих обязанностей, я перейду на службу к тебе». Горгрил заливается демоническим смехом и, схватив Тимозела за волосы, приподымает его: «Смотри. Черный Человек — свидетель твоему обещанию. Если ты нарушишь данное тобой слово, то пеняй на себя. А теперь убирайся».

Горгрил повернулся к Черному Человеку.

— Это ты навел на Тимозела благостный сон?

Человек в черном плаще улыбнулся.

— Ты верный слуга, — похвалил Горгрил.

Черный Человек склонил голову.

— Все идет хорошо, — сказал он.

— Ты еще побудешь со мной?

— Нет. Ты же знаешь, у меня есть и другие обязанности.

Человек в черном плаще исчез.

Оставив за спиной Священную роццу, путники снова оказались в лесу. Вокруг — толстые, в несколько обхватов деревья, над головой — яркие звезды. Но вот лес

оборвался, и путников поглотил знакомый туман. Когда изумрудно-зеленая мгла рассеялась, впереди показался берег. На берегу — Джек и Ир. У них в руках одеяла. Увидев блюстителей предсказания, Фарадей ускорила шаг, бережно прижимая к себе деревянную чашу, подарок Всемогущего Рогача.

Вернувшись в лагерь, Раум, Шира и Фарадей немедленно улеглись спать.

Фарадей приснилось, что она сидит на пригорке в Священной роще. На ее коленях — деревянная чаша, источающая тепло. Невдалеке, прислонившись к дереву, стоит Серебристый Рогач.

— Тебе надо уйти отсюда, — говорит он с назиданием в голосе.

Фарадей хмурится.

— Нет, — возражает она. — Я не хочу. Здесь так приятно, покойно. К тому же я под твоей защитой. Я доверяю только тебе, тебе одному.

— Если я тебе буду нужен, воспользуйся чашей. А сейчас уходи. Придет время, и ты вернешься сюда. Тогда, если захочешь, останешься здесь.

— Но до того времени еще далеко, — горестно восклицает девушка. Она хочет еще что-то сказать, но очертания рощи стали медленно расплываться.

Проснувшись, Фарадей увидела, что Раум завязывает мешок. У нее защемило сердце. Предстояла разлука.

Когда пришло время прощания, Фарадей обняла шамана, нежно расцеловала Ширу и тревожно произнесла:

— Будь осторожен, Раум. На равнине небезопасно.

— Мы будем идти только ночью, — спокойно ответил Раум. — Днем станем отсиживаться в укрытии. На равнине немало оврагов.

— И все-таки будь осторожен, Раум, — сказала Ир. — Вы можете наткнуться на воинов Сенешаля. Топороносцы сейчас направляются в Смиртон, а оттуда двинутся в Горкентаун.

— Пора и нам собираться в дорогу, — сказал Джек, проводив взглядом шамана и Ширу. — Путь неблизок. Вернемся в лагерь только к полуночи.

Когда Джек, Фарадей и Ир возвратились в лагерь, хватило одного взгляда, чтобы понять, что тревожиться не о чем. Мул мирно щипал траву, свиньи, сбившись в кучу, лежали, загораживая проход, а Тимозел спал, тихонько пошвыстывая.

— Он проспит до утра, — со знанием дела сказала Ир. Джек кивнул и, сняв заплечный мешок, занялся приготовлением ужина.

Поевши, все легли спать и спали непробудным сном до утра.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В Смиртоне

В самом начале Морозного месяца колонна топороносцев под предводительством Аксиса подошла к Смиртону, большому поселку в провинции Скарабост. Аксис надеялся выполнить обещание, данное Брату-Наставнику Сенешаля, намереваясь добраться до Горкентауна в начале Снежного месяца, но времени для этого было в обрез, ибо он выбился из первоначального графика на шесть дней.

Тому были причины. Прежде всего, подвела погода. Неожиданно выпал обильный снег — редкое явление для Морозного месяца — и лошади еле двигались, утопая в сугробах. Кроме того, Аксису пришлось сделать крюк, чтобы обойти стороной имение графа Айсенда. Встреча с графом, который остался в Карлоне, Аксису не грозила, но он не мог решиться даже на то, чтобы предстать перед глазами двух его дочерей. Как расскажешь им о гибели их матери и

сестры, которых граф доверил его попечению и которых он не сберег?

Наконец, топорonosцев задержала в пути шайка грабителей, наводившая страх на местных крестьян. Понадобилось два дня, чтобы напасть на след банды и уничтожить ее до последнего человека.

Зато Горгрил больше не давал о себе знать. Может, и в самом деле на время выдохся. Но от этой мысли Аксису легче не становилось. Он непрестанно вспоминал Фарадей, виня себя в ее гибели. Это мучительное чувство вины все еще обуревало его, когда Аксис во главе небольшого отряда топорonosцев на глазах удивленных жителей въехал на боевом коне в Смиртон.

Смиртон стоял на Хлебородной равнине вблизи долины Отверженных. Низкие налоги постоянно привлекали переселенцев, и население поселка непрерывно росло, несмотря на близость таинственных недружелюбных соседей.

В поселке насчитывалось около семидесяти домов, каждый с садом, огородом и хозяйственными постройками. В центре поселка высился молитвенный дом, в котором каждый седьмой день недели проходило богослужение. В другие дни помещение использовали для управленческих нужд, судебных разбирательств и даже для деревенских увеселений. Рядом с молитвенным домом стоял дом Хранителя Плуга, местного управителя, который не только располагал административными, судебными и военными полномочиями, но и следил за нравственностью селян.

Как и во всяком поселке, в Смиртоне была базарная площадь. Обычно она гудела, волновалась и двигалась. Но вот среди бела дня она неожиданно замерла, смолкла, затихла.

Виданное ли дело: в поселке появился отряд воинов Сене-шала во главе с самим Боевым Топором, легендарным военачальником.

При виде командира топороносцев от запрудившей площадь толпы отделился высокий дородный мужчина с маленькими блестящими глазками, расположенными близко к мясистому крючковатому носу. На его покрасневшем лице отражались следы волнения.

Определив, что его встречает Хранитель Плуга, Аксис направил коня к управителю Смиртона. При виде мощного жеребца толпа отшатнулась, и лишь одна женщина не сделала ни шагу назад, взглянув на Аксиса, как ему показалось, с неприязнью и вызовом. Не придав этому большого значения, Аксис спешился и, прижав руку к груди, обратился к управителю Смиртона:

— Рад видеть тебя, брат Хаген. Джейм, Брат-Наставник, просил передать тебе благодарность за твои важные донесения.

Хаген зарделся от удовольствия, и все же было заметно, что он смущен.

— Я счастлив, что мои донесения помогли Брату-Наставнику, — ответил Хранитель Плуга. — Но, если честно признаться, я не мог даже предположить, что Брат-Наставник пошлет столь большое войско, чтобы пресечь появление в окрестностях Смиртона странных существ. Боюсь, нашим жителям не по силам оказать должное гостеприимство такому большому числу людей.

Аксис сдержанно улыбнулся. Не вызывало сомнений, Хранитель Плуга предположил, что brave воины уничтожат все съестное, имевшееся в поселке, и опустошат все его винные погреба.

— Топороносцы разобьют лагерь за пределами Смиртона, — дружелюбно ответил Аксис. — Солдаты уже принялись за работу. Нам потребуется только вода. Провиантом мы обеспечены.

Хаген облегченно вздохнул.

— Но я надеюсь, ни ты, ни твои офицеры не откажутся поселиться у меня в доме.

— Мы с офицерами прекрасно устроимся и в палатках, — Аксис увидел, что замеченная им женщина теперь посмотрела на него с нескрываемым удивлением. — Но я не откажусь от приглашения на ужин. Нам надо поговорить.

Лицо Хагена оживилось.

— Вот и прекрасно, — приподнято сказал он. Радостно блеснув глазами, Хранитель Плута продолжил: — Позволь, Боевой Топор, представить тебе старейшин села.

Заручившись благосклонной улыбкой Аксиса, Хаген сделал призывный жест. К нему подошли несколько человек.

— Это Хордли, — Хаген указал на плотного коренастого человека с рыжеватыми волосами. Тот поклонился. — А это Гарленд, — теперь поклонился лысый рябой мужчина. — Их жены, — продолжил Хаген. Две пышнотелые женщины, растянув губы в улыбке, неловко сделали реверанс. — Миллер Паул, — Хаген указал на худого высокого человека. Тот сначала поклонился, как и другие, а затем, повернувшись к бледнолицему юноше, такому же тощему, как и сам, радостно произнес: — Мой сын Вэйнволд, — Хаген ответил свирепым взглядом. Юнец попятился и смешался с толпой.

Воспользовавшись заминкой, Аксис перевел взгляд на женщину, которая удостоила его странным вниманием. Го-

лубоглазая, с пышными черными волосами, обрамлявшими лицо цвета слоновой кости, на уроженку Скарабоста она явно не походила. Возможно, она родилась на юге, подумал Аксис. Может быть, в Норе.

Заметив, на кого смотрит Аксис, Хаген чуть смущенно сказал:

— Это Азур, моя дочь.

Аксис еще более удивился. Члены религиозного братства редко обременяли себя семьей, помня наставление Брата-Наставника: высший удел — служение Сенешалю. Если кто из них и женился, то брал в жены землячку. По виду Азур, ее мать южанка. Выходило, что Хаген не только обременил себя семейными узами, но и женился на женщине, уроженке другой провинции, скорее всего, на норийке. Норийки, правда, славились красотой, но и отличались, на взгляд добропорядочных северян, излишней свободой нравов.

Посчитав неприличным долго смотреть на девушку, Аксис отвел глаза и, окинув взглядом толпу, громко представился:

— Я — Аксис, сын Ривки, — Боевой Топор обернулся и подозвал Велиара. — А это мой лейтенант, Велиар.

Сам Аксис представился не без гордости. Его мать была замечательной женщиной. Недаром Фарадей отозвалась о ней с похвалой.

Однако, назвавшись, Аксис привел в замешательство и Хагена, и Азур. Не вызывало сомнения, что Хагену, члену религиозного братства, была известна скандальная история рождения Аксиса, а Азур узнала о ней от отца.

Смутившись, Хаген долго откашливался, а затем неуверенно произнес:

— Гм... Боевой Топор, может, мы не станем откладывать нашу встречу до вечера? Почему бы нам не распить сейчас по кружке доброго эля? Я приглашаю тебя и твоего лейтенанта.

Аксис кивнул и подозвал Арна.

— Проследи, чтобы, устанавливая палатки, топоросцы не снесли межевые знаки и не повредили загоны. И возьми с собой Белагеза. Я приду в лагерь позже, — похлопав коня по крупу, Боевой Топор повернулся к Хагену. — Мы с Велиаром готовы. Пойдем?

В дом управителя отправились вшестером. Кроме топоросцев, Хаген пригласил Хордли и Гарленда.

Дом Хагена оказался обычным крестьянским домом с единственной комнатой. Но бросалась в глаза и разница. В комнате была удобная добротная мебель, а занавески на окнах были, без сомнения, привозными. Точно такие Аксис видел на базаре в Исбадде, столице Нора.

На стол накрыла Азур.

— А где твоя мать? — спросил Аксис.

Рука девушки, разливавшей по кружкам эль, слегка дрогнула, и добрый напиток выплеснулся на стол. Азур нахмурилась, но быстро пришла в себя.

— Когда мне было пять лет, моя мать сбежала из дому с заезжим коробейником, — ответила она безмятежно, вытирая стол тряпкой. — Тихая жизнь в глуши ей пришлось не по нраву.

На Хагена было жалко смотреть. Он побледнел и заерзал на стуле.

— Да, порой за безделушки торговцев приходится платить высокую цену, — протянул философски Аксис.

Реплика не помогла. Хаген зло посмотрел на дочь и махнул ей рукой, отсылая к камину.

Оставалось пустить разговор по новому руслу. Отхлебнув из кружки, Аксис спросил:

— Скажи, брат Хаген, не появлялись ли вновь в окрестностях Смиртона странные существа, о которых ты сообщал в своих донесениях?

Вопрос оказался действенным.

Азур обернулась, гневно сверкнув глазами, а затем, уткнувшись в камин, принялась яростно шуровать кочергой. Хордли и Гарленд поставили на стол кружки и вопросительно посмотрели на Хагена. Хранитель Плуга неожиданно приосанился и горделиво ответил:

— Вот именно, появились. Да только на этот раз они от нас не ушли. Четыре дня назад мы схватили двоих. Сейчас они под стражей в подвале молитвенного дома. Вы прибыли вовремя. Завтра утром мы собираемся их казнить.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Пленники

Аксис застыл с кружкой в руке, изумленно глядя на Хагена. Сообщение Хранителя Плуга не оставило равнодушным и Велиара. Он переменялся в лице, поперхнулся и, стукнув кружкой о стол, долго откашливался, вытирая платком лицо.

— Вы поймали двоих? — спросил удивленно Аксис.

— Ну да, — важно ответил Хаген, весьма довольный произведенным эффектом. — Восемь наших селян вечером проверяли ловушки, поставленные на кролика, как вдруг натолкнулись у стога сена на двух странных существ. Все происходило рядом с домом почтенного Гарленда.

Гарленд довольно кивнул.

— Замечу без похвальбы, — сказал он, — произошел настоящий бой, достойный воспевания бардами, — Гарленд умолчал об одном: услышав крики и гвалт в поздний час, он с помощью домочадцев придвинул к запертой двери тяже-

лый сундук, а затем вместе с ними долго сидел в темной комнате, холодея от ужаса.

— У нас в поселке храбрые люди, — заметил хвастливого Хаген. — Не побоялись даже отверженных.

На самом деле отверженных поймали случайно. Заметив у стога сена двух странных существ — взрослого и ребенка — охотники пришли в ужас, и один из них с перепугу выронил пылающий факел. Сено вспыхнуло, началась паника. Воспользовавшись переполохом, отверженные попытались сбежать, но взрослый, успевший схватить ребенка, упал, споткнувшись. В ход пошли вилы, оказавшиеся в руках селян, сбежавшихся на пожар, и отверженных приперли к земле. Когда их схватили, появившийся Хаген, обращаясь к толпе, сказал: «Мы узнаем у них о планах отверженных. Не тревожьтесь, Артор защитит нас от зловредного колдовства». Весть о поимке странных существ разнеслась по всему селу, и вот уже несколько дней каждый селянин ходил с гордым и воинственным видом, словно именно он поймал страшных отверженных.

Выслушав Хагена, Аксис нетерпеливо проговорил:

— В храбрости жителей Смиртона я нисколько не сомневаюсь, — поднявшись на ноги, он продолжил: — Я хочу посмотреть на пленников.

— Мы уже их допрашивали, — ответил Хаген, нехотя подымаясь из-за стола, — но ничего не узнали. Они молчат, будто воды в рот набрали. Завтра утром мы их сожжем на костре. Они под охраной, не убегут. Впрочем, если ты хочешь взглянуть на пленников, это много времени не займет. Они рядом, в молитвенном доме, — Хаген обернулся и бросил дочери: — Азур, убери со стола.

В лице девушки не было ни кровинки.

— Я пойду с вами, — решительно сказала она.

Хаген пожал плечами и направился к двери. Все последовали за ним.

Зал молитвенного дома был пуст. В конце помещения оказалась крутая лестница. Она вела вниз. По обеим ее сторонам тускло горели свечи. Больше двух-трех ступенек было не разглядеть. Аксис чертыхнулся. Того и гляди упадешь, а то и шею сломаешь.

Лестница привела к узкому коридору с земляным полом. Впереди высилась дверь. Она оказалась незапертой.

— Прошу, — сказал Хаген, распахнув дверь.

В нос ударило зловоние.

Аксис вошел, огляделся. Перед ним был обширный подвал, утопавший в мутно-красноватом свете нескольких факелов, укрепленных в железных скобах по его стенам. От двери через все помещение шла дорожка, а по обеим ее сторонам тянулись камеры со стенками, сооруженными из вделанных в пол и потолок прутьев. У дальней камеры стояли четверо. Двоих Аксис сразу узнал и нисколько не удивился: то были вездесущие Огден и Веремунд. Двое других, несомненно, — охранники.

— В этом подвале мы обычно держим буянов и подгулявших, — пояснил Хаген и поспешил к камере, заметив монахов.

Подошли к камере и другие.

В ее дальнем углу прямо на грязном полу сидел смуглый коренастый мужчина, держа на коленях девочку. Оба были полностью обнаженными. На изможденных телах виднелись кровоподтеки, ссадины, синяки. Следы допроса, учиненного по распоряжению Хагена, без труда догадался Аксис. Он перевел взгляд на охранников. Плечистые парни,

глядя на пленников, злорадно хихикали. Аксис взглянул на Хагена. Тот, после безуспешной попытки похвастаться необыкновенным успехом перед монахами, недоуменно моргал и шумно сопел.

— Ах ты, жирный ублюдок! — неожиданно вскричал Аксис и, схватив Хагена за горло, прижал к прутьям камеры. — Скажи, во имя кого ты издеваешься над людьми?

Лицо Хагена побелело как мел. Он прохрипел что-то невнятное и застыл с выпученными от страха глазами.

Охранники разинули от изумления рты. Но если они и намеревались вступить за Хагена, то быстро расстались с этой безумной мыслью, увидев, что Велиар схватился за рукоятку меча. Втянув голову в плечи, парни поспешно попятились и отошли на безопасное расстояние.

Тем временем Аксис схватил Хагена за грудки и что есть силы потряс.

— Говори!

— Я действовал во имя милосердного Артора, — одеревеневшим языком выдавил из себя управитель. — Это не люди, а звери. Другого обращения они не заслуживают.

Аксис расвирепел. Хорошо милосердие! Да разве Артор учит издеваться над пленниками? А как можно посадить в темницу ребенка? Аксис схватил Хагена за жирные волосы и саданул головой о железные прутья.

Язык Хагена на ладонь выскочил изо рта. Глаза выпучились и закатились. Он посинел, начал громко икать и наконец грохнулся оземь.

Хордли и Гарленд застыли в безмерном страхе и удивлении. Зато Азур присутствия духа не потеряла.

— Я каждый день носила пленникам еду и питье, — сказала она, показывая рукой на стоявший в сторонке

поднос, на котором громоздились посудыны. — Но стражники всякий раз, ссылаясь на распоряжение Хагена, не подпускали меня к решетке.

— Велиар, возьми ключ от камеры у этих мерзавцев, — Аксис кивнул на стражников.

На тех жалко было смотреть. Они стояли в полном изнеможении, водя по сторонам бессмысленным мутным взглядом.

— Ключ! — потребовал Велиар.

Стражники встrepенулись, и один из них, с трудом отыскав карман, протянул ключ дрожащей рукой.

Велиар открыл камеру.

— Азур, возьми с собой воду и иди за мной, — сказал Аксис.

Его остановил Гарленд.

— Боевой Топор, там опасно!

— Вряд ли ты когда-нибудь сталкивался с настоящей опасностью, — ответил Аксис, пронзив Гарленда жгучим взглядом.

Гарленд побледнел и понуро отошел в сторону.

— Боевой Топор, прошу тебя, отпусти пленников на свободу, — внезапно вмешался Огден, схватив Аксиса за руку.

— Не думаю, брат Огден, что Сенешаль одобрит такой поступок, — сухо ответил Аксис, выдернув руку, после чего, оставив у двери в камеру меч и топор, шагнул внутрь.

Азур, переменившаяся в лице после колючих слов Аксиса, последовала за ним с кувшином в руке.

Боевой Топор обернулся.

— Постой пока здесь, — сказал он, забирая кувшин с водой.

Забрав кувшин, Аксис взглянул на пленников. Отверженные! Как учит Сенешаль, коварные, злые существа, которых следует бояться и ненавидеть. Но Аксис не чувствовал ни страха, ни ненависти. Скорее, он сочувствовал пленникам, без всякой вины заключенным в мрачное подземелье.

Не оставался безучастным к происходившему и сидевший в камере смуглый мужчина — это был, конечно, не кто иной, как наш старый знакомый, Раум. Едва Аксис и Велиар появились в подвале, он узнал в одном командира, а в другом — лейтенанта топорноносцев, ибо форма воинов Сенешаля за последнюю тысячу лет не претерпела ни малейшего изменения. Появление воинов религиозного братства ахаров ничего хорошего не сулило. Костер, без всякого судебного разбирательства, — вот что ожидало его и Ширу. Однако, к его великому удивлению, топорноносцы, первейшие враги аваров и икарийцев, повели себя крайне странно. Боевой Топор избил Хранителя Плуга, а лейтенант осадил охранников. И вот теперь Боевой Топор, оставив оружие за порогом, видно, хочет облегчить страдания пленников.

Аксис поставил кувшин с водой на пол и, устремив взгляд на Раума, тихо спросил:

— Ты понимаешь язык ахаров?

Пленник кивнул.

Это был широкоплечий, по виду сильный мужчина, но на его лице не было и следа жестокости и коварства, о которых неизменно толковали служители Сенешаля, характеризуя отверженных. Наоборот, лицо его, несмотря на кровоподтеки и синяки, казалось одухотворенным и выдавало недюжинный ум.

— Ты авар? — спросил Аксис, вспомнив поучения Веремунда и Огдена.

Пленник снова кивнул.

Аксис перевел взгляд на ребенка, на вид трехлетнего девочку. Она еле дышала. На ее маленьком тельце виднелись следы побоев. На глаза Аксиса навернулись слезы.

— Пожалуйста, дай мне поддержать девочку, — сказал он, обратившись к Рауму.

Поколебавшись, шаман поднялся и передал девочку Аксису. Ее глаза были закрыты. Казалось, она была без сознания.

Взяв девочку на руки, Аксис помыл ей лицо водой из кувшина, а затем чуть слышно запел.

Раум удивился сверх всякой меры. Аксис пел песню, которую знали одни икарийские чародеи. Этой песней изгоняли болезни, наделяя страдальцев новыми силами. Откуда эта песня известна ахару?

Огден и Веремунд не отрывали от Аксиса глаз. Они не слышали, но чувствовали, что он тихонько поет.

— Спаси девочку, Аксис, — с надеждой в голосе шептал Веремунд.

Аксис запел чуть громче. Шира шевельнулась и открыла глаза.

— Она пришла в себя, — удивленно сказал Боевой Топор.

Раум окинул Аксиса испытующим взглядом. Похоже, Боевой Топор действовал по наитию и вряд ли осознавал, что поет.

Тем временем Шира потянулась к бороде Аксиса, потрогала ее, улыбнулась.

— Я заберу девочку из подвала, — твердо произнес Аксис. — Ей здесь не место, — неожиданно он замялся и

угрюмо продолжил: — Но я не уверен, что смогу оградить вас от смерти. Я — Боевой Топор, командир воинов Сенешаля. Моя обязанность — бороться с отверженными, — Аксис нахмурился. С какой стати ему пришла мысль о спасении пленников? Они — отверженные.

Раум смиренно кивнул. Он понимал, что командир воинов Сенешаля не может отпустить пленных аваров. Но почему он тогда пел Шире? Раум приблизился к Аксису и погладил его по щеке.

— Я вхожу в твое положение, — сказал он. — Но только не пойму одного: почему человек с душой икарийца носит форму топорonosца. И все же благодарю тебя, ты помог Шире, — шаман дотронулся до нашитых на тунике Аксиса золотистых топориков и покачал головой.

Боевой Топор резко повернулся на каблуке.

— Азур, — сказал он, — возьми ребенка на ночь к себе.

Выйдя из камеры, Аксис покосился на Хагена, распластавшегося в проходе, а затем, обратившись к лейтенанту, распорядился:

— Велиар, возьми двух солдат и очисти помещение от дерьма.

Отдав это распоряжение, Боевой Топор быстрым шагом направился к выходу из подвала.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В долине Отверженных

Забрав Ширу, Азур вернулась домой, нисколько не тревожась о самочувствии оставшегося в подвале отца. Она не любила Хагена, жестокого, глупого и трусливого человека, чье беспрестанное сумасбродство понудило ее мать убежать из дому, после чего жизнь под одной крышей с отцом превратилась в сплошной кошмар. Отвращение к Хагену, местному Хранителю Плуга, вылилось в антипатию ко всему религиозному братству, которую Азур распространила и на воинов Сенешаля. Возможно, она немного поторопилась: к ее немалому удивлению, Аксис и Велиар повели себя благородно, отнесясь с сочувствием к пленникам.

Купая и одевая Ширу, Азур предалась размышлениям. Ее давним желанием было сбежать из дому, повторив дерзкий поступок матери. Что же, пришла пора исполнить задуманное. Для побега лучшее время — ночь. Но

прежде надо вызволить из подземелья аvara. Она убежит вместе с ним и ребенком. Дальше — проще. Она найдет и убедит Золотое Перо в своей преданности, станет ее помощницей. Она хорошо знает местность. Кому, как не ей, сопровождать малолетних детей к святилищу аваров, Папоротниковому озеру. Золотое Перо пойдет ей на встречу.

Азур познакомилась с этой замечательной женщиной четыре года назад, когда ей самой было пятнадцать. Она часто по ночам ускользала из дома, чтобы побыть в одиночестве. И вот однажды она увидела, как невдалеке от нее, крадучись, движутся четверо: женщина, юноша и двое детей. Заинтригованная, Азур пошла вслед за ними, но в темноте споткнулась, и шум выдал ее.

Авар, широкоплечий крепыш, сначала испугавшийся до смерти, увидев, что имеет дело с молоденькой девушкой, чуть не пристукнул ее, и только вмешательство женщины спасло Азур от побоев, а может быть, и от смерти.

Женщина, назвавшаяся Золотым Пером, оказалась доброй и рассудительной, и впоследствии Азур встречалась с ней по несколько раз в году, каждый раз — ночью, тайно. В одну из таких тайных встреч Золотое Перо сделала неожиданное признание: она — ахарка, волею судеб порвавшая с соплеменниками. На большее она не пошла и на все вопросы отвечала одно: «С прошлой жизнью покончено». Зато Золотое Перо часто рассказывала об аварах и икарийцах, представляя их великодушными и отзывчивыми людьми, а также не скупилась на советы и наставления, в которых так нуждалась Азур, взрослевшая без матери под тягостным и гнетущим присмотром грубого и безжалостного отца. Азур считала Золотое Перо своей второй матерью

и часто вела с ней мысленную беседу по различным поводам и случаям, которые волновали ее.

Помыв и одев девочку, Азур дала ей поесть. Пока Ширила, Азур смотрела на девочку с восторгом и умилением. Когда-нибудь и у нее самой будут дети, но, конечно, не от деревенского парня. Скоро она начнет новую жизнь, полную приключений. Отцом ее детей станет человек чести, мужественный и добрый, настоящий герой.

За окном послышались голоса. Азур прислушалась: Хаген и Аксис о чем-то спорят. Хаген, как обычно, упорствует...

Стукнула дверь, и в комнату вошел Хаген. Косо взглянув на дочь, он, ни слова не говоря, грохнулся на кровать. Азур облегченно вздохнула. Пронесло! Отец мог и побить за рассказ о побеге матери. Она и так лишь недавно поправилась после того, как Хаген сломал ей ребро.

Азур взяла Ширу на руки и стала ее укачивать, мысленно готовясь к побегу. Скоро она оставит постылый дом, окажется в долине Отверженных, найдет Золотое Перо...

Полночь. Дальше медлить нельзя. Окинув взглядом спящего Хагена, Азур, затаив дыхание начала одеваться. Раза два она останавливалась, убежденная, что ее сейчас поймут на месте преступления, но нет: Хаген храпел, оглашая комнату мерзкими переливами.

Одевшись, Азур закутала Ширу в теплое одеяло, взяла на руки. Под ногами предательски скрипнула половица. Хаген заворочался и застонал во сне. Азур остановилась. Отец не проснулся, он почмокал губами и опять захрапел.

Почувствовав облегчение, Азур осторожно направилась к выходу. И она бы беспрепятственно выскользнула из дома, если бы впопыхах не наступила на кочергу.

Раздался грохот.

Хаген вскочил с кровати.

— Ты куда? — раздался громовой голос.

Азур растерялась: удар был слишком внезапным.

— Отвечай! — крикнул Хаген.

Азур молчала, обезоруженная и подавленная.

— Никак ты решила удрать с этим заморышем? — издевательски спросил Хаген.

Азур прижала Ширу к груди.

Задохнувшись от ярости, Хаген подошел к дочери и со всего размаха ударил ее в лицо.

Азур упала на пол вместе с ребенком.

Хаген вырвал Ширу из рук Азур и бросил девочку на кровать. Шира заплакала. Ослабившись, Хаген подошел к полке. В его руке блеснул нож — нож, который он точил каждый день. Полюбовавшись на лезвие, Хаген медленно пошел к девочке.

— Нет! — выкрикнула Азур, стараясь подняться. — Убей лучше меня!

— Тебя? — Хаген мерзостно рассмеялся. — Нет, я лучше убью эту тварь, а потом наслажусь твоими страданиями. Твои ахи и охи воистину бесподобны.

Азур вскочила и повисла на Хагене.

— Ты чего, рехнулась? — прогремел Хаген.

Азур что есть силы ударила его по ноге.

Хаген взревел, попробовал стряхнуть с себя дочь, но, неожиданно потеряв равновесие, рухнул на пол, увлекая Азур.

Кое-как выбравшись из-под навалившейся на нее туши, Азур поднялась, тяжело дыша. Сейчас отец расправится не только с девочкой, но и с ней. Однако Хаген не поднимался. Он даже не шевелился. Не издавал ни звука. Замолчала и Шира. В комнате установилась зловеющая тишина.

Дрожа от страха, Азур склонилась над Хагеном. Он лежал лицом вниз. Ухватившись обеими руками за его бок, Азур перевернула отца на спину. В животе Хагена торчал нож. Рядом с телом растеклась лужа крови. Какой ужас! Хаген напоролся на собственный нож.

— Нет! — отшатнувшись, закричала Азур. — Нет! — она схватилась за горло: ее тошнило.

Тем временем Шира соскользнула с кровати, подошла к Хагену и смочила руку кровью из лужи.

— Что ты делаешь? — ужаснулась Азур.

— Наклонись ко мне, — тихо сказала девочка.

Азур, плохо соображая, что делает, наклонилась. Шира подняла руку и вывела кровавыми пальцами на лбу Азур три полосы и важно сказала: — Принята.

Вряд ли Азур поняла ребенка. Остекленевшими, помутившимися глазами она смотрела на Хагена. Она убила отца! В полном изнеможении Азур упала на стул. Она убила отца! Эта страшная мысль подавила ее, повергла в отчаяние. Азур застонала, прикрыла лицо руками. Но она не хотела никого убивать! Все вышло случайно.

Азур встрепенулась, когда Шира тронула ее за рукав. Она взглянула на девочку. Как она могла забыть о ребенке! На рассвете ее сожгут на костре, сожгут вместе с другим аваром! Да ее и саму непременно схватят, застав у трупа. Старейшины затеют судебное разбирательство, обвинят в смерти отца!

Азур резко поднялась на ноги, подвела девочку к умывальнику. Помыв себе лицо, Шире — руки, Азур бросила полотенце на стол, а затем, надев плащ и взяв девочку на руки, вышла из дома, даже не оглянувшись. Забрав в кустах плащ, заранее приготовленный для аvara, Азур немного помедлила. План, казалось, тщательно разработанный, с самого начала дал непредвиденный сбой. Хватит ли у нее сил, чтобы довести его до конца?

— Я должна, — упрямо прошептала она. — Если пленники останутся в Смиртоне, их убьют, да и меня вместе с ними.

Подойдя к подвалу, Азур снова остановилась. Интересно, сколько в подвале стражников? Один? Два? Может, больше? Скорее, не более двух. Азур нащупала в кармане плаща припрятанный камень. С двумя она справится. Надо только не возбудить подозрений, держаться естественно, а затем, уловив момент, не испугаться, не дрогнуть.

Подойдя к двери в подвал, Азур нашла в себе силы растянуть губы в беспечной улыбке. Отворила дверь. У камеры с пленником на скамейке дремал Велиар. Лейтенант был один. Азур облегченно вздохнула. Лейтенант может клюнуть на женское обаяние. Но как ударишь его? Велиар проявил участие к пленникам, заступился за них. Он ей даже понравился, хотя он и не походил на героя, о котором она мечтала. Впрочем, не время предаваться сентиментальности. Надо довести план до конца.

Услышав скрип двери, Велиар вскочил и удивленно взглянул на девушку. Однако к этому удивлению не примешались ни тревога, ни подозрительность.

— Зачем ты пришла? — спросил он, помотав головой, стряхивая дремоту.

Азур подошла к Велиару и умоляюще заглянула ему в глаза.

— Девочка хочет побыть с отцом, — сказала она, коснувшись рукава лейтенанта. — Я не смогла отказать ей в последнем желании. Думаю, что и ты, такой мужественный и добрый, не откажешь ребенку.

Велиар смутился. Он неизменно был робок с женщинами, манерными, непредсказуемыми созданиями. Хотя Азур вроде бы не жеманница. К тому же она единственная из местных, оказавшихся здесь, в подвале, при стычке Аксиса с Хагеном, проявила невозмутимость и выдержку, хотела помочь ни в чем не повинным пленникам.

Оторвав взгляд от Азур, Велиар неловко погладил Ширу по голове.

— Бедная девочка, — сказал он, тяжело вздохнув.

— Так выполни ее последнюю просьбу, — попросила Азур и перевела взгляд на камеру, в глубине которой стоял авар.

Он был одет, а его лицо несколько посветлело: следы кровоподтеков исчезли. Видно, ему дали не только одежду, но и воду, чтобы умыться. Но разве элементарный пустяковый уход что-нибудь изменил? Нет! Пленнику по-прежнему грозит ужасная смерть.

Азур сжала зубы. Она справилась с Хагеном, совладеет и с Велиаром! Хотя лейтенанта жаль. В отличие от отца, он — доброжелательный человек. Похоже, пожалел Ширу от чистого сердца. А что делать? Другого выхода нет. Добровольно лейтенант пленника не отпустит.

— Ладно, пусть ребенок побудет с отцом, — прервал размышления девушки Велиар. — Сейчас найду ключ, — он запустил руку в карман, склонив голову.

Вот самый подходящий момент! Вытащив из кармана увесистый камень, Азур немного поколебалась, а затем нанесла удар, пришедшийся по затылку топороносца.

Велиар закачался и рухнул на пол.

Ударив лейтенанта, Азур застыла с выпученными от страха глазами и отвалившейся челюстью. Ее привел в себя твердый голос.

— Ключ! Живо!

Азур обернулась. У решетки стоял авар, просунув руку меж прутьями.

— Ключ! — властно повторил он.

Азур нагнулась, подняла с пола ключ и протянула его авару. Открыв замок, авар схватил Ширу и торопливо сказал:

— Азур, бежим с нами. Если ты останешься здесь, то умрешь.

Девушка едва стояла на подгибавшихся ногах.

— Бежим, — повторил авар.

Азур взглянула на лейтенанта, надеясь, что не убила его.

— Прости меня, Велиар, — прошептала она.

Авар схватил ее за руку и потащил за собой.

Аксис не мог уснуть, мысленно возвращаясь к невинно осужденным аварам, которых ожидало сожжение на костре. Он часто видел смерть на поле сражения, да и сам не раз обаграл руки кровью, но никогда ни он, ни его солдаты не подымали руку на безоружных, не убивали детей.

Аксис вздрогнул, представив себе, какое страшное зрелище ожидает его наутро. Не вызывало сомнений, селяне не дрогнут и отправят отверженных на костер, искренне убежденные в том, что действуют правомерно, следуя учению Сенешаля во имя Артора-Пахаря.

Придя к мысли, что все равно не уснет, Аксис оделся, опоясавшись перевязью с оружием и выбрался из палатки, решив проверить посты.

Все посты Аксис не обошел. Его тянуло в молитвенный дом, в подвал, к Велиару, охранявшему пленника. Возможно, беседа с другом успокоит его.

Дверь в подвал оказалась раскрытой настежь. Аксис поспешил внутрь. В проходе у дальней камеры на полу лежал Велиар. Пленник исчез. Аксис склонился над лейтенантом, прижал ухо к его груди. Сердце билось, хотя и медленно, но в полную силу. Аксис осмотрел лейтенанта. Шишка! Огромная шишка на голове! Что же делать? Аксис огляделся по сторонам. Кувшин! Может, с водой? Так и есть — в кувшине вода. Аксис смочил водой виски раненого. Велиар застонал и открыл глаза. Убедившись, что лейтенант приходит в себя, Аксис поднялся на ноги. Скорее к Хагену! Может, Азур еще у себя. Только она могла оглушить Велиара и выпустить пленника на свободу.

Подбежав к дому Хагена, Аксис рывком открыл дверь. Новая неожиданность! На полу в луже крови с ножом в животе лежал Хаген. Хранитель Плуга был мертв. Аксис огляделся. На столе полотенце. На нем пятна крови. Кровь Хагена, которую Азур смыла с рук! Куда она направилась вместе с пленниками? Ясно, как день, в долину Отверженных! Далеко беглецы уйти не могли — долина Отвержен-

ных непроходима для лошадей, к тому же с беглецами ребенком. В погоню!

Аксис решил действовать в одиночку. Нельзя терять время — лагерь топорonosцев не по пути, а с крестьян мало толку. Да и кто из них отправится в долину Отверженных?

Аксис пустился в погоню. До долины Отверженных не более лиги, да и сама долина невелика. За ней — лес Теней. Если беглецы первыми доберутся до леса, их не поймаешь.

Пошел дождь, но Аксис ускорил шаг. С какой стати он сочувствовал пленникам и даже помышлял их спасти? Его попустительство привело к настоящей драме: Хаген убит, а Велиар получил ранение. Как он, Боевой Топор, не доглядел за Азур, не распознал в ней пособницу коварных отверженных? Командиру топорonosцев несобранность непростительна. Теперь остается лишь отомстить за смерть Хагена, Хранителя Плуга, и за ранение Велиара, лейтенанта топорonosцев. Сенешаль требует мщения!

Но что хорошего в мщении? Умрут еще трое: двое аваров, которых схватили лишь потому, что они отверженные, и Азур, оказавшая помощь невинным пленникам. Может, дать им сбежать? Сказать, что как ни гнался за беглецами, не смог найти их в ночи?

Нет! Разве можно изменить Сенешалю, которому всем обязан? Но тогда зачем избил Хагена, Хранителя Плуга? Разве такой поступок достоин воина Сенешалья? Избил заслуженно. Хаген издевался над пленниками, нанес побои ребенку. Если даже не сам, без его приказа не обошлось.

Но Хаген убит! Убит собственной дочерью! Она убила отца, чтобы спасти отверженных, а значит, они равно повинны в чудовищном злодеянии.

Но как можно их обвинять, если они боролись за свою жизнь? Разве они угрожали Ахару, разве угрожали религиозному братству?

Но Сенешаль считает отверженных враждебными коварными существами. Возможно, на то есть веские основания. Разве может командир воинов Сенешаля предать религиозное братство?

Но член этого братства, к тому же не рядовой, а Хранитель Плуга, приказал сжечь невинных пленников на костре. Они были обречены, но увидев, как он, Боевой Топор, расправился с Хагеном, ободрились, воспрянули духом. Авар доверил ему ребенка, а девочка доверчиво прижималась к нему, слушая песенку. Если они убегут, худого не будет.

Нет! Из-за них безвинно пострадал Велиар, его боевой товарищ. Беглецов надо догнать.

Придя к этой мысли, Аксис снова ускорил шаг.

— Скорей, скорей! — подгонял авар. — Только в Аваринхейме мы окажемся в безопасности.

Азур задыхалась. Она еле поспевала за Раумом, хотя тот шел с девочкой на руках. Как можно быстро идти в непроглядной тьме под дождем, продираясь через кусты? Как можно быстро идти, если нет дороги! Да и откуда взяться дороге в долине Отверженных? Жители Смиртона даже приблизиться к ней боятся, а авары бывают в долине лишь по крайней необходимости, когда держат путь к своему святилищу в Папоротниковых горах.

Вскоре стал выдыхаться и Раум. И все же путники продолжали свое безудержное безоглядное бегство, гони-

мые одним безумным желанием — скрыться, убежать как можно дальше от Смиртона, от костра. Задыхаясь, изнемогая от усталости, они продолжали единоборствовать с ветром и мраком, пока не услышали впереди глухой грозный гул.

— Нордра! — воскликнул Раум.

Путники остановились. Их одежда была разорвана, на перепачканных грязью лицах — царапины, оставленные колючими кустами куманики и шиповника. Руки у них тряслись. Беглецы еле переводили дыхание.

— Сейчас мы выйдем к реке, а потом пойдем вдоль нее, — отдышавшись, продолжил Раум. — Берег крутой, высокий. Азур, будь осторожна.

Стало светать. Гул — все громче и громче. И вот наконец под ногами, под обрывистым берегом, показалась река. Вырываясь из узкой мрачной теснины, она бурлила, хлопотала, ревела и неслась дальше, перекатывая через камни и валуны.

Раум остановился. Обратившись лицом на восток, он воодушевленно сказал:

— Там Аваринхейм. Мы почти что дома.

Впереди, не далее чем в трехстах пейзах от беглецов, чернела полоса леса.

Азур облегченно вздохнула. Они спасены. В лес Теней преследователи не сунутся.

Но в это время, должно быть, ухо Азур уловило в реве реки посторонний шум, потому что она неожиданно обернулась. Обернулась и обмерла. К беглецам, продираясь через кусты, приближался Аксис.

— Раум! — крикнула девушка. — Посмотри!

— Возьми Ширу, Азур, — распорядился авар. — Беги в лес. Топороносца я задержу. Ты сумеешь уйти.

— А как же ты? — запротестовала Азур, машинально беря девочку на руки.

— Беги! — гаркнул Раум. — У тебя больше сил.

Азур побежала к лесу. Пробежав полпути, обернулась. Раум бежал за ней. Чуть дальше виднелась фигура Аксиса. Только бы добраться до леса. Там авары. Спасут. Если Аксис догонит — не пощадит. Разве он закроет глаза на смерть Хранителя Плуга? Разве простит нападение на Веллара?

Но вот и лес. Внезапно из-за деревьев навстречу Азур вышла женщина. Золотое Перо! Азур радостно вскрикнула. Они спасены!

Радость оказалась преждевременной. За спиной послышался крик. Азур обернулась. Раум упал, видимо, поскользнувшись на размытой дождем земле, а к нему с обнаженным мечом в руке, не торопясь, с холодной решимостью на лице, подходил Боевой Топор. Не заметив, что Золотое Перо протягивает к ней руки, чтобы забрать ребенка, Азур бросилась к Рауму. Может, она успеет помочь ему и убежит вместе с ним?

Азур просчиталась. Увидев, что девушка возвращается, Аксис ускорил шаг, чуть не свалился сам, зацепившись о корень дерева, но все же первым подошел к пытавшемуся встать Рауму и, сбив того с ног, приставил меч к его горлу.

— Нет! — закричала Азур и бросилась к Аксису, пытаясь остановить расправу.

Девушку удержала за руку Золотое Перо.

Пронзив Азур гневным взглядом, Аксис холодно произнес:

— Ты превзошла свою мать, Азур. Не только убежала из дому, но и убила собственного отца, а затем подняла руку на лейтенанта топороносцев.

— Я одна во всем виновата, — ответила девушка. — Прошу тебя, Боевой Топор, отпусти Раума. Он ни о чем не просил меня и смиренно ждал своей участи.

— Азур, — прохрипел авар, — беги вместе с Широю в лес. Оставь меня. Будь, что будет, — не в силах шевельнуть головой, Раум скосил глаза, устремив взгляд на Аксиса. — Боевой Топор, отпусти Азур. Я сам отвечу за все.

Аксис молчал, не зная, как поступить.

— Азур, беги с Широю в лес, — вмешалась Золотое Перо. — Девочку ждет отец. Он беспокоится.

Азур колебалась. Она внезапно заметила, что левая нога Раума согнута в щиколотке. Присмотрелась. Открытый перелом! Из раны сочилась кровь.

— Азур, уходи! — прикрикнула Золотое Перо. — Тебе здесь не место.

Сообразив, что Золотое Перо права, — зачем раздражать своим видом Аксиса! — Азур повернулась и скрылась между деревьями.

Проводив девушку взглядом, Золотое Перо облегченно вздохнула. Шира и Азур вне опасности. Оставалось спасти Раума, шамана аваров, жизнь которого висела на волоске: Боевой Топор так и не отвел оружие от горла несчастного. Распознать в преследователе аваров командира воинов Сенешаля ей труда не составило. Форма топороносцев не изменилась. Но как давно она их не видела, да и не только их, но и других своих соплеменников, не считая Азур, с которой встречалась несколько раз в году. Но только странно: обычно командир воинов Сенешаля — человек в

годах, умудренный боевым и жизненным опытом. Этот слишком молод, ему не более тридцати. Как рискнул Брат-Наставник назначить его командиром топороносцев? Надо действовать осторожно.

Учитиво поклонившись, Золотое Перо сказала:

— Да не оставит тебя, Боевой Топор, своей милостью Артор.

Аксис окинул женщину взглядом: чуть старше среднего возраста, с правильными чертами лица и волнистыми, но уже тронутыми сединой волосами. По виду и выговору ахарка. Но как оказалась среди отверженных? Почему помогает им?

— Пусть Всевышний не оставит своей милостью и тебя, — угрюмо ответил Аксис. — Только я не знаю, какому богу ты молишься.

— Жизнь Раума не нужна ни одному божеству, — ответила Золотое Перо. — Он не заслужил смерти. Я не знаю, что произошло этой ночью, но я верю Азур. Этот человек ни в чем не виновен. Разве можно карать невинного?

— Я — Боевой Топор, служу Сенешалю, — с вызовом сказал Аксис, словно стараясь уверить себя в собственной правоте.

— Человеку следует поступать по своему разумению, руководствуясь совестью, а не религиозным учением. Разве совесть тебе подсказывает убить невинного? Раум — шаман. Он руководит соплеменниками.

Аксис неожиданно вздрогнул, нахмурился.

— А кто мои соплеменники? — чуть слышно прошептал он. — Кто? — помолчав, он поднял глаза на Золотое Перо и натужно спросил: — Госпожа, ты была когда-нибудь в обществе икарийцев?

Вопрос застал Золотое Перо врасплох. Она смешалась, затем испытующе посмотрела на Аксиса, будто хотела узнать подоплеку неожиданного вопроса, немного подумала и наконец тихо произнесла:

— Да, я знаю их хорошо.

— Тогда скажи: икарийцы поют?

Золотое Перо снова облегченно вздохнула: она опасалась другого продолжения разговора. Улыбнувшись, она ответила:

— Да, они поют и поют замечательно. Икарийцы не мыслят жизни без пения. Их песни помогают им жить, оберегают от бед, вдохновляют сердца. Особенно хорошо этим искусством владеют икарийские чародеи.

Аксис кивнул, отвел глаза, замер. Казалось, он о чем-то мучительно размышляет.

— Кто я? — наконец выдал он из себя.

Золотое Перо растерялась. Боевой Топор говорит загадками, угнетен. Может, он не в себе? Как уговорить его отпустить Раума?

Ее тревогу развеял сам Аксис. Он отвел меч от горла шамана и вложил оружие в ножны.

— Ты свободен, Раум, — сказал Боевой Топор глухим голосом. — Я не имею права распоряжаться твоей жизнью. Иди с миром.

Раум, оперевшись руками о землю, сел. Попытался встать и не смог.

— Я помогу тебе, — сказала Золотое Перо.

Подняв Раума на ноги, она закинула себе через плечо его руку. Опираясь на женщину, шаман направился к лесу. У кромки леса Раум остановился и, повернувшись, взглянул на Аксиса, снова погрузившегося в раздумье. Раум

вспомнил, что Джек и Ир рассказывали ему о любви Аксиса и Фарадей. Несомненно, Аксис переживает, считая, что девушка умерла.

— Боевой Топор, — сказал громко Раум, — ты подарил жизнь Шире и мне. Позволь и мне сделать тебе подарок. Знай: Фарадей жива. И все же я твой должник. За мной еще одна жизнь.

Аксис оторопел. Когда он пришел в себя, расспрашивать было некого: Раум и Золотое Перо скрылись в лесу Теней.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Клан Тенистого Дерева

Едва ступив в лес Теней, Азур пришла в замешательство. Она попала совсем в другой мир! Да и как ей было не удивиться? Ее с обеих сторон обступили высокие, стройные вечнозеленые деревья, образуя гигантский, уходящий вдаль коридор со сводом из душистых сплетшихся веток. На деревья падали первые солнечные лучи, придавая гладким стволам мягкий золотистый оттенок, да и сами стволы отбрасывали свет на подлесок и на траву — хотя и слабый, но такого же золотистого, розоватого цвета. Вокруг весело пели птицы, беспечно перелетая с ветки на ветку.

Азур восхитилась. Да, она попала в царство света и музыки! Выходит, ее всю жизнь обманывали, уверяя, что лес — гиблое место, населенное духами и вампирами. Впрочем, эти люди и сами боятся леса, а расспроси их о птицах, они расскажут о чирикании воробьев да о карканье воронья.

Зеленый ковер у подножия деревьев, раскидистые кроны вверху, далекая перспектива высоких прямых стволов, мягкий свет, разноголосица птиц — все это вместе взятое произвело на Азур столь яркое впечатление, что она забыла не только о Рауме, но даже и о том, куда держит путь.

Вспомнив, вздрогнула, встрепенулась. Жизни Раума угрожает опасность, а Ширу с нетерпением ждет отец. Возможно, передав ребенка отцу, она успеет вернуться к Рауму, чтобы предотвратить трагическую развязку.

Азур ускорила шаг. Внезапно ей навстречу из-за развесистого куста вышел мужчина. Ни слова не говоря, он приблизился к девушке и вырвал Ширу из ее рук. Девочка радостно вскрикнула и прижалась к его груди. Мужчина отошел в сторону и с опаской уставился на Азур.

Это был человек, похожий на Раума, такой же смуглый, коренастый и мускулистый, но только волосы его, тоже темные, были с проседью. Костюм его состоял из темно-коричневых панталон, заправленных в высокие сапоги, и такой же туники, на оторочке которой красовались три переплетенные ветви.

Авар, догадалась Азур, — авар, как и Раум. Заметив настороженный взгляд незнакомца, Азур пришла к мысли, что ее опасаются. Ничего удивительного: в Аваринхейме появилась ахарка.

— Я не причиню тебе зла, — сказала Азур, хотя и сама побаивалась хмурого незнакомца.

Авар не успел ответить. К нему подошла, выйдя из-за деревьев, стройная темноволосая женщина. Она была одета в длинное, песочного цвета платье, на поясе которого были вышиты золотом бегущие друг за другом олени с раскидис-

тыми рогами. В отличие от мужчины, женщина не выказывала никаких признаков беспокойства.

— Гриндл, — сказала она спокойно, — нам нечего опасаться. Эта женщина принесла Ширу, а девочка довольна и весела, — повернувшись к Азур, незнакомка представилась: — Я — Барсарб, аварка, шаман, — женщина почтительно поклонилась, но по ее вопросительному взгляду Азур поняла, что от нее ждут объяснения.

— Я рада встрече с тобой, — ответила девушка. — Мое имя — Азур. Я из Смиртона.

Барсарб чуть кивнула.

— Золотое Перо рассказывала мне о тебе.

Азур оживилась.

— Я не раз встречалась с этой замечательной женщиной, — сказала она. — Но послушай меня, Барсарб. Несколько дней назад Ширу и Раума, тоже шамана, схватили ахары, жители Смиртона. Им угрожало сожжение на костре. Мне удалось вызволить их из тюрьмы, но когда мы уже почти достигли Аваринхейма, нас догнал Боевой Топор, командир воинов Сенешаля, прибывших в Смиртон. Раум велел мне бежать, забрав Ширу. И вот я сейчас вместе с вами, а Раум... Раум...

— Рауму угрожает смерть! — тревожно воскликнул Гриндл, срываясь с места.

— Подожди! — остановила его Барсарб. — Пусть Азур расскажет все до конца.

— Раум сломал ногу, — продолжила Азур с отчаянием в голосе. — От топорonoсца ему не уйти. Одна надежда на Золотое Перо. Она, видно, ждала шамана и Ширу у кромки леса. Заметив преследователя, она бросилась нам на выручку.

— Тогда может погибнуть и Золотое Перо, — мрачно предположил Гриндл.

— Не знаю, — неуверенно сказала Азур. — Хотя надеюсь, все сложится по-другому. Боевой Топор, придя в тюрьму, куда поместили Ширу и Раума, повел себя странно. Он заступился за пленников, содержащихся в ужасных условиях, а Ширу и вовсе выпустил из тюрьмы, передав ее на ночь мне. Возможно, Золотое Перо уговорит его отпустить Раума.

— Понадеемся на нее, — сказала Барсарб. — Мы сами Рауму не поможем.

— Как это не поможем? — возмутился Гриндл. — Раум — мой брат.

— Насилие не остановит насилия. Если ты явишься разъяренным перед Боевым Топором, то только подтолкнешь его руку. Не стоит горячиться. Доверимся Золотому Перу.

Гриндл неохотно кивнул, а затем неожиданно замер, насторожившись. Азур прислушалась: только пение птиц, никакого постороннего звука. Оказалось, что у Гриндла более острый слух.

— Раум и Золотое Перо! — выпалил он и, передав ребенка Барсарб, бросился по проходу между деревьями.

Женщину ожидание не прельстило. Она передала Ширу Азур и, приподняв подол платья, побежала следом за Гриндлом.

Гриндла слух не подвел, и вскоре Азур увидела четверых. Впереди шагал Гриндл, неся Раума на руках. Ни слова не говоря, он прошел мимо девушки, и все же Азур успела рассмотреть Раума. Страдалец, похоже, был без сознания. Остекленевшие глаза были обращены к небу, из полуотк-

рывшихся запекшихся губ вырывалось хриплое, прерывистое дыхание, горло было в крови, а сломанная нога с торчащей из нее костью безжизненно свешивалась. Азур содрогнулась. Открытый перелом чреват осложнениями. В рану может попасть инфекция.

— Иди за нами, — сказала Барсарб, обратившись к девушке, после чего продолжила разговор с Золотым Пером.

Азур пошла следом, взяв Ширу за руку. Через несколько минут Гриндл скрылся из вида. Азур удивилась. Как можно так быстро идти, неся на руках тяжелую ношу? Впрочем, Азур не долго дивилась этому обстоятельству. Ей хотелось узнать, как удалось спасти Раума от, казалось, неминуемой смерти, но Барсарб и Золотое Перо разговаривали, и девушка не решалась им помешать. Наконец, дождавшись паузы в разговоре, Азур поравнялась с женщинами и, обратившись к Золотому Перу, спросила:

— Как тебе удалось спасти Раума?

Золотое Перо пожала плечами.

— Все произошло неожиданно, я бы даже сказала, странно. Боевой Топор ни с того ни с сего озадачил меня вопросом, спросив, любят ли петь икарийцы, а когда я ответила, что они отменно владеют этим искусством, топороносец ушел в себя, о чем-то задумался, а затем с отрешенным выражением на лице вложил оружие в ножны и отпустил Раума. Боевой Топор — странный человек.

— Боевой Топор и в тюрьме повел себя необычно, — подхватила Азур. — Он избил Хагена, Хранителя Плуга, за плохое обращение с пленниками, а Ширу и вовсе выпустил из тюрьмы, передав ее на ночь мне. Да и Велиар удивил меня. Он приструнил стражников, попытавшихся вступить за Хагена.

— Велиар — это человек, на которого ты напала?

Азур смутилась и нехотя подтвердила:

— Да, Золотое Перо.

Золотое Перо и Барсарб нахмурились. После непродолжительного молчания Золотое Перо сказала:

— Барсарб, произошедшее следует обсудить. Поговорим в лагере. Сейчас скажу лишь одно: Азур спасла Ширу и Раума, и это надо учесть.

Азур пала духом. Совсем недавно, удерживая Гриндла от опрометчивого поступка, Барсарб дала ясно понять, что аварам претит насилие. Как же поступят с ней, виновной в смерти отца и поднявшей руку на лейтенанта топороносцев? Вероятно, ее прогонят, не пустят в свое сообщество.

Заметив унылый вид девушки, Золотое Перо взяла Азур за руку и мягко сказала:

— Авары примут в расчет, что ты пошла на крайние меры, чтобы спасти их соплеменников.

— Надеюсь, Золотое Перо, — ответила девушка, облегченно вздохнув. — Поверь мне, я хотела лишь одного: освободить Ширу и Раума и вовсе не желала... не желала...

— Я верю тебе, Азур. Успокойся.

— Но мне нельзя возвращаться в Смиртон. Можно я останусь с аварами?

— Это решит клан, — вмешалась Барсарб.

Лагерь, о котором упомянула Золотое Перо, оказался на берегу Нордры, и состоял всего лишь из двух шатров, установленных на деревянных опорах. Перед шатрами находился очаг, сложенный из камней. Когда Барсарб, Золотое Перо и Азур пришли в лагерь, в очаге ярко горел огонь,

а на подставке поверх огня стояло несколько котелков, низвергавших на подставку кипящие катышки.

На подстилке у очага лежал Раум, над которым хлопотали две женщины в окружении нескольких ребятишек. За их спинами стоял Гриндл, тревожно топчась на месте. Заметив Азур, дети немного попятились, глядя исподлобья на незнакомку, зато женщины лишь на мгновение подняли головы, а затем снова занялись своим делом.

— Иза, уступи место мне, — сказала Барсарб, обратившись к одной из женщин. Склонившись над Раумом, попросила другую: — Флит, принеси лубок, — обернувшись, Барсарб обратилась к подростку, мальчику лет четырнадцати: — Хелм, набери в котелок свежей воды и поставь его на огонь. А ты, Скали, — Барсарб перевела взгляд на девочку, на вид немного помладше Хелма, — принеси мне коробку с лекарственными растениями.

Отдав эти распоряжения, Барсарб опустилась перед Раумом на колени. Покачив головой, подозвала Гриндла.

— Тебе придется поддержать Раума, пока я буду вправлять ему кость.

— Он выживет?

— Не беспокойся. Рана свежая, не гноится. Я справлялась и не с такими ранениями.

Тем временем Иза, успевшая взять на руки грудного младенца, подошла, улыбаясь, к Шире. Девочка бросилась к ней, прижалась к ее ногам. Иза взяла Ширу на руки и теперь держала двоих детей.

— Иза — Ширина мать, а Гриндл — Ширин отец, — пояснила Золотое Перо, обратившись к Азур.

Девушка окинула Изу взглядом. Хрупкая, невысокого роста, но, видимо, выносливая и сильная, раз умудряется

держат на руках сразу двоих детей. Эти авары — крепкие люди, и мужчины, и женщины.

— Иза, — продолжила Золотое Перо, — познакомься: это Азур. Она вызволила из плена и Ширу, и Раума. Азур будет благодарна тебе, если ты напоишь ее чаем. Я тоже от чая не откажусь. Мы обе устали и голодны.

— Извините, что не догадалась сама предложить вам чаю, — сконфуженно произнесла Иза. — Сядем у очага, — добавила она, заметив, что Гриндл, взяв Раума на руки, понес раненого в шатер.

Разлив чай по чашкам, Иза снова прижала к себе младенца и, кивнув на блюдо с лепешками, предложила:

— Угощайтесь лепешками, они из мэлфери.

— Я уже ела такие, — сказала Азур. — Меня угощали Раум. Они очень вкусные... Да и чай превосходный, — похвалила она, опустошив чашку и разглядывая рисунок на ободке: три переплетенные ветки.

— Извини, Азур, — произнесла Иза, — что я вовремя не поприветствовала тебя. Позволь мне сделать это сейчас. Добро пожаловать в клан Тенистого Дерева. Да снизойдет на тебя душевный покой, и да будет для тебя открыт путь в Священную рощу.

— Благодарю тебя, Иза. Я очень рада, что оказалась в клане Тенистого Дерева и весьма признательна тебе за теплый прием.

— Мы все рады тебе. Лишь ранение Раума не позволило Гриндлу и Флит уделить тебе подобающее внимание. Гриндл — глава нашего клана, а Флит — его старшая жена. У нее трое детей: Хелм, Скали и Хогни. Пять лет назад я удостоилась чести стать второй женой Гриндла. У меня двое детей: Ширу, — Иза прижала к себе сидевшую рядом де-

вочку, — и вот этот маленький несмышлениш, — Иза погладила младенца по голове.

— У Гриндла две жены? — удивилась Азур.

— А что в этом необычайного?

Побоявшись, что Азур попадет впросак, Золотое Перо, опередив девушку, пояснила:

— Видишь ли, Иза, в отличие от аваров, у ахаров, как и у нас, икарийцев, — единобрачие. У мужчины может быть только одна жена, а у женщины — только один муж, — Золотое Перо перевела взгляд на Азур и продолжила: — Авары стремятся увеличить численность населения. Чем больше замужних женщин, тем больше детей. Если женщине не удастся выйти замуж за неженатого, она с не меньшей охотой выходит за женатого человека.

Иза согласно кивнула и принялась кормить грудью захныкавшего младенца. Накормив ребенка, она спросила:

— А сколько детей у тебя, Азур?

— Я не замужем.

— В твои годы?

— Но мне только-только исполнилось девятнадцать, и я надеюсь...

Рассказать о своих надеждах девушка не успела: из шатра раздался крик Раума. Заметив, что Азур побледнела, Золотое Перо похлопала ее по колену.

— Барсарб — искусный лекарь. Она вылечит Раума.

Азур молча кивнула.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Звездный Человек

Отпустив Раума, Аксис побрел обратно, погрузившись в тяжкие размышления. Авар, находясь в тюрьме, высказал удивительное суждение, посчитав, что он, командир воинов Сенешаля, наделен душой икарийца, а женщина, встреченная у леса, сообщила ему, правда, удивившись заданному вопросу, что икарийцы не мыслят жизни без пения, а особенно хорошо этим искусством владеют икарийские чародеи. Но он и сам любит петь, играет на арфе. Но этим искусствам его никто не учил, хотя еще в детстве он музицировал лучше любого барда. Может, у него врожденный талант? Да только разве талант поможет исполнить песню, о которой и понятия не имеешь? Случилось невероятное. Сначала он отразил нападение Разрушителя странной волшебной песней, а затем не менее загадочной песней помог

Шире прийти в себя, может, даже вернуться к жизни. Неужели своими удивительными способностями он обязан отцу-икарийцу? Но икарийцы — отверженные, враги. Его учили их ненавидеть. Зачем же тогда дал уйти беглецам? Неужели почувствовал к ним симпатию? Нет! Такого не может быть. Отверженные — злые, коварные существа. Вероятно, этот авар просто посмеялся над ним, сообщив о том, что Фарадей, вопреки здравому смыслу, жива. А может, ей и в самом деле каким-то чудом удалось избежать неминуемой гибели? Надо надеяться.

Размышления Аксиса прервал возглас:

— Боевой Топор!

Аксис поднял глаза: Арн на коне, за ним группа топорноносцев.

— Боевой Топор, Хаген мертв, Велиар получил ранение, а авары сбежали. С тобой все в порядке?

— Обо мне можешь не беспокоиться. А что касается злодеяний, о которых ты говоришь, то это дело рук Азур, дочери Хагена.

— Вот ведьма! Убила собственного отца.

— Как себя чувствует Велиар?

— Отделался шишкой. Его врачуют Огден и Веремунд.

— Огден и Веремунд? — Аксис задумался. — Мне надо с ними поговорить.

— А где Азур и отверженные?

— Они скрылись в лесу Теней, — ответил Аксис, отведя глаза в сторону. — Я не успел их догнать.

— Дьяволы! — гневно воскликнул Арн. — Настоящие дьяволы!

Излив негодование, топорноносец подъехал к Аксису.

— Садись позади меня, командир.

Когда Аксис взобрался на круп коня, всадники развернулись и пришпорили лошадей.

Весть об убийстве Хагена, нападении на лейтенанта топороносцев и бегстве отверженных из тюрьмы быстро разнеслась по всему поселку. Никто из жителей Смиртона даже не сомневался, что виновата во всем Азур. Ее недолюбливали и раньше. Необщительная и замкнутая, она не нравилась никому. Теперь же, после неслыханного злодейства, ее честили в каждом дворе: мужчины — дав волю крепким словам, а женщины — со змеиным шипением. Винили и Хагена. Как можно было взять в жены легкомысленную вспыльчивую норийку? Азур вся в нее. Яблоко от яблони недалеко катится. Хаген сам виноват. Разве не мог найти жену в Смиртоне?

Обмениваясь этими здравыми рассуждениями и сетуя, что лишились интересного зрелища — сожжения отверженных на костре — селяне занялись подготовкой к погребению Хагена. Дом Хранителя Плуга отвели Велиару, и потому тело убитого отнесли к Хордли для исполнения процедур, предшествующих погребальному ритуалу, который обещал быть не менее интересным, чем сожжение на костре: волею случая в Смиртоне оказались члены религиозного братства Огден и Веремунд, и потому ожидалась полноценная церемония похорон.

Ари остановился у дома Хагена.

— Кто в доме? — спросил Боевой Топор, спрыгнув с крупа коня на землю.

— Когда я навещал Велиара, с ним были Огден и Веремунд.

— Покарауль у дщери. Чужие уши мне ни к чему. Не впускай никого.

Ари кивнул.

Боевой Топор направился к двери. Надо не только узнать о состоянии Велиара, но и порасспросить монахов об икарыйцах. Хотя Огден и Веремунд, может, вовсе и не монахи. Надо быть с ними потверже, припереть их к стене.

Огден и Веремунд стояли у изголовья кровати, склонившись над Велиаром. Но что это? Глаза монахов светятся золотом, а из пальцев Огдена, держащего руку на лице Велиара, вылетают золотистые огоньки. Аксис заснул на месте. Конечно, Огден и Веремунд только прикидываются монахами. Но кто же они тогда? Зачем снялись с места и отправились в путь вместе с топороносцами? Что у них на уме?

Первым заметил Аксиса Веремунд. Его глаза тут же потухли.

— Аксис? — недоуменно воскликнул он.

Возглас заставил Огдена выпрямиться. Золотистых огоньков как и не было — глаза как глаза.

Боевой Топор стремительно пересек комнату, подошел к Велиару. Раненый дышал ровно, на его лбу лежало мокрое полотенце.

— Велиар, — позвал Аксис.

Топороносец открыл глаза.

— Боевой Топор, все произошло неожиданно, — вполголоса сказал Велиар. — Я не мог даже предположить, что женщина может напасть на солдата. Это была Азур.

— Тебе повезло, что она не пустила в ход нож, — угрюмо заметил Аксис. — Видно, ты ей понравился, — добавил он, усмехнувшись.

Топороносец дотронулся до затылка.

— С женщинами лучше вовсе не иметь дела, — пробормотал он.

— Азур хотела спасти невинных аваров от сожжения на костре, — вмешался в разговор Огден. — Ее можно понять.

— Можно понять? — вознегодовал Боевой Топор. Вытащив из сапога нож, он подскочил к Огдену и, ухватив монаха за волосы, приставил лезвие к его горлу: — Скажи лучше, что эта рехнувшаяся девица действовала по вашему наущению, — Боевой Топор кивнул в сторону Веремунда.

— Аксис, уймись, — запротестовал Велиар, оторвав голову от подушки. — Оставь монахов в покое. Они привели меня в чувство, возятся со мной, как с малым ребенком.

— Есть люди, которые искусно маскируют свои намерения, — сердито ответил Аксис. — Ночью тебя хватили по голове, сейчас врачуют тебя примочками, чтобы втереться в доверие, а завтра, не моргнув глазом, из тебя вышибут дух.

— Аксис! — укоризненно сказал Веремунд. Он покачал головой, не решаясь на большее.

— У меня к вам вопросы, — проронил Боевой Топор. — Вы готовы на них ответить?

— О чем речь! — Веремунд оживился. — Только отпусти Огдена.

Аксис отвел руки от старца. Если бы не стоявший рядом с ним стул, монах полетел бы на пол, а так он сумел поймать спинку стула, после чего грохнулся на сиденье и, только отдышавшись, спросил:

— Может, нам лучше найти другое место для разговора?

— Поговорим здесь, — сурово ответил Аксис. — У меня нет секретов от Велиара.

— О чем ты хочешь узнать? — спросил Веремунд, садясь на стул рядом с Огденом.

— Прежде всего о том, кто вы такие на самом деле, — устало произнес Аксис. На его лице не осталось никаких следов возбуждения. — Могу поклясться, вы не те, за кого себя выдаете. Вы не похожи ни на монахов, стремящихся к религиозному совершенству, ни на книжных червей, которым по силам провести чуть ли не сорок лет в одиночестве, шурша древними манускриптами.

Веремунд и Огден переглянулись.

— Пожалуй, пришло время, — пробормотал Веремунд.

— У вас нет выбора! — гаркнул Аксис. — Если вы и дальше будете держать язык за зубами, то я пушу в ход оружие.

Веремунд и Огден снова переглянулись, кивнули друг другу. Внезапно их глаза загорелись золотом, и наконец Огден торжественно произнес:

— Мы усердны.

— Аккуратны, — подхватил Веремунд.

— Старательны, — трубно продолжил Огден.

— Мы внимательны, — выдохнул Веремунд.

— Исполнительны.

— Наблюдательны.

— Вдумчивы.

Аксис и Велиар едва успевали поворачивать голову, чтобы уследить за монахами.

— Мы хранители.

— Стражи.

— Защитники.

— Слуги.

— Мы ищем единственного...

— Чье предназначение несомненно.

— Спасителя.

— Звездного Человека!

— Мы — блюстители пророчества, — закончили старцы разом. Глаза их потухли. Оба выжидательно посмотрели на Аксиса.

— Гм... — выдавил из себя Боевой Топор. Он ожидал любого, но только не такого признания.

Велиар неожиданно рассмеялся.

— Теперь понятно, почему вы спотыкались на каждом слове, отпевая погибших топороносцев у могильных курганов.

Аксис ухмыльнулся и на минуту задумался, а затем, по-видимому, на что-то решившись, обвел старцев глазами и холодно произнес:

— Ну что же, блюстители пророчества, вы, верно, тоже хотите узнать, кто я на самом деле?

Огден и Веремунд затаили дыхание.

Взглянув на блюстителей предсказания, замерших в томительном ожидании, Аксис сардонически рассмеялся, а затем размеренно произнес:

— Я — сын Ривки, ахарской принцессы, и икарийского чародея, — сделав это признание, Аксис облегченно вздохнул, словно скинув с плеч тяжелую ношу.

Веремунд кивнул.

— Мы тоже так думаем. Но большего не знаем и мы. Имя твоего отца, Аксис, остается загадкой.

— Откуда ты узнал, что твой отец икариец? — спросил Огден.

Пропустив вопрос мимо ушей, Боевой Топор перевел взгляд на изумленного лейтенанта.

— Что скажешь, Велиар? — спросил Аксис. — Задача топороносцев — бороться с отверженными, а тут (на тебе) — какая недостойная штука: командир воинов Сене-шалья и сам наполовину отверженный.

Велиар засопел и шумно вздохнул. Хотя его и учили ненавидеть отверженных, столкнувшись в тюрьме с аvaraми, он не заметил в них ни враждебности, ни предосудительных недостатков. Скорее, эти люди заслуживали сочувствия, а не безоговорочного гонения. Что тогда говорить об Аксисе, его соратнике по оружию!

— Скажу, что ты — Боевой Топор, — ответил лейтенант, сев в постели. — Ты лучший командир из всех мне известных военачальников. Ты мой друг, и я горжусь этим. Уверен, что и твои родители достойные люди, хотя, признаться, когда я выбираю друзей, то не интересуюсь их родственниками.

Аксис ринулся к Велиару и обнял его.

Веремунд и Огден снова переглянулись. Лейтенант топороносцев сыграл им на руку: не осудил Аксиса, поддержал.

— И все-таки откуда ты узнал, Аксис, что твой отец икариец? — повторил вопрос Огден.

— Все дело в музыке, в пении. Я остановил нападение Разрушителя странной волшебной песней, а потом не менее загадочной песней вдохнул жизнь в аварскую девочку. Да вы и сами помогли мне, сказав, что во время смертоносного урагана я пел икарийскую песню, которую обычно поют будущие отцы еще не родившимся детям, детям, находящимся во чреве матери. Откуда я мог знать эту песню? Только от своего отца. Мою догадку подтвердил Раум, сказав, что

у меня душа икарийца. Если у меня и оставались сомнения, то их развеяла женщина, поспешившая на помощь аварам, когда я настиг беглецов у леса Теней.

Веремунд подался вперед.

— Какая женщина? Откуда она взялась?

Рассказав вкратце о преследовании в ночи и о том, чем завершилось это преследование после вмешательства незнакомки, Аксис так завершил рассказ:

— Что за женщина удержала меня от опрометчивого поступка, откуда взялась, понятия не имею. По виду она ахарка. Не знаю, что меня подтолкнуло, но только я спросил у нее, знакома ли она с икарийцами, а когда она ответила утвердительно, я поинтересовался, любят ли икарийцы петь. Узнав, что икарийцы не мыслят жизни без пения, а наиболее хорошо этим искусством владеют икарийские чародеи, я окончательно понял, что мой отец икариец и, скорее всего, чародей.

— Мы поняли, что в тебе икарийская кровь, еще в башне Безмолвной Женщины, когда ты читал вслух пророчество, — сказал Огден. — Объяснив брату Гилберту, что ахары, авары и икарийцы говорят на одном языке, Веремунд умолчал о том, что у икарийцев есть и другой язык, на котором объясняются одни посвященные. На этом особенном языке и написано предсказание. А последние строчки текста даже мы не осилили. Язык, на котором они написаны, усложнен и предназначен лишь для глаз икарийцев из числа чародеев.

Аксис встал и подошел к очагу.

— Но почему вы попросили меня прочесть текст пророчества? Почему не обратились к Тимозелу, Гилберту или Арну? И с какой стати вы отправились со мной в опасный поход?

— Потому что мы решили: ты единственный, чье предназначение несомненно, — ответил Веремунд, немного колебавшись. — Потому что поняли, что ты...

— Звездный Человек, — неожиданно заключил Велиар. — Ты единственный, кто может объединить народы Тенсендора и победить Разрушителя. Ты — Спаситель.

Веремунд и Огден кивнули. Лейтенант топорonosцев снова их удивил. Несомненно, он станет надежной опорой Аксису. В пророчестве немало неясностей, и, может, какое-то важное предприятие не обойдется без участия Велиара.

— Но я не хочу быть Спасителем! — раздраженно воскликнул Аксис. — Как я могу объединить народы Тенсендора? Я — Боевой Топор. Служу Сенешалю, а Сенешаль... Сенешаль...

— Сенешаль разобщи́л народы Тенсендора, развязав несправедливую войну, — сурово продолжил Огден. — Сенешаль изгнал аваров и икарийцев с их исконных земель. Сенешаль породил взаимную антипатию. Разобщенность на руку Разрушителю. Справиться с его воинством можно, только объединив народы Тенсендора. Эта задача, Аксис, тебе вполне по плечу. Ты опытный, известный военачальник. В тебе течет кровь и ахаров, и икарийцев. Наконец, ты тот человек, который после долгих сомнений уразумел, что угроза Ахару исходит не от отверженных, а от воинства Горгрила.

— Я уже имел дело с Горгрилом. И что же? Я потерял двести топорonosцев. Разве я справлюсь с ним?

— Сейчас, скорее всего, не справишься. Но если ты найдешь своего отца, икарийского чародея, положение переменится. Отец возвысит твой дух, научит, как бороться с армией Разрушителя. Мы с Веремундом и сами хотим найти твоего отца. Согласно пророчеству, он еще и родитель

Горгрила, и если мы отыщем его, то найдем подходы и к Разрушителю.

Выслушав Огдена, Аксис опустил на стул и, уронив подбородок на грудь, погрузился в столь длительное раздумье, что его собеседникам показалось, он совсем позабыл про них.

— А что за песню я пел ребенку в тюрьме? — наконец спросил Аксис, устремив взгляд на блюстителей предсказания.

— Ты пел Песню Оздоровления, — ответил Веремунд, поймав кивок Огдена. — Шира была плоха, но эта песня спасла ее. Откуда ты знаешь песню, неизвестно. Вряд ли ты слышал ее от отца, находясь во чреве матери. Песня Оздоровления благотворна. Когда ее исполняют, здоровое дыхание исполнителя смешивается с дыханием слушателя, оказывая на того целебное действие. Говорят, эта песня подпитывается энергией звезд. Ее знают только икарыйские чародеи. Недаром Раум, услышав эту песню в твоём исполнении, сказал, что у тебя душа икарыйца.

— Но если Аксис обладает силой икарыйского чародея, почему он прямо сейчас не может расправиться с Разрушителем? — спросил Велиар.

— Боевой Топор пока что такой силой не наделен, и еще не готов к решительному сражению с Разрушителем, — охладил Велиара Огден. — До сих пор Аксис действовал подсознательно, по наитию свыше, да и помышлял лишь о том, как сберечь войско при нападении неприятеля. О наступлении даже не думал. Чтобы одержать победу над Разрушителем, нужны глубокие знания. Одно вдохновение не поможет.

— А как я наберусь знаний? — обескураженно спросил Аксис.

— Тебя вооружит необходимыми знаниями отец. Его долг — обучить тебя. По всей вероятности, твой отец чародей. Чародеем станешь и ты.

— А как мне найти отца?

— Если бы мы знали! — Огден пожал плечами. — Полагаю, не следует торопить ход событий. Ты ведешь войско на север. Это правильное решение. Нельзя пустить Горгрила в глубь страны. Но, продвигаясь на север, ты сначала побываешь в Сигхолте, а потом окажешься в Горкентауне. В Сигхолте твой отец встретился с Ривкой, а в Горкентауне ты родился. Может, в этих городах, или хотя бы в одном из них, ты нападешь на след своего отца.

— Но как теперь, зная, что мой отец икариец, я смогу командовать солдатами Сенешаля?

— Как и прежде, — опередил Огдена Велиар. — Твоя задача — привести топороносцев на север и защищать подступы к Горкентауну. Ты тоже солдат и должен выполнить поставленную задачу. Оттого что ты получил сведения об отце, да и не только о нем, твои способности не уменьшились. Наоборот, у тебя расширился кругозор. Теперь ты не только знаешь, кто является истинными врагами Ахара, но и при желании можешь найти союзников.

— Велиар правильно говорит, — сказал Веремунд.

— Хочу узнать еще кое-о чем, — смущенно произнес Аксис.

— Слушаем тебя, — Огден дружелюбно кивнул.

Немного помявшись, Аксис обратился к блюстителям предсказания:

— Когда я отпустил Раума, он сообщил мне непостижимую вещь. По его словам, Фарадей жива. Можно ли верить ему? Ведь вы видели сами, как Фарадей вместе с Тимозелом и каким-то крестьянином провалилась под землю.

Огден и Веремунд, как обычно, оказавшись в затруднительном положении, обменялись быстрыми взглядами. Оба были уверены, что Фарадей не случайно провалилась в образовавшуюся расщелину, а была увлечена в подземелье стараниями Джека и Ир, но они не могли понять, откуда это известно Рауму. Впрочем, до аварии им дела не было. Оба не могли допустить, чтобы Аксис, узнав о том, что Фарадей направляется в Горкентаун, оказался в городе раньше девушки.

Аксису взялся ответить Огден.

— Под могильными курганами немало пустот: склепов, тоннелей. Вероятно, по одному из таких тоннелей Фарадей и выбралась на поверхность, да и, наверное, не одна, а с Тимозелом и тем крестьянином. Видимо, Раум видел ее. Скорее всего, девушка направляется в Скарабост и, по всей вероятности, под охраной мужчин. Если бы ей грозила опасность, Раум предупредил бы тебя.

— Возможно, ты прав, — сказал Аксис, облегченно вздохнув. — Ну, что же, нам остается договориться лишь об одном: тебе с Веремундом предстоит отпеть Хагена. Насколько я понял, вы не монахи, но у вас была практика, и, надеюсь, вы оправдаете ожидания поселян.

Велиар раскатисто рассмеялся.

Улыбнулся и Аксис, но отпевание Хагена его не беспокоило. Он думал о Фарадей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В лагере клана Тенистого Дерева

Оказав Рауму медицинскую помощь, Барсарб решительно заявила, что раненый нуждается в отдыхе, и его не следует беспокоить в ближайшие два, а то и три дня, чем вызвала легкое недовольство не только у родственников страдальца, но и у Золотого Пера, которая не меньше других хотела узнать у Раума драматические подробности постигших его несчастий.

Более всего ей хотелось расспросить Раума о Боевом Топоре. Встреча с командиром топороносцев лишила ее покоя. Его внешность, мимика, жесты кого-то напоминали, показались знакомыми. Неожиданно ее осенило: да он похож на Приама! Та же линия носа, одинаковый разрез глаз, схожий лоб. Борнхелд! Ее сын! Подходящий возраст, подходящая внешность. Хотя Азур говорила, топороносец назвался Аксисом. Неужто он стал командиром воинов Сенешаля? Неужели Борнхелд по какой-то причине

решил скрыться за этим именем? Сомнительно. Да и вряд ли королевский племянник снизошел до сравнительно низкой должности. Скорее всего, Боевой Топор — один из многочисленных родственников Приама. А вдруг все-таки Борнхелд?

Золотое Перо содрогнулась, почувствовав угрызения совести. Она оставила сына в младенчестве, лишила материнской любви. Но зачем ворошить прошлое? У нее давно другая семья, новая жизнь, совсем иные заботы. Хотя она живет среди икарийцев, ей приходится опекать аваров, помогать им советами. Сейчас, когда наступили тревожные времена, забот и вовсе прибавится. На севере активизировались бесплотные духи, скрелинги...

Прошло два дня, но Азур так и не получила ответа на важный наболевший вопрос: оставят ли ее в клане?

Размышляя о своем будущем, она, сидя у очага, рассеянно наблюдала, как Иза и Флит, вооружившись камнями, растирают мэлфери, приготавливая муку.

Посчитав, что девушке скучно, Флит, не прекращая работы, принялась рассказывать ей о путешествиях аваров к Папоротниковым горам и о представлении Матери одаренных детей, которых прочат в шаманы.

Заканчивая рассказ, Флит пояснила:

— Мы не зря поклоняемся Матери. Она стоит у истоков жизни и вдохновляет шаманов, которые заботятся о нашем благополучии.

Приготовив муку, Иза и Флит замесили тесто и, добавив в него сушеные ягоды, раскатали на небольшие лепешки. Смазав их жиром и завернув в листья лопушника, уложили на угли.

— Остается почистить форель, — улыбнувшись, сказала Флит. — Сегодня богатый улов.

— Давайте я помогу, — предложила Азур.

Передав ей нож и толстую рыбину, Иза довольно произнесла:

— Мы все гордимся, что Шира прошла тяжелое испытание и получила одобрение Матери. У Раума, шамана нашего клана, подрастает неплохая помощница.

Девочка, сидевшая рядом с Изой, прижалась к ее ногам.

— А Барсарб из вашего клана? — спросила Азур.

— Барсарб из клана Столовой Горы. Она пришла к нам специально, чтобы узнать, удалось ли Шире выдержать испытание. Благодарение Матери, пришла вовремя. Если бы не она, Раум мог бы и умереть.

Азур кивнула и занялась чисткой рыбы. Она видела, форель принес Хелм. Да и другие дети Гриндла и Флит не сидят, сложа руки. Собирают ягоды, лекарственные растения, копают мэлфери. Похоже, авары довольствуются лишь дарами природы. Сами ничего не выращивают, скотоводством не занимаются.

Задумавшись, Азур порезала палец. Стала сосать.

Иза поднялась на ноги и тут же принесла подорожник.

— Выжми на ранку сок и обмотай палец листом, — посоветовала она.

Поблагодарив, Азур поинтересовалась:

— Все авары живут в кланах?

— Так и есть, — ответила Флит. — А каждый клан — одна большая семья. Авары не живут в поселениях, все время кочуют в поисках пропитания, пользуясь дарами Аваринхейма.

— А скоро мы отправимся встречать Йул, — похвасталась Иза с видимым удовольствием.

— Йул? — удивилась Азур, переводя взгляд на Золотое Перо, которая, подойдя к очагу, устроилась рядом с девушкой.

— Каждый год авары и икарийцы встречают вместе два праздника: Йул и Белтейн, — пояснила Золотое Перо. — Йул отмечают в день зимнего солнцестояния, приветствуя возрождение солнца, а Белтейн — ранней весной, когда земля пробуждается ото сна.

— В Белтейн справляют немало свадеб, — продолжила Иза, блеснув глазами. — А какие закатывают пирушки! А еще в этот праздник сбываются все желания, даже самые сокровенные. Азур, угадай, когда я вышла замуж за Гриндла?

— В Белтейн?

Иза захлопала в ладоши и рассмеялась.

— Ты угадала. Как это тебе удалось? Наверное, и тебя обуревают желания. Скажи, о ком ты мечтаешь.

Азур покраснела, вызвав всеобщий смех.

Оживление прервал холодный голос Барсарб, показавшейся в проеме шатра, занятого ее пациентом.

— Если Азур не оставят в клане, на Белтейне ей не бывать.

Флит и Иза переглянулись и, схватив по ножу, принялись чистить рыбу. Золотое Перо похлопала Азур по руке и шепнула:

— Не расстраивайся. Все обойдется.

— Флит, оставь пока рыбу, — продолжила Барсарб властным голосом. — Помоги мне подвести Раума к очагу. Ему надоело лежать, и он собирается поужинать вместе с нами. Я не против: Раум окреп. Пришло время послушать его рассказ.

Вскоре Барсарб и Флит вывели Раума из шатра. Раненый опирался на плечи женщин и подволакивал ногу, упрянтанную в лубок. Конечно, он еще не полностью оправился от ранения, но, направляясь к приготовленному ему месту у очага, приветливо улыбался и даже отпустил несколько шуток сбежавшимся детям.

Появился и Гриндл.

— Как ты себя чувствуешь, Раум? — заботливо спросил он.

— Благодаря искусству Барсарб, я уже на ногах. Через неделю-другую буду ходить, как прежде. А там, глядишь, смогу состязаться в беге.

— Жаль, что ты не проявил свои способности раньше. Меня бы Боевой Топор не догнал.

— Боевой Топор не догнал бы и Раума, если бы шаман был один, — вмешалась Азур. — Раум думал не о себе, бежал сзади, чтобы мы с Широю успели скрыться.

Барсарб и Гриндл наградили Азур колкими, недружелюбными взглядами. Мнения ахарки никто не спрашивал. Непозволительно вступать в разговор, который ведет глава клана. Заметив, что Азур пришла в замешательство, оробела, Золотое Перо погладила девушку по руке. Она понимала: освоиться среди чужих людей нелегко. Ей и самой пришлось туго, когда связала жизнь с икарийцами. Чтобы сродниться с новым укладом жизни, понадобилось несколько лет.

Тем временем Флит протянула шаману чай, настоящий на лекарственных травах. Осушив чашку, Раум надолго задумался, затем, тяжело вздохнув, сказал:

— Барсарб, наши опасения подтвердились. Пророчество о пришествии Разрушителя начинает сбываться. Горгрил и в самом деле появился на свет и всюю готовится к тотальному разрушению.

Все притихли. Авары знали о существовании зловещего предсказания и даже обсуждали сообща с икарийцами вероятность появления Горгрила и его гнусного воинства.

— Откуда у тебя такая уверенность? — спросила Барсарб, перехватив тревожный взгляд Гриндла.

— В Тенсендоре появились блюстители предсказания. Двоих мы с Широю встретили у Папоротникового озера.

Авары и Золотое Перо затаили дыхание. Одна Азур не понимала, в чем дело, но и она, поддавшись общему настроению, старалась не шелохнуться, чтобы не помешать Рауму продолжить повествование.

Рассказав о встрече с Джеком и Ир, шаман сообщил о том, что блюстители предсказания надеются на Звездного Человека, который должен объединить народы Тенсендора и одолеть Разрушителя.

— Они уже нашли Звездного Человека? — спросила Барсарб.

— Найти-то вроде нашли, да только его настоящего имени не назвали. Однако, насколько я понял, этот таинственный человек еще не готов к выполнению миссии, предначертанной предсказанием, да и не знает о ней.

— А о чем тебе еще рассказали?

— О двух других блюстителях предсказания, которые сумели примкнуть к колонне топорonoсцев, что направляется в Горкентаун. Как видите, стражи пророчества не бездействуют. А теперь я вас удивлю. Джек и Ир были у озера не одни. С ними была девушка по имени Фарадей. Она ахарка, и эту ахарку блюстители предсказания собирались представить Матери.

— Какое кощунство! — вознегодовала Барсарб.

— Поначалу возмутился и я, но блюстители предсказания попросили меня подвергнуть девушку испытанию. Чтобы их не обидеть, я согласился.

— И ты подвергнул ее этому страшному испытанию? — удивилась Иза, всплеснув руками.

— Пришлось. Но, к моему великому удивлению, девушка не только прошла испытание, но и перед лицом смертельной опасности обратилась за помощью к дереву. И что вы думаете? Лес запел для жительницы равнины. Она услышала Песню Леса, — шаман замолчал, словно бы для того, чтобы слушатели прониклись важностью сообщения, а затем степенно продолжил: — Джек и Ир посчитали, что ахарка — Друг Леса. Так теперь считаю и я.

Наступило молчание. Авары хорошо знали поверье, появившееся еще тысячу лет назад, вскоре после окончания Войн Топора, которое предрекало появление Друга Леса, способного вернуть аварам их исконные земли, отторгнутые ахарами. Но разве кому-нибудь могло прийти в голову, что Другом Леса окажется жительница безлесной равнины, ахарка?

Заметив на лицах недоумение, Раум продолжил дальше:

— После того как девушка прошла испытание, мне пришлось выполнить обещание, данное блюстителям предсказания, и я представил Матери вместе с Широю и Фарадей. Думаю, я правильно поступил. Девушка не только получила одобрение Матери, но и была принята Всемогущими Рогачами, а Серебристый Рогач назвал ее «Другом Леса».

Раум замолчал снова, предоставляя слушателям возможность осмыслить необычайное сообщение. Золотое Перо обвела взглядом аваров. Было видно: они в великом недоумении, раздумывая о том, как могла Другом Леса оказаться

жительница равнины, представительница народа, которого они боятся и ненавидят. Сама Золотое Перо отнеслась к новости менее драматично, удивившись лишь имени таинственной девушки. Неужто та самая Фарадей, о которой шаман говорил командиру топорonoсцев? Если так, то какое странное загадочное переплетение произошедших событий!

— А где Друг Леса сейчас? — поинтересовалась Барсарб.

— Фарадей направляется в Горкентаун, чтобы выйти замуж за герцога Борнхелда, с которым помолвлена, — пояснил Раум.

Золотое Перо содрогнулась, тихонько вскрикнула.

— Что с тобой? — спросила Азур.

Ей не ответили, раздался лишь тяжкий вздох.

— Что с тобой? — повторил вопрос Гриндл.

Золотое Перо взяла себя в руки. Но как объяснить свою минутную слабость? То, что она ахарка, что из богатой родовой семьи, для аваров секрета не составляло. Однако они не знали ее настоящего имени, не знали и о былом положении при дворе. Разве скажешь им, что Борнхелд ее сын? Вряд ли авары обрадуются, узнав, что она мать племянника короля, что принадлежит к высшей власти, первейшему врагу жителей леса. Скорее наоборот, не миновать натянутых отношений, а то и разрыва без объяснений.

Придя к этой мысли, Золотое Перо придала своему лицу беззаботное выражение и, разведя руками, сказала:

— Когда-то я знавала отца герцога Борнхелда. Кое-что вспомнила. Сущие пустяки. Не заслуживают внимания. Послушаем лучше Раума. Он еще не рассказал о пребывании за решеткой.

— Тюрьма есть тюрьма, а ахары — настоящие изверги, что о них говорить. Они не пощадили даже ребенка. Ши́ра была в беспамятстве, могла умереть. И вот тут случилось нечто необычайное, — шаман поднял палец, призывая к вниманию. Ожидание слушателей достигло высшей степени напряжения. — В тюрьму вместе со своим лейтенантом пришел Боевой Топор. Оба повели себя крайне странно. Боевой Топор избил Хранителя Плу́га, а лейтенант осадил охранников. А дальше случилось и вовсе невероятное. Боевой Топор вошел в камеру и попросил меня передать ему Ши́ру.

— И ты отдал Ши́ру топороносцу? — гневно спросила Иза.

— Отдал, потому что на лице этого человека не было и следа жестокости и коварства. Я видел, он сочувствует нам.

— И что же дальше? — не выдержала Барсарб.

— А дальше он взял девочку на руки и, к моему великому удивлению, стал напевать ей Песню Оздоровления. Ши́ра быстро пришла в себя.

Слушатели выпучили глаза. Откуда ахару известна Песня Оздоровления?

— Друзья мои, — заключил шаман, — командир воинов Сенешаля — удивительный человек. У него душа икарийского чародея.

Золотое Перо чуть снова не вскрикнула. Как же она сразу не догадалась, что Боевой Топор ей кого-то напоминает не только оттого, что он похож на Приама, но также и потому, что и статью, и смуглым цветом лица схож с икарийцем? Да и надменность его, которая бросилась ей в глаза, видно, не отвратительная черта служителя Сенешеля, а естественная манера держаться икарийского чародея. И тут

ее поразила невероятная мысль. Да нет, быть не может! Ее уверили, что младенец мертворожденный...

Словно издалека слышался голос Барсарб. Золотое Перо встрепенулась.

— Как объяснить необычайные знания командира топороносцев? — спрашивала шаман.

Раум развел руками.

— Многотрудный вопрос. Лучше обсудить его с икарийцами. Скоро Йул, и мы встретимся с ними.

— Через неделю нам надо сниматься с места, — кивнув, сказал Гриндл. — Путь на север не близок. Ты сможешь идти?

— За неделю, как бы он ни храбрился, ему не поправиться, — вмешалась Барсарб.

— Мы понесем Раума на носилках! — выпалил Хелм. — Я сам их сделаю.

— Молодчина, Хелм! — похвалил сына Гриндл. — Из тебя выйдет толк. Придет время, и ты станешь главой нашего клана.

Подросток выпятил грудь. Флит зарделась от удовольствия. Сестры наградили Хелма уважительным взглядом.

— А как же я? — подала голос Азур. — Вы возьмете меня с собой? Мне нельзя возвращаться в Смиртон.

— Сначала расскажи, что тебе угрожает, — сказала Барсарб строгим голосом.

Азур растерялась. Поймут ли ее авары? Поймут ли, что Хаген погиб случайно? Поймут ли, что вынужденно напала на лейтенанта топороносцев? Азур перевела взгляд на Золотое Перо, словно в поисках дружеского участия, но, увидев, что та задумалась, решилась ответить на свой страх и риск, ничего не скрывая:

— Меня сожгут на костре.

— Сожгут на костре? — Барсарб содрогнулась. — За что?

— Да хотя бы за то, что я дала убежать Шире и Рауму. Но дело не только в этом. Мне хотел помешать отец, но, набросившись на меня, он напоролся на собственный нож и умер. Его гибель припишут мне. Уже приписали, не сомневаюсь. А потом... потом я напала на лейтенанта топороносцев, ударила его камнем по голове. Но, поймите, чтобы спасти Шире и Раума, другой возможности не было.

— Убийство есть убийство, даже непреднамеренное, — холодно сказала Барсарб, не отводя глаз от девушки.

Азур опустила голову и тихо произнесла:

— Я знаю, это не оправдание, но мой отец, Хаген, был грубым, безжалостным человеком. Сначала он третировал мать, а когда она убежала, не выдержав издевательств, принял за меня. Все последнее время он меня избивал. Если не верите, посмотрите. Исполосована вся спина, — Азур собралась поднять блузку, но неожиданно разрыдалась.

Спину девушки оголила Золотое Перо. Оголила и вздрогнула. Какой ужас! Шрамы, язвы, кровоподтеки! Почему же Азур никогда не жаловалась? Покачав головой, Золотое Перо развернула Азур за плечи и уग्रюмо спросила:

— Что скажешь, Барсарб?

Барсарб не ответила. Она была потрясена, как и все, но ведь убийство куда более тяжкое преступление, чем побои, даже самые изуверские...

Ее размышления внезапно прервала Шире. Девочка подбежала к Азур, дотронулась до ее лба, а затем, оглянувшись и устремив взгляд на Раума, громко сказала:

— Принята!

— Что это значит, Шира? — воскликнул Раум.

— Принята! — повторила девочка, сердито сверкнув глазами.

Заметив, что шаман озадачен, Азур робко сказала:

— Если позволите, я дам пояснение.

— Говори! — потребовала Барсарб.

— Когда Хаген напоролся на нож, Шира смочила пальцы пролившейся на пол кровью, вывела у меня на лбу три полоски и произнесла то же слово: «Принята!»

— Это мало что объясняет, — буркнула недовольно Барсарб. — Раум, что скажешь?

— Могу высказать лишь догадку. Может, Шира решила, что Азур принесла Хагена в жертву, и эта жертва принята Матерью. Не берусь сказать точно, зато уверен в другом: если бы не Азур, мы бы с Широю погибли. Девушке нельзя возвращаться в Смиртон. Пускай останется с нами хотя бы до Йула, а если клан посчитает нужным, то на праздничной церемонии пусть попытается оправдаться. Тогда и решится ее судьба.

— Я согласна с тобой, — после минутного размышления сказала Барсарб. — Не возражаю, если Азур останется в клане до Йула. К тому же я допускаю, что Шира одобрила действия девушки. Остается узнать мнение Гриндла.

— Ты можешь остаться с нами, Азур, — мягко произнес Гриндл и широко улыбнулся. — Добро пожаловать в клан Тенистого Дерева.

— Благодарю вас, — сказала Азур сквозь слезы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

В Жервуа

Переход до Жервуа занял около двух недель. Все четверо — Фарадей, Тимозел, Джек и Ир — подошли к этому городку на берегу Нордры, шатаясь от непомерной усталости и еле передвигая стертые ноги.

К Жервуа шли по ночам, обходя стороной поселки, а спали в дневное время, укрывшись когда в овраге, когда в кустарнике. Как ни добры были фермеры, снабдившие путников продовольствием, съестное таяло на глазах, и когда, кроме черствых лепешек и струганины из кролика, не осталось другой еды, Ир, заметив ферму или село, всякий раз отлучалась, найдя предлог, а возвращалась с невесть как добытой более аппетитной едой, чем вызывала хмурые взгляды Джека, который, впрочем, никогда не отказывался от пополнения скудного рациона: путникам нужны были силы, тем более что погода резко ухудшилась.

В конце пути пошел сильный снег, и быстро образовавшиеся сугробы превратили переход в настоящую муку. Фарадей, по настоянию Тимозела, иногда садилась на мула, но бедное животное быстро выбивалось из сил, и девушке опять приходилось мерить заснеженную равнину собственными ногами.

На привалах — еда и сон, и все-таки всякий раз, прежде чем отправиться дальше, Фарадей успевала подержать в руках чашу, подношение Серебристого Рогача, которое выдала Тимозелу за подарок добрейшей фермерши. Чаша так и не утратила своего странного свойства — была по-прежнему теплой, и это загадочное тепло не только улучшало настроение девушки, но и придавало ей силы, необходимые для дальнейшего путешествия.

В отличие от Фарадей, Тимозел был не в духе. У всех на глазах он терял интерес и вкус к жизни. Неизменно следивший за своим внешним видом, он даже перестал бриться, и его щеки и подбородок покрылись черной щетиной. Энергичное и загорелое лицо приняло нездоровый, желтоватый оттенок, а недавно еще живые темно-голубые глаза потускнели и стали безжизненными. Тимозел о чем-то мучительно размышлял, и из этого угнетенного состояния его не могла вывести даже Ир, сначала намеками, а потом и более откровенно предлагавшая «противному буке» свои чувственные услуги. И все же время от времени Тимозел оживлялся благодаря усилиям Фарадей, но стоило девушке отойти, он снова погружался в мрачные размышления, сопутствовавшие ему до самого Жервуа.

Этот маленький городок, расположившийся на берегу Нордры в Тэйлемской излучине и живший обычно тихой неспешной жизнью, теперь превратился в растревоженный

улей. И было из-за чего! Жервуа неожиданно-негаданно стал перевалочным пунктом для тех соединений армии Борнхелда, которым предстояло вторую половину пути до Горкентауна проделать по суше. К причалам порта беспрестанно подходили суда с солдатами, продовольствием, лошадьми, вокруг городка устанавливались палатки, а улицы и базарная площадь бурлили, волновались и клокотали к немалому удовольствию горожан, получивших неплохую возможность пополнить свои тощие кошельки.

Выйдя на берег Нордры и увидев на другой стороне реки Жервуа, Фарадей воодушевленно воскликнула:

— Надеюсь, в этом городе мы сможем помыться и как следует выспаться.

— Уверен, что так и будет, миледи, — поддержал ее Тимозел. — А завтра я достану для нас лошадей, и мы сможем отправиться в Горкентаун вместе с солдатами. Скоро ты увидишься с Борнхелдом.

Фарадей натянуто улыбнулась.

Топороносцу было не до улыбок. У него не выходило из головы обещание, данное страшному Горгрилу в присутствии загадочного свидетеля, Черного Человека. Этот Горгрил не дождется его услуг. Он на службе у Фарадей и с этой службой расставаться не собирается. Он еще покажет себя. Его имя войдет в историю!

— Но откуда ты возьмешь лошадей? — поинтересовалась Фарадей. — У нас денег нет, да и продать больше нечего

Тимозел косо посмотрел на окруживших Джека свиней.

— Эти свиньи мои друзья, — охладил его Джек. — Они не продаются.

— А нам денег и не понадобится, — нашелся топороносец. — Когда мы переправимся через Нордру, то

окажемся в Ихтаре, владении герцога Борнхелда. Фарадей, ты скоро станешь герцогиней Ихтарской, и услужить тебе каждый почтет за счастье.

— Возможно, ты прав, Тимозел. Но как люди, к которым мы обратимся за помощью, узнают, что я помолвлена с Борнхелдом?

Тимозел взял девушку за левую руку.

— По этому кольцу, Фарадей. Каждый солдат, каждый житель Ихтара узнает его, а узнав, отнесется к тебе с почтением. Если же какой остопоп не признает в тебе свою госпожу, то сразу пожалеет об этом. Я вправлю ему мозги.

— Юноша рассуждает как настоящий мужчина, — встала Ир. — Меньше слов, больше дела — вот это по мне.

— Невдалеке отсюда паромная переправа, — продолжил с воодушевлением Тимозел. — Если мы поторопимся, то окажемся в Жервуа до наступления темноты.

— Подожди, Тимозел, — остановил его Джек. — Прежде чем отправиться к переправе, выслушайте меня. Ир, ты знаешь, что мы, блюстители и стражи пророчества, еще не в полном составе, — Ир кивнула. — Куда подевался пятый? Фарадей, Тимозел, я вынужден вас покинуть. Без пятого стража пророчество может выйти из-под контроля, обернуться бедами для народов Тенсендора. Я должен найти его. Кроме того, свинопас со своими свиньями не компания знатной леди.

На глазах Ир заблестели слезы. Она подошла к Джеку и сжала его в объятиях.

— Счастливого пути, дорогой, — прошептала она. — За нас не беспокойся. Я не сведу глаз с Фарадей.

— На тебе лежит большая ответственность, — так же тихо ответил Джек. — Вскоре Горкентаун окажется в эпи-

центре сражения с воинством Горгила. Опекая Фарадей, не забывай и об Аксисе.

Ир кивнула и отошла, утирая слезы.

На шею Джеку бросилась Фарадей.

— Не оставляй меня, Джек, — прошептала она.

— Я бы рад остаться с тобой, но долг превыше всего. Не забывай и ты о данном тобой обещании. Помни: чтобы победить Разрушителя, свою миссию надо выполнить и тебе.

— Я постараюсь, — сквозь слезы ответила Фарадей.

— Не сомневаюсь в тебе, — мягко ответил Джек и поцеловал девушку в щеку.

— Мы еще увидимся, Джек? — спросила обеспокоенно Фарадей.

— Конечно, не сомневайся, — он снова поцеловал ее в щеку и подошел к Тимозелу. — Я знаю, ты предан Фарадей всей душой и сделаешь все, чтобы уберечь ее от опасностей. Желаю тебе удачи, — Джек протянул Тимозелу руку.

Секунду поколебавшись, топороносец ответил рукопожатием.

— Если потребуется, я положу жизнь за миледи.

— Надеюсь, что этого не понадобится. Однако в Горкентауне будет жарко. Будь начеку.

— Можешь на меня положиться.

Джек кивнул и, улыбнувшись, сказал:

— Тогда мне остается лишь попрощаться. До свидания, — он обвел взглядом стадо. — Друзья мои, в путь!

Фарадей побледнела, из ее груди вырвался тяжкий вздох.

— Придет время, и мы встретимся, Джек! — воскликнула Ир.

Джек снова кивнул и тронулся в путь, сопровождаемый свиньями. Вскоре они пропали из вида, растворившись в желтоватой и мутной мгле, сквозь которую летели белые хлопья снега.

— Если мы хотим найти кров, то следует поспешить, — напомнил топороносец, беря мула за повод. — Пойдемте.

Фарадей и Ир последовали за ним.

Направляясь к переправе, каждый размышлял о своем.

Тимозел вспоминал о страшной встрече с омерзительным Горгрилом. А что, если о сговоре с ним прознал Джек? С него станется; ведь он, как пить дать, колдун. Перед тем как уйти, он о чем-то шептался с Ир. Может, наказал ей передать при случае Фарадей о договоренности с Горгрилом. Если Фарадей узнает об этом, ему откажут от места, и тогда... тогда... Об этом лучше не думать. Об этом лучше не думать и сделать все возможное для того, чтобы заслужить доверие Фарадей. Во имя ее он совершит великие подвиги, прославится на все королевство...

Ир вспоминала Джека. Когда она еще увидит его? Найти пятого блюстителя предсказания нелегко. Бедный Джек, за всех отдувается. Зачем она ввергала его в отчаяние, встречаясь с топороносцем? Добрее, благороднее Джека никого нет...

Фарадей вспоминала погибшую мать и Аксиса. Бедная мама, погибла в расцвете сил. А Аксис? Аксис безвозвратно потерял, скоро она станет женой Борнхелда. Фарадей почувствовала себя одинокой, всеми покинутой. Даже Джек оставил ее. Как будет его не хватать! Разве Тимозел или Ир заменят его? Разумеется, нет. Вспомнив о Джеке, девушка вспомнила и о Матери. Вот кто не оставит ее в

беде. — О милосердная Мать, помоги мне! — чуть слышно произнесла Фарадей. Почувствовав прилив сил, девушка улыбнулась...

Паромщик, высокий жилистый человек, одетый в желтый непромокаемый плащ, зюйдвестку и высокие сапоги, уже было собрался подать команду отчаливать, когда сквозь снежную пелену увидел группу людей, да еще с мулом на поводу.

— Кого это черт несет в такую погоду? — процедил он, обернувшись, словно ждал пояснения от своих трех помощников, долговязых неуклюжих парней с шестами в руках.

Получив вместо ответа нечто невразумительное, паромщик снова уставился на приближавшихся пассажиров.

— Похоже, офицер из армии Борнхелда, — оповестил он помощников. — С ним две женщины, по виду крестьянки. Подождем, с офицером лучше не связываться. А может, и заработаем.

Паромщику пришлось вскоре присвистнуть, что, по-видимому, являлось у него своеобразным способом давать выход своему удивлению. Топороносец! Как он здесь оказался?

Между тем Тимозел, ни слова не говоря, ступил на паром вместе с мулом. Женщины последовали за ним: Фарадей, низко опустив голову, а Ир, наградив паромщика кокетливым взглядом, который она посчитала не лишним при отсутствии денег.

Кокетливый взгляд паромщика не пронял. К тому же он быстро уразумел, что топороносец не из армии Борнхелда, да и вовсе не офицер. Придя к этой мысли, паромщик осклабился и небрежно проговорил:

— За перевоз четыре монеты. Погода плохая, придется здорово попотеть.

Покрыться потом паромщику пришлось тотчас же, ибо взбешенный бесстыдным требованием топороносец подскочил к дерзкому наглецу и, схватив его за грудки, угрожающе прошипел:

— Послушай, любезнейший, ты, видимо, не взял в толк, что тебе оказали милость. На твой паром ступила невеста герцога Борнхелда, будущая герцогиня Ихтарская, — Тимозел кивнул в сторону Фарадей. — Непочтительность к леди тебе дорого обойдется. У Борнхелда длинные руки.

Паромщик взглянул на девушку. Он смутно почувствовал, что нечаянно оплошал, но как пойти на попятный на глазах у подручных?

— Да разве эта девушка похожа на леди? — насмешливо сказал он. — Моя жена, и та одевается куда лучше.

Насмешка обошлась дорого. Паромщика схватили за горло.

— Ах ты, мерзавец! — вознегодовал Тимозел. — Ты усомнился в моих словах. Посмел сравнить миледи со своей половиной!

— Остановись, Тимозел! — воскликнула Фарадей. — Ты задушишь его. Дай ему взглянуть на кольцо, — девушка вытянула левую руку.

Тимозел отпустил паромщика. Тот захрипел, жадно глотая воздух. Затем замычал, закатив глаза и источая слюну, и наконец рухнул на палубу.

— Фарадей, опусти руку, — сказал Тимозел. — Кольцо не понадобится.

И действительно, немного придя в себя, паромщик поднялся на ноги и, остановив взгляд на подручных, простояв-

ших всю сцену с разинутыми от удивления ртами и выпученными глазами, неожиданно гаркнул:

— А вы, идиоты, что уши развесили? Отчаливайте! Отчаливайте, кому говорю!

Паром тронулся.

— Тимозел, неужели без насилия было не обойтись? — спросила укоризненно Фарадей.

— Я твой защитник, и никому не позволю оскорблять тебя безнаказанно. Счастье паромщика, что остался жив.

— Снять в городе комнату будет еще трудней, — буркнула Ир.

Опасения Ир оказались напрасными. Прибежище на ночь для утомленных дорогой путников отыскалось, да и не только без грубого вмешательства Тимозела, но и без особых хлопот, хотя, оказавшись в городе, даже уверенный в своих силах топороносец пришел в замешательство. Несмотря на позднее время, улицы кишели солдатами, и надежда найти приют показалась малоосуществимой.

Тимозел мрачнел на глазах, чему способствовали и непрестанные шутки солдат, провожавших спутниц топороносца непристойными взглядами. С оравой солдат не справишься. А где местные жители? Ага, вот один, по виду купец. Извинившись перед прохожим, топороносец спросил:

— Скажи, почтеннейший, нет ли неподалеку гостиницы, где можно остановиться?

Прохожий, тучный человек с двойным подбородком, жирным загривком и отдувшимися щеками, громко расхохотался.

— Ты разве не видишь, что город забит войсками? Все гостиницы переполнены. Ты можешь рассчитывать лишь

на навес на базарной площади. А что касается твоих спутниц, — толстяк окинул их маслянистыми глазками, — то стоит им захотеть, они быстро найдут пристанище.

Лицо Тимозела залила краска негодования, он замахнулся на толстяка, но его схватила за руку Фарадей.

— Не надо, Тим! — вскричала она. — Этот человек не знает, с кем говорит.

Воспользовавшись замешательством Тимозела, толстяк попятился и с проворством, трудно ожидаемым от человека его комплекции, смешался с толпой.

— Зачем ты остановила меня, Фарадей? — недовольно буркнул топорonoсец. — Этот наглец оскорбил тебя. Да он заслуживал...

Какого наказания заслуживал грубиян, топорonoсец сообщить не успел. Его прервал громкий голос:

— Тимозел! Неужто это ты, Тимозел?

Топорonoсец поднял глаза. К нему на гнедом коне подъезжал Готье, лейтенант герцога Борнхелда. С Готье Тимозел познакомился в Карлоне за игральным столом. Досадливо вспомнив, что проиграл лейтенанту в кости новый дорожный плащ, Тимозел тем не менее воспрянул духом. Готье был как раз тем человеком, который мог не только устроить путников на ночь, но и помочь им добраться до Горкентауна.

Подъехав к топорonoсцу, Готье спешил.

— Неужто это ты, Тимозел? — повторил лейтенант. — Я слышал, что ты погиб, — машинально окинув глазами спутниц топорonoсца, Готье вскричал: — Миледи? Как? Каким образом?

— Это действительно я, Готье, а не призрачное видение, — ответила Фарадей. — Случилось так, что мы с Тимозелом попали в зону землетрясения и провалились под

землю. Однако, на наше счастье, под землей оказались пустоты, какие-то коридоры. По одному из таких проходов Тимозел вывел меня наружу. Не удивляйся моей одежде: прежняя перепачкалась, порвалась, и мне пришлось купить платье у фермерши, — Фарадей замолчала, испытующе глядя на лейтенанта, застывшего с отвалившейся от удивления челюстью. Придав лицу скорбный вид, она жалостливо продолжила: — Ты понимаешь, Готье, что после пережитого ужаса все мои помыслы сосредоточились на одном: поскорее встретиться с Борнхелдом, обрести защиту, покой. И вот я попросила Тимозела проводить меня в Горкентаун. Не знаю, как мы доберемся туда. Может, ты нам поможешь? Кстати, нам и ночевать негде.

Готье встрепнулся. Вот это да! Какая неслыханная удача! Он приведет Борнхелду его невесту, воскресшую Фарадей. Впереди милости, продвижение по службе, награды. Тимозел — простой топорonoсец, не офицер. Его место в тени.

— Да о чем речь! — засуетился Готье. — Я все устрою. Фарадей, дай мне руку. Кругом солдаты, и тебе лучше идти рядом со мной. Тимозел, позаботься о моем жеребце, а с мулом справится и...

— Это моя служанка, — вставила Фарадей. — Ее зовут Ир.

— Я справлюсь не только с мулом, — сказала Ир, наградив Готье пылким взглядом.

Лейтенант просиял. Удача не приходит одна! Впрочем, до милостей Борнхелда еще далеко, а пока хороша и чувственная утеха.

Готье привел путников в гостиницу «Утомленная чайка». Лейтенанту понадобилось всего десять минут, чтобы

выселить из трех лучших комнат гостиницы прежних жильцов, которым не помогли ни крики, ни жалобы.

— Готье, если бы не ты, нам пришлось бы ночевать на базарной площади, — сказала Фарадей лейтенанту, весьма довольному поднявшейся в гостинице суматохой. — У меня к тебе еще одна просьба. В гостинице, может, найдется платье поприличнее моего. Сам видишь, наряд, который на мне, не для глаз Борнхелда. Потом мне, вероятно, понадобится швея. Возможно, придется что-то ушить, переделать.

— Платье тебе принесут, можешь не сомневаться. Я мигом распоряжусь. А без швеи тебе точно не обойтись. Да и одной будет мало. Слух о том, что будущая герцогиня Ихтарская в городе, распространится с быстротой молнии. Местные торговцы завалят тебя материей. С оплатой, естественно, подождут. Мы выступаем через два дня, и за это время тебе сошьют чего только не пожелаешь, — Готье замолчал, а затем, немного помявшись, спросил: — Может, отдохнув и переодевшись, ты окажешь мне честь и отужинаешь со мной?

— С удовольствием, — ответила Фарадей. — Я так рада встрече с тобой. Непременно расскажу Борнхелду о твоих неоценимых услугах.

— Ир, распусти мне шнуровку, — попросила, поморщившись, Фарадей.

Вскоре платье, присланное Готье, упало к ее ногам, и девушка смогла вздохнуть полной грудью.

— В деревенском платье было куда свободнее, — заметила Фарадей, садясь на кровать. — Нигде не тянуло, не жало.

— Но и это не следует оставлять на полу, — проворчала Ир, подымая платье. Пристроив его на стул, она продолжила: — Давай я расчесу тебе волосы и отправлюсь спать. Устала не меньше тебя.

Фарадей кивнула. Действительно, пора спать. Позади трудное путешествие, а через два дня снова в дорогу. За ужином Готье сообщил, что переход до Горкентауна займет десять дней. Девушка содрогнулась. Совсем скоро она станет женой Борнхелда. Фарадей снова почувствовала себя одинокой. Джека нет. Кто теперь утешит ее, придаст новые силы? Разве что... Фарадей встрепелась. Ну, конечно, — как она сразу не догадалась, — ей поможет Мать, помогут Всемогущие Рогачи. А почему бы не отправиться к ним сейчас?

— Ир, — сказала она, — я хочу попытаться попасть в Священную рощу.

— Как, прямо сейчас?

— Почему бы нет? Я чувствую, что теряю связь с Матерью. Как бы не лишиться ее покровительства.

Ир поцеловала Фарадей в щеку.

— Не волнуйся, дорогая. Мать никогда не оставит тебя своей милостью. Но ты права: забывать Мать нельзя.

Фарадей покопалась в мешке и достала чашу, подарок Серебристого Рогача.

— Ир, ты знаешь, как с помощью этой чаши можно увидеться с Матерью?

— Пожалуй, я помогу тебе. Для начала нужна вода. Наполни чашу, — Ир кивнула в сторону столика, на котором стоял кувшин.

— Теперь, — продолжила Ир, — надо принести Матери жертву, которой может быть только кровь. А вот

и нож. — Ир потрогала лезвие. — Туповат, но другого нет. На!

Фарадей взяла нож и с силой провела лезвием по большому пальцу левой руки. Показалась кровь.

— Полагаю, ты знаешь, что делать дальше, — сказала Ир и отошла в сторону.

Фарадей кивнула. Она должна предстать перед Матерью обнаженной — такой, какой появилась на свет.

Раздевшись, она склонилась над чашей и, выдавливая из пореза на пальце кровь, прошептала:

— О Всемогущая Мать, пусть эта кровь утолит твою жажду. Прими меня в свои благостные объятия!

И о чудо! Едва Фарадей произнесла эти слова, как чаша засияла изумрудно-зеленым светом, и свет этот, словно туман, стал обволакивать девушку, заполняя собою комнату.

Фарадей замерла от восторга. Она почувствовала, как по телу разливается умиротворяющее тепло, а на душе становится радостно и светло. Ощущения одиночества как не бывало. Она почувствовала, что о ней думают, что любят ее, и тут же ощутила сама беспредельную любовь к миру, ко всему сущему. Фарадей вспыхнула слезами вдохновенного потрясения.

И тут раздался стук в дверь.

Ир бросилась к чаше и вылила воду в таз. Изумрудно-зеленый свет сразу померк.

Накинув на Фарадей плащ, Ир поспешила к двери.

— Кто там? — спросила она.

— Это я, Тимозел.

Ир чуть-чуть приоткрыла дверь.

— Чего тебе надо?

— Я пришел узнать, как устроилась Фарадей.

— Прекрасно. Сейчас ляжет спать. Иди спать и ты.
Топороносец ушел.

— Идиот! — буркнула Ир, закрыв дверь на щеколду. — Да и мы с тобой хороши: даже дверь не замкнули. Когда снова захочешь встретиться с Матерью, выбирай место получше, да убедись, что тебе не помешают. Представляешь, что было бы, если б Тимозел вошел в комнату? А на его месте мог оказаться и Борнхелд.

— А Мать не рассердилась, что я исчезла, не попрощавшись?

— Мать всевидяща, она не винит тебя.

— А скажи, Ир, на что еще годна эта чаша?

— В этой чаше заключена древняя магия, существующая испокон веку. Она может творить разные чудеса. Какие, не знаю. Теперь чаша твоя, и ее тайны постепенно тебе раскроются. А сейчас пора спать. Рано утром к тебе явятся швеи. Запри за мной дверь.

Когда Ир вошла к себе в комнату, оказалось, что ее ждут: на кровати лежал Готье. Ир улыбнулась и закрыла дверь на щеколду.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

В Сигхолте

Стоя на площадке сторожевой башни, Аксис задумчиво смотрел на темную волнистую полосу, видневшуюся на линии горизонта. Ледяные Альпы! Он их ни разу не видел, да и никогда не был севернее Олдени, а воевать на территории королевства ему и вовсе не приходилось. Теперь придется. Аксис поежился: дул сильный холодный ветер. Скоро зима. Что она принесет? Удается ли ему справиться с Разрушителем? Возможно, он скоро схватится с ним. От Сигхолта до Горкентауна две недели пути.

Размышления Аксиса прервал старческий голос:

— Принцесса тоже любила проводить время на башне.

Боевой Топор обернулся, недоуменно взглянув на своего провожатого, маленького беззубого старика с лицом, изборожденным морщинами.

— Какая принцесса, Рейнольд?

— Твоя мать, Боевой Топор, принцесса Ривка.

— И что же она делала здесь?

— Говорила, что любит панорамой. Бывало, проводила на башне весь день. Я тогда служил в форте поваром, и мне вместе с прислугой частенько приходилось подыматься сюда по три раза на дню, чтобы принести принцессе еду.

— Наверное, вы ругали ее в душе?

— Что ты! Принцесса была доброй, внимательной. Она всякий раз извинялась за причиненное беспокойство, а бывало, приглашала и нас постоять рядом с ней и полюбоваться на горы.

— На Ледяные Альпы?

— Ну да. Ей очень нравились эти горы, она восхищалась ими и даже поговаривала о том, что если б имела крылья, то непременно облетела бы их, любуясь их красотою с высоты. Когда она умерла, видно, ее душа отправилась в горы.

— Но эти горы еле видны.

— Еле видны сейчас, а в ясный солнечный день они прямо как на ладони. Такое впечатление, что до них не больше двух лиг.

— Ривка, вероятно, была несчастлива, раз ее тянуло из дома?

— Ривку удручало общество Сиэрласа, за которого вышла замуж по принуждению, но зато когда герцог куда-нибудь уезжал, она расцветала, становилась радостной и веселой.

— Верно, в отсутствие Сиэрласа Ривка проводила время с моим отцом?

Рейнольд не ответил, задумался, перевел взгляд на горы. Он вспомнил, какой ужасной пытке подвергся, когда Сиэрлас, вернувшись в Сигхолт после годового отсутствия,

застал жену на восьмом месяце беременности. Прослышав, что Ривка, по странной прихоти, часто проводила время на башне, куда ей даже носили пищу, взбешенный герцог ворвался на кухню и учинил самый настоящий допрос, пытаясь узнать, с кем тайно встречалась его жена. Когда допрос не помог, герцог пришел в неистовство. Рейнольд машинально взглянул на руки. В тот страшный день Сиэрлас вырвал ему все ногти раскаленными кухонными щипцами. Хотя ногти и отросли, своего первоначального вида они так и не приняли. Ломкие, похожие на наперстки — на них лучше и не смотреть.

— Рейнольд! — напомнил о себе Аксис.

Старик встрепнулся.

— Не скажу точно, — ответил он, — но думаю, что принцесса и в самом деле встречалась на башне с твоим отцом. Ни я, ни кто другой его никогда не видел. Зато и я, и другие с кухни не раз слышали его голос. Этот таинственный человек не только говорил с Ривкой, но и пел ей, и пел замечательно. Его можно было слушать часами, что мы и делали, дожидаясь, когда Ривка откроет дверь, чтобы взять еду. Кем был этот загадочный человек, откуда взялся — не знаю. До сих пор не могу понять, как ему удавалось подниматься на башню и спускаться с нее никем не замеченным.

Аксис кивнул. Теперь не вызывало сомнения: его отец — икариец. Совсем недавно Веремунд рассказал о том, что икарийцы — крылатые люди. Вот и ответ на недоумение Рейнольда. Отец просто прилетал на свидания. Отец! Внезапно в голове Аксиса зазвучала веселая песенка. Аксис закрыл глаза. Песенка звучала все громче, она согревала, вселяла успокоение.

Пение прервал тихий голос.

— Это ты, Повелитель Звезд?

Аксис открыл глаза. На площадке, теперь залитой ярким солнечным светом, стояла босая женщина в свободном бледно-лиловом платье. Было видно: женщина в тягости. Но как она попала сюда. К кому обращается?

— Повелитель Звезд, это ты? — повторила женщина, протягивая руки к остолебневшему Аксису. — Но почему ты так странно одет сегодня?

У Аксиса перехватило дыхание, из глаз брызнули слезы.

— Мама? — выдавил он, делая шаг вперед.

Женщина отступила, прикрыв руками живот.

— Мама! — воскликнул Аксис и бросился к женщине.

Налетев на ограждение башни, он упал на колени. Придя в себя, оглянулся. На площадке стоял один Рейнольд. Он был бледен как полотно.

— Ты видел? — спросил растерянно Аксис, медленно поднимаясь.

— Это была Ривка, — торжественно ответил старик. — Твоя мать. Боевой Топор.

Из груди Аксиса вырвался глухой стон. Он облокотился на парапет, закрыв ладонью лицо.

— Посмотри, — сказал Рейнольд, тронув Аксиса за плечо.

Боевой Топор обернулся. Старик держал в руке цепь с прикрепленным к ней золотым кольцом.

— Это кольцо подарил Ривке ее избранник, — пояснил Рейнольд. — Когда Сизрлас вернулся в Сигхолт, принцесса, опасаясь дальнейших разоблачений, отдала кольцо мне, наказав хранить его до лучших времен. Однако эти лучшие времена так и не наступили. Сизрлас отправил Ривку

рожать в Горкентаун, а в Горкентауне она умерла, ты знаешь. Возьми кольцо, Боевой Топор. Оно по праву твое.

— Спасибо, — прошептал Аксис. — Спасибо тебе за все, Рейнольд.

Старик ушел, а Аксис еще долго оставался на башне, рассматривая кольцо. На его ободке сверкали крошечные алмазы, изображавшие звезды. Но странное дело: стоило отвести взгляд от кольца и снова посмотреть на него, как расположение звезд менялось, рисунок становился другим! Не найдя тому разумного объяснения, Аксис отсоединил кольцо от цепи и надел на средний палец правой руки. Кольцо пришлось впору. Аксис улыбнулся. Когда-то это кольцо принадлежало его отцу, Повелителю Звезд. Теперь он знает имя отца. Остается его найти.

Велиар обвел глазами колонну топорonosцев и удовлетворенно кивнул: войско было готово продолжить путь. В Сигхолте топорonosцы остановились лишь для того, чтобы немного передохнуть и пополнить продовольственные запасы. Продовольствие в форте нашлось, а отдыхать топорonosцы всегда умели. Не изменили они себе и на этот раз, опустошив винный погреб местного гарнизона. Впрочем, короткий отдых пошел на пользу и Велиару. Его рана полностью зажила. Велиар улыбнулся, вспомнив, как старейшины Смиртона, ссылаясь на «злодейское покушение на жизнь лейтенанта топорonosцев», просили Аксиса оставить в поселке как можно больше солдат, которые смогли бы защитить малосильных безоружных селян от нападения коварных отверженных. Аксис распорядился по-своему. Посчитав опасения местных жителей вздорными, он оставил в поселке только тридцать топорonosцев, на которых при расставании было жалко смотреть. Еще бы! Войско отправля-

лось на схватку с армией Разрушителя, а их оставляли выслушивать бредни крестьян о мнимой опасности.

Велиар усмехнулся. Как быстро меняются представления! Еще недавно топорonosцы считали своим первейшим врагом жестоких кровожадных отверженных. Теперь же, то ли благодаря усилиям Веремунда и Огдена, с молчаливого согласия Аксиса без устали растолковывающих солдатам значение загадочного пророчества, то ли благодаря скрытой силе самого предсказания, даже самый нерадивый и туполобый топорonosец ясно уразумел, что ему придется сражаться с гнусным воинством Горгрила, с бестелесными существами. Да и отношение к отверженным полностью изменилось. Узнав, что авары и икарийцы в стародавние времена жили в мире с ахарами на территории одного государства, а затем стали жертвами безжалостного гонения со стороны Сенешаля, развязавшего в государстве несправедливую войну, топорonosцы не только перестали относиться к отверженным как к врагам, но и стали сочувствовать им, рассудив, что в прошлом те незаслуженно пострадали, а теперь, когда Горгрил угрожает неслыханным разрушением, находятся в не меньшей опасности, чем ахары.

А опасность представлялась топорonosцам нешуточной. Они уже потеряли около двухсот человек во время смертоносного урагана. Потерь не избежать и в дальнейшем. Но эти горькие размышления вытеснялись надеждой на заступничество и помощь Звездного Человека. Велиар знал о таких настроениях и поддерживал их. Придет время, и Аксису будет легче освоиться в новой роли.

Однако пора выступать, а Аксис застрял на башне. Интересно, что он делает там? Обозревает окрестности? Велиар обвел взглядом башню. Ему рассказали, что эту каменную громаду возвели еще в стародавние времена, гораздо

раньше самого форта, построенного много веков назад. Что же, и сторожевая башня, и форт оправдывают свое назначение. Построены в надежном месте — на склонах Уркхартских гор, защищая вход в Петлистый проход, который ведет к равнине Диких Собак, откуда открывается путь на Смиртон. Перед башней низина, которую не пересечешь незамеченным. Может, на месте этой низины раньше плескалось озеро, соединявшееся с Нордрой протоком, который, пересохнув, и превратился в проход? Вполне вероятно. Недаром эта странная низменность привлекла внимание блюстителей предсказания. Стоя у подножия башни, они долго о чем-то спорили, простирая к низине руки. Станные люди, поди знай, что у них на уме, но только они ничего не делают понапрасну.

Белиар посмотрел вдаль. Впереди, за низменностью, — Хсингард, столица Ихтара. Оттуда до Горкентауна две недели пути. Быстрее не выйдет — равнина покрыта глубоким снегом. По уверению местных жителей, снег на равнине лежал и летом. Тому одно объяснение — происки Разрушителя.

Размышления Белиара прервал Боевой Топор.

— Колонна построена? — спросил он, выйдя из башни.

— Не только построена, но и ждет тебя уже полчаса.

— Тогда почему ты сам еще на ногах? — сказал, ухмыльнувшись, Аксис, подходя к Белагезу. Вскочив в седло, он воскликнул: — Вы готовы, топорonoсцы?

— Мы готовы следовать за тобой, Боевой Топор! — раздался дружный хор голосов.

— Тогда в путь! — провозгласил Аксис и тронул коня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Ривка

Вот уже десятый день, как Азур вместе с Золотым Пером и аварами шла по лесу на север Аваринхейма. Раума несли на носилках, изготовленных Хелмом. Идти было легко. Путники без труда продвигались между свободно стоящими деревьями. Здесь не было ни непроходимых чащ, ни девственных зарослей с поваленными на землю стволами и густой сетью ползучих растений. Авары поклонялись деревьям и потому никогда не рубили их, но зато, разбив лагерь, неизменно прочесывали окрестности, собирая все, что может гореть.

Несмотря на позднюю осень, в лесу было тепло, а когда Азур удивилась этому обстоятельству, то Золотое Перо объяснила ей, загадочно улыбнувшись, что деревья Аваринхейма обладают редкой способностью испускать теплые волны. Но чаще собеседницами Азур были Иза и Флит. Молодые женщины без усталости и с видимым удовольствием

рассказывали ахарке о произраставших в лесу деревьях, кустах и травах, поясняя, какую пользу можно извлечь из того или иного растения. Для Азур, почти не знавшей других растений, кроме злаков и овощей, каждый день, проведенный в лесу, приносил самые удивительные открытия. Уроки даром не пропадали, и уже через несколько дней пути Азур вместе со всеми собирала мэлфери, ягоды, орехи, лекарственные растения и только не отваживалась подобно Скали, Хогни и Хелму залезать на деревья, увитые лозами, за виноградными гроздьями.

Впрочем, разве полезешь на дерево в длинном платье? И когда авары снова стали собирать виноград, Азур спросила у Флит, не найдется ли у нее лишней туники в обмен на почти новое платье камвольной пряжи. Обмен состоялся, и хотя Азур так и не отважилась залезть даже на самое низкое дерево, идти по лесу в новом наряде стало намного легче, а главное, она почувствовала себя чуть ли не полноправным членом клана Тенистого Дерева, ведь на оторочке туники красовалась эмблема клана: три переплетенные ветви.

И все же иногда Азур удавалось поговорить и с более интересной, по ее разумению, собеседницей — с Золотым Пером, загадочной женщиной, намного раньше самой Азур порвавшей с ахарами. Впрочем, разговоры эти носили характер односторонности: Золотое Перо рассказывала, а Азур внимательно слушала, порой от удивления открыв рот, в особенности когда речь шла о пророчестве или о верованиях и укладе жизни аваров. Но как ни увлекательны были эти рассказы, Азур больше интересовала сама Золотое Перо, о прошлом которой она почти ничего не знала, хотя и встречалась с ней раньше по несколько раз в году.

Но Золотое Перо предпочитала не рассказывать о себе, и когда на десятый день путешествия путники, разбив лагерь, устроились у костра, Азур посчитала, что и на этот раз не узнает ничего нового из прежней жизни загадочной женщины, которая на вопрос о причине, побудившей ее порвать с соплеменниками, ответила, чуть нахмурившись, что то дела далекого прошлого, о котором не хочется вспоминать.

— Я лучше расскажу тебе подробнее об аvaraх и икарийцах, — предложила Золотое Перо. — Если ты останешься в клане, тебе придется сталкиваться не только с аvaraми. Уже на праздник Йул ты увидишь икарийцев.

Закончив рассказ, во время которого Азур не раз всплескивала руками от удивления, Золотое Перо сказала:

— Мне нравятся оба народа — и аvaraы, и икарийцы. Поначалу я проводила время с аvaraми лишь для того, чтобы познакомиться с их образом жизни, но скоро сообразила, что могу им помочь, сопровождая их одаренных детей к Папоротниковым горам. Аvaraы не отказались от моей помощи, и с тех пор несколько месяцев в году я провожу вместе с ними.

— И ты всегда кочуешь с кланом Тенистого Древа?

— Только в последние три года. Раньше я жила в других кланах.

— А у кого ты живешь, когда возвращаешься к икарийцам?

— Как у кого? Я живу со своей семьей.

— У тебя есть семья? — удивилась Азур.

— Муж и дочь, — ответила Золотое Перо и тронула девушку за рукав. — Ты слышишь пение птицы?

Азур прислушалась. Откуда-то сверху лилось нежное мелодичное пение.

— Это юла, лесной жаворонок, — пояснила Золотое Перо, — по мне, лучшая певчая птица в Аваринхейме. В честь нее я назвала свою дочь Юлой.

— Какое хорошее имя, — похвалила Азур. — А у тебя есть еще дети?

— У меня было два сына, — ответила Золотое Перо, помрачнев. — Увы, я потеряла обоих, — она встала и, не расслышав извинения девушки, направилась к Флит, чтобы помочь ей готовить ужин.

Азур тяжело вздохнула: потерять двух сыновей — подлинная трагедия.

За ужином разговор зашел о Боевом Топоре. Разговор завел Раум, который почти поправился и даже порывался в последние дни идти сам, но Барсарб была непреклонна, и раненого, несмотря на его протесты, по-прежнему несли на носилках.

— А что ты знаешь о Боевом Топоре? — спросил Раум, обратившись к Азур, после того как снова выразил удивление по поводу неожиданного поступка командира воинов Сенешаля, отпустившего на свободу, казалось бы, своих злейших врагов.

— Я о нем почти ничего не знаю, — ответила девушка. — Он появился вместе с топорonoсцами в Смиртоне, когда ты и Ши́ра уже сидели в тюрьме. Раньше я его никогда не видела.

— А о его прошлом ты что-нибудь слышала?

— Знаю лишь, что он незаконнорожденный, — сказала Азур, отхлебнув чаю из кружки. — В свое время, по словам Хагена, появление на свет Аксиса привело к большому скандалу в великосветских кругах.

— Кто же его родители? — спросила Барсарб, повертывая к огню другой стороной сушившиеся листья восковницы, из которых она изготавливала лекарство от сердечной болезни. Этим лекарством шаман собиралась вылечить знакомую женщину из клана Выносливых Пешеходов.

— Его отец неизвестен, а мать — Ривка, сестра Приама, — сообщила Азур.

Ее слова покрыл глухой крик. Золотое Перо! Все взоры обратились на внезапно побледневшую женщину.казалось, она вот-вот лишится сознания.

— Что ты сказала? — прошептала Золотое Перо обескровленными губами. — Повтори, что ты сказала, Азур.

Девушка недоуменно посмотрела на Раума, затем на Барсарб, но те застыли в не меньшем недоумении. Лишь Иза попыталась что-то сделать, но Золотое Перо едва ли заметила, что ее погладили по руке.

— Что ты сказала, Азур? — повторила она.

— Я сказала, что отец Аксиса неизвестен, а его мать — Ривка, сестра Приама. Почему это так взволновало тебя?

— Но он умер, — прошептала Золотое Перо. Ее глаза помутились, остекленели. — Он умер.

Наступило тягостное молчание. Все смотрели на Золотое Перо с величайшим недоумением.

— Кто умер? — наконец спросила Барсарб. — Кого ты имеешь в виду?

— Своего сына. Когда я родила, мне сказали, что младенец мертворожденный. Я — Ривка.

— Ты Ривка? — удивилась Азур. — Значит, ты осталась жива? А Хаген рассказывал мне, что ты умерла при родах.

— Меня пытались свести в могилу, но только не получилось, — сказала Золотое Перо, придав голосу твердость, а затем, неожиданно разрыдавшись, простонала сквозь слезы: — Неужели мой мальчик жив?

— Признаться, я не все понимаю, — произнес Раум, потерев рукой по лбу. — Азур, расскажи нам, что ты знаешь о Ривке.

Взглянув сочувственно на Золотое Перо, утиравшую платком слезы, Азур рассказала о том, как около тридцати лет назад муж Ривки, властный и безжалостный Сиэрлас, наместник Ихтара, вернувшись домой после годового отсутствия, застал жену на восьмом месяце беременности, а затем, чтобы попытаться скрыть свой позор, отправил ее рожать в Горкентаун, где, по слухам, Ривка, родив здорового мальчика, умерла.

— Скажи, Золотое Перо, отец мальчика, рожденного тобой в Горкентауне, Повелитель Звезд? — спросила Барсарб.

Золотое Перо кивнула.

— Значит, в Боевом Топоре течет икарийская кровь. Это многое объясняет.

— Но меня уверили, что младенец — мертворожденный, — ответила Золотое Перо. Она перевела взгляд на Азур. — А кто позаботился о ребенке? Кто воспитал его?

— По словам Хагена, Джейм, нынешний Брат-Наставник. В то время он был по делам в обители Горкентауна и забрал ребенка с собой, в Сенешаль.

— Джейм? — вскричала Золотое Перо, гневно сверкнув глазами. — Так ведь это именно он вместе со своим приятелем Морисоном, таким же лицемером, как и он

сам, отправил меня умирать к подножию Ледяных Альп. Выходит, совершив одну подлость, он совершил и другую: украл моего ребенка, — она спрятала в ладони лицо и горестно прошептала: — Но как я могла не узнать своего сына?

— Когда встретимся с икарийцами, обо всем им расскажем, — сказала Барсарб.

— Как обрадуется мой муж, узнав, что наш мальчик жив! — воскликнула Золотое Перо. — Вспышка радости сменилась глухим рыданием. — Но как я могла не узнать его?

ГЛАВА Сороковая

В Горкен-форте

Готье спешил в Горкен-форт и потому вел колонну кавалеристов с рассвета и до позднего вечера без привалов, если только на пути не попадался продовольственный склад, где можно было запастись провиантом. Лейтенант думал не только о скорейшем усилении армии Борнхелда, но и о собственном возвышении, о почестях и наградах, которые посыпятся на него, как только он привезет Фарадей к убитому горем герцогу.

Однако, как ни спешил Готье, без усталости подгоняя всадников, колонна двигалась медленно: ударил мороз, дорога быстро обледенела, и лошади еле плелись, скользя и спотыкаясь почти на каждом шагу. Доставалось и всадникам. Дул сильный холодный ветер, и морозный воздух, проникая глубоко в легкие, охлаждал внутренности. Промерзшие до самого нутра солдаты ехали молча, лишь изредка чертыхаясь, когда у коня разъезжались ноги.

Фарадей ехала, обмотав рот и нос теплым шарфом, но это не спасало ее от холода. Ей казалось, что она замерзла до мозга костей. Да и на сердце скребли кошки. Скорая встреча с Борнхелдом не вдохновляла, а необозримая заснеженная равнина, храп взмысленных лошадей да суровые лица всадников с задеженевшими бакенбардами только способствовали угнетенному состоянию.

Безрадостную картину усугублял поток беженцев, в основном жителей Горкентауна, напуганных страшными событиями предыдущей зимы и снявшихся с места, чтобы найти приемлемое пристанище в южных провинциях королевства. Да только Фарадей с горечью полагала, что не все они преуспеют, ибо попадавшие навстречу колонне фургоны с беженцами, по приказу Готье, сворачивали с дороги, чтобы тут же увязнуть в сугробе до самого облучка, что приуждало страдальцев забирать из фургона лишь самые необходимые вещи и идти дальше пешком.

Время от времени навстречу колонне попадались и рейвенсбандцы, напуганные появлением кровожадных бестелесных существ не меньше жителей Горкентауна. Они скакали на нескладного вида низкорослых лошадах странной желтоватой масти. Фарадей не раз приходилось слышать диковинные истории о полудиком народе, жившем на крайнем севере королевства и занимавшемся охотой на тюленей и снежных медведей. Теперь она могла увидеть этих людей собственными глазами. На их лицах красовалась татуировка, а в волосы были вплетены нити стекляруса и миниатюрные колокольчики. Дивясь их экзотичному виду, Фарадей вспоминала, что по рассказам людей, бывавших на севере королевства, рейвенсбандцы — храбрый и мужественный народ. Какая же сила

могла их заставить покинуть насиженные места? Наверное, грозная и ужасная. Приходя к этой мысли, девушка хмурилась и еще больше замыкалась в себе.

Тимозел не раз пытался развеселить ее анекдотическими историями, но все его усилия вызывали лишь натянутые улыбки. Однако пустые хлопоты не приводили топороносца в уныние. Не зная о намерениях Готье, он и сам уповал на милости Борнхелда, не сомневаясь, что герцог оценит по достоинству усердие защитника Фарадей. Скорее всего, главнокомандующий оставит его при себе, назначит на высокую должность. Что ж, он станет верно служить ему. В войске топороносцев многого не добьешься. Аксис ухаживает за матерью, верно, делит с ней ложе, а его, ее сына, Тимозела, и в грош не ставит. Не дает развернуться его талантам. Теперь все будет иначе. Под водительством Борнхелда он совершит великие подвиги, прославится на все королевство. О нем станут слагать легенды. Все так и будет, недаром Артор ниспосылает ему благословенные сны.

Вот он скачет во главе огромного войска навстречу неприятельской армии. Неприятель дрогнул, бежит...

Вот новая битва. Противник пускает в ход колдовство. Поражение кажется неминуемым. Да только на первый взгляд. Великий воин, он, Тимозел, воодушевляет солдат и ведет их за собой в стремительную атаку. Враг в панике отступает...

Вот он сидит у костра рядом с Борнхелдом и Фарадей. Главнокомандующий расточает ему похвалы, милостиво улыбается...

Рассчитывая на службу у Борнхелда, Тимозел размышлял и о том, стоит ли поставить в известность герцога о своем знакомстве с блюстителями пророчества и о посещении

таинственных Звездных Врат. Пораскинув умом, топороносец решил, что лучше держать язык за зубами, иначе, неровен час, придется рассказать Борнхелду и о сговоре с Разрушителем. Тогда прости-прощай все почести и награды. Да что награды! Можно попасть под суд по обвинению в колдовстве. Договор с Горгрилом — подлинное несчастье.

Тимозела успокаивало одно: он — защитник прекрасной дамы и будет служить ей до конца дней. Горгрил не дожидается его услуг.

Несмотря на скользкую дорогу, сильный холодный ветер и непредвиденные задержки в пути, Готье привел солдат в Горкентаун, как и планировал, на десятый день перехода.

Едва въехав в городские ворота, лейтенант обратился к начальнику караула:

— Где дежурный офицер?

— В комендатуре, сэр. Сегодня дежурит Годдарс.

— Пошли к нему вестового. Пусть этот... Поддарс, или как его там, расселит моих солдат. Да пусть не забудет их как следует накормить. Если утром я выясню, что солдаты остались голодными, то этому бездельнику, не соизволившему встретить меня, придется питаться одним дерьмом до конца своей жизни.

Отдав это распоряжение, Готье сменил грозный вид на приветливую улыбку и, обратившись к Фарадей, предложил:

— А нам, миледи, лучше отправиться в Горкен-форт. Представляю, каково сейчас Борнхелду. Чем раньше он увидит тебя, тем быстрее избавится от душевных переживаний. Не сомневаюсь, он извелся от горя, получив известие о твоей гибели. Верно, не спит ночами.

Фарадей кивнула и подала знак Ир следовать за собой.

Тимозел, о котором словно забыли, не предложив ни отправиться к Борнхелду, ни остаться в городе вместе с солдатами (что было бы унинительно и неприемлемо для бравого топороносца), молча поехал сзади, проклиная в душе неучтывого лейтенанта.

Давно наступил вечер, и в городе было темно. На улицах — ни факела, в домах — ни огня. Как оказалось, дальновидный главнокомандующий, надеясь остановить наступление бестелесных существ не только пиками, мечами и топорами, но и действием очистительного огня, отдал распоряжение беречь все, что может гореть.

Несмотря на темноту и узкие улочки, Готье пустил коня рысью, увлекая за собой спутников и заставляя шараться в сторону подгулявших солдат, безропотно сносивших лихачество офицера, а заодно с ними и бродячих собак, которые, в отличие от безответных служивых, тут же принимались выказывать недовольство согласно своему собачьему нраву: одни щерились и утробно рычали, другие — залившись лаяли, соперничая друг с другом. И все же, как ни спешил Готье, ему не раз приходилось переводить лошадь на шаг, ибо многие улицы были перегорожены баррикадами, сложенными из черных камней, добытых в предгорьях Ледяных Альп.

— Город подготавливается к осаде, — пояснил лейтенант, преодолев по узкому извилистому проходу первую баррикаду.

Но вот впереди показался форт, возвышавшийся на холме и состоявший из четырех круглых башен, обнесенных толстой стеной с зубчатым ограждением наверху.

Фарадей подняла глаза. Все башни без окон, одни бойницы, да и то светится лишь одна, да еще... бр-р... каким-то жутким, зловеющим светом.

— Надежное сооружение, — хвастливо пояснил лейтенант, дождавшись, когда с ним поравняется Фарадей. — Крепостная стена толщиной в двадцать пейсов, на стене — пушки, а на башнях — дозорные. Несут службу и днем и ночью. За фортом Ледяные Альпы. С крепостной стены они хорошо видны, а в ясную солнечную погоду ты даже сможешь разглядеть гору Скорби, главный оплот отверженных, вершина которой обычно прячется в облаках. Впрочем, ни отверженных, ни бестелесных существ тебе, миледи, нечего опасаться. Надежный форт и четырнадцать тысяч солдат под командованием искусного полководца гарантируют полную безопасность. А что еще надо для тихой семейной жизни?

Для тихой семейной жизни... Фарадей съежилась. Да, семейной жизни не миновать. Да только разве будешь счастливой, выйдя замуж за нелюбимого человека? Впрочем, она дала слово выйти за Борнхелда блюстителем предсказания. Она сдержит слово, внесет свой вклад в борьбу с Разрушителем. А где сейчас Аксис? Неужто уже в Горкен-форте? Если так, планы блюстителей предсказания могут расстроиться.

Фарадей подняла глаза на мрачную каменную громаду. В этом форте родился Аксис, в этом форте умерла Ривка. А что ожидает ее саму?

Размышления девушки прервал возглас Готье:

— Ворота в форт! Мы у цели!

Ворота форта еле виднелись в конце крутого длинного пандуса.

— За мной! — Готье прищипорил коня.

Фарадей последовала примеру brave лейтенанта и тут же пожалела об этом, почувствовав, что вот-вот вылетит из седла: крутой подъем не для неопытной всадницы!

— Готье, придержи коня! — крикнул, встревожившись, Тимозел. — Я спас Фарадей, а ты хочешь ее угробить. Миледи вот-вот свалится с лошади.

Готье оглянулся, одарив топороносца угрюмым взглядом, но, заметив, что Фарадей действительно может вылететь из седла, коня все-таки придержал. Это не помогло. Мгновение, и Фарадей, потеряв поводья, стала клониться вниз. И свалилась бы с лошади, если б не Тимозел. Поравнявшись с растерявшейся девушкой, он подхватил Фарадей и перекинул перед собой через шею коня.

— Какого черта ты не уследил за миледи раньше! — крикнул Готье. — Ты же ее охранник.

Тимозел открыл было рот, но так и не нашел язвительного ответа.

Тем временем лейтенант осадил коня и заговорил с двумя дюжими охранниками, стоявшими у ворот со скрещенными пиками.

— Тимозел, что с Фарадей? — спросила Ир, поравнявшись с топороносцем.

— Потеряла сознание. Видно, за время долгого перехода совсем обессилела. А ты куда смотрела? Могла бы вдохнуть в нее силы, ведь ты же колдунья.

— Во-первых, я не колдунья, а во-вторых, не знахарка. А ты прежде думай, а потом говори. Колдунов, магов и чародеев в Ахаре не жалуют, так же, как и тех, кто общается с ними.

Возразить Ир Тимозел не успел. После нескольких гневных возгласов и оживленной жестикуляции лейтенанта ворота открылись.

Во дворе форта оказалось светлее. Обширное пространство двора освещалось мутно-красноватым светом нескольких факелов, укрепленных в железных скобах по крепостной стене форта. Двор был полон солдатами. Но вот толпа расступилась, и навстречу появившимся всадникам шагнул высокий, крепко сбитый мужчина. На его квадратном лице с тяжелым волевым подбородком отражалось надменное высокомерие.

— А, Готье, — сказал он. — Надеюсь, ты обошелся в пути без потерь.

— Мало того, милорд. Я сумел пополнить свои ряды! Посмотри! — и, величественно закинув голову, откачнувшись всем телом назад, лейтенант простер руку, указуя на Тимозела и Фарадей.

— И кто же эти люди, о которых ты докладываешь начальнику с неуместной патетикой? — губы Борнхелда стали складываться в презрительную усмешку, но вдруг остановились на полпути и открылись от удивления. Он узнал Тимозела. Герцог опешил. Но тут на смену его замешательству пришло величайшее изумление, ибо женщина, свисавшая с лошади Тимозела, неожиданно встрепенулась и, подняв голову, тихо произнесла:

— Милорд, я была не в силах дожидаться тебя и потому приехала в Горкен-форт.

— Фарадей! — воскликнул герцог.

Ему не ответили. Фарадей снова потеряла сознание.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Герцогиня Ихтарская

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — мягко спросила Ир, заметив, что Фарадей открыла глаза.

Фарадей села в постели и огляделась. Небольшая квадратная комната с каменными шершавыми стенами. Кроме кровати, шкаф, стол да два стула. В стене напротив — окно, хотя и застекленное, но больше похожее на бойницу, маленькое и узкое, едва пропускает свет. Зато за решеткой камина весело потрескивают дрова.

Фарадей смутно вспомнила, как вчера, видно, в этой же самой комнате, она, немного придя в себя и еле ворочая языком, пересказала изумленному Борнхелду ту самую историю о себе, которую уже рассказывала Готье в Жервуа.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — напомнила о себе Ир, сидевшая в ногах девушки.

— Превосходно, — Фарадей улыбнулась. — Только ничего толком не помню. Где я?

— В спальне Борнхелда. Герцог был так поражен твоим неожиданным воскрешением, что уступил тебе свою комнату, а сам, верно, промаялся на жесткой солдатской койке, если вообще смог уснуть. Зато ты проспала ночь и полдня.

— Я действительно выпалась, но, хоть убей, почти ничего не помню. Вроде бы вчера, немного придя в себя, я рассказала Борнхелду о своем чудесном спасении, ну, ту, выдуманную историю.

— Герцог проглотил ее, как рыба наживку.

— Поверил каждому слову?

— А как ему не поверить, если ты, считай, призналась ему в любви, повторяя, словно в бреду, что отправилась в Горкен-форт, не в силах его дожидаться? Ты, видимо, не заметила, как герцог глупо переминался и шумно сопел, сам не свой от восторга. А теперь вставай. Умойся и приоденься на радость своему жениху, — Ир перевела дыхание и продолжила строгим голосом: — Фарадей, у нас мало времени. Вчера вечером мне удалось поговорить с одним офицером. По его словам, топорноносцев ожидают через неделю. К тому времени ты должна выйти за Борнхелда. Не забудь, судьба народов Тенсендора зависит...

— От того, чьей я стану женой, — в сердцах закончила Фарадей. — Не напоминай мне об этом, пожалуйста, каждый день.

Ир пожала плечами и, ничего не ответив, направилась к очагу, чтобы снять с каминной полки кувшин с горячей водой.

В то время как Фарадей умывалась и одевалась, Борнхелд, прекрасно выспавшийся вопреки предположению Ир,

проводил военный совет в большом зале форта, где присутствовали граф Йорг, герцог Роланд, лорд Магариз, а также Тимозел и Готье. Собравшиеся стояли за придвинутым к камину столом, заваленным картами, донесениями и другими бумагами, столь же необходимыми для проведения совещания.

Несмотря на жаркий огонь в камине, в зале было довольно прохладно, но только это неприятное обстоятельство, обычно мешающее плодотворному умственному труду, несколько не удручало, по крайней мере, двоих: Готье и топорноосца. На лицах обоих сиял румянец. И тому были причины. Карман Готье приятно отягощали деньги, полученные от благодарного Борнхелда, а Тимозела радовало не только приглашение на совет (неслыханная честь для простого топорноосца), но и внимание герцога, уже трижды обратившегося к нему как к равному за советом. Разве Аксис когда-нибудь с ним советовался? Ему такое и в голову не приходило. Привык, чтобы ему слепо повиновались. Борнхелд не чета Аксису. С ним быстро выдвинешься. Он умеет ценить таланты.

Размышления Тимозела прервал Борнхелд. Оторвавшись от карты, герцог сказал:

— Ну что ж, нам остается решить, стоит ли удваивать патрули.

Ему не ответили: в зал вошла Фарадей, и все взоры обратились на невесту главнокомандующего.

На Фарадей было платье с глубоким вырезом, надетое по настоянию Ир, безапелляционно считавшей, что легкий открытый наряд — прекрасное средство из набора позволенных ухищрений, способных подтолкнуть Борнхелда к скорейшему браку.

Приблизившись к Борнхелду, Фарадей сделала реверанс и тихо произнесла:

— Милорд, прошу извинить меня за неожиданное вторжение. Если я помешала, скажи, и я тотчас уйду.

— Нет, нет! — ответил герцог, помогая Фарадей встать. — Ты нисколько не помешаешь. Останься, прошу тебя, — закончив эту возвышенную тираду, Борнхелд огляделся: все, как один, восторженно смотрят на Фарадей. Ну что ж, пусть все видят, какая у него обворожительная невеста. Да и не всякая женщина отправится за мужчиной, почитай, на край света. Но дело не только в ней, но и в нем самом. Да, именно в нем самом! Это к нему отправилась Фарадей, презрев все опасности.

Отнеся сияющий взгляд герцога полностью на свой счет, Фарадей пришла к мысли, что, возможно, Борнхелд любит ее. Может, со временем и она привыкнет к нему, а он и в самом деле станет милым, обходительным человеком, с которым приятно провести время. Но Борнхелд — это не Аксис. А какой брак без взаимной любви?

Справившись с горестным чувством, Фарадей подошла к графу Йоргу.

— Рада видеть тебя, милорд, — сказала она, протягивая руку для поцелуя. Граф Йорг не раз бывал в Скарабосте, в доме ее родителей, и неизменно был приветлив и добр.

Поцеловав девушке руку, граф прищурился и ответил:

— Не стану скрывать, я удивлен твоему появлению в Горкен-форте. Избежав чудесным образом гибели, зачем подвергать себя новой опасности?

Фарадей отвернулась, чтобы избежать испытующего взгляда этих пронизательных глаз, и протянула руку герцогу Роланду.

— Милорд! — она улыбнулась.

Чтобы поцеловать девушке руку, великану пришлось сложиться чуть ли не пополам. Выпрямившись, он облегченно вздохнул и приветливо пробасил:

— Миледи, ты стала еще красивее. Страшное потрясение, которое тебе пришлось пережить, не сломило тебя.

— Ты очень добр, милорд, — ответила Фарадей и подошла к человеку, опиравшемуся на трость, предположив, что это лорд Магариз, командир форта, пострадавший во время схватки с неизвестными существами, о чем говорил и шрам на его левой щеке.

Она не ошиблась.

— Позволь, миледи, представиться, — произнес человек со шрамом. — Я лорд Магариз, командир Горкен-форта. В месяце Обнаженных Деревьев на нас напали неизвестные существа и, стыдно признаться, мы понесли некоторые потери. Но теперь, когда в форте лучшие военачальники королевства, нам не страшен ни один враг. Добро пожаловать в Горкен-форт.

— Неудачу легко объяснить, — ответила Фарадей. — На форт напал неприятель, о существовании которого трудно было даже предположить, но теперь, когда враг известен, не сомневаюсь, он будет наголову разбит, если только снова предпримет вылазку.

Отойдя от лорда Магариза, Фарадей кивнула лейтенанту и Тимозелу, а затем снова подошла к Борнхелду.

— Милорд, надеюсь, ты не осуждаешь меня за самовольный приезд и позволишь мне остаться с тобой здесь, в форте?

— Полагаю... — размеренно начал герцог, но его прервал Йорг.

— Милорд, что бы ни говорил лорд Магариз, миледи не место в форте. Форт на передовом рубеже, здесь опасно. Прошу тебя, отправь миледи Фарадей в Карлон.

— Ни в коем случае! — воскликнула Фарадей. Она страдальчески взглянула на Борнхелда, и, сложив руки в мольбе, продолжила с отчаянием в голосе: — Я потеряла мать, едва сама не погибла. Оказавшись в отчаянном положении, я, прежде всего, подумала о тебе. Пожалуйста, позволь мне остаться здесь, рядом с тобой. Не лучше ли нам пожениться без промедления? Кто знает, что может случиться завтра.

Борнхелд расплылся в улыбке. Какую страсть он сумел внушить Фарадей! До сих пор женщины не баловали его вниманием, а вот вокруг Аксиса, этого презренного выродка, надо признать, так и вьются. Теперь он утрет ему нос. О такой женщине, как Фарадей, Аксис даже мечтать не может.

Придя к этой сладостной мысли, Борнхелд обвел взглядом присутствующих и с довольством проговорил:

— Разве можно устоять перед обаянием такой очаровательной женщины? К тому же, она права: не стоит откладывать брачную церемонию. Готье!

— Слушаю, сэр.

— Здесь в форте — брат Фрэнсис из обители Горкентауна. Благословляет солдат на ратные подвиги да

исповедует их перед патрулированием. Только чаще всего он крутится возле кухни. Не сомневаюсь, там его и найдешь. Приволоки его сюда. Не церемонься с ним, если он начнет упираться.

— Борнхелд! — непроизвольно воскликнула Фарадей, покачав головой. Заметив ее укоризненный взгляд, герцог поправился:

— Подожди, Готье! Я хотел сказать: не переусердствуй. Священник — лицо особое. Прояви обходительность. Да только приведи его сюда обязательно. И быстро!

Готье бросился выполнять приказание.

Фарадей улыбнулась: Борнхелд поддается ее влиянию. Да только хватит ли этого для семейного счастья?

Размышления девушки прервал Тимозел, неожиданно обратившийся к Борнхелду.

— Милорд, позволь сказать мне несколько слов.

Герцог нахмурился. Что еще надо топороносу? Ему и так оказали честь, пригласив на военный совет. С него хватит. Борнхелд обвел Тимозела пристальным взглядом. Надо же, возмужал. Уже не похож на того юнца, каким казался совсем недавно. Внезапно герцогом овладело мучительное сомнение. Тимозел провел с Фарадей две недели. Может, он посмел?.. Побагровев, Борнхелд глухо выдавил из себя:

— Что ты хочешь сказать? Говори!

Фарадей содрогнулась, похолодела. Если Тимозел скажет лишнее, все пропало. Однако Тимозел не подвел.

— Милорд, — сказал он, — когда мы с миледи выбрали на поверхность после землетрясения, я решил, что Фарадей нужен защитник, и я поклялся, с ее согласия, преданно служить ей до конца своих дней.

Борнхелд опешил и тут же облегченно вздохнул. Этот топороносец так и остался юнцом. Полон романтических бредней. Да пусть себе тешится. Вреда от этого нет. Герцог улыбнулся и милостиво кивнул.

Ободренный этим знаком внимания, топороносец опустился перед герцогом на колени и пылко продолжил:

— Милорд, позволь мне так же преданно служить и тебе. Если понадобится, я положу жизнь за тебя. Скажи, ты берешь меня в услужение?

— Я принимаю твое предложение, Тимозел. Не сомневаюсь, ты станешь верно служить мне.

Топороносец поднялся с колен, поклонился и с гордым видом отошел в сторону.

Проводив Тимозела взглядом, герцог осклабился, представив себе, как взбесится Аксис, узнав, что топороносец, которому он оказывал покровительство, перешел на службу к нему, к Борнхелду. Впрочем, вскоре и сам Боевой Топор окажется у него в подчинении.

Борнхелд коротко хохотнул, не заметив, как нахмурилась Фарадей. Да как ей было не помрачнеть, если Тимозел добровольно перешел на сторону Борнхелда, изменив Аксису?

Однако замешательство Фарадей не укрылось от глаз графа Йорга. Но поразмыслить над причиной этого обстоятельства граф не успел: в дверях зала показался Готье, а с ним — исхудалый старец в черной сутане, которому, видно, знакомство с солдатской кухней еще не успело пойти на пользу.

Пропустив старца вперед, лейтенант доложил:

— Милорд, это брат Фрэнсис, за которым ты посылал.

— Брат Фрэнсис, ты не забыл, как совершать брачный обряд? — спросил Борнхелд. — Я собрался жениться.

— Разве забудешь такой обряд? Нет цели честнее и благороднее, чем брак, ведущий к продолжению рода. Почту за честь соединить узами брака тебя и миледи.

— Господа, — Борнхелд обратился к военачальникам, — прошу вас, будьте свидетелями.

Герцог Роланд, граф Йорг и лорд Магариз поклонились.

— Фарадей, — спросил Борнхелд, — ты готова?

— Да, — тихо ответила Фарадей. Она еле стояла на подгибающихся ногах, почувствовав только сейчас, что брак с Борнхелдом — неминуемая реальность. В груди щемило. Фарадей вспоминала Аксиса, их единственное свидание, его поцелуй...

Тем временем брат Фрэнсис приступил к церемонии. Он что-то говорил, но до сознания Фарадей не доходило ни единого слова. Она вострогнула, когда ее взял за руку Борнхелд, а рядом раздался громкий и уверенный голос.

— Во имя Артора и пред его всевидящим оком, в присутствии свидетелей, я, Борнхелд, герцог Ихтарский, сын Сиэрласа, беру в жены тебя, Фарадей, дочь графа Айсенда. Обязуюсь жить с тобой в любви и согласии и заявляю, что только смерть может разорвать наш союз.

Собрав последние силы, Фарадей повторила за Борнхелдом слова обета. Ее голос дрожал — простительное волнение для девушки, вступающей в брак, — и все же графу Йоргу, к его немалому удивлению, показалось, что в голосе Фарадей звучат нотки отчаяния, безысходности, и он усомнился в ее страстном непреклонном желании выйти за-

муж за Борнхелда. Но то были только сомнения, и он оставил их при себе.

— Не падай духом, — шепнула Ир, расстегивая Фарадей платье. — Он овладеет только телом твоим, твоя душа останется незапятнанной.

Фарадей промолчала. Душа — душой, но разве не жалко тела? Сколь сладостны для нее были бы объятия Аксиса! Но что думать о нем сейчас? Фарадей косо взглянула на Борнхелда и содрогнулась.

Ир вздохнула. Бедная Фарадей! Вышла замуж за нелюбимого человека. Но так повелел ей долг. Так повелело пророчество!

— Ир, сколько можно возиться с платьем? — недовольно произнес Борнхелд, переминавшийся у окна.

— Одну минуту, милорд, — ответила Ир, снимая с Фарадей платье.

Фарадей застыла, как изваяние. Надев на нее рубашку, Ир снова шепнула:

— Не падай духом.

Фарадей даже не шелохнулась.

Борнхелд громко кашлянул.

Ир ободряюще взглянула на Фарадей, сжала ей руку, а затем вышла из комнаты, оставив несчастную новобрачную наедине с нелюбимым мужем.

Фарадей проснулась, едва забрезжил рассвет. Все тело ломило, но она боялась пошевелиться, чтобы не разбудить мужа. И все же содрогнулась, вспомнив с отвращением и брезгливостью пережитое надругательство над собой, хотя и сознавала, что Борнхелд нисколько не собирался причинить

ей боль преднамеренно, а его грубость была естественной. Не улучшила настроения Фарадей и вспомнившаяся ей фраза, произнесенная Борнхелдом и сопровождаемая мерзостным прикосновением к животу:

— Возможно, мы уже сегодня зачали сына.

Фарадей пощупала живот, застонала. Она вышла замуж за Борнхелда лишь для того, чтобы служить предсказанию. Она не хочет иметь от него детей.

— О Всемогущая Мать, — прошептала горестно Фарадей, — сделай так, чтобы я не зачала.

В ответ прозвучал голос мужа:

— А, ты проснулась. Приди ко мне, дорогая.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Встреча

Неделю спустя, воспользовавшись превосходной погодой, Фарадей вместе с Тимозелом и Ир прогуливались по крепостной стене форта. Несмотря на начало Снежного месяца, стоял ясный солнечный день, и Фарадей наконец увидела гору Скорби, величественно вздымавшуюся над горными кручами, занимавшими всю линию горизонта. Ледяные Альпы, по рассказам Джека и Ир, — пристанище икарийцев. Впрочем, Борнхелд называет этих людей «отверженными» и именно с ними собирается воевать. Опасное заблуждение, а для такого упрямого и строптивого человека и труднопреодолимое. Одно хорошо: Борнхелд пропадает целыми днями, готовясь к предстоящим сражениям: то проводит время на совещаниях, то занимается с солдатами на плацу, а то и выезжает с патрулем на разведку. Возвращается поздно вечером, и ей уже несколько раз удалось притвориться спящей, чтобы избежать тягостных домогательств.

Рассуждая таким образом, Фарадей не заметила, как, оставив за спиной гору Скорби, оказалась на южной стороне крепостной стены. Из задумчивости ее вывела Ир.

— Фарадей, взгляни на дорогу, — прошептала она.

На дороге, ведущей к городу, виднелось что-то темное, похожее на тень движущегося облака.

— Что это?

— Это топороносцы, а с ними Аксис. Ты готова встретиться с ним?

— Я не знаю, — Фарадей растерялась.

— Церемонная вежливость и холодное равнодушие — вот, чем ты должна руководствоваться.

— О чем вы шепчетесь? — вмешался в разговор Тимозел.

— К Горкентауну приближается колонна топороносцев, — ответила Ир. — Ты готов к встрече со своим командиром?

— Если ты говоришь о Боевом Топоре, то он мне больше не командир. Теперь я служу герцогу Борнхелду, самому искусному полководцу нашего королевства. Разве сравнишь с ним Аксиса, который дальше своего носа не видит?

Фарадей сдвинула брови. Ну и Тимозел! До чего дока- тился! Сначала перешел на службу к бездарному Борнхелду, а теперь оскорбляет Аксиса. Впрочем, ей ли его судить? Она и сама предательница. Предала любовь Аксиса.

— Не сомневаюсь, только Борнхелду по силам справиться с Разрушителем, — продолжил с воодушевлением Тимозел.

Фарадей вспомнила, как в усыпальнице Великого Когтя Джек, чтобы оправдать путешествие в Горкентаун, дал понять Тимозелу, что Борнхелд сыграет важную роль в борьбе с Горгрилом. Тогда Джек покривил душой, но ложь

к добру не приводит, даже если подоплека ее — благое намерение. Так и вышло: Тимозел преисполнился уважением к Борнхелду, поверил в его историческое предназначение, уверовал в его победу над Разрушителем. Видно, и сам хочет прославиться вместе с ним.

Через час колонна топорonosцев вошла в Горкентаун, но только небольшая группа солдат направилась в Горкен-форт, остальные остались в городе. Среди топорonosцев, направлявшихся в форт, Фарадей узнала Арна и Велиара.

— А где же Аксис? — спросила она, тревожно тронув Ир за рукав.

— Да никуда он не денется, — нетерпеливо сказала Ир. — Наверное, в городе задержался.

Небрежность Ир была объяснима. Вместе с топорonosцами в форт направлялись Огден и Веремунд, которые и приковали внимание блюстительницы пророчества. Удалось ли им привлечь на свою сторону Аксиса? Видались ли с Джеком? Нашли ли пятого блюстителя предсказания? Не подверглись ли снова нападению Разрушителя?

До Веремунда и Огдена Фарадей дела не было. Она искала глазами Аксиса. А вот, наконец, и он. Выехал из боковой улочки вместе с каким-то топорonosцем. Над чем-то смеется. Фарадей прижала руки к груди. Вспоминает ли он ее? Переживал ли, решив, что она погибла? А может, увидев холмик над сомкнувшейся трещиной, просто пожал плечами, подивившись странному происшествию? Нет, такого не может быть! Наверняка он пришел в отчаяние. А она сама — что скрывать? — она по-прежнему его любит.

— О милосердная Мать, — прошептала взволнованно Фарадей, — скажи, что мне делать.

В ответ прозвучал наставительный голос Ир:
— Не забывай о своем предназначении, Фарадей.

Через некоторое время Аксис подъехал к воротам форта, где его ожидал небольшой отряд во главе с Велиаром. Его недавнее оживление сменилось угрюмостью и унынием. Предстоящая встреча с Борнхелдом не вдохновляла. Мало того, что ему придется выслушивать оскорбительные высказывания по поводу гибели Фарадей, так еще и передать Борнхелду топорonosцев.

— Не отчаивайся, Аксис, — сказал Велиар, словно прочитав его мысли. — Топорonosцы верны тебе и только тебе.

Аксис кивнул. Он был благодарен другу за неизменное участие и поддержку. Раньше можно было довериться Джейму, Брату-Наставнику, но после того, как тот распорядился передать ненавистному Борнхелду топорonosцев, вера в его доброжелательность и неоспоримую правоту сильно поколебалась. Подорвалась вера и в его убеждения. Брат-Наставник называет аваров и икарийцев «отверженными», «злыми кроважадными существами», совершавшими опустошительные набеги на королевство, а оказалось наоборот: это ахары изгнали аваров и икарийцев с их исконных земель.

Как же теперь поступать ему самому? Даже если топорonosцы перейдут в подчинение Борнхелду, он сам останется воином Сенешаля, обязанным блюсти интересы религиозного братства. Так ли? Аксису вспомнилась женщина, которая вышла ему навстречу из леса Теней, когда он настиг авара, сбежавшего из тюрьмы.

— Человеку следует поступать по своему разумению, руководствуясь совестью, а не религиозным учением, — сказала она тогда.

Возможно, эта странная женщина, по виду и говору похожая на ахарку, и в самом деле права?

Размышления Аксиса прервал громкий возглас:

— Боевой Топор, рад видеть тебя!

Аксис оглянулся на голос. К нему спешил, насколько это было возможным при его тучной комплекции, герцог Роланд. Аксис спешился и пошел навстречу. Герцог, один из лучших военачальников в королевстве, был честным и искренним человеком, далеким от злословия и интриг.

Поздоровавшись с Аксисом, Роланд по-дружески кивнул Велиару, а затем недоуменно взглянул на Веремунда и Огдена, все еще не расставшихся со своими ослами. Пожав плечами, герцог перевел взгляд на Аксиса.

— Да пребудет над тобой благословение Артора, — сказал он.

— Да пребудет его благословение над тобой, — улыбнувшись, ответил Аксис. — Как дела?

Роланд снова пожал плечами.

— Горкен-форт, как видишь, стоит, но мы продолжаем терять людей. Впрочем, о делах лучше поговорить в форте. Тебя ждет Борнхелд. Ты добыл какие-нибудь сведения об отверженных в башне Безмолвной Женщины?

— Добыл кое-какие, — кисло ответил Аксис. — Но я этим не ограничился: прихватил из башни обоих монахов, которые за годы затворничества изучили все имеющиеся там манускрипты.

— Ты что, не мог дать им коней?

— Их ослы оказались превосходными скакунами, а сами монахи — замечательными рассказчиками. Помяни мое слово, ты не раз подпрыгнешь от удивления, когда они начнут откровенничать.

— Если только мне позволит фигура, — добродушно ответил Роланд и, взяв Аксиса под руку, повел его в форт, повествуя о достоинствах крепости, способной отразить нападение любого, даже самого грозного неприятеля.

За ними с крепостной стены наблюдала женщина, но ни один из них ее не заметил.

Борнхелд поднял голову, оторвав взгляд от бумаг, лежавших перед ним на столе. И было из-за чего: в зал вошел Аксис. На Роланда, Велиара и двух монахов, появившихся вместе с ним, герцог едва взглянул. Его интересовал только Аксис. Наконец-то явился. Явился, чтобы признать свое поражение. Борнхелд усмехнулся. Уже сегодня топорonoсцы перейдут в его подчинение. А дальше недалеко и до победы над неприятелем. Все узнают, кто в Ахаре лучший военачальник. Слава ждет его, а не Аксиса. Это его подвиги воспоют трубадуры!

Лорд Магариз и граф Йорг, стоявшие у стола, заметив возбуждение Борнхелда, тревожно переглянулись. Как бы встреча двух заклятых врагов не вылилась в открытую конфронтацию, недопустимую в условиях военного времени. Однако к тому и шло.

— А, наконец-то явился, — язвительно произнес Борнхелд, смерив Аксиса колким взглядом.

— Явился вовремя, в срок, — ответил Аксис, сверкнув глазами.

— Может, и в срок, да вот, как следует из твоего донесения, ты не только потерял двести топорonoсцев, но и не уберег женщин, с которых был обязан глаз не спускать. Что скажешь?

— Мне нечего добавить к своему донесению.

— Нечего добавить? Тебе доверили женщин, а ты собираешься отмолчаться?

Аксис пожал плечами. Он мог бы сообщить Борнхелду, что Фарадей, возможно, жива, но это значило рассказать о происшествии в Смиртоне, рассказать об аварии, которого он, настигнув после побега, отпустил на свободу. Такой поступок Борнхелд, бесспорно, сочтет преступным. Кроме того, он никогда не поверит словам отверженного.

Затянувшееся молчание прервал герцог Роланд, обратившийся к Борнхелду.

— Милорд, может, подробности перехода топорonosцев до Горкен-форта лучше обсудить позже? Аксис с дороги. Пусть отдохнет немного.

Борнхелд глумливо расхохотался.

— Да он теперь только и будет, что отдыхать. С сегодняшнего дня топорonosцы переходят ко мне в подчинение.

Аксис вспыхнул от возмущения, но сумел взять себя в руки.

— Командиром топорonosцев останусь я, — решительно сказал он, — но я согласен подчиняться тебе.

Борнхелд нахмурился. Он рассчитывал на другое: распустить войско топорonosцев, а людьми из этого войска пополнить ряды собственной армии. Лучше и придумать нельзя: Аксис останется не у дел, а войско религиозного братства, непозволительно встречающего в государственные дела, перестанет существовать. Пройдет время, и о топорonosцах забудут.

Однако настоять на своем Борнхелд не успел. Ему помешал Йорг.

— Мне кажется, Аксис рассуждает разумно, — размеренно сказал граф. — Легче повиноваться, чем заниматься

стратегией самому. Полководческий талант дан не каждому. Не сомневаюсь, что под твоим руководством, милорд, — Йорг поклонился главнокомандующему, — Боевой Топор больше не оплошает.

Это был тонкий ход: польстив самолюбию Борнхелда и принизив его врага, попытаться оставить Аксиса непосредственным командиром топорonosцев.

Борнхелд заерзал на стуле, не зная, как поступить. Его замешательство прервал Роланд.

— Мы все под началом герцога Борнхелда, — ни к кому не обращаясь в отдельности, рассудительно сказал он. — Главнокомандующий решает стратегические задачи, но и мы не бездельничаем: занимаемся с солдатами на плацу, формируем дозоры, печемся о продовольствии, фураже. И это правильно. Борнхелду не объять необъятное. И потому я склонен поддержать Йорга. Пусть непосредственным командиром топорonosцев останется Аксис. Но в армии должно быть единоначалие, и Боевой Топор, разумеется, перейдет в подчинение к герцогу Борнхелду. В твое, милорд, — Роланд, как и Йорг, поклонился, но в отличие от сухощавого графа, покрылся испариной от непомерного напряжения.

Борнхелд задумался. Может, Роланд и прав. Рутиня не для стратега. Черновая работа — для подчиненных. Ладно, пригодится и Аксис. Пусть муштрует солдат да занимается фуражом. В овсе и сене он разбирается. А что касается славы, то она достанется лишь ему, Борнхелду. Теперь он будет распоряжаться топорonosцами.

— Хорошо, я согласен, — сдержанно сказал Борнхелд. — Боевой Топор, ты остаешься непосредственным командиром топорonosцев. Только без своеволия. Будешь действовать лишь согласно моим приказам.

Роланд и Йорг, а вместе с ними Магариз и Велиар, облегченно вздохнули: Борнхелд уступил. Теперь лишь бы Аксис не полез на рожон. Их опасения оказались напрасными: Аксис принял предложение Борнхелда.

Главкомандующий улыбнулся. Он был доволен: наконец-то Аксис попал к нему в подчинение. Откинувшись на высокую спинку стула и милостивым жестом пригласив усесться и остальных, Борнхелд обратился к Аксису:

— Скажи, Боевой Топор, узнал ли ты в башне Безмолвной Женщины о средствах борьбы со страшными существами, которые уже не раз нападали на наших солдат?

— Со мной приехали братья, Огден и Веремунд, — Аксис указал рукой на монахов. — Они провели в башне Безмолвной Женщины много лет и изучили все имеющиеся там манускрипты. Братья лучше меня знакомы с положением дел. Может, послушаем их, если не возражаешь?

Борнхелд милостиво кивнул:

— Да не оставит тебя, милорд, своей милостью Артор, — сказали разом оба монаха, привстав со стульев.

— Да не оставит он своей милостью вас, — ответил герцог, проведя рукой по стриженной голове. — Я слушаю вас.

— Милорд, — сказал Огден, — мы полагаем, что ответы на интересующие тебя вопросы ты найдешь в пророчестве о пришествии Горгрила, Разрушителя, составленном в стародавние времена, еще до Войн Топора.

Веремунд согласно кивнул. Затем, сменяя друг друга, монахи сначала прочли две первые строфы предсказания, а затем, рассказав, что угроза Ахару проистекает не от отверженных, а от воинства Горгрила, решительно заключили, что, согласно пророчеству, одержать победу над Разрушителем можно лишь совместными усилиями ахаров, аваров и икарийцев.

Борнхелд, поначалу слушавший монахов сосредоточенно, хотя и с легким недоверием на лице, по мере того как начало вырисовываться суждение старцев о природе таинственного противника, напавшего на Ахар, стал все чаще и чаще презрительно ухмыляться, а затем принялся ерзать, хрипло покашливая и проявляя другие признаки нетерпения, которое могло бы вылиться в неприкрытое раздражение, если бы Огден и Веремунд слишком затянули повествование.

— Ерунда! — хмуро сказал Борнхелд, наградив рассказчиков уничижительным взглядом. — Сенешаль учит, что наши враги — отверженные. Воинство Горгрила — плод больного воображения. То, что вы сообщили, поистине смехотворно.

— Но мне и раньше рассказывали о Горгриле, — вступил в разговор лорд Магариз. — По словам рейвенсбандцев, сумевших унести ноги от духов, они слышали, как эти бестелесные существа, переговариваясь, несколько раз произнесли это имя, — заметив, что Борнхелд лишь снисходительно улыбнулся, Магариз перевел взгляд на монахов: — Скажите, братья, если Горгрил действительно существует, как справиться с ним?

— Совместными усилиями народов Тенсендора, — ответил за двоих Веремунд. — Ахары, авары и икарийцы должны непременно объединиться, и тогда под предводительством Звездного Человека они справятся с Разрушителем.

— Все это чушь! — вспыхнул Борнхелд. — Сказки для слабоумных! Мне не нужны небылицы. Мне надо знать, как сражаться с бестелесными существами, которых не берет ни меч, ни копье, — герцог подался вперед и, устремив гневный взгляд на монахов, яростно зашипел: — Отвер-

женные — наши враги. Вы впали в ересь, предложив с ними объединиться. Ваше счастье, что я не принадлежу к религиозному братству, иначе вам бы не избежать судебного разбирательства, которое прямиком ведет на костер.

Огден и Веремунд растерянно развели руками и посмотрели на Аксиса, словно ища у него поддержки. Однако заступиться за них Боевой Топор не успел, даже если и имел такое намерение, ибо Борнхелд, наградив монахов новым испепеляющим взглядом, грозно рявкнул:

— Идите! Вы больше мне не нужны. Да не вздумайте распространять свои бредни среди солдат.

Огден и Веремунд вышли, едва найдя дверь.

Аксис и Велиар обменялись меланхолическими взглядами. Может, монахи и станут теперь молчать, но разве заставишь держать язык за зубами топорноносцев, которые у бивачных костров то и дело обсуждали пророчество? Не вызывает сомнения: если не сегодня, то завтра о предсказании узнает даже самый нелюдимый солдат из армии Борнхелда.

Поразмышлять над последствиями разговорчивости солдат Аксису не пришлось. К нему обратился Магариз:

— На нас нападают не только духи, но и другие не менее страшные существа, в отличие от духов хорошо различимые. Они покрыты белой клочковатой шерстью, из-под которой проступают желтые кости с ледяными суставами. У этих существ клыкастая морда, глаза словно из серебра, а вместо рта — клюв. А помимо когтистых лап, у них имеются крылья. Вот эти страшные существа меня и отделали.

— Как это произошло?

— Я был на патрулировании и вернулся в форт поздно вечером. Решил немного посидеть здесь, у камина, и незаметно уснул. Проснулся ночью от холода, в камине догорали

последние угольки. Я встал и обмер от ужаса. Вокруг меня в полумраке вырисовывались фигуры, похожие на скелеты, только со светящимися глазами. Я окликнул начальника караула, но, видно, мой возглас был больше похож на вопль, потому что офицер не вошел, а стремглав вбежал в зал, да не один, а с двумя солдатами. Но... — голос Магариза задрожал. — Эти существа растерзали их, а мне нанесли рваные раны, — он провел рукой по щеке. — Щека — ладно. Говорят, шрам красит солдата, — Магариз улыбнулся. — А вот с ногой хуже. До сих пор без палки не обойтись.

— Но как эти страшные существа сумели проникнуть в форт?

— Видно, по воздуху. Раз у них крылья, значит, они умеют летать.

— Похоже, эти существа с ледяными суставами в армии неприятеля играют роль командиров, — добавил сдержанно Борнхелд. На его лице не осталось никаких следов возбуждения. — Продвигаются первыми, а уже за ними следуют духи. Я и сам видел их, правда, издали, когда принимал участие в патрулировании.

Йорг отвел глаза в сторону и покачал головой. Борнхелду в храбрости не откажешь. Действительно, не раз принимал участие в патрулировании. Да только разве это дело главнокомандующего? Главнокомандующий должен решать стратегические задачи, разработать детальный план борьбы с неприятелем. Однако до сих пор ничего не сделано. И вряд ли что-то предвидится. У Борнхелда нет стратегического мышления. Назначен главнокомандующим лишь потому, что престолонаследник.

Размышления Йорга прервал Велиар.

— А что сообщают рейвенсбандцы? — спросил он.

Ему ответил лорд Магариз:

— Они говорят, что скрелинги — так они называют духов — продолжают продвигаться на юг, держась подножия Ледяных Альп. На юго-запад скрелинги не суются. Им преграждает путь Андакилса. Рейвенсбандцы подметили, что духи боятся воды.

Борнхелд кивнул. Он знал об этой слабости неприятеля. Ров с водой — вот что могло бы защитить форт и город. Главнокомандующего останавливало одно: где взять воду? Река далеко.

— К сожалению, — продолжил Магариз, — эти сведения недельной давности. Поток беженцев с севера прекратился. Видно, духи перерезали рейвенсбандцам все дороги на юг.

— Если только их всех не съели, — буркнул Йорг. Сделав это мрачное допущение, он перевел взгляд на Аксиса и продолжил: — У скрелингов есть и другая слабость. Если их немного, они боятся огня. Поэтому теперь каждый патруль берет с собой факелы. Правда, это не помогает, если скрелингов — полчище.

— И это все, к чему вы пришли? — спросил Аксис.

— Тебе этого мало? — вознегодовал Борнхелд. — Ты бы добился большего? Если ты такой проворный и наблюдательный, отправляйся хоть завтра на патрулирование. Посмотрим, чего ты добьешься. Только не потеряй патруль, как ты потерял двести топороносцев, а с ними Тимозела и Фарадей во время какого-то жалкого урагана.

Аксис вскочил со стула со сжатыми кулаками.

— Не тебе оценивать мои действия, Борнхелд! А что касается патрулирования, то я не собираюсь уваливать. Выеду завтра утром.

— Вряд ли это необходимо, Аксис, — заметил Роланд. — Подумай сам...

Герцога прервал женский голос.

— Борнхелд, зачем тебе понадобилось скрывать, что мы с Тимозелом остались живы?

Все подняли головы. В зал вошла Фарадей. Она неторопливо пересекла помещение и подошла к Борнхелду. Герцог обнял ее за талию.

Аксис не верил своим глазам. Фарадей! Жива! Но как оказалась здесь? Неужели вышла замуж за Борнхелда?

Мучительную догадку подтвердил торжествующий голос герцога:

— Позволь представить тебе, Боевой Топор, мою жену, герцогиню Ихтарскую, — Борнхелд прижал к себе Фарадей и ехидно добавил: — Впрочем, ты, кажется, с ней знаком?

Фарадей подняла глаза и холодно — как наставляла ее блюстительница пророчества — посмотрела на Аксиса.

У Аксиса перехватило дыхание. Он был ошеломлен, подавлен, глубоко потрясен — Фарадей вышла замуж за Борнхелда!

— Но как ты могла, Фарадей?.. — наконец вскричал он, но, почувствовав, что может проговориться, сделал судорожное глотательное движение и нашел новое продолжение: — Как ты могла, Фарадей, отправиться в Горкен-форт, не дав знать о себе? Да я чуть с ума не сошел, когда ты провалилась в расщелину.

— И сам виноват, — наставительно сказал Борнхелд. — Во время того ненастья, о котором мы только что говорили, ты проявил непростительную халатность. Не смог обезопасить людей. Впрочем, ты получил урок, а уроки идут

на пользу. Теперь, когда ты перешел ко мне в подчинение, тебе есть у кого учиться.

— Мне у тебя учиться? — взорвался Аксис, и он бы, несомненно, дал достойную отповедь Борнхелду, если бы его глаза неожиданно не нашли другой объект раздражения: в зал вошел Тимозел.

— А, и ты здесь? — прошипел Аксис. — Надеюсь, ты сообщил леди Тэар, что жив и здоров?

— Нет, — промямлил топорносец.

— Ах нет? А ты не подумал о том, что твоя мать убивается, получив страшную весть о гибели сына? — Аксис перевел дыхание и продолжил более сдержанно: — Ладно, возвращайся в свою когорту. Она остановилась на постой в городе. Я поговорю с тобой завтра, когда вернусь с патрулирования.

— Мне не о чем с тобой разговаривать, — буркнул топорносец,

— Что ты сказал? — вскричал Боевой Топор и угрожающе поднял руку.

— Остановись, Аксис! — воскликнула Фарадей. — Не суди Тимозела строго: он много пережил. Потом, он показал себя молодцом: вывел меня из страшного подземелья и помог добраться до Горкен-форта. Кроме того, он по собственной воле стал моим официальным защитником и поклялся служить мне до конца своих дней.

— Твоим защитником? Этот молокосос?

— Ты не умеешь ценить людей, Боевой Топор, — сказал Борнхелд. — Тимозел — настоящий воин. А говорить с ним тебе действительно не о чем. Тимозел теперь служит мне.

— Служит тебе? Ну что же, теперь все ясно. И у Фарадей, и у этого идиота, — Аксис смерил топорносца

пренебрежительным взглядом, — были веские основания отправиться в Горкен-форт.

— Ты правильно понял, Аксис, — холодно ответила Фарадей. — Я отправилась в Горкен-форт, чтобы поскорее выйти замуж за Борнхелда. Разлука с любимым оказалась невыносимой. А что касается твоего беспокойства, мне и в голову не пришло, что ты станешь переживать. — Говоря все это, Фарадей сама удивлялась, как ворочается у нее язык. Справившись с собой, она мысленно воззвала: «О всемогущая Мать, сделай так, чтобы Аксис понял, что я грешу против истины для его же преуспевания! О всемогущая Мать, дай понять Аксису, что я люблю его одного!»

Но откуда Аксису было знать, что Фарадей связана обязательством с блюстителями пророчества? Откуда Аксису было знать, что Фарадей вышла замуж, руководствуясь чувством долга? Разве он мог хотя бы предположить, что она любит его по-прежнему? Увы, нет. Ошеломленный ее ответом, Аксис резко повернулся на каблуке и, сбив с ног подвернувшегося под руку Тимозела, бросился вон из зала.

Вслед ему прогремел торжествующий смех герцога Борнхелда.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Разговор со скрелингом-храбрецом

Пустив коня мелкой рысью, Аксис неторопливо скакал по едва приметной обледенелой дороге, угрюмо взирая на заснеженную равнину, известную как Горкен-проход, соединяющий Ихтар с Рейвенсбандом. Слева, где-то на западе, текла Андакилса, впадающая в Андейское море, по словам Магариза, полноводная и величественная река, однако в зимнее время несудоходная. Справа, занимая всю линию горизонта, высились Ледяные Альпы.

— Дикие, необитаемые места, — раздался за спиной Аксиса голос лорда Магариза. Боевой Топор придержал коня. — Летом здесь еще можно повстречать пастухов со своими стадами, довольствующимися чахлой растительностью, а зимой местность безлюдна, — продолжил Магариз, подъехав к Аксису. — Неудивительно, что здесь расплодились скрелинги.

Аксис кивнул. Он был благодарен Магаризу, который, несмотря на ранения, отправился вместе с ним, решительно заявив, что первое патрулирование в незнакомой пустынной местности возможно только с проводником. Впрочем, покалеченная нога, видно, всаднику не мешала, и только шрам — что неудивительно на морозе — явно напоминал о себе, ибо Магариз то и дело потирал щеку рукой.

Однако не только Магариз настоял на своем участии в патрулировании. После шумных препирательств с Боевым Топором в состав патруля вошли Велиар и Арн. Эти препирательства, происходившие на глазах Борнхелда, доставили главнокомандующему несколько приятных минут, ибо он рассудил, что по стопам Тимозела пошли и другие топороносцы, решив не считаться более с Аксисом и действовать по своему усмотрению вопреки его воле.

На самом деле все обстояло иначе.

Велиару было известно, что Аксис не спал всю ночь, простояв в одиночестве на крепостной стене форта, как видно, о чем-то мучительно размышляя. Посчитав, что Аксис пал духом после тягостной сцены у Борнхелда, Велиар счел, что друга не стоит оставлять без присмотра. К тому же он рассудил, что лучше принять участие в патрулировании, чем остаться в форте и, не находя себе места, терзаться гнетущей мыслью, вернется ли Аксис целым и невредимым.

У Арна тоже были причины сопровождать Аксиса. Со времени посещения башни Безмолвной Женщины им овладело смутное беспокойство, что в окружении Аксиса может найтись предатель, готовый на самое ужасное преступление, и потому Арн с той поры старался при малейшей возможности находиться рядом со своим командиром.

Велиар и Арн ехали следом за Магаризом, а за ними — по трое в ряд — скакали пятнадцать всадников: десять топорonoсцев и пять солдат из армии Борнхелда, последние — с зажженными факелами в руках.

— О скрелингах лучше послушать всем, — продолжил лорд Магариз. — Топорonoсцы, да и кое-кто из солдат, с ними еще не сталкивались.

Аксис развернулся лицом к отряду и поднял руку.

— Послушайте, что скажет вам лорд Магариз, — произнес Боевой Топор, окинув отряд строгим взглядом.

Магариз потер рукой щеку и приступил к наставлениям:

— Принято думать, что духи или, как их еще называют, скрелинги, — бесплотные существа. Это не совсем так. Кое-какая плоть имеется и у скрелингов. Если мы повстречаемся с этими существами, то вы увидите их глаза и широко открытые рты, из которых обычно капает омерзительная слюна. Ошибочно и мнение, что духи неуязвимы. Они, как и люди, смертны. Поразить скрелинга можно ударом в глаз. Держите меч наготове, и если вы изловчитесь и нанесете меткий удар, то из глазницы духа тут же польется кровь. При схватке с духами защищайте лицо и горло. У духов такие же острые зубы, как и у рыб-людоедов, которыми кишит Андейское море, и если эти мерзкие существа доберутся до вашей плоти, вас уже ничто не спасет. Но главное, помните: скрелинги поначалу питаются страхом, исходящим от человека, и только потом человеческой плотью. Поэтому укрепите свои сердца, и если доведется встретиться с духами, не пугайтесь. Если запаникуете, то расстанетесь с жизнью. Но мы можем столкнуться не только с духами, оно и с более страшными существами, сродни тем, что в месяце

Опавших Листьев напали на обитель и форт. Эти существа хорошо различимы, и ежели доведется, вы их сами увидите.

— Помните, главное — не струсить, не оробеть, — подчеркнул Боевой Топор, выслушав Магариза. Развернув коня, он воскликнул: — Вперед!

Всадники поехали крупной рысью. Все молчали. Временами, оборачиваясь назад, Аксис видел: спокоен один Магариз, остальные встревожены: то и дело опасливо озираются, держатся за мечи.

Неожиданно встревожился и Магариз.

— Боевой Топор, на нас надвигается туман, — обеспокоенно сказал он. — А с ним могут появиться и духи.

Впереди — откуда только взялась? — висела беловатая мгла. Но вот эта мгла внезапно стала клубиться, а клубы — стремительно приближаться. Воздух наполнился едва различимым шепотом — неразборчивым, непонятным, но, без сомнения, угрожающим.

— Скрелинги! — определил Магариз. — Их целое полчище.

Аксис остановился, схватился рукой за меч.

— Появились духи! — гаркнул он во все горло. — Занять круговую оборону!

Убедившись, что его команда исполнена, Аксис обратился к Магаризу:

— Что лучше: отступить или ввязаться в неравный бой?

— Отступление не поможет. Нас настигнут, и мы умрем.

— Тогда будем драться. Приготовиться к бою!

Всадники обнажили мечи.

Боевой Топор огляделся. Куда ни глянь — скрелинги. Но странное дело: вопреки описанию Магариза, помимо

сверкающих глаз и хищных ртов скрелингов, были, хотя и смутно, но все же различимы их головы, напоминающие череп, но только с шапкой редких, длинных волос. Видны были и лапы, беспрестанно шевелящие костлявыми пальцами с острыми изогнутыми когтями, но лапы эти, казалось, функционируют автономно, ибо, кроме них и омерзительной головы, других частей тела или не было вовсе, или они были неразличимы.

— Вы готовы, друзья? — спросил Боевой Топор.

— Мы готовы, Аксис, сын Ривки! — возгласил Велиар.

— Мы готовы! — подхватил дружный хор голосов.

— Тогда за мной! В атаку! Вперед!

Аксис пришпорил коня и, врезавшись в самую гущу скрелингов, пронзил глаз одному из духов. Из глазницы потекла кровь. Аксис вытащил меч, и почти в тот же миг что-то упало в снег и откатилось немного в сторону. Аксис взгляделся: то была голова скрелинга, щелкающая омерзительными зубами в предсмертной агонии.

— Духи смертны! — воскликнул Аксис и снова устремился вперед.

— За Аксиса, сына Ривки! — крикнул какой-то топорносец, пронзая мечом голову духа.

— За Аксиса, сына Ривки! — подхватил дружный хор голосов.

В воздухе замелькали мечи.

Скрелинги заматались из стороны в сторону. Они сами привыкли атаковать, привыкли, что их боятся. Получилось наоборот. Они сами подверглись внезапному нападению, а в рядах неприятеля — откуда только он взялся? — оказался сам Аксис, сын Ривки.

— Здесь Аксис, сын Ривки... сын Ривки... сын Ривки, — раздался тревожный шепот, который постепенно стал нарастать, превратившись в гул испуганных голосов. Но вот этот гул стал стихать, удаляться и наконец оборвался.

— Боевой Топор, скрелинги отступили, — сказал Велиар, осадив рядом коня. — Да и туман рассеялся, посмотри.

Аксис огляделся по сторонам. Воздух чист и прозрачен. Снег сверкает под косыми солнечными лучами поднявшегося над Ледяными Альпами солнца, но только на снегу этом там и сям валяются безобразные головы скрелингов.

— А что у тебя в руке? — спросил Велиар.

В левой руке оказалась голова скрелинга, которую Аксис держал за волосы.

— Прекрасный подарок для Борнхелда, — сказал, усмехнувшись, Аксис, разглядывая голову поверженного врага. Одна глазница была пуста, зато в другой сверкал глаз, а отвалившаяся нижняя челюсть обнажала мерзкие изогнутые клыки.

Его внимание отвлек Арн.

— Боевой Топор, оглянись! — вскричал он.

Аксис оглянулся, затем развернул коня.

К всадникам не спеша приближалось страшное существо ростом со взрослого человека. Голова существа была похожа на птичью, но только помимо клюва с обеих его сторон торчали чудовищные клыки. Тело монстра было покрыто белой клочковатой шерстью, из-под которой проступали желтые кости с ледяными суставами. Кроме когтистых лап, у существа были крылья, верхушки которых высились над плечами.

Аксис нашел глазами Магариза.

— Не такие ли существа напали на тебя в форте? — спросил Боевой Топор.

— Точно такие же. Только это страшилище немного повыше ростом.

Аксис пристально посмотрел на пришельца, и ему показалось, что это страшное существо походит на Горгрила, чье изображение явилось ему во время смертоносного урагана.

Пристальным взглядом ответило и страшилище. Раздался скрипучий голос:

— Это ты Аксис, сын Ривки?

Аксис кивнул и, чуть тронув коня, приблизился к страшному существу.

— А ты кто? Что тебе надо?

Монстр коротко хохотнул.

— Кто я? Я — один из пятерых братьев, скрелингов-храбрецов. Сначала мы были бестелесными существами, но наш великий вождь Горгрил, воспользовавшись плотью и кровью убитых нами людей, поставил нас на ноги, одарил величественной фигурой с сильными, цепкими руками и крыльями для полета. Но главное, он вдохнул в нас беспримерное мужество, великую дерзость, неслыханное бесстрашие. Мы с братьями — самые дерзкие, самые сильные, самые смелые. Мы — скрелинги-храбрецы. Ты спрашиваешь, чего мы хотим? Мы хотим завладеть Тенсендором, захватить ваши пашни, леса и горы, а тех из вас, кому Горгрил подарит жизнь, превратить в рабов,

— У вас ничего не получится, — подал голос лорд Магариз. — Мы разобьем вас.

Скрелинг-храбрец подбоченился и громко расхохотался.

— Войско Горгрила непобедимо. Наши ряды растут с каждым днем, и в скором времени вы почувствуете силу нашего сокрушительного удара, и ты, Аксис, сын Ривки, — монстр пронзил его испепеляющим взглядом, — станешь на коленях просить Горгрила о пощаде.

Аксис усмехнулся и, подавшись вперед, сказал:

— Вот что, скрелинг-храбрец, когда ты увидишь Горгрила, передай ему, что мой отец любит меня, а заодно спроси у этого выродка, знакома ли ему отеческая любовь.

— Ты зря оскорбляешь Горгрила: теперь тебя возмездие не минует. А на твой вопрос я отвечу и сам. Мы, скрелинги-храбрецы, присутствовали при рождении Горгрила и заменили ему отца. Мы взрастили его, полюбили, а когда он подрос, стали поклоняться ему. Мы не ошиблись. Горгрил стал великим вождем и теперь ведет нас к победе. Трепещите! — скрелинг-храбрец снова громко расхохотался и исчез, словно его и не было.

— Этот самовлюбленный хват вместе со своим вождем Горгрилом лелеет несбыточные надежды, — сказал Боевой Топор. — Сегодня мы нанесли поражение Горгрилу. Но это только начало. А пока нам пора возвращаться в форт.

В то утро Борнхелд упражнялся во дворе форта с мечом, весьма довольный, что к многочисленным зрителям примкнула и Фарадей. Когда отряд Аксиса въехал во двор, герцогу хватило одного взгляда, чтобы понять, что патруль вернулся в полном составе. Борнхелд ухмыльнулся. Как он и предполагал, Аксис трусил. Видно, крутился вместе с патрульными невдалеке от стен форта, в Горкен-проход даже не сунулся. Если бы проехал хотя бы лигу на север, то потерь бы не избежал.

— Я вижу, Боевой Топор, ты проявил осторожность, не потерял ни одного человека, да и сам выглядишь молодцом, — сказал насмешливо Борнхелд, окинув Аксиса презрительным взглядом. — Только с твоей осторожностью духов не победить. Впрочем, не огорчайся, я и сам справлюсь с ними. А ты, когда опять решишь отличиться, захвати свой топор и отправляйся на кухню разделывать мясо, — Борнхелд хохотнул, довольный собственным остроумием.

— Я нашел своему оружию лучшее применение, — усмехнувшись, ответил Аксис. Он запустил руку под плащ и вытащил оттуда голову скрелинга. — Я, как и ты, забочусь о брате и потому приготовил тебе подарок, — и не дав опомниться Борнхелду, Боевой Топор размахнулся и кинул голову духа в сторону окаменевшего от изумления герцога. Однако голова эта, подскочив несколько раз на булыжниках, откатилась под ноги Фарадей и, лязгнув зубами, остановилась, уставившись на нее единственным глазом.

Фарадей вздрогнула, побледнела, отступила на шаг, но быстро взяв себя в руки, сухо произнесла:

— Благодарю тебя, Боевой Топор, за подарок. Лучшего и придумать нельзя.

Ее слова потонули в восторженном гуле толпы.

— Наша берет, — сказал Веремунд, обратившись к своему компаньону, стоявшему вместе с ним на крепостной стене форта.

— Но до победы над Разрушителем еще далеко, — вздохнул Огден.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Свидание

Пять дней спустя Аксис вышел из ворот форта и, накинув на голову капюшон непромокаемого плаща, быстрой походкой направился в Горкентаун. Хотя уже давно рассвело, улицы города были почти пустынные. Дул сильный холодный ветер, с неба сыпала колющая крупа, и солдаты, квартировавшие в городе, видно, не спешили похвалиться своей закалкой без крайней необходимости.

Аксис шел, не оглядываясь, погруженный в мрачные мысли, и потому не заметил, что позади него неотступно, на расстоянии двадцати-двадцати пяти шагов друг от друга идут еще трое, и тоже упрятав лица в капюшоны плащей.

Через пятнадцать минут Аксис подошел к воротам обители, в которой еще недавно жили монахи, приверженцы аскетизма и созерцательного образа жизни, стремившиеся к религиозному совершенству. После нападе-

ния скрелингов монастырь обезлюдил: большинство монахов погибло, а те двое, кому удалось спастись, перебрались в форт. С одним из них, братом Фрэнсисом, у Аксиса была назначена встреча, на которую монах согласился, несмотря на пережитый им ужас во время бойни в обители.

Аксис пересек двор и подошел к двери, когда-то внушительной и добротной, а теперь сиротливо качавшейся на ветру, держась на одной петле. За дверью оказалась прихожая, сохранившая следы невиданного погрома: скамьи были изломаны в щепы, стол перевернут, а весь пол завален рваной одеждой, пустыми искореженными коробками, битой посудой и другими предметами нехитрого быта приверженцев аскетизма, потерявшими, как и все в помещении, свою первоначальную форму.

Брата Фрэнсиса Аксис нашел на кухне. Поздоровавшись с Аксисом, Фрэнсис развел руками и глухо проговорил:

— В ту страшную ночь многие наши братья встретили смерть на кухне. Они попытались обороняться, но кочерга, ухваты и сковородки не то оружие, которым можно отразить внезапное нападение разъяренных страшилищ с отточенными клыками и когтистыми лапами.

— И все-таки тебе удалось спастись.

Монах потупился, словно почувствовал себя виноватым.

— Благодаря брату Мартину, — неохотно пояснил старец. — Он затащил меня в кладовую и припер дверь изнутри. Да, мы остались живы, но, поверь, чуть не лишились рассудка, слушая, как с плотоядным урчанием поедают наших несчастных братьев. Да убережет тебя Артор от подобного испытания.

Аксис молча кивнул и присоединился к монаху, продолжившему прерванное занятие: собирать с пола разбросанные кастрюли и расставлять их на полке. Наконец Аксис сказал:

— Брат Фраэнсис, ты, наверное, догадываешься о том, зачем я попросил тебя прийти в монастырь.

— Ты хочешь поговорить со мной о принцессе Ривке.

— Она умерла здесь?

Монах вскинул брови, покачал головой.

— Ривка рожала здесь, а умерла в другом месте. То было давно, около тридцати лет назад. Все эти годы мы с братьями держали язык за зубами и никому не рассказывали о том, чему стали невольными очевидцами. Мы все боялись и Карела, прежнего короля, и герцога Сиэрласа, властвовавшего в Ихтаре. Да и после их смерти, распусти мы язык, нам бы не поздоровилось. За прошедшие тридцать лет многие братья перешли в мир иной, а после бойни в обители я остался единственным, кто помнит о последних днях твоей матери. Мартин молод, родился позже, — скрытое рыдание перехватило голос монаха, остановив его речь. Справившись со своим волнением, он продолжил: — Я уже стар, Аксис, и ничего не теряю, а после пережитого ужаса люди мне не страшны. Спрашивай, о чем ты хочешь узнать.

— Тебе лучше и дальше держать язык за зубами. Опасность не миновала. Теперь она исходит от Борнхелда.

— Тогда чего же ты хочешь?

— Покажи мне комнату, где я родился.

— И это все? Ну, что же, пойдем.

Поднявшись по винтовой лестнице, Аксис и его провожатый очутились в начале длинного коридора. Фраэнсис остановился, тяжело отдуваясь.

— Ривку привезли сюда из Сигхолта в конце Волчьего месяца, — сказал монах, отдышавшись. — Привезли в разбитой повозке. Мы прямо диву дались, что для жены герцога Сиэрласа не нашлось лучшего экипажа. Тогда мы еще не знали о сложившихся обстоятельствах. Так вот, принцессу, видно, в дороге порастрясло, потому что еще в пути у нее начались родовые схватки. Как только ее привезли, один из монахов побежал за повивальными бабками, а мне довелось отнести Ривку сюда, наверх, в комнату, обычно отводившуюся гостям. Эта комната в конце коридора.

Подойдя к двери в комнату, монах потянулся к ручке.

— Подожди, Фрэнсис, — остановил его Аксис. — Благодарю тебя. Дальше я сам.

— Не буду мешать тебе. Да не оставит Артор тебя своим покровительством.

Аксис улыбнулся и погладил Фрэнсиса по плечу. В Сигхолт-форте ему показали место, где встречались его родители, а теперь другой старец, не побоявшийся, как и Рейнольд, навлечь на себя беду, привел его к комнате, где он родился.

— Да не оставит Артор своим покровительством и тебя, — сказал Аксис.

Фрэнсис кивнул и оставил Аксиса одного. На лестнице монах вздрогнул от неожиданности. Навстречу медленно подымался невесть откуда взявшийся человек, прятавший лицо в капюшоне плаща. Монах на секунду остановился, а затем склонил голову и прошел мимо, ни слова не говоря. Он прожил долгую жизнь и по-настоящему удивлялся только тому, что до сих пор жив.

Оставшись один, Аксис замер у двери, не решаясь войти. Его душило волнение. За дверью комната, в которой он

появился на свет, за дверью комната, в которой его несчастная мать провела один из последних дней жизни. Наконец, немного придя в себя, Аксис нажал на ручку.

Комната оказалась почти пустой. Всю ее обстановку составляли кровать с рваным матрасом, из которого торчали заржавленные пружины, да стол со стулом. На столе стояли кувшин и таз, явно предназначенные для мытья, а теперь сами запачканные и пыльные. Слабый свет хмурого ненастного утра едва пробивался сквозь узкие окна. Камин, разумеется, не топился. В комнате было темно, сыро и неудобно.

Неуютная обстановка навела на невеселые размышления. Аксис снова вспомнил о матери, представив себе ее предсмертные муки, ее душевную боль, ее одиночество...

Внезапно за спиной стукнула дверь. Аксис обернулся и не поверил своим глазам: в комнату вошла Фарадей. Она откинула капюшон и остановилась, прижав руки к груди. Аксис изменился в лице. Сердце его тревожно забилося и замерло. Он стоял неподвижно, уставившись на внезапно вошедшую Фарадей и чувствуя, что голос у него отнялся, что он не может произнести ни слова, лишь кивнул в знак приветствия. Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга. Затем она пошла ему навстречу и, запинаясь, сказала срывающимся голосом:

— Я... я... пришла объяснить.

— Объясниться? — Аксис горестно рассмеялся. — Да как можно объяснить твой поступок, когда ты, не дав знать о себе, отправилась в Горкен-форт? И зачем? Чтобы стать женой Борнхелда, а заодно и унижить меня, имевшего глупость поверить в твою любовь и чуть не рехнувшегося с от-

чаяния и горя, когда посчитал, что, провалившись в расщелину, ты погибла.

— И все же я хочу объясниться, — произнесла Фарадей, на этот раз с твердостью в голосе.

— Ну, хорошо, раз пришла, говори, — Аксис хотел сказать это спокойно, но именно поэтому его голос прозвучал хрипло и неестественно громко. Заметив, как она вздрогнула, он продолжил более мягко: — Ты говорила, что любишь меня, а вышла за Борнхелда.

— Тому есть объяснение. Но сначала... — голос Фарадей снова дрогнул, — ...сначала я хочу снова сказать тебе, что люблю лишь тебя, тебя одного.

Аксис недоверчиво взглянул на нее.

— Но тогда почему...

— Не потому, что была помолвлена с Борнхелдом, а потому что опасалась за твою жизнь. Борнхелд мог убить тебя.

— Я не боюсь Борнхелда.

— Я знаю, Аксис, знаю. Но я не могла подвергнуть тебя даже малейшему риску. Я думала о твоём великом предназначении.

— О каком предназначении ты говоришь?

— О предназначении Звездного Человека. Я верю, Звездный Человек — это ты. В это верят и блюстители предсказания. Они сказали мне, что если я порву с Борнхелдом, то отыскать счастливого соперника герцогу труда не составит, а, сойдясь с тобой в поединке, он, несомненно, одолеет тебя, ибо вооружится чувством собственной правоты.

— Мудреное суждение, — пробормотал Аксис.

— Но это так, поверь мне! — воскликнула Фарадей. — А разве ты не считаешь себя Звездным Человеком?

— Меня обуревают сомнения. Очевидно одно: у меня изменились взгляды, мировоззрение. Я больше не считаю аваров и икарийцев врагами и больше не верю в учение Сенешаля. Ты говоришь, что я Звездный Человек? Не знаю. Может, я им и стану. Если возвышу дух, обрету необходимые знания. Ведь Звездный Человек — это, верно, не только имя, но и состояние духа. Огден и Веремунд, ссылаясь на предсказание, тоже твердят мне о моем высоком предназначении. Но только это пророчество непонятно, туманно. Блюстители предсказания и сами в нем толком не разбираются. А мне ясна лишь первая строфа предсказания. Вторая — полна загадок, туманных предостережений, а в третьей говорится о каком-то предателе.

— Я никогда не слышала третьей строфы.

— Третья сфера пророчества известна лишь мне, — сказал Аксис и погрузился в задумчивость. Он вспомнил, что в этой строфе упоминается и о любви Звездного Человека, которая может отвлечь его от борьбы с Разрушителем и привести к неминуемой гибели. Неужели в пророчестве говорится о его любви к Фарадей?

Раздумье Аксиса прервал участливый голос:

— О чем ты задумался?

— Размышлял над одной из загадок пророчества, — мрачно ответил Аксис. — Впрочем, как я уже говорил, в этом таинственном предсказании немало загадок, иносказаний. Понять их сейчас мне не по силам. Надеюсь, мне поможет отец. Вот, посмотри, — Аксис вытянул руку, на которой сверкало золотое кольцо, инкрустированное кро-

шечными алмазами. — Это кольцо моего отца. Он подарил его Ривке.

Фарадей взяла Аксиса за руку.

— Странное кольцо, — задумчиво сказала она. — Алмазы на ободке похожи на звезды, но стоит чуть шевельнуть кольцо, они меняют рисунок. Кто твой отец, Аксис?

— Икарийский чародей. Его зовут Повелитель Звезд. Придет время, и я найду его.

— Ты сын икарийского чародея? — удивленно воскликнула Фарадей и шутливо добавила: — Тогда неудивительно, что ты очаровал меня с первого взгляда.

Аксис обнял ее, притянул к себе, собираясь поцеловать.

— Нет, Аксис, нет! — с отчаянием в голосе воскликнула Фарадей. Она оттолкнула Аксиса от себя и твердо произнесла: — Я жена Борнхелда, и поклялась быть верной ему.

— А как же наша любовь?

— Не знаю, Аксис. Но зато я знаю другое: если я изменю Борнхелду или вовсе оставлю его, ты умрешь, а я не хочу твоей смерти, потому что люблю тебя. Если ты умрешь, то умру и я.

Аксис опешил. Фарадей была рядом, в ее глазах светилась любовь, а он не мог ее даже поцеловать.

— А как к тебе относится Борнхелд? — спросил он.

Фарадей пожала плечами.

— Он старается доставить мне удовольствия. Говорит, что любит меня, но мне оттого не легче. Он утомителен, нуден. Порой я еле терплю его, но на его невнимательность или грубость пожаловаться не могу.

Аксис нахмурился. Если бы Борнхелд третировал Фарадей, то его можно было бы вызвать на поединок, а так —

никакого повода. Фарадей сказала, что Борнхелд любит ее, но... — на сердце Аксиса заскребли кошки, — любовь — это, прежде всего, интимные отношения...

— Не ревнуй меня, Аксис, — произнесла Фарадей, словно прочитав его мысли. — Я не испытываю к Борнхелду никаких чувств. Я люблю тебя, а Борнхелд — просто муж.

— Так почему же ты хочешь остаться верной нелюбимому человеку?

— Я дала клятву и не могу нарушить ее.

— Тогда послушай меня. Мы с братом ненавидим друг друга. Придет время, и я вызову Борнхелда на поединок и, можешь не сомневаться, он расстанется с жизнью. Скажи, когда это произойдет, ты станешь моей женой?

Фарадей в ужасе отшатнулась. Она вспомнила ночное видение, закончившееся гибелью Аксиса.

— Нет, Аксис, нет! Если ты вызовешь Борнхелда на поединок, то погибнешь ты, а не он.

— С чего ты взяла? Ты убеждена, что Звездный Человек — это я. Но разве во второй строфе предсказания не говорится о победе Звездного Человека?

— Какие строки ты имеешь в виду?

— Те строки, где говорится о женщине, которая откроет объятия убийце своего мужа. Это, верно, о нас с тобой. Выходит, наш союз предопределен предсказанием. Фарадей, когда Борнхелда не станет, ты выйдешь за меня замуж?

Фарадей смешалась. Аксис так настойчив, напорист. Что ответить ему? Блюстители предсказания говорили, что благоприятная обстановка для поединка сложится только

после победы над Разрушителем. А когда придет эта победа? Может быть, и не скоро. А может, ахары, объединившись с икарийцами и аварами, разобьют неприятеля в битве при Горкентауне? Но, может, случится обратное. Тогда поединка, которого жаждет Аксис, ждать долго. Но Аксис так настойчив, напорист, уверен в себе, ссылается на то, что их союз предопределен предсказанием. Что же все-таки ответить ему? Окончательная победа над Разрушителем может прийти не скоро. Можно ограничиться другим сроком.

Придя к этой мысли, Фарадей, мягко произнесла:

— Обещай мне, что ты не вызовешь Борнхелда на поединок до исхода первого большого сражения с Разрушителем. И потом я не хочу, чтобы ты стал убийцей своего брата. Обещай мне, что ты и не вызовешь Борнхелда на поединок без весомого повода.

— Убить соперника на поединке не значит совершить убийство, — хмуро пояснил Аксис. — Впрочем, раз ты настаиваешь, даю тебе слово не драться с Борнхелдом без весомого повода и обещаю, что вызову брата на поединок только после битвы при Горкентауне. Не сомневаюсь, что первое крупное сражение с Разрушителем произойдет именно здесь, — соглашаясь с пожеланием Фарадей, Аксис руководствовался и мрачной мыслью о том, что в предстоявшем сражении его могут убить, и тогда — что поделаешь — пусть Борнхелд станет ее защитником.

— Ну что же, когда я стану свободной, я выйду за тебя замуж, — застенчиво сказала Фарадей.

Аксис радостно вскрикнул и попытался обнять ее.

— Нет, Аксис, нет! — воскликнула Фарадей. — Я еще не жена тебе.

— Я надеялся, что ты станешь ею. О том, что ты осталась жива, провалившись в расщелину, я узнал еще до прибытия в Горкен-форт.

— Откуда?

— Мне рассказал об этом Раум, авар. Его и девочку, которая была вместе с ним, случайно поймали жители Смиртона, а поймав, посадили в тюрьму, собираясь сжечь на костре. Но получилось так, что авары бежали, а в погоню за ними пришлось отправиться мне. Однако, догнав беглецов, я после некоторого раздумья позволил им скрыться, и вот тогда, видно, из благодарности Раум и сообщил мне, что ты жива. Но только я до сих пор не имею понятия, откуда авару это стало известно.

— Он видел меня в обществе блюстителей предсказания.

Аксис опешил.

— В обществе Веремунда и Огдена? Как это может быть? Они неотлучно были со мной.

— Блюстители предсказания не только Огден и Веремунд. Если ты только помнишь, у леса Безмолвной Женщины тебе попался на глаза свинопас. Его зовут Джек. Он тоже блюститель пророчества. И не только он, а и белая кошка, которая к тебе часто ластилась. Она — компаньонка Джека и провалилась вместе с нами с расщелину. А в подземелье она обернулась женщиной и теперь выдает себя за мою служанку. Ее зовут Ир.

— Верно, не Тимозел, а блюстители предсказания вывели тебя на поверхность после землетрясения? — предположил Аксис.

— И помогли мне добраться до Горкентауна, — добавила Фарадей, предусмотрительно умолчав о том, что вышла

замуж за Борнхелда по настоянию Ир и Джека. Впрочем, она не могла поступить иначе. Главное — не допустить гибели Аксиса.

— Пророчество о пришествии Разрушителя опутало и тебя, и меня с головы до пят, — мрачно заметил Аксис. — Без блюстителей предсказания нам уже не ступить и шагу.

— Не они ли надоумили тебя прийти в монастырь?

— Нет, я пришел сюда по собственной воле. Хочу заглянуть в прошлое. Может, у меня и получится. Дело в том, что в этой комнате я родился. Отойдем в угол. И что бы ни случилось, молчи.

Когда Аксис и Фарадей отошли в дальний от двери угол, Аксис тихо сказал:

— Помни: ни звука. А я сейчас спою икарийскую песню. Надеюсь, она поможет увидеть прошлое, — и Аксис запел, запел ту самую песню, которую напевал на дозорной башне в Сигхолте.

В комнате неожиданно потемнело. Углы комнаты затянул мрак. Повеяло холодом.

Но вот так же внезапно зажглись две свечи: одна на каминной полке, другая — на столике у кровати.

Фарадей вздрогнула. В колеблющемся свете свечей она увидела женщину, лежавшую на кровати. Женщина лежала, разметав волосы по подушке, согнув и разведя ноги в коленях и вцепившись руками в края матраса. Ее ночная рубашка была собрана у груди, оголяя живот и ноги. Но вот раздался крик, другой, третий. Лицо женщины исказила страдальческая гримаса. Над страдальцей склонились две женщины, обе в черном и обе в длинных холщовых фартуках.

Фарадей перевела взгляд на Аксиса. Он уже не пел, а лишь напевал, закрыв рот, ту же мелодию. Аксис не

отозвался, но Фарадей и без него поняла, что женщина на кровати — Ривка, а рядом с ней повивальные бабки. Ривка рожала, Ривка рожала Аксиса!

А вот и новая неожиданность: в комнату вошел дородный мужчина с бледным продолговатым лицом, обрамленным седеющей бородой.

— Милорд герцог! — разом сказали повивальные бабки, отступив от кровати.

— Ну как, эта блудница родила? — отрывисто спросил герцог.

Повитухи недоуменно переглянулись. С какой стати Сизэрлас оскорбляет свою жену?

— Так что? — нетерпеливо переспросил герцог, приближаясь к кровати.

— Пока не родила, — робко ответила повивальная бабка, которая выглядела постарше. — Очень трудные роды. Плод принял неверное положение. Мы пытались его развернуть, но пока безуспешно, а герцогиня теряет силы.

— Хороша герцогиня! — прогремел бас. — Нагуляла ребенка на стороне. Какова благодарность за внимание и заботу!

— Ты всегда любил только себя, — внезапно подала голос Ривка, — а меня унижал, ни во что не ставил. Твоя забота у меня что кость в горле.

— Так и подавись этой костью! Ты думаешь, о тебе кто-то вспомнит, оплачет твою кончину? Может быть, твой любовник? Да он уже забыл о тебе.

— Ты ошибаешься: мой избранник любит меня. И я готова десять раз умереть за один час, проведенный в его объятиях.

— Шлюха! — лицо Сиэрласа перекосилось от гнева. Он склонился над Ривкой и сорвал с ее пальца кольцо с рубином.

Фарадей вытаращила глаза. То самое кольцо, которое ей подарил Борнхелд. Она посмотрела на руку — кольцо на месте.

Герцог перевел взгляд на застывших в изумлении повитух.

— Я не стану стенать, если эта потаскуха умрет вместе со своим чадом, так что можете не усердствовать, — выпалив эту фразу, Сирэлас резко повернулся на каблуке и быстро вышел из комнаты, хлопнув за собой дверь.

Повивальные бабки снова переглянулись, а затем та, что говорила с герцогом Сиэрласом, присела на край кровати и, взяв Ривку за руку, мягко произнесла:

— Миледи, мы можем спасти тебя, пожертвовав жизнью ребенка.

Ривка вскрикнула, приподнялась и свободной рукой вцепилась женщине в волосы.

— Если вы убьете ребенка, я поднимусь из могилы и стану являться к тебе и к твоей подручной до конца ваших дней. Спасайте ребенка, а обо мне не заботьтесь. Ты поняла?

Повитуха кивнула.

— Попробуйте еще раз развернуть его, — сказала Ривка и откинулась на подушку.

Повитуха встала на колени перед кроватью и тяжело вздохнула. Через мгновение комната огласилась громкими криками, исторгнутыми, казалось, невыносимой болью.

Фарадей отвернулась, прижалась к Аксису и тут же ощутила, что он дрожит. Она подняла глаза. По его щекам текли крупные слезы.

Но вот повитуха поднялась на ноги. Ее правая рука была по локоть в крови. Вытерев полотенцем руку, она хрипло произнесла:

— Слава Артуру, ребенок развернулся как надо, — затем, взяв свежее полотенце, она вытерла Ривке лоб и, смотря ей прямо в глаза, сказала размеренно: — Миледи, ребенок развернулся как надо. Только не знаю, жив ли. Теперь дело за тобой. Ты слышишь меня?

Ривка сделала движение головой.

— Тогда тужься, тужься.

Через некоторое время вторая повивальная бабка, сменившая у постели Ривки свою компаньонку, удовлетворенно воскликнула:

— Марта, прорезывается головка!

Марта поспешила к постели.

Прошло томительных полчаса, и Фарадей увидела, что в руках повивальной бабки появился младенец.

— Шею опутала пуповина, — сипло сказала Марта. — Нож! Быстро! — она протянула руку.

Собрав последние силы, Ривка приподнялась на локтях и тревожно спросила:

— Он жив?

Возвратив нож, Марта ободряюще улыбнулась, но тут дверь отворилась, и обе повивальные бабки бросили взгляд назад.

В комнату никто не вошел, а кто стоял за открытой дверью, Фарадей видно не было, но зато она разглядела, как Марта изменилась в лице. Она поджала губы, нахмурилась

и недоуменно переглянулась с не менее опешившей компаньонкой. Но это недоумение длилось недолго. Марта кому-то кивнула, завернула младенца в чистую простыню и угрюмо произнесла:

— Мне очень жаль, миледи, но ребенок мертворожденный. Его задушила пуповина.

Ривка исторгла крик, протянула руки и иступленно воскликнула:

— Дай мне ребенка! Я хочу посмотреть на него.

— Не стоит, — ответила Марта, отведя глаза в сторону. — Ты и так настрадалась, — она прижала младенца к груди, кивнула подручной и вместе с ней быстро вышла из комнаты.

— Дайте мне посмотреть на ребенка! — вскричала Ривка и попыталась спустить ноги с кровати, но сил у нее не осталось. Она застонала и снова откинулась на подушку.

Фарадей вопросительно посмотрела на Аксиса.

— Подождем, — шепнул он. — Посмотрим, что будет дальше.

Ривка не шевелилась, но вот из груди ее вырвался тяжелый вздох, и она прошептала:

— У меня украли ребенка. У меня украли ребенка.

И тут дверь отворилась снова.

Ривка встрепенулась и тотчас снова издала крик отчаяния, увидав, как разлетается в прах ее последняя надежда. В комнату вошли двое, оба в черных сутанах. Аксис не поверил своим глазам: Джейм и Морисон.

— Пришли прикончить меня? — глухо спросила Ривка.

Ей не ответили. Морисон подошел к кровати, закутал Ривку в одеяло и взял ее на руки.

— Ты дал толковый совет, Морисон, — сказал Джейм. — Так и поступим. Отвезем блудницу к подножию Ледяных Альп. По крайней мере воронье не умрет с голоду.

— Лучше и придумать нельзя, — равнодушно ответил Морисон и вместе со своим компаньоном вышел из комнаты.

Фарадей взглянула на Аксиса. Черты его лица заострились, глаза сузились.

— Выходит, — медленно сказал он, — те страшные существа, что устроили бойню в этом монастыре, выкрали из склепа тело другой женщины, а Ривка умерла у подножия Ледяных Альп, — Аксис помолчал, а затем продолжил тихо, но жестко: — Но каков Джейм! Я всю жизнь верил ему, относился как к родному отцу, а он оказался негодяем и лицемером.

— А почему оставили в живых тебя? — спросила Фарадей.

— Ума не приложу, — Аксис пожал плечами. — Но придет день, и я все узнаю, и можешь не сомневаться, рассчитаюсь и с Джеймом, и с Морисоном.

Фарадей погладила Аксиса по плечу, заглянула ему в глаза. Аксис не шелохнулся. На его лице блуждала мрачная улыбка.

Не один Аксис испытывал смятение чувств. В то же время внизу, притаившись у монастырской стены, переминался с ноги на ногу Тимозел, сгорая от досады и нетерпения. Брат Фрэнсис вышел из обители час назад, а Фарадей и Аксис все еще там. Чем они занимаются?

Тимозел уже несколько раз порывался положить конец предосудительной встрече, но его неизменно удерживало одно: Фарадей пришла в монастырь по собственному желанию, без всякого принуждения. Но какое безрассудство! Какая безнравственность! Слабая, неразумная женщина. За ней нужен глаз да глаз. Но ничего! Он направит ее на путь истины. Борнхелд будет благодарен ему. Вместе с ним он одержит блистательные победы, прославится на все королевство.

Досада и раздражение — плохие помощники, и, верно, потому Тимозел не заметил, что и за ним наблюдают. А если бы заметил, то ужаснулся бы, ибо увидел бы Черного Человека, который являлся ему во сне. Черный Человек снисходительно улыбался.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Древо Жизни

В начале третьей недели Снежного месяца, за четыре дня до праздника Йул, Азур вместе с Золотым Пером и аvaraми добралась до северной границы Аваринхейма, где у подножия Ледяных Альп произрастали светлые рощи, неизменное место встречи аваров и икарийцев. За неделю до этого им повстречались авары из двух других кланов, и оставшийся путь они проделали вместе с ними.

Неожиданно для Азур, в эту неделю ей пришлось настрадаться. Барсарб не разрешила ей общаться с аvaraми из других кланов, и потому Азур нередко оставалась одна, размышляя горестно у костра о своей дальнейшей судьбе, целиком зависевшей от аваров. В такое время издали доносились приглушенные голоса, а то и веселый смех, — собравшиеся у другого костра авары обменивались последними новостями — но это оживление и веселье только усугубляли ее уныние и подавленность. Иног-

да с Азур оставалась Иза, а иногда и Золотое Перо, но если Иза старалась ее развлечь, то Золотое Перо неизменно была задумчива, а на все вопросы отвечала неохотно и односложно.

Золотое Перо можно было понять. Ее сын жив — эта весть ошеломила ее, и теперь она думала лишь о нем, в то же время предаваясь воспоминаниям.

Как не вспомнить тот день, когда к ней на крышу сторожевой башни в Сигхолте, откуда она любовалась заснеженными горами, опустился крылатый диковинный человек. Она нисколько не испугалась, поняв, что перед ней икариец. Уже тогда ни икарийцев, ни аваров Ривка не считала врагами, а к учению Сенешаля относилась с пренебрежением, хотя и впитала его догматы чуть ли не с молоком матери. Этой метаморфозе Ривка была обязана трубадуру, появившемуся в королевском дворце, когда она была еще совсем молоденькой девушкой. Этот странствующий певец — красивый молодой человек с бледным лицом и копной волос цвета меди провел во дворце около месяца, развлекая короля Карела и придворных. Но случилось, этот певец, то ли из желания отвести душу, то ли из симпатии к задумчивой миловидной принцессе, пел ей одной и пел совершенно другие песни, не те, что исполнял перед чопорной, неулыбчивой публикой. Оставаясь с Ривкой наедине, он пел ей об аварах и икарийцах, об их жизни, об их обрядах и верованиях, о святилищах, таинственных, но прекрасных. Эти песни будоражили душу, воспаляли воображение, а когда трубадур ушел, отправившись в дальнейшие странствия, Ривка, оставаясь одна, стала петь их сама, преисполняясь все большей и большей любовью к аварам и икарийцам.

Не удивительно, что Ривка не только не испугалась невесты откуда взявшегося крылатого человека, но и обрадовалась ему. Обрадовалась не зря. Икариец оказался не только благоразумным, мужественным, красивым, обаятельным человеком, но и могущественным чародеем, назвавшимся Повелителем Звезд. Ривка полюбила его, и он стал отцом ее сына.

Оказалось, что и Повелитель Звезд любит петь и поет замечательно. Такого чистого, мелодичного, проникновенного голоса Ривке слушать не приходилось. Прилетая на башню, Повелитель Звезд пел часами, сначала лишь ей, а спустя месяц-другой и еще не родившемуся ребенку, уверяя, что песни, которые он поет, оберегают от опасностей и несчастий. Но вот как-то раз, прижавшись ухом к животу Ривки, Повелитель Звезд радостно сообщил, что запел и младенец, и голос его, когда он вырастет, возмужает, пробудит народы Тенсендора от апатии и послужит их единению. Как они радовались тогда!

Радость кончилась с возвращением Сиэрласа. Разгневанный изменой жены герцог отправил ее рожать в Горкентаун. В Горкентауне она родила, но повивальные бабки, видно, по наущению Сиэрласа, сказали, что ребенок мертворожденный, после чего она оказалась во власти Джейма и Морисона, негодяев и лицемеров, которые отвезли ее в разбитой повозке к подножию Ледяных Альп, где и оставили умирать.

Она бы несомненно погибла, если бы на выручку ей не пришел Малиновый Хохолок, икариец, живший неподалеку. Не прошло и часа, как он привел ее на гору Великого Когтя к ее избраннику, Повелителю Звезд, который тотчас распорядился собрать всех врачей из окрестностей. Благодаря их

уходу и заботе Повелителя Звезд, не отходившего от нее ни на шаг, Ривка быстро поправилась.

Поправившись, она назвалась Золотым Пером, обычным и понятным именем в среде икарийцев. Однако новое имя не помогло. Икарийцы знали: она ахарка, и долгое время относились к ней с настороженностью, хотя и жалели, узнав о перенесенных ею страданиях. А какое недоумение, какие косые взгляды вызвал неожиданный умопомрачительный поступок Повелителя Звезд, объявившего своим соплеменникам, что берет ее в жены!

Однако со временем икарийцы привыкли к ней и более не чуждались ее. Золотое Перо ликовала: она принята икарийцами!

Но с годами радость померкла. Икарийцы жили намного дольше ахаров — несколько сотен лет — и в то время как она постепенно старилась, Повелитель Звезд оставался по-прежнему молодым. И вот пришло время, когда она с горечью ощутила, что Повелитель Звезд не так нежен, не так внимателен, как в первые годы ее замужества. Прошли еще годы, и вот однажды — в черный для нее день — она со стыдом и ужасом прочитала в его глазах жалость, а не любовь.

К тому времени Золотое Перо свела знакомство с аvaraми и стала сопровождать их одаренных детей к Папоротниковым горам. Чувствуя охлаждение мужа, она с удовольствием отдалась этому рискованному занятию, постепенно продлевая срок пребывания у аваров, и в конце концов стала возвращаться к икарийцам только тогда, когда начинала скучать по дочери.

Золотое Перо родила ее на пятом году замужества. Перебрав с мужем немало имен, они называли ее Юлой, в честь

лесного жаворонка юлы. Они угадали с именем. Уже в детстве Юла проявила незаурядные певческие способности и могла без труда соперничать с жаворонком. Пошла в отца — и не только этим. В пять лет у нее прорезались крылья, а в семь она научилась летать. Конечно, не обошлось без помощи Повелителя Звезд. Едва крылья начали прорезаться, он без устали пел Юле, стараясь своими песнями ускорить их рост и придать им необходимую форму. С тех пор минуло двадцать лет.

Думая о Юле, Золотое Перо неизменно мрачнела, хмурилась. Юла стала совершеннолетней, ей скоро в армию, в которой у икарийцев служили и мужчины, и женщины. В армию на целых пять лет! И в такое-то время! Вот-вот начнется война с Разрушителем. Да уберегут Юлу звезды!

Да уберегут звезды и Аксиса! Кому-кому, а ему, несомненно, придется схватиться с мерзким воинством Горгила. Он командир воинов Сенешаля. Правда, он, безусловно, храбрый, бывалый воин. Наверняка хорошо владеет оружием. Жаль только, что у него нет крыльев. Но, может быть, они еще вырастут, если он захочет того, а отец поможет ему. Тело всего лишь придаток организма и должно делать то, что велит разум, к чему стремится душа. Может, крылья и вырастут, ведь у Аксиса душа икарийца. Раум рассказывал, что Аксис пел Шире Песню Оздоровления и помог девочке оправиться от побоев. Эту песню знают только икарийские чародеи.

Аксис. Что за странное имя. Кто же так назвал сына? Может, Джейм? Подбирать имя будущему ребенку — приятное, радостное занятие, и она тоже вместе с Повелителем Звезд пыталась подобрать имя сыну, но они так и не пришли ни к чему. Ну, что же, Аксис так Аксис. Главное, что

он жив. Скоро Йул, и она встретится с мужем, расскажет ему о сыне. Как он обрадуется, как возликует! Да и сделает все возможное для того, чтобы встретиться с Аксисом. Тогда и она увидит его...

Золотое Перо можно было понять. Ее сын жив — эта весть ошеломила ее, и теперь она думала лишь о нем, в то же время предаваясь воспоминаниям и надеясь на скорую встречу с сыном.

У Азур были другие заботы. Она размышляла о своей дальнейшей судьбе. Оставят ли ее у себя авары? Возвратиться в Смиртон смерти подобно.

— Авары часто собираются вместе? — спросила Азур, помогая Изе натягивать кожаное полотнище на деревянный каркас шатра.

Другой шатер устанавливали Флит и Золотое Перо. Впрочем, без дела не остался никто: Барсарб и Раум пошли на встречу шаманов, Гриндл и Хелм отправились за дровами, а Хогни, Скали и Шира расчищали место для очага. Отовсюду слышались веселые голоса, шутливые восклицания, словесные перепалки. Во всех рощах, примыкавших друг к другу, устанавливали шатры.

— Нет, — ответила Иза. — Все кланы собираются только на Йул и Белтейн. Все остальное время кочуют, каждый сам по себе. На одном месте для всех пропитания не хватает. Но зато оба праздника проходят весело, интересно. Сегодня вечером все авары соберутся в роще у Древа Жизни. Обменяемся новостями, обсудим дела.

— А на этом сборе зайдет речь обо мне? — спросила Азур.

— Думаю, да. Ты не обижайся на нас: авары осторожные люди. Ты ахарка, а ахаров авары не жалуют. Это твои

соплеменники во время Войн Топора изгнали аваров с их исконных земель, а на отторгнутой территории без жалости вырубали леса, ранее простиравшиеся до залива Внешнего Мира. А о тебе речь особая. Из-за тебя погиб твой отец. Я знаю, ты хотела спасти Ширу и Раума, но убийство есть убийство, даже непреднамеренное. Кроме того, ты напала на лейтенанта топорonoсцев, напала по собственной воле. Авары не приемлют насилия, и потому все хорошенько обсудят, прежде чем решат твою участь.

— Но мне нельзя возвращаться в Смиртон! — вскричала Азур с отчаянием в голосе. — Меня сожгут на костре. Что же мне делать?

— Ждать и надеяться.

На севере Аваринхейма, у подножия Ледяных Альп располагалось несколько роцц, все — с поляной посередине, окруженной тонкими деревцами, за которыми произрастали вековые, в несколько обхватов, деревья. Все эти роцци были святилищами аваров, где они в Йул и в Белтейн отправляли религиозные церемонии вместе со своими соседями икарийцами.

Вечером, после ужина, все авары, а вместе с ними Азур и Золотое Перо направились в наиболее почитаемое святилище — в роццу, где росло Древо Жизни. Шли молча или тихо переговариваясь с благоговейным выражением на лице.

— Извини, Азур, что в последние дни я не уделяла тебе внимания, — сказала Золотое Перо, взяв девушку под руку. — У меня были свои заботы.

— Я знаю, и тебе нелегко, — отозвалась Азур.

— Думаю, что наши волнения скоро останутся позади, а твои — может, даже сегодня, — Золотое Перо ободряюще улыбнулась. — Но если случится невероятное, и авары тебе откажут даже в гостеприимстве, то я сведу тебя с икарийцами. Они примут тебя, можешь не сомневаться. Об этом позаботится мой муж, Повелитель Звезд.

— Спасибо. Ты полагаешь...

— Помолчите! — прервала разговор Барсарб. — Мы приближаемся к Древу Жизни. Проявите к нему уважение.

Пройдя меж вековыми деревьями и тонкими деревцами, все оказались на круглой поляне, в центре которой по кругу стояли на небольшом расстоянии друг от друга, но достаточном для того, чтобы пройти между ними, высокие прямоугольной формы каменные столбы, соединенные сверху гранитными плитами. В центре круга возвышалось гигантское дерево, вскинувшее, казалось, к самому небу свои огромные ветви с овальными темно-оливковыми воцеленными листьями, перемежавшимися с ярко-красными, темно-синими, изумрудно-зелеными и оранжевыми цветками. Само дерево тоже обрамляли столбы, только не такие высокие и с полукруглыми нишами, в которых горели факелы, освещаая дерево снизу.

Пройдя меж первыми высокими каменными столбами, Азур остановилась как вкопанная. У нее захватило дух. Столь величественной картины ей видеть не приходилось.

— Это Древо Жизни, святыня аваров, — пояснила Золотое Перо. — Оно символизирует связь Земли со Вселенной.

Азур кивнула. Вечно третируемая отцом, Хранителем Плуга, она была равнодушна к религиозным святыням, но гигантское дерево просто поражало воображение.

Тем временем авары рассаживались вокруг Древа Жизни перед столбами с полукруглыми нишами, источавшими яркое пламя факелов.

— Золотое Перо, Азур, поторопитесь, пожалуйста, — позвал Гриндл. — Сейчас начнется обряд.

Когда все расселись, наступила полная тишина. Затем все шаманы разом поднялись на ноги, и каждый, с широкой деревянной чашей в руке, направился к Древу Жизни. Обратно шли осторожно, стараясь не расплескать какую-то жидкость.

Азур удивилась: Барсарб и Раум, держа по чаше в руке, направились к другим группам аваров, а к аварам, ее соседям, подошел шаман из другого клана.

Гриндл встал.

Протянув ему чашу, шаман торжественно произнес:

— Приветствую тебя, брат. Сделай добрый глоток из чаши, и пусть нектар Древа Жизни направит твои стопы в Священную рощу, когда придет твое время.

Гриндл сделал глоток, поклонился.

Шаман подошел к Флит, потом к Изе, повторив процедуру. Не забыл и детей. Каждый благоговейно пригубил чашу с напитком. Дошла очередь и до Золотого Пера. Она поднялась.

— Приветствую тебя, жена икарийского чародея, — сказал шаман, улыбнувшись. — Сделай добрый глоток из чаши, и пусть нектар Древа Жизни поможет тебе исполнить Звездную песнь, когда придет твое время.

Золотое Перо пригубила чашу.

Шаман перевел взгляд на Азур. Девушка встала, выжидательно смотря на него.

— Приветствую и тебя, сестра, — медленно проговорил он, словно взвешивая слова. — Не обессудь, но нектар Древа Жизни пока что не для тебя. Ты испьешь его позже, если тебя примут в наше сообщество.

Азур помрачнела, на ее глаза навернулись слезы. Она села с убитым видом, даже не взглянув на Золотое Перо.

— Не огорчайся, Азур, — раздался рядом сочувственный шепот. — Все закончится хорошо, — Золотое Перо нашла бы и другие утешительные слова, но, заметив, что к Древу Жизни подошла высокая седовласая женщина, она склонилась к расстроенной девушке и шепнула ей на ухо: — Это Мирболт, главный шаман аваров. Послушаем, что она скажет.

— Приветствую тебя, Древо Жизни, — проникновенно сказала Мирболт, прижав руку к сердцу и поклонившись. — Приветствую и вас, братья и сестры, — Мирболт неторопливо пошла вокруг дерева, кланяясь и приветливо улыбаясь. Затем, заложив руки за спину и не переставая шагать по кругу, она громко продолжила: — Через четыре дня Йул, и мы встретимся с икарийцами. С ними мы не только обсудим положение дел в Тенсендоре, но и вволю повеселимся. А пока я поделюсь с вами последними новостями. Мужайтесь, братья и сестры. Раум вернулся от Матери и принес ужасную весть: стало сбываться пророчество о пришествии Разрушителя. В Тенсендоре появились блюстители этого предсказания, и Раум виделся с ними.

Авары тревожно зашушукались. Слухи о появлении Разрушителя ходили уже давно, но одно дело слухи, и совсем

другое — устрашающая действительность. Шум утих, как только Мирболт продолжила говорить:

— Раум принес и другую весть: нашелся Друг Леса, получивший благословение Матери.

На этот раз вместо тревожного шепота раздался громкий гул одобрения. Послышались ликующие крики, возгласы восхищения. Многие прослезились.

Мирболт подняла руку, призывая к тишине и вниманию.

— Этими новостями мы обязательно поделимся с нашими братьями, икарийцами, а потом вместе с ними обсудим, что следует предпринять, — сказала она и снова прервала речь. Предстояло перейти к самому неприятному.

Наконец, обойдя еще раз вокруг гигантского дерева, Мирболт тяжело вздохнула и продолжила дальше:

— Разрушитель, называющий себя Горгрилом, вот-вот обрушится на Тенсендор. Но я нисколько не сомневаюсь, что под водительством Звездного Человека народы Тенсендора одержат победу над Разрушителем. Но сейчас я хочу сказать о другом. Согласно пророчеству, Горгрилу дали жизнь Крыло и Рог, а это значит, что матерью Разрушителя, возможно, стала аварка, одна из тех, которые как-то в Белтейн зачали ребенка от икарийца, но, в отличие от других, решившаяся на роды вопреки существующему запрету. Конечно, матерью Горгрила могла оказаться и икарийка, но тогда его отцом стал авар. Как бы там ни было, Горгрил обязан жизнью одному из аваров, и мы все ответственны за этот позор. Такова горькая правда, которую я не имела права скрывать.

На поляне установилась гнетущая тишина. Авары оцепенели. Затем послышались стоны, горькие возгласы. Мно-

гие снова заплакали, на этот раз от стыда. И тогда Мирболт возвысила голос:

— Братья, сестры, не предавайтесь отчаянию. Мы смоём с себя позор. А пока я вас немного утешу. Согласно тому же пророчеству, Звездный Человек — родня Разрушителя. Видно, брат ему по отцу или матери. Тогда, возможно, кто-то из наших братьев или сестер дал жизнь не только Горгрилу, но и Звездному Человеку.

Авары заулыбались. Мужчины приосанились, женщины вытерли с лица слезы.

— А Друг Леса... кто это? — подал голос авар из клана Выносливых Пешеходов.

— С Другом Леса виделся Раум, — сказала Мирболт. Она нашла глазами шамана и позвала: — Раум, прошу тебя, подойди к Древу Жизни и дай необходимые пояснения.

Раум подошел к Древу Жизни, но прежде чем ответить на вопрос соплеменника, медленно обошел дерево, размышляя. Авары хорошо знали поверье, появившееся еще тысячу лет назад, которое предрекало появление Друга Леса, способного вернуть аварам их исконные земли, отторгнутые ахарами во время Войн Топора. Но разве им могло прийти в голову, что Другом Леса окажется жительница безлесной равнины, представительница народа, которого они боятся и ненавидят? Как воспримут его сообщение? Люди и так только что перенесли потрясение, узнав о происхождении Горгрила. Пожалуй, лучше рассказать обо всем подробно, ничего не утаивая.

Придя к этой мысли, Раум звучным и ясным голосом произнес:

— Друг Леса — ахарка, не удивляйтесь.

Но как было не удивиться? Раздались недоуменные возгласы. Как ахарка, жительница равнины, может быть Другом Леса?

— Не удивляйтесь, послушайте, — мягко продолжил Раум. — Примерно месяц назад я отправился на Папоротниковое озеро, чтобы представить матери Ширу, девочку из нашего клана. И вот на берегу этого озера я встретил двух блюстителей предсказания. С ними была ахарка, девушка по имени Фарадей, которую блюстители предсказания собирались представить Матери. Поначалу я возмутился, но меня попросили подвергнуть девушку испытанию. Волей-неволей я согласился. Но, к моему великому удивлению, девушка не только прошла испытание, но и перед лицом смертельной опасности обратилась за помощью к дереву. И тут случилось невероятное. Лес запел для жительницы равнины. Она услышала Песню Леса. После того как девушка прошла испытание, мне пришлось выполнить обещание, данное блюстителем предсказания, и я представил Матери вместе с Широй и Фарадей. Думаю, я правильно поступил. Девушка не только получила одобрение Матери, но и была принята Всемогущими Рогачами, а Серебристый Рогач назвал ее «Другом Леса».

Авары заулыбались. Мать и Всемогущие Рогачи не могли ошибиться. Друг Леса найден! Конечно, немного жаль, что им оказалась ахарка.

Предоставив своим соплеменникам возможность осмыслить необычайное сообщение, Мирболт сказала:

— А теперь нам надо кое-что обсудить. На нашем сборе присутствует ахарка Азур, дочь Хагена, Хранителя Плу-га из Смиртона. Азур, подойди, пожалуйста, ко мне.

Сердце у девушки сжалось, живот свело от нервного напряжения. Она встала и на подгибающихся ногах подошла к шаману. Мирболт взяла ее за руку и медленно обвела вокруг дерева, чтобы все присутствующие на сборе ее рассмотрели. Остановившись, Мирболт сказала:

— Эта девушка помогла Рауму и Шире бежать из тюрьмы, куда они попали после того, как их схватили ахары. Однако, помогая нашим друзьям, Азур совершила насилие, которое привело к смерти ее отца и ранению лейтенанта топорносоцев. Азур боится возвращаться домой и хочет остаться с нами. На нашем сборе мы должны решить ее участь. Но прежде послушаем Раума. Он лучше знает Азур.

Раум, успевший вернуться на свое место, снова подошел к Древу Жизни и, шагая вокруг него, начал рассказывать:

— Возвращаясь от Матери, нас с Широю в окрестностях Смиртона схватили ахары, которые без всякого разбирательства бросили нас в тюрьму, где мы подверглись побоям и истязаниям. Нам грозило сожжение на костре, и мы бы погибли, если бы не Азур. Увидев нас — избитых и павших духом — в тюрьме, она пожалела нас и решила спасти. Ей хотел помешать отец, но, набросившись на Азур, он напоролся на свой же собственный нож и сразу же умер. За этой жуткой сценой следила Шира. И вот, когда Хаген упал, произошло неожиданное. Шира смочила пальцы пролившейся на пол кровью, вывела на лбу у Азур три полоски и произнесла: «Принята!». Не берусь сказать точно, но, возможно, Шира решила, что Азур принесла Хагена в жертву, и эта жертва принята Матерью. Это надо учесть, — проходя мимо девушки, Раум ободряюще улыбнулся и продолжил, шагая дальше по кругу: — Да, Хаген умер, но он

был грубым, безжалостным человеком. Сначала он трети-
ровал собственную жену, а когда та убежала, не выдержав
истязаний, взялся за дочь. Все последние годы он ее систе-
матически избивал. Я видел следы этих побоев. Они ужас-
ны, — Раум замолчал, собираясь с мыслями, а затем, сдви-
нув брови, продолжил дальше: — Да, Азур напала на
лейтенанта топороносцев, ударив его камнем по голове, но
чтобы освободить меня из тюрьмы, у нее другой возможно-
сти не было. И это тоже надо учесть. А теперь послушаем,
что скажет Азур, — Раум подошел к девушке и снова обо-
дряюще улыбнулся.

Азур растерялась: она не ожидала, что ей предоставят
слово. Однако молчать было нельзя, и, преодолев робость
и замешательство, она сказала дрожащим голосом:

— Я очень, очень признательна вам за то, что вы по-
зволили мне присутствовать на вашем сборе. Я хочу остаться
с вами и дальше. Я ахарка, и мне известно, что мои сопле-
менники причинили аварам немало зла. Я сожалею об этом.
Я и сама совершила насилие, но, прошу мне поверить, меня
побудили к тому чрезвычайные обстоятельства. Обещаю, я
не причиню вам вреда. Пожалуйста, оставьте меня у себя.
Мне нельзя возвращаться в Смиртон. Я уже месяц живу у
аваров из клана Тенистого Дерева и полюбила их всей ду-
шой. Мне нравятся ваши обычаи, дарующие радость, спо-
койствие. Пожалуйста, оставьте меня у себя.

— Спасибо, Азур, — сказала Мирболт. — А теперь
тебе придется чуточку подождать. Клань обмениваются мне-
ниями. А пока... — шаман перевела взгляд на Раума. —
Раум, займи Азур. Мы и без тебя обойдемся, — Мирболт
улыбнулась. — Твое мнение и так хорошо известно.

Раум подошел к девушке и взял ее за руку.

— Раум, меня оставят? — спросила Азур, заглядывая шаману в глаза.

— Потерпи, скоро узнаешь. А пока подойдем к Древу Жизни. Я тебе расскажу о нем.

Подойдя к дереву, Азур снова подивилась его размерам: обхватов в пятнадцать—двадцать! А как высоко, как развесисто! Она дотронулась до ствола и неожиданно ощутила, что дерево отозвалось, отозвалось теплой волной. Казалось, что оно дышит.

— Древо Жизни существует испокон веку, — сказал Раум. — Авары верят, что пока оно живо, их род не исчезнет. Говорят, во время Войн Топора, когда ахары преследовали аваров, Древо Жизни чуть не засохло. С той поры прошла тысяча лет, но Древо Жизни до сих пор полностью не окрепло. Но мы верим, наступит время, и дерево возродится.

— Оно обязательно возродится, — отозвалась Азур.

Разговор прервала Мирболт.

— Азур! — позвала она.

Девушка вздрогнула, повернулась и подняла глаза на шамана в надежде на благоприятное сообщение.

— Дорогая, — сказала Мирболт, — мы рассмотрели твою просьбу. Клань решила, что ты можешь остаться с нами, но только гостьей, а не членом сообщества. Извини.

На глаза Азур навернулись слезы.

— Я понимаю, — прошептала она. — Спасибо.

Во имя Артора

— За Горгрила! — раздался зловеющий шепот.

Борнхелд всмотрелся в туман, держа меч наготове. Вот он, скрелинг: светящиеся глаза над разинутым хищным ртом, из которого капает омерзительная слюна. Борнхелд изловчился и пронзил скрелингу глаз. Из глазницы потекла кровь. Герцог потянул меч на себя, и почти в тот же миг что-то упало в снег и откатилось немного в сторону. Борнхелд взгляделся: голова скрелинга, щелкающая зубами в предсмертной агонии.

Герцог огляделся по сторонам. Скрелинги атаковали патруль около получаса назад, а бой все еще продолжается. Хорошо, что солдаты не пали духом. Головы скрелингов валяются там и сям, но и патруль поредел. Борнхелд вздохнул. Как это Аксис обходится без потерь? Еще не было случая, чтобы он потерял хотя бы одного человека.

Размышления Борнхелда прервал Готье, осадивший рядом взмыленного коня.

— Туман рассеивается, — прохрипел лейтенант. — Скрелинги отступают.

— Сколько мы потеряли людей?

Готье не успел ответить. Его опередил подъехавший Тимозел.

— Восьмерых, и еще двое ранены.

Борнхелд кивнул, оценил Тимозела взглядом. Возмужал, держится молодцом. В бою за спины других не прячется. А главное — предан, предан ему, не Аксису.

— Милорд, каковы будут распоряжения? — подал голос Готье.

— Продолжим патрулирование. Мертвых и раненых заберем на обратном пути. Собирай людей.

Через несколько минут патруль двинулся дальше, на север, углубляясь в Горкен-проход.

Скрелингов видно не было. Царившая кругом тишина дала другое направление его мыслям, и Борнхелд вспомнил о Фарадей. Верная, преданная жена. Любит его без памяти. А с каким презрением она относится к Аксису! Не удостаивает его даже взглядом. Вот только будет ли она в безопасности в Горкен-форте? Йорг советует отправить ее к отцу. Да нет, в Горкен-форт скрелингам не проникнуть. Скрелинги! Оказалось, что монахи правы. Не отверженные, а скрелинги во главе с Разрушителем напали на королевство. Те самые существа, о которых говорится в пророчестве. Да только во всем остальном это дьявольское пророчество наверняка нагромождение лжи. Скорее всего, целенаправленный вымысел коварных отверженных, а Горгрил и скрелинги — их мерзостные наемники,

прокладывающие им путь для вторжения в королевство. Отверженные — вот кто истинные враги. Об этом ясно и убедительно говорится в Книге Поля и Борозды. Но даже если они не в сговоре с Разрушителем, союз с ними категорически исключен. Он справится и без них, одержит победу во имя Артора, спасет королевство. Артор не оставит его своим покровительством.

Размышления Борнхелда прервал громкий возглас:

— Так и будет!

Борнхелд встrepенулся. Тимозел! О чем он? Да еще не испросив дозволения обратиться. Герцог нахмурился.

— Я видел сон, ниспосланный Артором, — продолжил восторженно Тимозел, не обращая внимания на раздраженный вид Борнхелда. — Под твоим руководством, милорд, мы одержим блистательные победы. Ты пошлешь меня в бой, и я поведу за собой огромное войско. Враг будет наголову разбит. А после битвы мы усядемся у костра и станем пить изысканное вино. С нами будет и Фарадей.

Борнхелд опешил. Неужто Тимозел помешался? А может, он говорит по вдохновению свыше? Вполне вероятно. Стоило ему самому подумать об Арторе, и он отозвался божественным откровением.

— Артор время от времени ниспосылает мне вещи сны, — доверительно пояснил Тимозел. — В этих снах ты неизменно одерживаешь победу над неприятелем. Помани мои слова, милорд, именно ты спасешь Ахар от Разрушителя и отверженных. Поверь мне.

Борнхелд выпрямился в седле.

— Я верю тебе, Тимозел, — напыщенно сказал он. — Я, и никто иной, спасу королевство. И разобью гнусное вой-

ско Горгрила, не вступая в союз с отверженными. Пусть с ними якшается Аксис. Он уже опустился до тесного общения с помешанными монахами, несущими ересь, и скоро докатится до измены.

— Мы обойдемся без Аксиса, — подхватил Тимозел. — И победим, потому что будем сражаться во имя Артора!

В тот день скрелингов они больше не встретили.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

У Матери

— Сейчас самое время, Ир, — убежденно произнесла Фарадей, расхаживая в ночной рубашке по спальне. — Борнхелд уехал на патрулирование и вернется не скоро, — она подошла к большому железному сундуку и вынула из него деревянную чашу, подарок Серебристого Рогача.

— Не забудь снять рубашку, — подала голос Ир.

Фарадей кивнула. Раздевшись, она налила в чашу воды, а затем взяла нож и провела лезвием по большому пальцу левой руки. Склонившись над чашей и выдавливая из пореза на пальце кровь, она прошептала:

— О Всемогущая Мать, пусть эта кровь утолит твою жажду. Прими меня в свои благостные объятия.

И едва Фарадей произнесла эти слова, как чаша засияла изумрудно-зеленым светом, и свет этот стал разрастаться, словно туман, поднимаясь все выше и выше и заполняя

собою комнату. Ее очертания расплылись. Потолок исчез, стены распались.

Но вот туман стал рассеиваться, и Фарадей увидала, что идет по мягкой траве. Посмотрела вверх — небо, а на нем яркие звезды. Впереди показались вековые деревья — тот самый дремучий лес, за которым находилась Священная роща. Фарадей быстро нашла тропинку и углубилась в чащобу. Мрачные, толстые, в несколько обхватов деревья постепенно сменялись веселыми тонкими деревьями. Священная роща!

Внезапно Фарадей услышала музыку, нежную музыку ритмических переливов, раздававшуюся без внешнего звука, но легко и ясно воспринимаемую, ибо она передавалась струнам сердца. Фарадей охватило чувство восторга. Она почувствовала, как по телу разливается умиротворяющее тепло, а на душе становится радостно и светло.

Но вот и поляна. Фарадей улыбнулась: ее уже ждут. На другой стороне поляны она увидела Серебристого Рогача.

— Друг Леса, мы ждали тебя, — степенно произнес он.

Рогач подошел к Фарадей и, обняв ее за плечи, потерся щекой о ее щеку.

— Мне было не вырваться, — смущенно ответила Фарадей. — Я как-то раз собралась, но мне помешали.

— Нам известно об этом. Ты служишь пророчеству. У тебя много дел. Но сегодня твой день. Ты встретишься с Матерью. Иди по этой тропе, — Серебристый Рогач показал рукой на тропинку и внезапно исчез.

Фарадей удивилась: откуда взялась тропинка? Она могла поклясться, что когда впервые оказалась в Священной

роще, тропа была лишь одна — та, что вела сюда из дремучего леса.

Фарадей пожала плечами и пошла между деревьями. Но вот впереди, в дальнем конце тропинки, забрезжил смутный блекло-голубой свет, и в этом призрачном свете отчетливо возникла фигура женщины. Всемогущая Мать! Фарадей пришла в возбуждение. Ее дыхание участилось, губы дрогнули, на глаза навернулись слезы. Она ускорила шаг. С каждым шагом становилось светлее. Но вот стало слепить глаза, пахнуло жаром. Фарадей заморгала, зажмурилась.

— Дочь моя, — послышался женский голос.

И тут свет померк, а жара сменилась прохладой. Фарадей открыла глаза. Перед ней в пятне желтого света стояла миловидная женщина, чуть старше среднего возраста, с голубыми глазами и каштановыми волосами, собранными в корону. На ней было длинное лиловое платье, перехваченное широким цветистым поясом.

— Фарадей, — сказала она, — Всемогущие Рогачи зовут тебя Другом Леса. Борнхелд называет женой, Аксис — возлюбленной, а я стану звать тебя дочерью.

— Спасибо, — чуть слышно ответила Фарадей.

— Пойдем, дитя мое, погуляем. Посмотришь мой сад.

Внезапно ночь сменилась ярким солнечным днем, и Фарадей увидала ухоженные дорожки, посыпанные золотистым песком, ряды причудливых клумб с фантастическими цветами всех тонов и расцветок, раскидистые деревья с сочными привлекательными плодами. По саду летали птицы с ослепительно ярким оперением. Стрекотали цикады. Женщина повела Фарадей по берегу извилистого ручья, с веселым журчанием низвергавшегося небольшими уступами к

миниатюрному озерцу. Дойдя до этого водоема, окруженного живописными валунами, женщина предложила:

— Давай искупаемся.

Ответом послужила радостная улыбка. Женщина сняла платье и вместе с Фарадей вошла в воду, держа в руке кусок душистого мыла. Оказалось, что мыло для Фарадей. Ее тело намылили и стали нежно массировать.

— Как приятно, — отозвалась Фарадей.

— До сих пор ты чувствовала грубые прикосновения Борнхелда, проявление похоти, а сейчас тебя касаются руки матери, несущие умиротворение и любовь, — ответила женщина.

— У меня к тебе просьба.

— Какая?

— Я не хочу ребенка от Борнхелда. Сделай так, чтобы я от него не зачала.

Женщина нагнулась и поцеловала Фарадей в лоб.

— Не тревожься. У тебя будут дети только от любимого человека.

— Спасибо, — лицо Фарадей расцвело в улыбке.

— Ты чувствуешь себя лучше?

— Намного.

— Тогда давай еще погуляем, но сначала оденься. На берегу, рядом с моим, лежит еще платье. Это мой подарок тебе.

Платье пришлось впору. Оно было сшито из мягкой ткани, переливавшейся всеми цветами радуги. Фарадей поблагодарила и пошла рядом с Матерью.

— Это платье следует надевать только в особых случаях, — улыбнувшись, сказала женщина. — В каких — узнаешь потом. Храни его.

— Это твой подарок, — взволнованно ответила Фарадей. — Я стану беречь его.

— У меня для тебя есть и другой подарок. Остановись на минуту.

Женщина зажала руками голову Фарадей и пронзила ее пламенным взглядом.

— Я передала тебе заряд силы. Эта сила поможет тебе выполнить свое великое предназначение. Как ею пользоваться, также узнаешь со временем. Прислушивайся к голосу сердца, — женщина отвернулась, насторожилась, а затем тревожно продолжила: — Борнхелд возвращается. Тебе пора в Горкен-форт.

— Неужели он уже возвращается? — растерянно произнесла Фарадей.

— Ты у меня три часа. Я рада, что тебе не наскучила. Мы еще увидимся, Фарадей. Если у тебя дрогнет сердце, если тебя охватит отчаяние, позови меня, и я помогу тебе. Если над тобой нависнет нешуточная опасность, если ты растеряешься, позови меня, и я помогу тебе. Ты моя дочь. А теперь запомни стихи:

Меня окутал-мрак крошечный,
И нет просвета впереди.
О Мать, прошу тебя, не мешкай
И мне на выручку приди.

Женщина ободряюще улыбнулась и попросила:

— Повтори эти стихи.

Фарадей прочла стихи без запинки. Женщина удовлетворенно кивнула и мягко произнесла:

— Не забудь их. Они тебе пригодятся.

— Я не забуду, — уверила Фарадей и... оказалась у себя в спальне.

— Куда ты запропастилась? — в сердцах воскликнула Ир. — Я думала, ты уже не вернешься. Борнхелд во дворе, а тебя нет и нет, — Ир всплеснула руками. — А откуда на тебе платье? Снимай сейчас же, вот-вот придет Борнхелд... Да не ходи нагишом — это же неприлично. Надень ночную рубашку и залезай в постель. Притворись спящей.

За дверью раздались тяжелые шаги. Ир схватила платье, снятое Фарадей, и поспешно положила его в сундук. Едва она захлопнула крышку, как вошел Борнхелд.

— Поди прочь! — гаркнул герцог, свирепо взглянув на Ир.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Утро Йула

Наступило утро седьмого дня третьей недели Снежного месяца, и если бы ахары продолжали, как в стародавние времена, отмечать те же праздники, что и икарийцы с аварами, для них пришло бы время Йула. Но если бы даже ахары не отказались от Йула, защитникам Горкен-форта и Горкентауна в этот день было бы не до праздника.

Вот уже неделю мела метель, сопровождавшаяся лютыми холодами, непривычным явлением при длительном снегопаде. Подвоз топлива и продовольствия со складов, вытянувшихся цепочкой от столицы до Горкентауна, прекратился. Солдаты мерзли, недоедали. Борнхелд отменил патрулирования, сосредоточив все свои мысли на обороне форта и города. Он опасался нападения Разрушителя.

В это утро Аксис, граф Йорг и лорд Магариз стояли на крыше самой высокой башни и, ежась от холода,

всматривались в мутную мглу, сквозь которую летели белые хлопья снега.

— Если скрелинги нападут, придется стрелять вслепую, — мрачно произнес Магариз.

— Вряд ли это поможет, — не менее мрачно ответил Йорг. — Попасть стрелой скрелингу в глаз можно только случайно.

— Можно воспользоваться и маслом, — добавил Магариз, кивнув на стоявший у ограждения большущий закопченный котел с топкой под днищем.

— Сомневаюсь, что скрелинги станут карабкаться по стене, — утрюмо возразил Аксис. — Они могут напасть на форт сверху, воспользовавшись нисходящим потоком воздуха. Кроме того, у части скрелингов имеются крылья.

— Похоже, мы сами ничего не решим, — сказал Магариз. — Пошли к Борнхелду. Пусть и он пошевелит немного мозгами.

Командир форта заковылял к лестничному проему. Аксис и Йорг последовали за ним.

— Что нового? — спросил Борнхелд, склонившись над камином и потирая над огнем руки. Невдалеке от него стояли Готье, Роланд и Велиар. Все были в кольчугах и латах.

— Метель не утихает, милорд, а мороз все крепчает, — ответил Магариз. — Не сомневаюсь, это происки Горгрила. Непрестанная метель наводит на солдат ужас, а мороз холодит не только тела, но и души. Солдаты теряют мужество. Надо что-то предпринимать.

— Что предпримешь в такую погоду? — утрюмо произнес Борнхелд. — Вылазка не поможет. Не пройдет и пяти минут, как все солдаты замерзнут.

— Пожалуй, сейчас и Горгрил не решится на энергичные действия, — задумчиво сказал Аксис. — Как я заметил, духи активизируются в тихую, маловетреную погоду.

Магариз кивнул.

— Мы не раз патрулировали в ненастье, правда, не в такую метель, как сейчас, и ни разу не подверглись нападению неприятеля. Возможно, Аксис, ты прав, и Горгрил пока не будет атаковать.

— Тогда зачем Разрушитель наслал эту дьявольскую метель? — нахмурившись, спросил Роланд.

— Горгрил хочет посеять панику среди наших солдат, а заодно показать и свою силу, — ответил Йорг.

— А может, просто беснуется, пестует свою ненависть, — предположил Боевой Топор. — Вероятно, бросит в бой скрелингов только после метели.

— Не станем гадать, когда нападет на нас Горгрил, — угрюмо сказал Борнхелд. — Наша задача — быть постоянно во всеоружии. Горгрил должен получить по заслугам, а для этого Разрушителю должны противостоять боееспособные воины, а не окоченелые трупы. Готье, распорядись, чтобы в городе во всех нежилых домах выломали деревянные переборки, а вместе с ними и двери. Пустите их на дрова.

— Слушаюсь, сэр, — повиновался Готье.

О том, что солдаты мерзнут, недоедают, ему было известно не хуже, чем Борнхелду, но в отличие от него, он был осведомлен и о том, что вопреки запрету главнокомандующего, солдаты то и дело обсуждают пророчество, высказывая при этом противоречивые мнения. Одна часть солдат по-прежнему считала своими первейшими врагами жестоких вероломных отверженных, полагая, что скрелинги — их мерзостные наемники, прокладывающие им путь

для вторжения в королевство. Эти солдаты верили в Борнхелда, считая, что только он может спасти Ахар. Зато другие солдаты, узнав, что «отверженными» называют аваров и икарийцев, которые в стародавние времена жили в мире с ахарами на территории одного государства, а затем стали жертвами безжалостного гонения со стороны Сенешаля, не только перестали относиться к отверженным как к врагам, но и стали сочувствовать им, рассудив, что в прошлом те незаслуженно пострадали, а теперь находятся в не меньшей опасности, чем ахары. Эти солдаты верили в Звездного Человека, который, объединив ахаров, аваров и икарийцев, сможет победить коварного Разрушителя. Особняком стояли топорonoсцы. Они тоже сочувствовали аварам и икарийцам, но считали, что к победе над Разрушителем их приведет Боевой Топор.

Стоит ли рассказать о настроениях солдат Борнхелду? Готье не раз размышлял об этом, но всякий раз откладывал тягостный разговор, приходя к неприятной мысли, что окажется единственно виноватым. Не уследил за солдатами! Не пресек крамольные разговоры! Вот и сейчас лейтенант решил, что разумнее промолчать. Зачем нарываться на неприятность?

Размышления Готье прервал Борнхелд.

— Ясно одно, — сказал герцог, — от сражения не уйти. Горгрил не двинется в глубь Ахара, оставив у себя за спиной неприятельскую крепость с четырнадцатью тысячами солдат. Поэтому готовьтесь к сражению, и да поможет нам Артор.

Азур и Золотое Перо, закутавшись в шерстяные шали, сидели у ярко пылающего костра. Поведя зябко плечами, Золотое Перо сказала:

— Не помню, чтобы в Аваринхейме на Йул было так холодно.

Азур безучастно кивнула. Она думала о своем, в который раз горестно сожалея, что авары оставили ее у себя только гостей, а не членом сообщества. Впрочем, Золотое Перо и не рассчитывала на пространный ответ. Она тоже думала о своем, с нетерпением ожидая Юлу и Повелителя Звезд, которые вместе с двадцатью — двадцатью пятью соплеменниками должны были присоединиться к аварам на предстоявшем празднике Йул.

Золотое Перо нахмурилась. До начала торжеств остаются считанные часы, а икарийцев все нет и нет. Куда они подевались? Что могло задержать их?

В томительном ожидании прошло около часа. Но вот Золотое Перо встрепелась и, тронув девушку за рукав, возбужденно произнесла:

— Посмотри на небо, Азур!

На небе появились какие-то точки, они приближались, росли на глазах.

— Это птицы? — спросила Азур.

— Это икарийцы, — пояснила Золотое Перо, стремительно поднимаясь. — Они — крылатые люди.

Вокруг раздались возбужденные голоса. Авары приветствовали друзей.

— Икарийцы! Икарийцы! Слава Матери, прилетели!

Но вот гул толпы потонул в шуме крыльев, и икарийцы стали опускаться на землю.

— Ты где, Повелитель Звезд? — вскричала Золотое Перо.

Ей ответили благозвучным выразительным голосом:

— Я здесь, моя дорогая.

Золотое Перо подобрала юбки и побежала на голос. Подбежав к Повелителю Звезд, она повисла на его шее. Он обнял ее, сомкнув руки и крылья.

Азур еще никогда не видела икарийцев и сейчас, отойдя на несколько шагов от догорающего костра, рассматривала их с нескрываемым любопытством, остановив в конце концов взгляд на Повелителе Звезд.

Это был высокий, стройный, мускулистый мужчина с продолговатым лицом, высоким лбом и длинными золотистыми волосами, которые, ниспадая на плечи, постепенно меняли цвет, становясь сначала бледно-янтарными, затем серебристыми и, наконец, ослепительно белыми, такими же, как и крылья. Он был обнажен по пояс, и всю его одежду составляли золотистые панталоны, заправленные в мягкие кожаные сапожки.

Подивившись внешнему виду Повелителя Звезд и насмотревшись на всеобщее оживление, Азур приуныла, почувствовав себя посторонней среди шумного собрания. Она вернулась на место и, подбросив в костер несколько сухих веток, предалась горестным размышлениям.

Тем временем Золотое Перо, оглядевшись по сторонам, спросила у мужа:

— А где Юла?

— Она прилетит чуть позже, вместе с Отважным Соколом, — сказал Повелитель Звезд, посмотрев на небо.

Золотое Перо погладила его по щеке и тихо произнесла:

— Я хочу тебе кое-что сообщить. Ты удивишься, обрадуешься.

— Чему? — светло-желтые брови Повелителя Звезд поползли вверх.

— Наш сын не умер, он жив. Джейм, Морисон, да и повивальные бабки, обманули меня.

Повелитель Звезд недоуменно посмотрел на Золотое Перо. Он давно забыл о мертворожденном ребенке, и неожиданное известие привело его в замешательство. Наконец он провел по лицу рукой, словно снимая с глаз паутину, и, запинаясь, сказал:

— Наш сын... жив? Как это может быть? Ты же мне сама говорила, что он умер при родах.

— Он не умер, его украл Джейм, и теперь наш сын — командир воинов Сенешаля, Боевой Топор.

Повелитель Звезд отступил на шаг. Его лицо исказилось от ужаса.

— Наш сын — Боевой Топор? Этого быть не может.

— Это правда, — раздался рядом уверенный голос Разума. — Я встречался с Боевым Топором. Он называл себя сыном Ривки.

— Вероятно, этот топорonoсец злонамеренно выдавал себя за нашего сына. Видно, действовал по наущению Сенешаля, чтобы с какой-то преступной целью втереться в доверие к икарийцам, а заодно и к аварам.

— Ты ошибаешься, Повелитель Звезд Парящее Солнце. Боевой Топор, несомненно, твой сын. Он похож на тебя. Кроме того, у него душа икарийского чародея. Он при мне пел нашей девочке Шире, которая была при смерти, Песню Оздоровления, и только благодаря этой песне девочка выжила.

Повелитель Звезд безмолвствовал. Он стоял, тяжело дыша и слегка пошатываясь. Его лицо то бледнело, то заливалось краской, выдавая душевную бурю, борьбу досады и недоверия с радостью и надеждой.

— Это правда, любовь моя, — сказала Золотое Перо. — Я сама видела нашего сына, но, к сожалению, не признала его, — она разрыдалась. Затем полными слез глазами она взглянула на мужа и потерянно прошептала: — Что же нам делать? Как вернуть сына? Ему не место в воинстве Сенешаля.

Лицо Повелителя Звезд осветилось слабой улыбкой. У него есть сын!

На этот раз на встречу с аварами прилетели только наиболее именитые икарийцы во главе со старшим братом Повелителя Звезд, Мудрым Вороном Парящее Солнце, Великим Когтем и главнокомандующим Ударными Силами, состоявшими из двенадцати стай, в каждой из которых имелось двенадцать крыльев, каждое из двенадцати стрелков, как мужчин, так и женщин.

Встретив восторженными криками икарийцев, авары вскоре пришли в замешательство, заметив, что многие икарийцы — те, что служили в Ударных Силах, — прилетели на праздник вооруженными. У каждого воина на плече висел лук, а на спине между крыльями — колчан, полный стрел. От икарийцев ждали вразумительных объяснений, однако никто из аваров не решился обратиться к Зоркому Глазу, командиру стаи Ударных Сил, когда тот, отыскивая кого-то глазами, прокладывал себе путь сквозь толпу.

Оказалось, что Зоркий Глаз искал Повелителя Звезд, который все еще разговаривал с Раумом и женой.

Подойдя к ним, Зоркий Глаз сказал:

— Повелитель Звезд, Великий Коготь вместе с главным шаманом аваров в роще у Древа Жизни устраивает военный совет. Он просит тебя прийти, — Зоркий Глаз

перевел взгляд на Раума. — На совете ждут и тебя. Нам следует кое-что обсудить перед началом религиозных обрядов, если только эти обряды вообще состоятся.

Раум ответил тревожным взглядом. Справившись с волнением, он сказал:

— Зоркий Глаз, Повелитель Звезд только что получил ошеломляющее известие, и его тоже нужно обсудить на совете. Пошли, Повелитель Звезд. Золотое Перо, пойдем с нами. Вероятно, к тебе будут вопросы.

Когда Зоркий Глаз, Повелитель Звезд, Раум и Золотое Перо пришли к Древу Жизни, их уже ждали. Перед собравшимися на поляне икарийцами и аvaraми на небольшом возвышении из камней сидели два икарийца и главный шаман аваров Мирболт.

Одним из икарийцев, сидевших на возвышении, был Мудрый Ворон Парящее Солнце, Великий Коготь. Он унаследовал этот титул от своего отца, Грозного Облака, умершего более пятидесяти лет назад. Мудрый Ворон был высоким мускулистым мужчиной с продолговатым лицом, высоким лбом и волевым подбородком, но на этом его сходство с Повелителем Звезд заканчивалось. В отличие от брата, у него были черные волосы, фиолетовые глаза и иссиня-черные крылья.

Рядом с ним сидел его единственный сын — Отважный Сокол Парящее Солнце. От отца Отважный Сокол унаследовал фиолетовые глаза, а вот цветом волос и крыльев он пошел в дядю. Как и у Повелителя Звезд, его золотистые волосы, ниспадая на плечи, постепенно меняли цвет, становясь на кончиках такими же ослепительно белыми, как и крылья.

Подождав, пока все рассядутся, Мудрый Ворон откашлялся и сказал:

— Друзья, у меня скверные новости. Наши разведчики обнаружили в Горкен-проходе большое скопление скрелингов и других неизвестных нам страшных существ. Похоже, они собираются атаковать Горкентаун, который покрыла невиданная метель. Но это не все. Духи стягиваются и к северной границе Аваринхейма, куда перемещаются и снежные облака. Я опасаюсь, что скрелинги могут вторгнуться в эти роцци, — Мудрый Ворон обвел руками пространство, — в любую минуту.

— Но этого быть не может, — возразила Мирболт. — Скрелинги боятся деревьев.

— Возможно, уже не боятся, — поднявшись, произнес Раум. — Кто знает, может быть, Горгрил вдохнул в них новые силы, — шаман перевел взгляд на Великого Когтя: — Позволь, Мудрый Ворон, сказать мне несколько слов, прежде чем ты продолжишь свое сообщение, — Великий Коготь кивнул. Шаман перевел дыхание и мрачно сказал: — Стало сбываться пророчество о пришествии Разрушителя.

Мудрый Ворон резко поднялся на ноги. Его лицо искажилось от ужаса. Справившись с потрясением, он глухо сказал:

— Откуда тебе известно, что это ужасное предсказание стало сбываться? Говори!

И Раум рассказал о встрече с блюстителем пророчества, объявившимися в Тенсендоре, и о знакомстве с ахаркой по имени Фарадей, которая не только была представлена Матери, но и была принята Всемогущими Рогачами, признавшими в ней долгожданного Друга Леса. Затем он

перешел к рассказу о пребывании в плену у ахаров, подробно описав необыкновенный поступок командира воинов Сенешаля, который спас Ширу от смерти, спев ей Песню Оздоровления.

В заключение Раум сказал:

— У Боевого Топора душа икарийского чародея. Но, может, объяснение этому поразительному обстоятельству даст Повелитель Звезд?

Повелитель Звезд медленно встал, рассеянным взглядом обвел поляну, а затем, в упор взглянув на Мудрого Ворона, размеренно произнес:

— Боевой Топор — мой сын. Ривку обманули, сказав, что младенец мертворожденный. Мальчик не умер при родах, и его украл Джейм, нынешний Брат-Наставник религиозного братства ахаров. Я сам только что об этом узнал.

Не усидел на месте и Мудрый Ворон. Он снова резко вскочил и гневно воскликнул:

— Как может икариец служить презренному Сенешалю?

— Икариец может принести пользу и в стане ахаров, если направит их на путь истины, — возразил Раум. — Кроме того, как я уже говорил, Боевой Топор проявил удивительные способности, спев Песню Оздоровления. К тому же он влюблен в Друга Леса. Все это, мне кажется, неспроста. По моему разумению, Боевой Топор не кто иной, как Звездный Человек, который объединит народы Тенсендора и победит Разрушителя. Боевого Топора зовут Аксис.

Повелитель Звезд восторженно улыбнулся, его лицо осветила улыбка.

— Но согласно пророчеству, — продолжил шаман, — Горгрил и Звездный Человек — братья по одно-

му из родителей, и тогда Повелитель Звезд еще и отец Разрушителя.

Повелитель Звезд побледнел, переменялся в лице, издал душераздирающий крик: «Нет!», после чего внезапно замахал крыльями, словно собираясь взлететь, чтобы скрыться, убраться прочь от изумленных свидетелей его чудовищного позора, и он, возможно, взлетел бы, но его удержал Мудрый Ворон, схватив за плечи.

На поляне возник приглушенный шум, как в огромном встревоженном улье. Раздались смятенные голоса:

— Какой ужас!

— Этого быть не может...

— Разве может икариец быть отцом Разрушителя?

— Здесь что-то не так...

Тем временем Мудрый Ворон посмотрел Повелителю Звезд прямо в глаза и тихо спросил:

— Такое возможно?

— До моего знакомства с Золотым Пером все было возможно, — сказал Повелитель Звезд опустошенным, сдавленным голосом. — Ты и сам знаешь, что в Белтейн многие икарийцы позволяют себе чувственные утехи, встречаясь с иноплеменницей.

— Тогда, может, кто из аваров знает, не родила ли какая их соплеменница сына от икарийца?

Наступило молчание, которое прервал Раум, обратившийся к Повелителю Звезд.

— Так ты не отрицаешь, что встречался с аваркой?

— Не отрицаю.

— Как ее звали? — спросила Мирболт дрогнувшим голосом.

— Амелд.

Мирболт громко вскрикнула, побледнела.

— Что с тобой?

— Тридцать лет назад бесследно исчезла моя сестра. Ее звали Амелд, — Мирболт закрыла лицо руками. Неужели Амелд дала жизнь Разрушителю?

На поляне воцарилось безмолвие. И снова тишину прервал Раум. Он подошел к Повелителю Звезд и, по-дружески положив руку ему на плечо, мягко сказал:

— Не стоит винить себя. Пророчество о пришествии Разрушителя стало сбываться, и с этим ничего не поделаешь. Не думай о Горгриле, а радуйся тому, что у тебя есть сын, достойный тебя. Ты должен помочь ему объединить народы Тенсендора и победить Разрушителя, — Раум обвел глазами собравшихся и продолжил: — Друзья, не стоит предаваться отчаянию. Сегодня открылось многое, а главное, мы узнали имя Звездного Человека. Известно и где он сейчас.

— Где же? — спросил Повелитель Звезд.

— В Горкен-форте. Он в Горкен-форте вместе с Другом Леса.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Йул

Аксис и Велиар, спрятав головы в капюшоны плащей, шли по проходу между крепостной стеной Горкентауна и примыкавшими к ней домами, проверяя посты.

— Не думал, что Борнхелд назначит тебя комендантом города, — сказал Велиар. — С чего бы такая милость?

— Только не от расположения к брату, — усмехнувшись, ответил Аксис. — Городская крепостная стена гораздо ниже крепостной стены форта, и Борнхелд, видимо, рассудил, что в городе гораздо опаснее.

— Зато теперь у тебя в подчинении не только топорносы, но и солдаты частей регулярной армии, расквартированных в городе. Твое влияние на солдат может сказаться. Тебе по силам сплотить людей, поднять их боевой дух.

— Если это поможет победить Разрушителя, — мрачно ответил Аксис. — Метель стихает, того и гляди скрелинги перейдут в наступление.

— Действительно, потеплело, и все же, если не возражаешь, не мешает погреться.

Аксис и Велиар зашли в караульное помещение.

На столе, придвинутом к небольшому камину, немедленно появился котел с дымящейся кашей.

— Ничего другого предложить не могу, — монотонно сказал солдат, громыхая тарелками. По виду это был ветеран. Его смуглое лицо обезображивал длинный шрам, тянувшийся ото лба через сломанный нос к левой скуле. Поставив тарелки на стол, солдат ушел в соседнюю комнату.

— Спокойствие и выдержка ветеранов не помешали бы всем солдатам, — сказал Велиар, накладывая кашу в тарелку.

— В такую метель и ветеранам, верно, не по себе.

— Что правда, то правда. В такую погоду жена не погонит мужа из дома за оставленной без присмотра коровой, если только не захочет остаться вдовой.

Шутка не удалась. Аксис даже не улыбнулся.

— Что готовит нам Горгрил? — пробормотал он.

— Ты скоро об этом узнаешь, — раздался за его спиной размеренный голос.

Аксис и Велиар обернулись: Огден и Веремунд!

Велиар сдвинул брови.

— Что вы здесь делаете? Возвращайтесь в форт, там безопаснее.

— Подожди, Велиар, — остановил его Аксис. — Пожалуй, стоит поговорить, — он обвел взглядом монахов. — Присаживайтесь! Присаживайтесь к столу!

Когда монахи сели за стол, Аксис спросил:

— Может, вы посоветуете, как защитить город от Разрушителя?

Монахов опередил Велиар.

— Разве ты не знаешь, как вести оборону? Тебе не занимать боевого опыта.

— Опыт опытом. Но если я и впрямь Звездный Человек, у меня должны открыться дополнительные способности. Огден, Веремунд, это так?

Огден всплеснул руками.

— Эти способности ты должен развить сам. Мы не можем тебе помочь. И защитить Горкентаун мы тоже не в силах. Мы только слуги пророчества.

— Тогда зачем вы увязались за мной?

— Чтобы уберечь тебя от опасности, от ошибок. Если ты совершишь ошибки, о которых говорится в пророчестве, Разрушитель возьмет верх над тобой.

— Да что вы все обо мне! В городе и форте четырнадцать тысяч солдат. Как уберечь их от гибели?

— Нам не подвластны ни жизнь, ни смерть, — хмуро сказал Веремунд, отведя глаза в сторону.

— А где мой отец? Может ли он научить меня песне, которая отгоняет духов?

— Мы не знаем, — смущенно ответил Огден.

Аксис задумался, уставившись на огонь. Сможет ли он спасти город? Или для того, чтобы отразить наступление неприятеля, требуются способности Звездного Человека? А где Повелитель Звезд? Где его отец?

Тяжкие размышления прервал Велиар.

— Ты сделаешь все возможное, командир, — сказал лейтенант. — Я в этом не сомневаюсь.

Аксис отрешенно кивнул и перевел взгляд на блюстителей предсказания.

— Вам действительно лучше вернуться в форт. А мы с Велиаром... — Аксис подошел к двери и выглянул на улицу. — А мы с Велиаром поднимемся на крепостную стену. Метель прекратилась. Скрелинги могут напасть в любую минуту.

— Познакомься, Азур, это Юла, моя дочь, о которой я тебе говорила, — сказала Золотое Перо, усаживаясь на землю рядом с притихшей девушкой, ожидавшей начала необыкновенного торжества — религиозных обрядов зимнего солнцестояния.

Азур и Юла обменялись улыбками.

— Церемонию откроет отец Юлы, Повелитель Звезд, — со знанием дела сказала Иза, сидевшая по другую руку Азур.

Девушка кивнула и снова улыбнулась Юле.

На небе зажглись первые звезды, и икарийцы с аварами, собравшись на поляне у Древа Жизни, с не меньшим нетерпением, чем Азур, ожидали начала религиозных обрядов, чему предшествовал долгий и жаркий спор: начинать ли вообще религиозную церемонию. Возобладало мнение не отказываться от праздника, хотя каждому было ясно, что скопление в одном месте большого числа людей является заманчивой целью для кровожадного Горгрила. Правда, перед началом торжеств приняли меры предосторожности. Мудрый Ворон поднял в небо разведчиков, а авары отправили детей до двенадцатилетнего возраста под присмотром нескольких взрослых в южные районы Аваринхейма.

— Начинается, — тихонько шепнула Иза.

К Древу Жизни потянулись шаманы и чародеи, все в темно-красных одеждах, но только чародеи были по пояс обнажены. Когда все они оказались за каменным ограждением, Повелитель Звезд, на груди которого появился рисунок, изображавший восходящее солнце, подошел к одному из столбов и вынул из ниши факел. Остановившись, он склонил голову, что-то шепнул и медленно провел ладонью над факелом. Факел вспыхнул. Подняв светильник над головой, Повелитель Звезд не спеша пошел вокруг дерева. Сделав круг, он снова остановился и кивнул молодой аварке, устроившейся на небольшом возвышении с арфой между коленями. Аварка тронула струны, и Повелитель Звезд тихо запел, как показалось Азур, на незнакомом ей языке. Но вскоре, к ее немалому удивлению, девушка начала понимать, о чем поет чародей.

Повелитель Звезд славил солнце, источник жизни, пел о его угасании и возрождении в день зимнего солнцестояния. Затем певец перешел к восхвалению Древа Жизни, придающему силы солнцу и несущему людям здоровье и благоденствие. Наконец Повелитель Звезд запел о мириадах солнц во Вселенной, которые кружатся в Звездном танце, являющемся одним из Семи Великих Таинств природы. Постепенно к голосу Повелителя Звезд присоединялись голоса шаманов и чародеев, и под конец грянул хор, придав песнопению еще более торжественное звучание.

Когда хор умолк, Повелитель Звезд окинул взглядом шаманов и чародеев и, возвысив голос, спросил:

— Что мы можем сделать для возрождения солнца?

— Мы можем придать ему новые силы, — ответил дружный хор голосов.

— Да, мы можем придать солнцу новые силы, — торжественно произнес Повелитель Звезд. — Мы можем воскресить его жертвенной кровью.

И тут на поляну вышел олень с развесистыми рогами. Он прошествовал между каменными столбами и приблизился к Древу Жизни, остановившись около Повелителя Звезд. Чародей сделал призывный жест, и к животному подошел Раум с длинным ножом в руке. Олень опустился на колени, закрыл глаза. Повелитель Звезд снова запел, на этот раз воздавая хвалу оленю, решившемуся отдать свою жизнь для возрождения солнца. Едва песня смолкла, Раум вонзил нож в горло животному. Брызнула кровь.

— Благодарю тебя за самопожертвование, олень, — глухо сказал шаман. — Скоро ты соединишься с Матерью, — Раум обвел взглядом собравшихся на поляне и степенно продолжил: — Будьте свидетелями тому, что этот благородный олень принес себя в жертву без принуждения, во имя высокой священной цели — возрождения солнца.

Выслушав Раума, Повелитель Звезд размахнулся и подбросил пылающий факел к небу. На ограждении вокруг Древа Жизни заплясали языки пламени.

Крепостная стена, на которую поднялись Аксис и Веллиар, оказалась заполненной топорноносцами и солдатами, стоявшими с оружием наготове под защитой зубцов. Повсюду горели факелы, вставленные в железные скобы, закрепленные в зубчатом ограждении, а на самой стене под вместительными котлами ярко пылали топки, нагревая масло в

котлах, которые могли свободно вращаться на двух соосных металлических шкворнях. Вокруг котлов стояли пустые ведра для масла.

— Войско готово отразить нападение Разрушителя, — сказал Велиар.

Аксис кивнул, взгляделся в темноту ночи. Неприятеля видно не было. Аксис задумался, вспомнил ту страшную ночь, когда над ним нависло грозное облако, исторгавшее леденившее душу щелканье, в конце концов потонувшее в шуме крыльев. А что, если Горгрил наделил крыльями не только скрелингов-храбрецов, но и других духов? Тогда они могут спуститься с неба. Аксис посмотрел ввысь, но тут крепостная стена стала внезапно окутываться туманом. Аксис подбежал к ближайшему факелу, выдернул его из скобы и вытянул руку за ограждение. В клубах тумана показались светящиеся глаза. Скрелинги! Да их великое множество!

Восхититься красочным зрелищем Азур не успела. Ей помешал жуткий вопль. За ним последовал другой, третий. Мгновение, и вся роща вокруг Древа Жизни огласилась громкими леденящими душу криками. Азур оцепенела, не могла ничего понять. Но вот ее схватила за руку Иза. Азур обернулась и обмерла.

В шею Изы вонзилось чудовищными клыками какое-то жуткое существо со светящейся головой и когтистыми лапами. Скрелинг! Азур вырвала руку, вскрикнула, увидев, как из горла Изы хлынула кровь, а затем вскочила и сама не зная куда побежала через поляну, чуть не сбив с ног Зоркого Глаза, собиравшегося взлететь.

Когда Зоркий Глаз все же поднялся в воздух, перед его глазами предстала ужасающая картина: сотни скрелингов, не встречая сопротивления, расправлялись с икарийцами и аvaraми, не трогая лишь шаманов и чародеев, защищенных кольцом огня. Зоркий Глаз натянул лук, но стрелять не стал, побоявшись поразить стрелой своего.

Тем временем к охваченному огнем ограждению вокруг Древа Жизни подошли три высоких хорошо различимых существа, покрытые белой клочковатой шерстью, из-под которой проступали желтые кости с ледяными суставами. Это были братья, скрелинги-храбрецы. Теперь промахнуться было нельзя. В воздухе просвистела стрела, но, угодив в грудь одному из скрелингов-храбрецов, отскочила, словно от камня.

Монстр раскатисто рассмеялся, а затем обратился к братьям, остановившимся вместе с ним перед огненным ограждением:

— Этот жалкий огонь нам не страшен. Мы самые дерзкие, самые сильные, самые смелые. Покончим с теми, кто жмет к этому дереву. Только не трогайте вон того недоумка, называющего себя чародеем, — скрелинг-храбрец вытянул костлявую руку, указывая на Повелителя Звезд. — С ним я расправляюсь сам. Вперед!

Боевой Топор содрогнулся. Скрелингов — целое полчище. Одни взбираются по стене, цепляясь за неровности кладки, другие поднимаются с восходящим потоком мутного воздуха. Их внешний вид привел Аксиса в изумление. На этот раз были видны не только головы скрелингов и их когтистые лапы, но и короткая шея, костлявые плечи и даже ноги, тонкие и кривые, и только туловище, если оно име-

лось, по-прежнему было неразлично. Однако Аксис удивлялся недолго.

— Нас атакуют! — крикнул он во все горло. — Все по местам! Приготовиться к бою!

Команду передали по цепи.

— Вы готовы, друзья? — снова возгласил Аксис.

— Мы готовы, Боевой Топор! — отозвались дружные голоса.

— Масло! Лить по стене!

Но только масло не помогло. Скрелинги сваривались десятками, падали вниз, превращаясь в клейкую, студенистую массу, но на их месте оказывались другие, которые с той же непреклонной решимостью карабкались по стене, оглашая воздух зловеющим шепотом.

Но вот масло кончилось, и скрелинги взобрались на стену. Солдаты схватились за мечи, ножи, копья, стараясь угодить скрелингам в глаз, и духи снова гибли десятками, но и ряды защитников города редели с каждой минутой. Скрелинги впивались в лица и шеи солдат и теперь оглашали воздух плотоядным урчанием. И все же перевалить через стену духам не удавалось.

Аксис был в гуще сражения, разя мечом скрелингов, когда услышал громкий крик Велиара:

— Боевой Топор, пройди на южную часть стены!

— Что случилось?

— Увидишь.

Прибежав на южную часть стены, Аксис, к своему великому ужасу увидел, что внизу, перед городскими воротами, стоят два скрелинга-храбреца, а за ними в клубах мутного расплывчатого тумана копошится, угрожающе надвигаясь, целая армия скрелингов.

— А, это ты, Аксис, сын Ривки, — раздался снизу скрипучий голос одного из скрелингов-храбрецов. — Трепещи! Мы пришли за тобой.

Расправиться собственноручно с Повелителем Звезд решил скрелинг-страшила, старший из пяти братьев, скрелингов-храбрецов. Он хотел отличиться, доказать своему великому вождю Горгрилу, что он самый дерзкий, самый сильный, самый храбрый из братьев, и потому должен верховодить не только скрелингами, но и своими четырьмя братьями, став их командиром и предводителем. В конце концов, именно он, и не кто другой, обнаружил появившегося на свет Горгрила, а затем предложил вскормить его, воспитать, а когда подрастет, — поклоняться ему.

Скрелинг-страшила, свирепо сверкая глазами из-под белесых редких бровей, неторопливо — что говорило о его утонченной жестокости, — приближался к Повелителю Звезд, наслаждаясь беспомощностью своей жертвы.

И действительно, Повелитель Звезд, казалось, был обречен, ибо был безоружен и не знал ни одного заклинания от нападения скрелингов. Он мог бы подняться в воздух и попытаться улететь прочь с места побоища, но чувство долга не позволяло ему оставить друзей, гибнущих у него на глазах.

Не дойдя нескольких пейсов до Повелителя Звезд, скрелинг-страшила остановился и, выставив вперед когтистые руки, грозно сказал:

— Повелитель Звезд, я пришел за тобой.

В ответ не прозвучало ни звука.

Скрелинг-страшила подошел чуть поближе и, по-петушиному склонив голову, тихо спросил:

— Чародей, ты любишь своего сына?

— Да, — ответил Повелитель Звезд твердым голосом. — Я люблю его. Аксис хороший сын, и я горжусь им.

— Я спрашиваю тебя не об этом ублюдке, а о твоём старшем сыне, великом Горгриле, завоевателе мира.

— Я жалею его.

Скрелинг-храбрец перекосялся в лице, выпустил когти и набросился на Повелителя Звезд.

Аксис не успел ответить скрелингам-храбрецам. Его снова отвлек исступленный крик Велиара, подбегавшего к нему с луком через плечо.

— Боевой Топор, западную часть крепостной стены атакуют неизвестные существа, — Велиар призывно махнул рукой, и Аксис побежал вслед за ним.

На крепостную стену и впрямь взбирались неизвестные существа. Они походили на гигантских, чудовищного размера червей, только с рогатой головой и ледяным гребнем вдоль темно-красного туловища, который, впрочем, не мешал монстрам подтягиваться, сжимая и разжимая бугристое тело. Но вот один из червей зацепился за край стены.

— Стреляй, Велиар, стреляй! — вскричал Аксис. — Целься в глаз!

В воздухе просвистела стрела. Велиар не промахнулся. Червь грохнулся вниз, но, к удивлению Велиара и Аксиса, из его лопнувшей со страшным треском утробы посыпались

скрелинги, которые тут же стали карабкаться по стене, норовя повторить путь червя.

— Велиар, собери лучников! — распорядился Аксис. — Отбрось остальных чудовищ, а я вернусь на южную часть стены. Как бы эти чертовы скрелинги-храбрецы не взломали городские ворота.

Азур не удалось убежать с места побоища. Один из скрелингов схватил ее за плечо, впившись в плоть острыми изогнутыми клыками. Азур пронзительно закричала, но тут на глаза ей попался колчан со стрелами, видневшийся между крыльями распростертого на земле погибшего икарийца. Плохо соображая, что делает, она нагнулась, вытащила первую попавшуюся стрелу и вонзила ее скрелингу в глаз. Плечо и шея Азура покрылись липкой зловонной кровью.

— Духи смертны! — вскричала ошеломленная девушка. — Колите их в глаз! В глаз!

Она вытащила стрелу из пронзенной насквозь глазницы обмякшего скрелинга и вонзила ее в глаз другому, не менее отвратному существу, присосавшемуся к одному из аваров. Убедившись, что скрелинг упал на землю, Азур впадала в неистовство и, орудуя все той же стрелой, стала наносить удар за ударом, поражая скрелингов одного за другим и повторяя победный клич: — Колите их в глаз! В глаз!

Клич подхватили. В ход пошли стрелы, ножи. Ряды скрелингов стали быстро редеть. И тут в воздухе появилось несколько стай икарийских Ударных Сил. Духи запагнивали.

Когда Аксис прибежал на южную часть стены, скрелинги-храбрецы уже ломались в ворота, вонзаясь в просмо-

ленное дерево выпущенными когтями и методично расщепляя его, а по стене карабкались вверх все новые и новые скрелинги.

Аксис огляделся по сторонам. Бой продолжался, но только защитников города значительно поубавилось. Повсюду валялись трупы солдат, многие бились в предсмертной агонии.

— Повелитель Звезд, почему тебя нет со мной? — в отчаянии вскричал Аксис. — Я не знаю, что делать.

Ответом послужило угрожающее шипение. За край крепостной стены уцепилось сразу несколько гигантских червей.

— Отступаем! Уходим в город! Все к лестницам! — во весь голос воскликнул Аксис.

И вовремя. Черви взобрались на стену и выплюнули из пастей по скопищу скрелингов.

Едва Аксис спустился вниз, следуя за солдатами, как искореженные городские ворота распахнулись со страшным треском, и скрелинги-храбрецы в сопровождении целой армии духов ворвались в город.

Внезапно до Азур со стороны Древа Жизни долетел глухой крик. Азур остановилась, оглянулась по сторонам. Повелитель Звезд! Чародея терзало какое-то страшное существо, покрытое белой клочковатой шерстью, из-под которой проступали желтые кости с ледяными суставами. Девушка зажала в руке стрелу и помчалась на выручку. Подбежав к страшному существу, Азур размахнулась и попыталась попасть стрелой монстру в глаз, но, не дотянувшись, ударила его в шею.

Но и этого оказалось достаточно. Скрелинг-страшила взвыл, выпустил Повелителя Звезд и бросился прочь от

дерева, продолжая кричать пронзительно и надрывно. За ним бросились два других скрелинга-храбреца, напуганных не только воплями своего старшего брата, но и смятенным шепотом отступавших с поляны духов.

Азур склонилась над Повелителем Звезд. На чародея было жалко смотреть. Его лицо, грудь и руки покрывали глубокие кровавые борозды, а крылья обвисли и казались изломанными. Но он был жив и в сознании.

Азур в отчаянии огляделась по сторонам. Кто поможет? И тут к Древу Жизни подбежал Раум. Вместе с Азур он помог чародею сесть и опереться о дерево.

Повелитель Звезд поднял глаза на девушку и тихо спросил:

— Как зовут тебя?

— Азур, — ответила девушка.

Чародей перевел взгляд на Раума.

— А как зовут Друга Леса? Напомни мне.

— Фарадей.

— Она должна нам помочь.

— Но скрелинги отступили, — подала голос Азур.

— Отступили, но ненадолго. Уверен, они вернуться, и бóльшим числом. Нас спасет только Древо Жизни, но для этого его нужно пробудить ото сна. А сделать это может только Друг Леса. Раум, ты можешь призвать сюда Фарадей?

— Попытаюсь, — ответил шаман. Он воздел руки к небу и прошептал: — О Мать, Всемогушие Рогачи, помогите! Сделайте так, чтобы мой голос услышала Фарадей, — Раум выдержал паузу и воскликнул: — Фарадей, явись к Древу Жизни!

Фарадей и Ир, прижавшись друг к другу и леденев от ужаса, сидели на кровати в неприбранной спальне, наспех оставленной Борнхелдом.

В комнату временами заглядывал Тимозел, дежуривший в коридоре, который, заступив на свой пост, уверил перепуганных женщин, что им нечего опасаться, ибо он справится с любым количеством скрелингов, посмей только эти жалкие существа сунуться в коридор.

Несколько часов назад скрелинги внезапно напали на Горкен-форт, и завязавшийся на крепостной стене бой все еще продолжался. В окно доносился шум яростного сражения: воинственные крики, стоны и проклятия раненых.

Неожиданно Фарадей встрепенулась и вскрикнула.

— Что случилось? — спросил Тимозел, открыв дверь.

— Ничего страшного, — ответила Ир. — Фарадей вскрикнула от душевного напряжения.

Тимозел удалился.

— Раум? — прошептала Фарадей, вскинув брови от удивления.

— Что ты бормочешь? — тревожно спросила Ир.

Фарадей не ответила. Она застыла, как изваяние. Ее взгляд помутился, остекленел.

Фарадей торопливо шла по мягкой, шелковистой траве, окутанная изумрудно-зеленым светом.

— Это ты, Фарадей? — донесся до нее незнакомый голос, исполненный благозвучия и экспрессии.

— Да, — растерянно отозвалась она, стараясь разглядеть незнакомца в поглотившем ее тумане.

— Фарадей, нам нужна твоя помощь, — на этот раз голос оказался знакомым.

— Раум! — радостно воскликнула Фарадей.

Из тумана выступили два человека. Рядом с Раумом шагал высокий, стройный, мускулистый мужчина с длинными золотистыми волосами, обнаженный по пояс. На его

груди красовался рисунок, изображающий восходящее солнце. Но не рисунок привлек внимание Фарадей, заставив вытаращить глаза. У незнакомца, помимо рук, были крылья!

— Это Повелитель Звезд, икариец, — представил своего спутника Раум. — Он хочет поговорить с тобой, Фарадей.

— Я слушаю, — прошептала она.

— Друг Леса, авары и икарийцы нуждаются в твоей помощи. Скажи, ты сможешь нам?

— Я постараюсь, — ответила Фарадей.

Повелитель Звезд взял ее за руку и повел за собой. Раум улыбнулся и пошел рядом. Вскоре все трое вошли в тоннель, освещавшийся серебристо-зеленым светом. Наверху стены смыкались в полуцилиндрический свод, который, тускло мерцая над головой, вдали, во мгле пропадал из вида вместе со стенами.

— Куда ведет этот ход? — спросила Фарадей с легкой тревогой в голосе.

— Скоро увидишь, — ответил Раум.

Тоннель вывел на большую поляну, в центре которой возвышалось гигантское дерево, вскинувшее, казалось, к самому небу свои огромные ветви с овальными темно-оливковыми воцеленными листьями, перемежавшимися с ярко-красными, темно-синими, изумрудно-зелеными и оранжевыми цветками. Дерево было окружено каменными столбами, поверх которых плясали яркие языки пламени.

— Это Дерево Жизни, — пояснил Повелитель Звезд. — Его ветви достигают небес, а корни уходят глубоко в землю. Оно существует испокон веку. Авары верят, что пока оно живо, их род не угаснет. Ты видишь,

Фарадей, Дерево Жизни цветет, но оно безмолвно, ибо пребывает во сне. Твоя задача — песней пробудить его ото сна. Если Дерево Жизни проснется, то запоеет и оно, и тогда песней своей преградит путь врагу. Аваринхейм окажется в безопасности. Ты споешь Дереву Жизни?

— Хорошо, — ответила Фарадей.

— Тогда подойдем к нему. Не бойся. Огонь, что вокруг него, не коснется тебя.

Подойдя к Дереву Жизни, Фарадей опять подивилась его размерам: обхватов в пятнадцать—двадцать! Неожиданно она увидела у ствола три неясные расплывчатые фигуры. И все же ей показалось, что это — двое мужчин и женщина. Один мужчина сидел, прислонившись к дереву, а другой, вместе с женщиной, стоял рядом, чуть наклонившись, словно проявляя участие к сидевшему на земле. Но никто из них даже не шевелился. Казалось, они застыли, как изваяния.

— Положи руки на дерево, — сказал Повелитель Звезд.

Фарадей повиновалась.

Повелитель Звезд прижал ее ладони к стволу, положив поверх свои руки и мягко сказал:

— А теперь пой.

И Фарадей запела, поначалу немного сбиваясь, а потом все уверенней и уверенней, ибо слова сами ложились ей на язык, а мелодия передавалась струнами сердца. Это была песня о страданиях и надежде, о печали и радости, о сомнениях и любви. Фарадей улыбнулась, ее глаза заблестели. Но вот ей стал подпевать Повелитель Звезд. Теперь зазвучал дуэт, придав песне новую выразительность.

Древо Жизни вздрогнуло, вострепелось. Оно услышало песню, им созданную много тысячелетий тому назад в пору счастливой юности, а потом подаренную им Матери.

Тем временем, как и предполагал Повелитель Звезд, к поляне снова стянулись скрелинги. Они уже готовились к новому нападению, когда услышали пение. Духи принялись переглядываться. Может, их перестали бояться? Может, теперь им самим надо опасаться противника? Но с духами были скрелинги-храбрецы. Оскалив зубы и потрясая руками с выпущенными когтями, они двинулись на поляну, увлекая за собой духов.

Но тут Древо Жизни запело, подхватив почти забытую песню.

Духов как ветром сдуло. На поляне остались только скрелинги-храбрецы. Но вот дрогнули и они. Сделали назад один шаг, другой, третий, развернулись, опрометью бросились к лесу и исчезли между деревьями.

И тут песню подхватили оставшиеся в живых авары и икарийцы. Грянул хор, придав песнопению новое торжественное звучание.

Когда хор умолк, Повелитель Звезд улыбнулся и произнес:

— Благодарю тебя, Фарадей. Ты пробудила Древо Жизни от спячки. Теперь Аваринхейм в безопасности.

— Ты пел вместе со мной. Я бы одна не справилась.

— Нас вело вдохновение. Тебя вдохновляла Мать, а меня вдохновляли звезды, — сказал чародей.

Фарадей взяла его за руку.

— Ты — отец Аксиса. Он все время думает о тебе. Ты сможешь ему?

— Ты с ним знакома?

Фарадей потупилась, а затем подняла глаза и храбро сказала:

— Я люблю его, чародей. У тебя замечательный сын, — но тут пальцы Повелителя Звезд стали выskalзывать из ее руки, а его лицо расплываться, и Фарадей увидела перед собой вход в тоннель, освещавшийся серебристо-зеленым светом. — Повелитель Звезд, помоги своему сыну! — воскликнула Фарадей, устремляясь в тоннель.

— Повелитель Звезд, помоги своему сыну! — прошептала Фарадей, схватив за руку Ир.

— Да что с тобой? — недовольно спросила Ир. — Что ты бормочешь?

Фарадей не ответила. Она опять застыла, как изваяние, а глаза ее снова остекленели.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

На улицах Горкентауна

— На баррикаду! Все на ближайшую баррикаду! — воскликнул Аксис, спустившись с лестницы.

Началось сражение на улицах города, на которых ранее были возведены пять линий защитных сооружений. Солдаты и топорonoсцы яростно защищались, но сдержать наступление рассвирепевших, распалившихся духов, почувствовавших вкус крови, они не могли. Скрелинги атаковали не только по фронту, но и прыгали с крыш домов, внезапно вонзаясь когтями в спины солдат, не ожидавших нападения сверху. Баррикады, которые защитники города возводили в течение нескольких дней, выдерживали натиск противника не более получаса. К вечеру защитники города отступили за последнюю баррикаду, располагавшуюся перед воротами Горкен-форта.

За сражением в городе с крепостной стены форта наблюдали Роланд, Йорг и Магариз. Час назад защитники

форта сбросили скрелингов со стены, после чего Магаризу пришла в голову мысль полить крепостную стену водой. Вода быстро замерзла, и ни духи, ни черви, как после этого ни пытались, скользкую поверхность преодолеть не смогли, а скрелингов, подымавшихся с восходящим потоком воздуха, встречала целая туча стрел.

— Тебе пришла в голову прекрасная мысль, — сказал Роланд, повернувшись к Магаризу, — скользкая поверхность духам не по зубам.

— Зато скрелингам по зубам наши люди, дерущиеся внизу с этими монстрами, — мрачно сказал Магариз.

— Но Борнхелд прав, открыть ворота — смерти подобно, — вступил в разговор Йорг. — Вместе с отступающими солдатами во двор форта хлынут и скрелинги.

Все трое тяжело вздохнули.

Тем временем бой внизу продолжался. Аксис, как всегда, был в гуще сражения.

— Скрелингов все больше и больше, — хмуро заметил он. — Никак они добираются до меня. Видно, кровь Боевого Топора им больше по вкусу. Что станет с Фарадей, если я погибну?

— Надеюсь, ты не погибнешь, Аксис, — ответил Веллиар, тяжело дыша. — Но если ты не сможешь защитить Фарадей, о ней позаботится Борнхелд.

— Да он хуже скрелинга, — буркнул Аксис, пронзая глаз подвернувшегося под руку духу.

И тут перед Аксисом внезапно вырос скрелинг-храбрец. Он сложил крылья, выставил вперед руки с выпущенными когтями и угрожающе зашипел:

— Твои трусливые, немощные солдаты гибнут один за другим. А сейчас погибнешь и ты.

Аксис поднял меч и нанес удар первым, но удар пришелся в плечо. Скрелинг-храбрец взвыл от боли, но второй удар Аксис нанести не успел. Скрелинг изловчился и, уклонившись от занесенного над его головой клинка, вцепился Аксису в горло. Аксис упал на спину и все же сумел невероятным усилием разжать руки скрелинга. Но это было все, что он сумел сделать, хотя и схватился снова за меч. Скрелинг-храбрец ударил Аксиса в грудь крючковатым клювом, а затем, изорвав в клочья тунику, он разодрал на Аксисе и кольчугу и с плотоядным урчанием вонзился клыками в обнаженную плоть.

Аксис испустил вздох, похожий на крик, его глаза затуманились, и он потерял сознание, умиротворенный последней мыслью: «Разделил участь своих солдат».

Так бы и вышло, если бы не подоспел Велиар. Лейтенант размахнулся и вонзил меч в спину скрелинга-храбреца, а затем, нанизав его на клинок, приподнял и, стряхнув, бросил на мостовую. Ударившись со страшным грохотом о булыжники, тело скрелинга рассыпалось на куски — мешанину из льда и костей.

Расправившись с предводителем духов, Велиар задрал голову и, заметив на крепостной стене форта нескольких человек, оглушительно крикнул:

— Откройте ворота! Аксис тяжело ранен.

Услышав крик Велиара, Йорг повернулся к Магаризу и сказал:

— Надо открыть ворота. Ответственность беру на себя.

— Я только что отдал такой приказ, — ответил командир форта.

Тем временем Велиар поднял Аксиса на плечо и, найдя глазами ближайшего к нему командира когорты, подал команду:

— Арн, отступаем! Уводи солдат в форт!

Солдат не преследовали. Испуганные гибелью одного из своих предводителей и видя растерянность другого скрелинга-храбреца, скрелинги сбились в кучу, оглашая воздух тревожным шепотом.

Фарадей привиделось, что она идет по цветущему саду, освещенному мягкими солнечными лучами. Кругом ухоженные дорожки, посыпанные золотистым песком, ряды причудливых клумб с фантастическими цветами всех тонов и расцветок, раскидистые деревья с сочными привлекательными плодами. По саду летают птицы с ослепительно ярким оперением и странными изумрудно-зелеными глазами.

Но вот до нее доносится шум сражения. Фарадей исторгает крик, спешит к месту боя. Бой в самом разгаре. Солдаты дерутся с какими-то страшными существами. Кругом кровь. Невыносимо жарко. Фарадей окутывает гигантский огненный шар. Его сменяет облако перьев. Они лезут в рот. Фарадей задыхается. А где Аксис? Фарадей вздрагивает от ужаса. В его горло вцепился какой-то монстр. По груди Аксиса течет кровь. Она капает на землю, бежит струей. Фарадей и сама в крови. Она чувствует ее запах. Раздается сардонический смех человека в черном плаще. Пронзительно кричит какая-то женщина. Фарадей ищет глазами Аксиса. Боже! Он лежит растерзанный на земле.

— Аксис! — вскричала Фарадей и, вырвавшись из рук Ир, вскочила с кровати.

— Да что с тобой? — удивилась Ир.

Фарадей не ответила. Накинув на плечи плащ, она стремительно выбежала из комнаты в коридор.

— Ты куда? — остановил ее Тимозел, схватив за руку.

— Отпусти меня! — гневно крикнула Фарадей и, вырвавшись, помчалась дальше по коридору.

Тимозел и Ир побежали следом за ней.

Оказавшись во дворе форта, Фарадей с ужасом осознала, что видение было вещим. Направляясь к конюшне, двор пересекал Велиар с переброшенным через плечо человеком. Да это Аксис! Фарадей подобрала юбки и побежала к конюшне, под навесом которой какой-то расторопный солдат уже расстилал на земле поспешно скинутый плащ. Когда Фарадей, растолкав собравшуюся толпу, подбежала к навесу, Аксис уже лежал на плаще. Фарадей исторгла крик смертельного ужаса. Аксис был весь в крови, а его грудь — в рваных ранах. Из груди вырывалось хриплое, прерывистое дыхание.

— Фарадей, тебе здесь не место, — сказал Велиар.

— Я знаю, что делаю, — гневно ответила Фарадей и опустила перед Аксисом на колени.

Рядом застыла Ир, потрясенная страшной мыслью: если Аксис умрет, победа будет за Разрушителем.

Тем временем Фарадей пришла в замешательство. Хотя она и воспротивилась Велиару, она не знала, чем помочь Аксису. И тогда она в отчаянии прошептала:

— О милосердная Мать, дай мне силы спасти его!

И стоило ей прошептать эти слова, как глаза ее вспыхнули изумрудно-зеленым светом, и когда этот свет разлился по телу Аксиса, его раны стали затягиваться и наконец

полностью затянулись, оставив напоминанием о себе розовые отметины.

Фарадей склонилась над Аксисом, прижала ухо к его груди. Сердце билось, хотя и медленно, но в полную силу. И все-таки Аксис не приходил в себя. Вероятно, он находился в шоке, да и крови потерял предостаточно. Но вот его дыхание стало ровным, а щеки порозовели.

— Ты спасла Аксиса, Фарадей, — вполголоса сказал Велиар, единственный из толпы заметивший странный свет, исходивший из ее глаз, который тут же померк, как только раны Аксиса затянулись.

И тут раздался громовой голос:

— Что здесь происходит? Какой идиот распорядился открыть ворота? — этот голос принадлежал Борнхелду.

Толпа расступилась. Подойдя к конюшне, Борнхелд скривил губы и, глядя на Аксиса, презрительно произнес:

— Ну и храбрец! Из-за каких-то жалких царапин он сбежал с поля боя, да еще потерял сознание. Фарадей, тебе здесь нечего делать. Этого самонадеянного вояку приведет в чувство ведро холодной воды.

— Здесь есть и другие раненые, — ответила Фарадей. — Моя обязанность — позаботиться и о них.

Борнхелд мрачно кивнул, а затем сдвинул брови и гаркнул:

— Так какой же идиот распорядился открыть ворота?

Из толпы выступил лорд Магариз, но Фарадей опередила его:

— Ворота открыли по моей просьбе. Я не могла спокойно смотреть, как за воротами форта гибнут наши солдаты.

— Дура! — вознегодовал Борнхелд. Его лицо побагровело от ярости, а вены на лбу вздулись. Однако он быстро

взял себя в руки, сообразив, что оскорбил жену на людях, после чего глухо проговорил: — Не следует соваться в дела, в которых не смыслишь. Если хочешь, помоги раненым и возвращайся к себе. Твое место у домашнего очага, — высказав это категорическое суждение, Борнхелд развернулся и зашагал прочь.

К Фарадей подошел Магариз.

— Благодарю тебя, Фарадей, — проникновенно произнес он. — Ты выручила меня. Отныне я твой слуга.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Озеро Жизни

Совершив длинный и утомительный переход от Жервуа до Сигхолта и распрощавшись в пути со своими друзьями-свиньями, которых он оставил в Уркхартских горах, найдя для них укрытое от ветров пастбище, Джек стоял на краю обширной низины, слушая, как поет Древо Жизни. Только его чуткие уши могли уловить эту песню здесь, за многие десятки лиг от Аваринхейма.

Джек был доволен: Древо Жизни пробудилось от спячки, и теперь аварам не страшны полчища Горгрила. Но только радость эта перемежалась со скорбью. Джеку было известно об ужасном побоище, учиненном воинством Разрушителя на поляне у Древа Жизни, знал он и об огромных потерях, понесенных ахарами в битве при Горкентауне.

Джек тяжело вздохнул. Надо во что бы то ни стало остановить Разрушителя, а для того следует объединить народы

Тенсендора под водительством Звездного Человека. Но чтобы наставить его на выполнение тяжелой миссии, нужно собрать всех блюстителей предсказания. Ир, Огден и Веремунд уже приступили к своим обязанностям, а вот Зира пропала. За последние две тысячи лет никто не слышал о ней.

Джек с грустью окинул взглядом заснеженную равнину. Когда-то здесь плескалось озеро Жизни, плескалось до тех самых пор, пока его не осушили ахары.

Все блюстители предсказания были духовно связаны со священными озерами, расположенными в Тенсендоре: сам Джек — с Папоротниковым озером, Ир — с Чашей, Огден и Веремунд — с Котлом-озером, а Зира — с озером Жизни. Но только на том месте, где раньше находилось это священное озеро, зимой была заснеженная равнина, а летом — участок заскорузлой земли, покрытой чахлой растительностью.

Джек снова тяжело вздохнул, на его глаза навернулись слезы. Озеро Жизни перестало существовать, а Зира, его жена в предыдущей жизни, пропала.

Все блюстители предсказания были когда-то представителями четвертого народа Тенсендора, харонитами — перевозчиками на водных путях Подземья.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

У аваров

— Он выживет, Золотое Перо, не тревожься, — участливо сказала Барсарб. — Неделью-другую не сможет летать, только и всего. Ему бы домой, на гору Великого Когтя, — там бы он быстрее поправился.

— Спасибо, Барсарб, — ответила Золотое Перо. Она действительно была благодарна Барсарб, которая провела бессонную ночь, врачуя Повелителя Звезд. Она и сама не спала, помогая шаману, да и сейчас не могла сомкнуть глаз, беспокоясь о муже.

Повелитель Звезд лежал на плаще около Древа Жизни, а Золотое Перо вместе с Юлой, Азур и Барсарб сидела на земле рядом с ним, не отрывая от него глаз. Невдалеке на небольшом возвышении из камней, понутив голову, сидел Мудрый Ворон, изредка перебрасываясь несколькими словами с расположившимся рядом Отважным Соколом. По поляне расхаживала охрана во главе с Зорким Глазом.

Золотое Перо во время нападения духов не пострадала. Ее спасла дочь, подняв на высокое дерево, под раскидистой кроной которого они обе нашли убежище, что, впрочем, не спасло их от нервного потрясения: ведь обоим пришлось с ужасом наблюдать, как омерзительные создания расправляются с их друзьями.

Побоище кончилось, когда Древо Жизни неожиданно пробудилось от долгой спячки. Сидя в укрытии вместе с матерью, Юла с удовлетворением убедилась в необыкновенной чародейной силе отца, пробудившего дерево ото сна. Она и сама хотела стать чародейкой, переняв у отца необходимые знания и чародейную силу. Известие о брате ошеломило ее. Теперь Аксис, а не она, унаследует от отца его сверхъестественные способности. Эта мысль приводила в уныние, заставляла утруждаться.

Не в лучшем настроении пребывал и дядя Юлы, Мудрый Ворон. Его Ударные Силы не смогли отразить нападения неприятеля, что, впрочем, было не удивительно: вот уже тысячу лет икарийцы не имели военной практики. Оставалось заняться погребением павших, надеясь, что души сложивших головы икарийцев зажгутся на небе звездами, и пожелав погибшим аварам, чтобы они нашли дорогу в Священную рощу.

Пребывала в горести и Азур, потрясенная смертью Изы, погибшей у нее на глазах. Погибла и Хогни, дочь Флит. Еще хорошо, что повезло самой Флит, попавшей в группу аваров, успевшую податься на юг до наступления скрелингов.

Всеобщее уныние на поляне оживлялось лишь пением Древа Жизни.

Но вот Мудрый Ворон перевел взгляд на брата и громко спросил:

— Повелитель Звезд, ты в силах разговаривать?

— Я слушаю тебя, Мудрый Ворон, — ответил чародей, приподнявшись. Ему помогли сесть, прислониться к дереву.

— Мы не успели провести все обряды. Чем это грозит?

— Мы успели совершить главное: зажечь огонь вокруг Древа Жизни. Теперь солнце, как всегда, возродится, но только не обретет должной силы. Нас ждут суровые испытания.

— Разрушитель не только устроил побоище, но и посягнул на природу, — хмуро сказал Мудрый Ворон.

— И все же он своего не добился, — подал голос Отважный Сокол.

— Ты прав, — сказал Повелитель Звезд. — Разрушитель собирался пленить меня, а всех остальных уничтожить, да только он просчитался.

— Он хочет пленить тебя? — удивленно спросил Мудрый Ворон. — Зачем ты нужен ему?

— В Разрушителе течет моя кровь, и он хочет, чтобы я передал ему свои знания.

— А зачем ему нужны знания икарийского чародея? — поинтересовался Отважный Сокол. — Судя по всему, Горрил и так силен.

— К сожалению, — Повелитель Звезд тяжело вздохнул. — Икарийские чародеи черпают силы из музыки Звездного Танца, непрерывного движения звезд, а Разрушитель, видно, черпает силы из какого-то другого источника.

Вероятно, он использует энергию межзвездного хаоса, а может, даже энергию, образующуюся при взрыве красных гигантов, в которые превращаются звезды в конце своего пути. Если это и вправду так, то, овладев энергией Звездного Танца, Горгрил будет непобедим. Даже Звездный Человек не одолеет его. Покорив этот мир, Разрушитель завоюет и всю Вселенную, проникнув в просторы космоса через Звездные Врата.

— Что же делать? — спросила Барсарб.

— Аварам нечего опасаться. Дерево Жизни запело, и Аваринхейм теперь в безопасности. Войску Горгрила остается продвигаться на юг через Горкен-проход. Раум сказал, что Звездный Человек сейчас в Горкен-форте. Я полагаю, надо помочь ему.

— Но Звездный Человек наполовину ахар, — процедил Мудрый Ворон.

— Нужно помочь ахарам, — убежденно сказал Повелитель Звезд. — Недаром в пророчестве говорится, что победить Разрушителя могут лишь объединенные силы ахаров, аваров и икарийцев.

— Отец, мы можем послать в Горкен-форт наши Ударные Силы, — вмешался Отважный Сокол.

— Я не могу один принять такое решение, — после минутного размышления проговорил Мудрый Ворон. — Этот вопрос следует обсудить на горе Великого Когтя на общем собрании.

— Зачем терять время? — возразил Повелитель Звезд. — Промедление может стоить жизни Звездному Человеку, единственному, кто может победить Разрушителя.

— Отец, разве это не довод? — воскликнул Отважный Сокол.

Мудрый Ворон снова погрузился в раздумье, приковав к себе внимание собеседников. Наконец он тяжело вздохнул, откашлялся и сказал:

— Всем известно о многовековой взаимной ненависти между икарийцами и ахарами. Преодолеть неприязнь между народами нелегко. Тебя можно понять, Повелитель Звезд, ты боишься за сына, но когда речь идет о судьбе народа, следует хорошенько подумать, все взвесить. Я не могу единственно по своей воле послать Ударные Силы на помощь ахарах. Это вопрос решит общий сбор икарийцев. Это мое последнее слово.

Все потупили головы. Молчание прервала Барсарб.

— Прошу тебя, Мудрый Ворон, уведомите о своем решении и аваров. Согласно пророчеству, мы тоже должны внести посильную лепту в борьбу с Разрушителем, хотя нас и защищает теперь Древо Жизни. К слову сказать, мы обязаны не только ему. Если бы не Азур, погибших было бы больше. Она воодушевила людей, научила их защищаться, — Барсарб перевела дыхание и, улыбнувшись, продолжила: — Азур, я не могу говорить за всех, но только несколько не сомневаюсь, что в Белтейн тебя примут в наше сообщество.

— Спасибо, — пролепетала Азур, смутившись.

— Но до Белтейн еще далеко, — сказал Повелитель Звезд, устремив взгляд на покрасневшую девушку. — Впереди несколько месяцев, и это время, Азур, ты можешь провести с икарийцами. Я приглашаю тебя на гору Великого Когтя.

— И в самом деле, Азур, — подхватила Золотое Перо, — отправляйся с нами. Гора Великого Когтя — удивительно красивое место. Кроме того, ты сможешь познакомиться с бытом и обычаями икарийцев.

— Спасибо, — ответила девушка, совсем растерявшись. — Я с удовольствием побываю на горе Великого Когтя.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

На пути в Подземье

Мудрый Ворон сидел, глубоко задумавшись, на небольшом возвышении из камней, время от времени бросая тяжкие взгляды на уже остывшие горки золы, оставшиеся от погребальных костров, на которых сожгли погибших в бою со скрелингами аваров и икарийцев.

К Мудрому Ворону подошел Зоркий Глаз.

— Пора возвращаться домой, — сказал он. — Что прикажешь?

— Умерь свое нетерпение, Зоркий Глаз. Придет время, и я сообщу о своем решении.

Мудрый Ворон снова задумался. Действительно, пора возвращаться. Два стрелка уже полетели домой с сообщением о произошедших событиях. Улетели домой и Отважный Сокол с Юлой. Лицо Мудрого Ворона осветилось улыбкой. Сын сделал правильный выбор. Юла станет ему хорошей, верной женой. Она заботлива, деловита. К тому

же рассудительна, хладнокровна. Сумеет обуздать излишнюю импульсивность Отважного Сокола.

Но что делать с ранеными? Большинство из них не может подняться в воздух, а те, кто может летать, не осият длинного и трудного перелета.

Мудрый Ворон поднялся на ноги и подошел к Повелителю Звезд, лежавшему на плаще около Древа Жизни в окружении других раненых икарийцев.

— Скажи, Повелитель Звезд, когда ты сможешь подняться в воздух? — спросил Мудрый Ворон, устремив сочувственный взгляд на пострадавшего в бою брата.

Повелитель Звезд сел, прислонился к дереву.

— Дней через десять, не раньше, — хмуро ответил он. — Но я не теряю надежды как можно быстрее вернуться домой. Хочу принять участие в общем сборе.

Мудрый Ворон опешил.

— Ты что же, собираешься идти пешком по горам? Зимой — это безумие. К тому же ты ранен. Но даже если ты осилишь дорогу, это займет много дней.

— Я и не собираюсь идти по горам. Рассчитываю на помощь харонитов. Если кто из них согласится отправиться к горе Великого Когтя, захватив с собой пассажиров, это решит все проблемы. Я заберу с собой раненых, Золотое Перо, Азур.

Удивление Мудрого Ворона перешло в величайшее изумление. О харонитах, народе Подземья, никто не слышал уже многие тысячи лет. Он сам узнал об этом странном народе лишь из рассказов родителей, чародеев.

Заметив недоумение брата, Повелитель Звезд пояснил:

— Слух о выступлении Разрушителя наверняка дошел и до ушей харонитов. Они тоже заинтересованы в победе над Горгрилом. Думаю, они не откажут в помощи икарийцам.

— А как ты свяжешься с ними?

— С помощью Раума. Я с ним уже говорил, и он обещал помочь.

— А если харониты откажут?

— Отряди мне несколько человек из Ударных Сил. Они помогут раненым преодолеть путь до Подземья, а если харониты не откликнутся на наш зов или откажут нам в помощи, то стрелки помогут раненым вернуться обратно, после чего полетят к тебе уведомить о положении дел.

К собеседникам подошел Раум.

— Повелителю Звезд пришла в голову хорошая мысль, — степенно сказал шаман. — На харонитов вполне можно рассчитывать. У аваров существует поверье, что харониты и в наше время иногда подымаются на поверхность по скрытым от посторонних глаз водным путям и прогуливаются на своих лодках по Нордре, предпочитая, правда, темные летние ночи. Нордра рядом, и, возможно, хотя бы один из входов в Подземье где-то недалеко. Мы поищем его.

— Ты хочешь присоединиться к Повелителю Звезд? — спросил Мудрый Ворон.

— Мы уже успели договориться.

— Но Мирболт погибла, и твои соплеменники выбрали тебя главным шаманом. Как они без тебя обойдутся?

— Я не понадоблюсь им в ближайшее время. Клань отправляются кочевать, каждый сам по себе. А в клане

Тенистого Дерева меня заменит Барсарб. Кроме того, я не просто хочу помочь Повелителю Звезд, но и побывать на горе Великого Когтя, чтобы принять участие в вашем сборе.

Мудрый Ворон кивнул и перевел взгляд на Повелителя Звезд.

— Я пошлю с тобой двенадцать стрелков.

— Ты не проведешь сбор без меня?

— Я буду ждать тебя десять дней. Если ты опоздаешь, то обойдусь без тебя. Только я не уверен, что люди примут решение, которое ты недавно отстаивал вместе с Отважным Соколом. Вы когда отправляетесь?

— Завтра утром.

Едва забрезжил рассвет, Повелитель Звезд, а вместе с ним Раум, Азур и Золотое Перо, а также восемнадцать раненых икарийцев в сопровождении крыла вооруженных стрелков отправились в путь, чтобы отыскать вход в Подземье.

Повелитель Звезд медленно шел впереди, погруженный в тяжкие размышления. Хотя он и уверил Мудрого Ворона в возможности путешествия под землей, его терзали сомнения. Удастся ли найти вход в Подземье? Откликнутся ли харониты на зов? Не откажут ли в помощи? Такое вполне возможно: в свое время икарийцы их притесняли...

Но вот показалась Нордра, и Повелитель Звезд устроил привал. Стрелки развели костер, и уже через полчаса Азур разносила раненым чай, заваренный на лекарственных травах, которые ей дала в дорогу Барсарб.

Обойдя раненых, Азур присела к костру, оказавшись рядом со Смелым Кречетом, командиром крыла, красивым молодым человеком с темно-рыжими волосами и черными приветливыми глазами.

Обрадовавшись неожиданному соседству, Смелый Кречет сказал:

— Я видел, Азур, как ты сражалась со скрелингами, и просто диву давался твоей отваге. К тому же ты воодушевила людей.

— Все вышло чисто случайно, — смущенно ответила девушка. — Я натерпелась страху и, видно, он подстегнул меня, довел до неистовства. Я билась с этими духами, не помня себя.

— Но ты проявила настоящее мужество. Скажи, ты раньше занималась боевыми искусствами?

— Что ты, я ведь ахарка. У нас служат в армии только мужчины.

— Хочешь, я научу тебя стрельбе из лука? Когда мы окажемся на горе Великого Когтя, ты сможешь заняться боевой подготовкой вместе с моим крылом. Авары недооценили тебя. У икарийцев ты найдешь лучший прием. Так ты согласишься?

Замаявшуюся Азур выручил Повелитель Звезд, попросивший Смелого Кречета подойти. Командир крыла вскочил на ноги и, бросив Азур: «Подумай о моем предложении», направился к чародею, устремившему взгляд на реку.

— В этом месте берег Нордры зарос высоким кустарником, — сказал Повелитель Звезд. — Мы можем посмотреть вход в Подземье. Подними в воздух разведчиков.

— Что им искать? — спросил Смелый Кречет.

— Пещеру в основании берега. Она, должно быть, неподалеку.

Проводив взглядом Смелого Кречета, Повелитель Звезд погрузился в раздумье, размышляя о том, согласятся ли икарийцы оказать помощь ахарам. Однако размышлял он недолго: разведчики возвратились.

— Пещеру нашли и, к счастью, на этом берегу, — сообщил Смелый Кречет. — Ты оказался прав, Повелитель Звезд, с берега мы бы ее не заметили. Ее и с воздуха еле видно.

— Пещера далеко?

— В получасе ходьбы.

Пещера оказалась у самой воды, и стрелкам не только пришлось проделать проход в колючем кустарнике, но и вырубить ступени в земле для удобства женщин и раненых. В пещеру уходил небольшой проток, берега которого были выложены отполированными камнями.

Оказавшись в пещере, путешественники увидели, что проток впадает в расположенный посреди помещения прямоугольный бассейн со стенками из каменных плит. Сама пещера, по-видимому, обширная, терялась во мраке.

— Полагаю, мы не ошиблись, — сказал Повелитель Звезд. — Это и есть вход в Подземье. Посмотрите, у стены лодки.

Действительно, у стены, на которую указывал чародей, на невысоких деревянных подставках стояли две небольшие лодки. Рядом с лодками высилась стойка, на которой лежали факелы.

— Но, Повелитель Звезд, этот бассейн нѣкуда не ведет! — воскликнула Золотое Перо, немного углубившись в пещеру. — Он ограничен стенками. Как же можно на этих лодках попасть в Подземье?

— Эти лодки не для Подземья. На этих челнах харониты ходят по Нордре. А до Подземья нужно еще добираться.

Повелитель Звезд подошел к стойке, взял факел, достал из кармана трутницу, высек огонь и, подняв светильник над головой, углубился в пещеру. Все последовали за ним.

Но вот Повелитель Звезд остановился. Перед ним оказалась стена, облицованная тщательно пригнанными друг к другу квадратными плитами из полированного мрамора. На стене красовался рисунок: танцующие дети и женщины, все в длинных одеждах. Рисунок был настолько реалистичным, что Азур, протиснувшейся почти к самой стене, неожиданно показалось, что танцоры еле заметно движутся, а их одежда колышется.

— За этой стеной вход в Подземье, — сказал Повелитель Звезд, обернувшись. — Остается найти потайную дверь.

Чародей принялся исследовать стену. Между вертикальными и горизонтальными рядами плит тянулись швы каменной кладки. Повелитель Звезд стал водить рукой по плитам. Водить рукой пришлось долго, но, как оказалось, не понапрасну. Между двумя вертикальными рядами панелей на месте шва Повелитель Звезд нащупал небольшой выступ. Чародей повел руку вверх. Выступ поднялся до пересечения с другим — горизонтальным выступом. Теперь

очертить весь подвижный блок не составляло труда. Потайная дверь найдена!

Но мало найти дверь. Теперь надо ее открыть. Чародей стал поочередно нажимать на панели блока, водя рукой от одной его кромки к другой, противоположной.

Наблюдавшая за чародеем Азур так и не поняла, какая из панелей сработала, но только каменный блок неожиданно подался назад и заскользил в сторону.

Повелитель Звезд нашел глазами Золотое Перо.

— Любовь моя, — сказал он, — я как-то обещал показать тебе чудо. Сейчас ты его увидишь. Это чудо — Подземье.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Перевозчик

За дверью оказалась небольшая площадка, а за ней — круглый и, казалось, мрачный, бездонный провал, вокруг которого вилась широкая лестница с розоватыми мраморными ступенями и перилами с частыми деревянными балясинами.

— Нам вниз, — сказал Повелитель Звезд.

Все опять молча последовали за ним. Молчание длилось долго. Первой не выдержала Азур, у которой начали болеть ноги.

— Повелитель Звезд, еще долго? — робко спросила девушка, надеясь на благоприятный ответ.

Ответ оказался неутешительным:

— Полагаю, мы прошли около половины пути, — чародей взглянул на измученную Азур и, улыбнувшись, добавил: — Но, пожалуй, самое время сделать привал, — он остановился и сел на ступеньку.

Когда все расположились на лестнице, Повелитель Звезд произнес:

— Всем, наверное, интересно узнать, что за люди живут в Подземье. Их зовут «харонитами», и они родственны икарийцам. У обоих народов одна прародительница, бывшая чародейкой.

— Чародейкой? — удивилась Азур.

— И более могущественной, чем ты можешь себе представить, — пояснил Повелитель Звезд. — Ей удалось открыть энергию Звездного Танца и, воспользовавшись этой энергией, зародить жизнь на планете, так что и другие народы могут считать ее прародительницей.

Азур пришла в еще большее изумление, но задать вопрос постеснялась, решив, что при случае расспросит о таинственной чародейке Золотое Перо.

— Однако продолжу о харонитах, — сказал Повелитель Звезд. — Эти люди всегда любили уединяться, вести жизнь отшельников, а теперь и вовсе стали затворниками. Предпочитают жить прошлым, не заботясь о будущем. Раньше и у них были крылья, но они от них отказались. Тринадцать тысячелетий назад харониты спустились в Подземье, где и живут до сих пор, путешествуя по подземным водным путям. Говорят, что в центре Подземья находится огромное озеро, откуда вытекает множество рек, соединенных протоками. Я надеюсь, что одна из этих водных артерий подходит к подножию горы Великого Когтя. Надеюсь и на то, что нас довезут до дома. Вот только неясно, какую плату назначат.

— Плату? — удивилась Золотое Перо.

— Харониты обычно берут плату за перевоз, а с нас, полагаю, ее потребуют непременно. Харониты считают, что

икарийцы их недолюбливают, относятся с пренебрежением к их образу жизни.

— Но ты же сказал, что мы родственные народы, — возразил Смелый Кречет. — Мы должны помогать друг другу.

— К сожалению, наши отношения осложнились.

— Осложнились? — недоуменно повторил Смелый Кречет.

— Харониты считают, что икарийцы их притесняли.

— Когда это было?

— При девятом Великом Когте, — Повелитель Звезд встал и хмуро продолжил: — Пора идти дальше.

Все встали и последовали за ним. Казалось, спуск бесконечен. Азур уже потеряла счет времени, когда внезапно тихонько засвистел ветер. Девушка заглянула в провал. Лицо обдало теплом. Воздух шел снизу, поднимаясь по загадочному проему.

— Повелитель Звезд, повеяло ветром! — воскликнула девушка.

— Это дыхание планеты, — ответил чародей, оглянувшись. — Планета то вдыхает воздух, то выдыхает. Сейчас она начала выдыхать. Таких проемов, как этот, в земле великое множество, и каждый — своего рода канал для дыхания.

— А мы намного углубились под землю?

— Кто знает? — Повелитель Звезд улыбнулся. — Могу сказать лишь одно: мы у цели.

Азур огляделась. Лестница вывела во вместительную пещеру, погруженную в мягкий, голубоватый сумрак. Стены пещеры были гранитными, и мелкие зерна камня сверкали, как крошечные алмазы. У одной из стен, рядом

с лестницей, стояла золотая тренога с подвешенным колоколом. Но не колокол привлек внимание девушки, а тихий журчащий звук, раздававшийся впереди. Азур осторожно пошла на звук и замерла от восторга. Пещеру, вытекая из одного арочного проема и втекая в другой, пересекала река шириной в десять—двенадцать пейсов. Ее берега были облицованы мрамором, а в зеленоватой воде сверкали яркие блески.

— В Подземье не увидишь звездного неба, — раздался голос Повелителя Звезд. — Для харонитов звезды сверкают в подземных реках.

Азур села на корточки и потянулась к воде.

— Не опускай руку в воду, — предостерег чародей. — Лучше не рисковать.

— А что может случиться?

— Не знаю, но повторяю: лучше не рисковать.

— А что теперь? — спросила Золотое Перо, подойдя к чародею.

— Вызовем перевозчика, — Повелитель Звезд подошел к треноге и три раза ударил в колокол. — А теперь будем ждать.

— Мы пока перевяжем раненых, — сказала Азур и окликнула Раума.

Не обошли они и Повелителя Звезд, обработав ему раны примочками и наложив на них целебную мазь. Едва закончили его перевязывать, как к нему подошел Смелый Кречет.

— Повелитель Звезд, — сказал он, — слева слышится плеск воды.

— Это перевозчик, — определил чародей. — Наконец-то после долгих тысячелетий харонит покажется икарийцам.

И тут из левого тоннеля медленно выплыла длинная вместительная плоскодонная лодка, двигавшаяся сама по себе. На ее корме сидел человек в ярко-красном плаще, пряча голову в капюшоне. Но вот лодка остановилась, человек поднял голову и хрипло спросил:

— Кто вызывал перевозчика? Кто звонил в колокол?

— Тебя вызвал я, Повелитель Звезд Парящее Солнце. Я чародей, икариец. Да вернутся в Подземье блюстители предсказания, когда исполнят свой долг. — Повелитель Звезд поклонился.

— Блюстители предсказания в Подземье не возвратятся, — недовольно проговорил перевозчик. — Ты чародей, а пророчества не осилил.

— Кто знает, чем обернется пророчество. Может быть, они еще вернутся в Подземье.

— У тебя острый язык, чародей. Как бы он тебя не подвел, если тебе доведется встретиться с Горгрилом.

Повелитель Звезд принял надменный вид. Окинув его порицающим взглядом, перевозчик перевел глаза на Золотое Перо и, поклонившись, с почтением произнес:

— Приветствую тебя, Ривка. Рад видеть тебя. Надеюсь, что твой сын не столь высокомерен и горд, как его отец, чародей.

— Приветствую и я тебя, перевозчик, — ответила Золотое Перо. — Рада видеть тебя. Что касается сына, то, надеюсь, он не только оправдает родительские надежды, но и принесет пользу народам Тенсендора, в том числе и вам, харонитам. А пока скажу за себя: я рада, что очутилась в Подземье и со временем надеюсь познать его тайнства.

Перевозчик кивнул и, откинув капюшон, явил собравшимся на причале свою лысую голову и мертвенно бледное

худое лицо с пронизательными глазами, скрытыми под густыми седеющими бровями.

— Тебя послушать, Ривка, одно удовольствие, — сказал перевозчик. — Ты приятно отличаешься от людей, не интересующихся таинствами природы.

Похвалив Золотое Перо, перевозчик неожиданно замер и уставился на Азур. Девушка пришла в замешательство и отступила за спину Смелого Кречета.

— Не бойся меня, Азур, — успокоил девушку перевозчик. — Я не причиню тебе зла. Я только хотел сказать, что восхищен твоей храбростью, которую ты проявила, сражаясь со скрелингами.

Перевозчик перевел взгляд на Повелителя Звезд.

— Чародей, тебе и твоим спутникам повезло. С вами две прекрасные женщины, и потому я не возьму с вас плату за перевоз. Куда вас доставить?

— К горе Великого Когтя, — ответил Повелитель Звезд, облегченно вздохнув. — А какова обычно плата за перевоз?

— Человеческая жизнь.

Повелитель Звезд побледнел.

Не обратив внимания на замешательство чародея, перевозчик что-то шепнул, и лодка подошла к берегу. Когда все расселись на деревянных сиденьях, перевозчик снова что-то шепнул, лодка отчалила и, оставив пещеру, вошла в узкий тоннель, освещавшийся тусклым зеленым светом, лившимся из воды.

Все притихли, озадаченные зловецким замечанием харонита о плате за перевоз. В то же время икарийцы дивились, что перевозчик пошел на уступку не из уважения к

Повелителю Звезд, чародею, их соплеменнику, а из неожиданного расположения к двум ахаркам.

Молчание нарушила Азур, которую, как и Золотое Перо, перевозчик устроил рядом с собой на корме. Обратившись к нему, девушка робко произнесла:

— Может, ты расскажешь о водных путях Подземья?

— Эти пути, как и любые дороги, соединяют пункты исхода с пунктами назначения. Но эти пути соединяют также прошлое с будущим — исчезнувшие миры с мирами, которым еще суждено возникнуть.

Азур наморщила лоб, но, так и не осилив полностью пояснения перевозчика, решила снова любопытствовать:

— А как движется лодка?

— Она движется сама по себе, но избирает маршрут по моему повелению.

В голове у Азур слегка загудело. Перевозчик своими ответами сбил ее с толку, поверг в недоумение, и все же она решилась еще на один вопрос, чтобы затемнить свое огорчительное невежество.

— А что, в реке видны звезды?

— Их отражение, — пояснил перевозчик.

Азур взглянула на низкий сводчатый потолок и притихла.

Разговор поддержал Повелитель Звезд:

— Человеческая жизнь — бесценное достояние. Почему, перевозчик, вы обычно берете столь высокую плату за перевоз?

— Ты много позволяешь себе, чародей, — произнес харонит. — Я не отвечаю тебе.

Снова наступило молчание. Икарийцы озадаченно переглядывались: перевозчик не жалуется чародея.

Атмосферу разрядила Золотое Перо. Одарив харонита благожелательным взглядом, она мягко сказала:

— Перевозчик, твои знания поражают. Может, ты расскажешь о харонитах?

— Харониты — люди Подземья. Вот уже многие тысячи лет мы пытаемся познать тайны Вселенной, которых великое множество. Наше средство передвижения — лодки. Однако, не скрою, нередки случаи, когда мы попадаем в незнакомые, неведомые места.

— Разве у вас нет карты Подземья? — поинтересовался Раум.

— О какой карте ты говоришь? Или ты не понял, шаман, моих пояснений? Я же ясно сказал, что по водным путям Подземья можно даже попасть в иные, неисследованные миры. А теперь и я позволю себе вопрос. Скажи, ты видел блюстителей предсказания?

— Только двоих: Джека и Ир.

Лицо перевозчика осветилось улыбкой.

— Ир — моя дочь, — сказал он. — Как она поживает?

— Она превосходно выглядела. Была весела, жизнерадостна.

Харонит довольно кивнул и перевел взгляд на Золотое Перо.

— Миледи, я, признаться, немного поторопился, не назначив плату за перевоз. Впрочем, я и сейчас не поведу речь о плате, но мне бы очень хотелось, чтобы ты выполнила мое пожелание, и даже, пожалуй, буду на этом настаивать.

— Какое пожелание? — Золотое Перо встревожилась.

— Когда-то ты была Ривкой, и я хочу, чтобы ты опять стала ею, вернув себе имя, данное тебе при рождении. Толь-

ко Ривка может помочь Звездному Человеку победить Разрушителя. Золотое Перо такой силой не обладает.

Золотое Перо задумалась. Она давно порвала с прежней жизнью, давно обрела новый дом. Но что имя? Она была Ривкой, когда ее полюбил Повелитель Звезд. Золотое Перо вопросительно посмотрела на мужа. Повелитель Звезд чуть заметно кивнул. Ну что же, Ривка так Ривка, решила Золотое Перо.

— Я согласна, — сказала она. — Но и у меня к тебе просьба. Если Аксис будет нуждаться в помощи, помоги ему, если сможешь.

— Хорошо, — отвечал перевозчик. Он накинул на голову капюшон и на вопросы больше не отвечал.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

У икарийцев

Повелитель Звезд окунулся и не торопясь поплыл по Горячей Воде, небольшому озеру с теплой минеральной водой, поднимавшейся на поверхность из недр горы Великого Когтя. Прошла неделя со дня сражения с духами, и раны Повелителя Звезд, не оказавшись смертельными, почти полностью затянулись.

Икарийцы жили долго — несколько сотен лет — и потому никогда не думали ни о старости, ни о смерти. Впрочем, они не старились, а просто угасали за неделю-другую перед кончиной, словно исчерпав отведенные им запасы энергии.

Сражение с духами обернулось для икарийцев настоящей трагедией. Смерть, редкая гостья на горе Великого Когтя, вошла почти в каждый дом. В бою со скрелингами погибли десятки людей, многие получили тяжкие раны, а иные — увечья, превратившие их в инвалидов.

Вот уже неделю по всей округе раздавались возмущенные голоса. Как такое могло случиться? Что это за Ударные Силы, которые не могли справиться с неприятелем? Мудрый Ворон обвинял в некомпетентности командиров стай, командиры стай осыпали ругательствами командиров крыльев, а последние распекали стрелков, обвиняя их в трусости.

Повелитель Звезд, чтобы успокоить разгневанных соплеменников, попытался взять вину за поражение на себя, заявив, что слишком поздно пробудил Древо Жизни от спячки, но этому покаению воспротивились другие икарыйские чародеи, заявившие в один голос, что погибших и раненых было бы куда больше, если бы не инициатива Повелителя Звезд, который даже тяжело раненным взялся за многотрудное дело, с которым в течение долгих лет никто другой не мог справиться.

Боли от полученных ран почти полностью прекратились, и теперь Повелитель Звезд уже без раздражения вспоминал, с каким трудом подымался по, казалось, нескончаемой лестнице, тянувшейся от подземной реки к едва заметной расщелине в подножии горы Великого Когтя, а затем из последних сил карабкался по горной тропе, чтобы добраться до дома, куда и привел отряд спустя всего четыре часа после возвращения в свою резиденцию Мудрого Ворона, чем привел его в крайнее удивление. Последовали расспросы, но Повелитель Звезд уклонился от обстоятельных пояснений, сославшись на плохое самочувствие и усталость, правда, пообещав рассказать о путешествии по Подземью немного позже, когда оправится от ранений. Однако, поразмышляв, Повелитель Звезд пришел к мысли, что не стоит утомлять Мудрого

Ворона рассказом о мире, далеком от его устремлений и повседневных забот, а лучше поговорить о Подземье с Отважным Соколом, обладавшим острым умом и живой восприимчивостью, свойственной молодости.

Вспомнив о юноше, Повелитель Звезд поднял голову и осмотрел берег, полный купальщиков. Отважный Сокол на глаза не попался, зато Повелитель Звезд увидел Юлу и Азур, которые направлялись к воде, о чем-то беседуя. Чародей задержал взгляд на Азур. Стройная, грациозная, она казалась необыкновенно красивой. Он уже не раз заглядывался на девушку. Но как думать о ней, когда он женат? Ривка — верная, заботливая жена. Он был совсем молод, когда впервые увидел ее, но уже тогда был признанным чародеем, переняв премудрость трудной, но захватывающей науки у матери и заслужив право проводить религиозные церемонии.

Повелитель Звезд вспомнил Белтейн, на котором встретил Амелд. Последствия этой встречи заставили его содрогнуться. Отогнав мрачные мысли, чародей предался дальнейшим воспоминаниям, с удовольствием вспомнив, как однажды, около тридцати лет назад, пролетая над Сигхолтом, увидел на сторожевой башне форта молодую миловидную женщину. То была Ривка. Последовали свидания, признания в любви, и в скором времени он узнал, что у них будет ребенок. Как он радовался тогда!

Однако счастье было недолгим. Неожиданно вернувшийся после длительного отсутствия Сиэрлас, узнав об измене Ривки, пришел в ярость, неистовство и в конце концов отправил жену рожать в Горкентаун, где, как выяснилось недавно, повивальные бабки обманули ее, сказав, что она разрешилась от бремени мертворожденным ребенком.

Повелитель Звезд вновь содрогнулся. А разве забудешь тот день, когда Ривку, еле живую, привел на гору Великого Когтя Малиновый Хохолок, найдя несчастную женщину умиравшей среди оледенелых, обмерзлых скал? К счастью, Ривка быстро поправилась, и он женился на ней, несмотря на косые взгляды и злоязычие соплеменников. Однако такт, чистосердечие и обходительность Ривки сделали свое дело, и икарийцы в конце концов признали ее своей, да и она, преодолев первые трудности, прижилась в новой среде. А через несколько лет родилась Юла, наполнив дом новой радостью.

Но вот прошли еще годы, и Повелитель Звезд с горечью ощутил, что его любовь притупилась. Красота Ривки увяла, а он оставался по-прежнему молодым. Ривка стала наведываться к аварам, и он все реже и реже противился отлучкам жены, которые с каждым годом становились все более продолжительными.

Повелитель Звезд тяжело вздохнул. Что ожидает их впереди? Однако он не стал мучиться этой мыслью и снова поймал глазами Азур, которая, искупавшись, выходила на берег вместе с Юлой.

В тот же день икарийцы потянулись на назначенный Мудрым Вороном общий сбор в Дом собраний, представлявший собой большой, круглый, с куполообразным потолком зал, в котором места для участников совещаний располагались возвышавшимся полукругом.

В зале царствовал мрамор. Мраморными были и пол, и стены, и даже скамьи, прикрытые, правда, мягкими стегаными, различных цветов подушками. Первые три ряда были устланы фиолетовыми, темно-красными и голубыми

подушками: фиолетовые предназначались для чародеев, темно-красные — для старейшин, а голубые — для Мудрого Ворона и членов его семьи. Остальные ряды были устланы сиреневыми подушками.

Но главным украшением зала являлись высоченные статуи, изображавшие обнаженных мужчин и женщин, подпиравших крыльями и руками бронзовый потолок, с которого лился мягкий янтарный свет. На шеях статуй сверкали жемчужные ожерелья, а еще две жемчужины служили каждой глазами. Крылья соседних статуй соприкасались между собой, образуя высокие арочные проемы.

Обычно икарийцы приходили на общий сбор в приподнятом настроении. На этот раз в зале царили уныние, растерянность и тревожное ожидание. Все знали о произошедшей трагедии и теперь тяжело вздыхали в преддверии мрачного, зловещего будущего. Перед всеми собравшимися возник неясный, но грозный призрак близких неотвратимых событий.

Среди собравшихся была и Азур, которая, заняв место в самом верхнем ряду, рядом с Раумом, испытывала не менее тревожное чувство, гадая, к какому решению придут икарийцы.

Последними в зал вошли чародеи, старейшины, Мудрый Ворон и члены его семьи, а замыкал шествие Повелитель Звезд, облаченный в перекинутую через левое плечо пурпурную тогу, декорированную изображением восходящего солнца. Подождав, когда все займут отведенные им места, Повелитель Звезд прошел в центр зала. В зале установилась полная тишина. Чародей поклонился, обвел взглядом собрание и тихо запел, но вот его голос зазвучал громче, наполняясь страстью и вдохновением. Чародей пел на

древнем языке икарийцев, но странное дело: Азур его хорошо понимала.

Он пел о бывшей мощи Тенсендора, в котором правили икарийские короли, Великие Когти, о тех временах, когда икарийцы беспрепятственно летали над всей территорией государства, долетая от Ледяных Альп до Тиррского моря, о благодатном Пути Крыла, основам которого икарийцы учились сизмальства, не опасаясь встретить противника, о бывших грандиозных праздниках, посвященных солнцу и звездам.

Повелитель Звезд замолчал и, оглядевшись, увидел, что соплеменники не скрывают слез умиления, предавшись мыслям о счастливом прошлом Тенсендора. Затем он снова запел, теперь напомним о бывших трагических временах, о разрушительных войнах, в результате которых тысячу лет назад ахары, следуя религиозному учению Сенешаля, изгнали аваров и икарийцев с их исконных земель.

Слезы умиления слушателей сменились слезами скорби и горечи. Не могла сдержать слез и Азур, стыдясь за своих соплеменников, вставших на путь насилия.

Тем временем чародей не смолкал, упоминая теперь об утраченных святилищах и святынях, о заброшенных могильных курганах, усыпальницах Великих Когтей, о вырубленных лесах, о священных озерах, хиреющих на территории неприятеля, о Звездных Вратах, оставшихся только в памяти.

Азур продолжала плакать, приведя Раума в изумление. Он не мог уяснить, как ахарка умудряется понимать Повелителя Звезд. Чтобы выучить древний икарийский язык, ему самому понадобилось несколько лет. Однако он не стал отвлекать девушку неуместным вопросом, тем более что к

этому времени Повелитель Звезд кончил петь и перешел к декламации пророчества о пришествии Разрушителя. Прорекламировав две строфы, чародей сказал:

— Полагаю, что это пророчество не только грозит ужасными бедами, но и дарит надежду на объединение ахаров, аваров и икарийцев под водительством Звездного Человека, на победу над Горгрилом и на светлое будущее Тенсендора.

Повелитель Звезд опять поклонился и прошествовал на свое место между Ривкой и дочерью.

Зал зашушукался и затих, когда с места поднялся Великий Коготь. На нем была тога цвета слоновой кости, а на шее сверкало жемчужное ожерелье, точь-в-точь, как у статуй.

— Друзья мои, — сказал Мудрый Ворон, — вам всем известны ужасные трагические события, произошедшие неделю назад, и я не стану напоминать вам об этом ужасе. Остановлюсь лишь вкратце на том, что, впрочем, тоже известно. Пророчество о пришествии Разрушителя не только стало сбываться, но и набирает силу, грозя новыми бедствиями. Вы знаете и о том, что нашелся Друг Леса, а Дерево Жизни пробудилось от спячки. Недавно стало известно, что Горгрил — сын Повелителя Звезд и аварки Амелд, а Звездный Человек — сын Повелителя Звезд и Ривки, ахарской принцессы. Звездный Человек — это Аксис, Боевой Топор, командир воинов Сене-шаля. На сегодняшнем сборе нам предстоит принять непростое решение: стоит ли признать Аксиса тем единственным человеком, который спасет Тенсендор от Разрушителя, и стоит ли нам, икарийцам, оказать помощь ахарам.

Зал скова пришел в движение. Послышались недоуменные голоса: как могут икарийцы сражаться под водительством Аксиса, командира воинов ненавистного Сенешаля? Тишину восстановил Мудрый Ворон, подняв руку, призывая ко вниманию.

— Но прежде чем перейти к обсуждению нелегкой проблемы, — степенно произнес он, — выслушаем Зоркого Глаза. Его разведчики только что вернулись из Горкентауна. Зоркий Глаз, что они доложили?

Зоркий Глаз поднялся со своего места и хмуро сказал:

— Плохие новости, Мудрый Ворон. Горкентаун пал под натиском духов. В бою со скрелингами ахары потеряли сотни людей, а оставшиеся в живых укрылись за стенами Горкен-форта. Скрелинги взяли крепость в кольцо.

— А форт выстоит? — раздался голос из зала.

— Сомневаюсь. Его окружила многотысячная армия Разрушителя, и хотя защитников форта тоже несколько тысяч, полагаю, что они пали духом после тяжелого поражения. Кроме того, у ахаров, видимо, скоро закончится продовольствие, да и топливо тоже.

— А твои разведчики не видели в форте Аксиса? — спросил Повелитель Звезд.

— Видели. Твой сын стоял на крепостной стене форта и был мертвенно бледен, словно после ранения.

Повелитель Звезд застонал и взял за руку Ривку, будто ища у нее сочувствия. И тут подал голос Отважный Сокол.

— Да что обсуждать? — возбужденно воскликнул он. — Ясно как день, что мы должны прийти на помощь ахарам. Если мы не сделаем этого, Звездный Человек может погибнуть, и тогда победа будет за Разрушителем.

— Не торопись! — Мудрый Ворон ухватил сына за локоть. — Вопрос не такой простой. Пусть выскажется каждый желающий.

— А я говорю: другого выбора у нас нет!

В зале раздались возбужденные голоса:

— Выбор всегда найдется.

— Не стоит спешить, следует все обдумать.

— Зачем вмешиваться в войну между Разрушителем и ахарами? Горе Великого Когтя Горгрил не угрожает.

— И впрямь. Горгрил движется в глубь Ахара.

Поверх других голосов прозвучал зычный бас:

— Ахары — наши враги. С какой стати им помогать? Ты, видно, рехнулся, Отважный Сокол. Где твоя гордость?

— Свою гордость я утратил в Аваринхейме, где скрепинги нас наголову разбили, — Отважный Сокол сжал пальцы в кулак и замахал крыльями, словно собираясь взлететь. — И я не хочу, чтобы те ужасные события повторились.

— Успокойся, Отважный Сокол, — размеренно произнес Мудрый Ворон. — Я тоже переживаю, не сплю ночами, размышляя о создавшемся положении. Но я не навязываю свое мнение с пеной у рта. Нам нужно выслушать всех желающих и принять обоснованное взвешенное решение, — Мудрый Ворон огляделся по сторонам и остановил взгляд на брате. — Повелитель Звезд, тебе слово.

Чародей встал, немного постоял молча, опустив на грудь голову, а затем негромко, но проникновенно сказал:

— Горгрил перешел в наступление, и нам нельзя сидеть сложа руки. Бездействие ведет к гибели. Если армия Разрушителя займет хотя бы Ихтар, мы окажемся в изоляции. У Горгрила огромное войско, и нам одним с ним не спра-

виться. Полагаю, Отважный Сокол высказал правильное суждение. Нам надо помочь ахарам, помочь Звездному Человеку. Он единственный, кто может спасти Тенсендор.

По рядам снова пошел недовольный ропот. Однако шум вскоре утих: слово взял Раум.

— Друзья, — сказал он, — нам не следует забывать, что в осажденном духами форте находятся не только солдаты, но и три блюстителя предсказания. Их гибель и даже смерть одного из них приведут к ужасным последствиям. Кроме того, в Горкен-форте находится и Друг Леса, ахарка по имени Фарадей. Вспомните, лишь с помощью Фарадей Повелитель Звезд пробудил Древо Жизни от спячки. Если она погибнет, эта утрата станет невозполнимой. Поэтому я тоже считаю: ахарам надо помочь. Тому есть и другая причина: и авары, и икарийцы нуждаются в полководце, который смог бы сплотить людей и укрепить их боевой дух. Таким полководцем может стать Аксис, умудренный боевым опытом. Я видел его однажды. Случилось так, что меня и Ширу, девочку из нашего клана, схватили ахары. Нас собирались сжечь на костре, но с помощью Азур, — Раум показал жестом на девушку, — нам удалось бежать. Однако нас настиг Аксис. Он мог бы убить меня или вернуть в тюрьму. Но он отпустил меня, поступив благородно. С Аксисом знакома и ваша гостья, Азур, — Раум взглянул на девушку. — Может, ты расскажешь собравшимся о Боевом Топоре?

Девушка встала и, собравшись с духом, сказала:

— В Ахаре Боевой Топор пользуется широкой известностью. И о нем, и о топороносцах ходят легенды. В топороносцев играют дети, и каждый хочет стать Аксисом. Мужчины восхищаются им, а кое-кто и завидует его славе.

Женщины засматриваются на него. Аксис — популярная личность и, полагаю, как раз тот человек, который может повести за собой людей.

Азур замолчала и вопросительно посмотрела на Раума. Шаман удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Я присоединяюсь к мнению Повелителя Звезд. Вам нужно помочь ахарам, помочь Звездному Человеку. Этим вы поможете и себе. Если действовать порознь, краха не миновать. А возглавить сопротивление Разрушителю должен Аксис, чье предназначение несомненно. Об этом говорится и в предсказании.

Зал взорвался негодованием.

— Мы сами справимся с Разрушителем!

— Наши Ударные Силы еще покажут себя!

— Нас поведет к победе Мудрый Ворон Парящее Солнце!

На этот раз шум и крики покрыл звонкий голос Отважного Сокола:

— Да, нас поведет к победе Парящее Солнце, но только не Мудрый Ворон, не Повелитель Звезд и не я. Нас поведет к победе Аксис, Боевой Топор. Он тоже из династии Парящее Солнце.

Отважному Соколу возразил один из старейшин:

— Но Аксис потерпел поражение в Горкентауне. Духи разбили его войска.

— Аксис еще не познал себя до конца, — пояснил Повелитель Звезд. — В нем дремлют скрытые силы. Я пробужу их.

— Так что мы решим? — спросил Мудрый Ворон, вставая с места. Он прошел в центр зала и обвел глазами собрание.

Первым подал голос Отважный Сокол:

— Я полагаю, нам следует послать в Горкен-форт делегацию. Делегаты встретятся с Аксисом, и если он согласится на нашу помощь, то обсудят с ним дальнейший план действий.

Следом выступил Зоркий Глаз.

— Я до сих пор стыжусь поражения, которое мы потерпели в Аваринхейме. Если мы останемся в изоляции, нас ждут новые неудачи. Хочу ли я, чтобы Ударные Силы попали в подчинение Аксису? Нет, я этого не хочу. Но иного выбора у нас нет.

Больше желающих выступить не нашлось.

— Ну что же, — произнес Мудрый Ворон, — поступило лишь одно предложение: послать в Горкен-форт делегацию и вступить в переговоры с Боевым Топором, предложив ему нашу помощь. Вы согласны с этим решением?

— Согласен, — сказал Зоркий Глаз.

— Согласен, — хмуро произнес один из старейшин.

— Согласен, — твердо сказал Балобан.

— Мы согласны! — подхватил дружный хор голосов.

На глаза Повелителя Звезд навернулись слезы. Отважный Сокол заключил дядю в объятия.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Отважный Сокол Парящее Солнце

Аксис, Велиар и Магариз стояли на крепостной стене форта и с содроганием наблюдали за колыхавшимися тучами скрелингов, казалось, заполонивших весь город.

— Сдали город этим страшилищам, — мрачно пророчил Аксис. — А сколько наших погибло.

— Ты слишком впечатлителен, — сказал Велиар. — Все еще винишь себя в поражении. А я думаю так: правильно организованная оборона и твое личное мужество спасли армию от разгрома. Погибших могло быть гораздо больше. Ты сделал все, что мог. Не забывай, ты и сам едва не погиб.

Аксис задумался, вспомнил о Фарадей. Это ей он обязан жизнью. Но как ей удалось излечить его раны? На этот вопрос ему никто не ответил, а у Фарадей не спросить: на людях не показывается. Может, Борнхелд запретил ей покидать комнаты? Когда же он увидит ее?

И увидит ли? Глаза Аксиса потускнели, стали безжизненными.

Заметив это печальное перерождение командира, Велиар не без основания заключил, что всему виной неудавшаяся любовь. Сам лейтенант никогда не испытывал это странное помешательство и дивился тому, что можно страдать из-за юбки. Как и всякий солдат, он женщин не избегал, но ни с одной больше недели не проводил.

Велиар вздохнул. Все эти нежные чувства ни к чему хорошему не приводят. Человек раскисает, теряет самоконтроль, совершает опрометчивые поступки. А ведь впереди новые сражения с воинством Разрушителя.

Размышления Велиара прервал лорд Магариз, обратившийся к Аксису:

— В форте кончается продовольствие. Нам долго не продержаться.

— Горгрил нападет на нас раньше, чем у нас закончится продовольствие, — хмуро ответил Аксис. — Разрушитель стремится на юг, в глубь Ахара, и он не оставит у себя в тылу неприятельский форт с несколькими тысячами солдат.

— Когда же он решится на штурм?

Боевой Топор не ответил. Его привлек внезапный шум крыльев. Решив, что приближаются скрелинги-храбрецы, Аксис выхватил меч. Следом обнажили оружие Магариз и Велиар.

Однако тревога оказалась напрасной. Через минуту-другую на крепостную стену опустились не скрелинги-храбрецы, а другие крылатые существа, похожие на людей. Присмотревшись, Аксис увидел, что это и вправду люди, но только крылатые. У двоих крылья были иссиня-черными, а

у третьего — человека с золотистыми волосами и странными фиолетовыми глазами — ослепительно белыми.

— Приветствую тебя, Аксис, — сказал один из людей с иссиня-черными крыльями. — Я — Черное Крыло, командир стаи Ударных Сил икарийцев. Позволь представить тебе и твоим друзьям моих соплеменников. Это — Отважный Сокол Парящее Солнце, сын Великого Когтя, правителя икарийцев, — Черное Крыло указал на человека с фиолетовыми глазами. — А это, — продолжил он, — Смелый Кречет, командир крыла.

Аксис, застывший от великого удивления при виде странных людей, все же сообразил, что от него ждут ответа. Решив последовать примеру предводителя икарийцев, он, жестикулируя, произнес:

— Это лорд Магариз, командир Горкен-форта, а это — Велиар, лейтенант, мой помощник.

Магариз и Велиар поклонились, все еще сжимая в руке мечи. Тем временем Аксис пришел в себя и, зачехлив меч, сказал:

— Это икарийцы. Их нечего опасаться.

Магариз и Велиар спрятали мечи в ножны.

Наступило молчание. Ахары и икарийцы разглядывали друг друга.

— Аксис похож на этих людей, — шепнул Велиар командиру форта. — Не вызывает сомнения, его отец — икариец.

Магариз недоуменно кивнул. Он удивился не только сходству Аксиса с икарийцами, которое действительно бросалось в глаза, но и осведомленность Велиара.

Икарийцы теперь не спускали глаз с Аксиса. Заметив на его лице неуверенность и даже растерянность, они неза-

метно переглянулись, словно выражая сомнение в предназначении Аксиса. Тем не менее Отважный Сокол широко улыбнулся и, пожав Аксису руку, машинально протянутую навстречу, приветливо произнес:

— Приветствую тебя, кузен. Ривка и Повелитель Звезд просили передать тебе наилучшие пожелания и весьма сожалели, что не могут поприветствовать тебя сами. У Ривки нет крыльев, а твой отец еще не излечился от ран, полученных в сражении с духами.

— Ривка жива? — недоуменно прошептал Аксис. Все свою жизнь он винил себя в смерти матери. Неужели она жива?

Отважный Сокол пришел в замешательство, а затем доброжелательно рассмеялся.

— Ну, конечно, Ривка жива, — наконец сказал он. — Впрочем, извини, я рассмеялся не к месту. Все это подлинная трагедия. Я слышал о ней. Ривка считала, что ты умер при родах, и только недавно выяснила, что ее обманули, и преднамеренно. Видно, ввели в заблуждение и тебя, сообщив о кончине матери. Не расстраивайся, кузен. Ты скоро увидишь своих родителей.

— Почему ты называешь меня кузеном?

— Я сын Мудрого Ворона, брата Повелителя Звезд, твоего отца. Выходит, мы кузены с тобой. Но у тебя есть и сестра, дочь Ривки и Повелителя Звезд. Ее зовут Юлой. Мы все, и ты в том числе, из правящего дома Парящее Солнце. Мы все из одной семьи, Аксис, — Отважный Сокол порывисто подошел к Аксису и заключил кузена в объятия.

— У тебя красивое имя, Отважный Сокол, — сказал, улыбнувшись, Аксис, освободившись из объятий кузена.

— У тебя не хуже. Ведь ты Аксис Парящее Солнце.

— А сколько лет Юле? — спросил Боевой Топор.

— В этом году исполнится двадцать пять.

— С удовольствием с ней познакомлюсь, — сказал Велиар. — Надеюсь, у нее не такой тяжелый характер, как у ее старшего брата, от которого я достаточно натерпелся, — лейтенант улыбнулся.

— Ты не угадал, Велиар, — ответил Отважный Сокол. — Юла очень строптива. Однако ее непокорный нрав тебе не грозит. В этом году Юла станет моей женой.

— Тебя ждет тяжелое испытание.

— Этого испытания я не боюсь. Мы прилетели сюда поговорить о другом испытании. Тенсендор в опасности, Горгрил перешел в наступление. Стыдно признаться, но мы вместе с аvaraми уже потерпели тяжелое поражение, когда во время Йула полчища Горгрила вторглись в Аваринхейм. Мы понесли большие потери. Потерь могло быть и больше, но нам помогла ахарка Азур. Она воодушевила людей, научила их защищаться.

— Азур? — пробормотал Велиар, коснувшись рукой затылка. — Я знаком с ней, у нее тяжелая рука.

— И все-таки повторяю: мы потерпели тяжелое поражение, — продолжил Отважный Сокол. — Но и вам не удалось справиться с Разрушителем. Насколько я знаю, вы оставили Горкентаун. Чтобы победить Горгрила, ахарам, аварам и икарийцам нужно объединиться, объединиться под водительством Звездного Человека, под твоим водительством, Аксис.

Магариз снова пришел в великое удивление: неужто Звездный Человек — это Аксис? — и он уже было со-

брался задать вопрос, но, заметив, что Велиар остался невозмутим, решил и сам промолчать.

Тем временем Аксис после короткого размышления сдержанно произнес:

— Звездный Человек — это, верно, не только имя, но и состояние духа. Видно, я еще не возвысил дух, ибо проиграл сражение в Горкентауне.

— Тебя ждут дома, на горе Великого Когтя, — возбужденно ответил Отважный Сокол. — Тебе поможет отец. Он возвысит твой дух, научит, как бороться с армией Горгрила. А пока могу сказать за него: он тоже считает, что победить Разрушителя могут лишь объединенные силы ахаров, аваров и икарийцев. Мы и прилетели сюда, чтобы предложить тебе свою помощь.

Аксис задумался. Его размышления прервал громкий голос:

— Что здесь происходит? Измена? Я знал, Боевой Топор, что ты докатишься до предательства, — этот голос принадлежал Борнхелду.

Главкомандующий медленно приближался в сопровождении Готье, Роланда, Йорга, Тимозела и Фарадей, за которыми следовали солдаты. Приблизившись, Борнхелд резко остановился, величественно скрестив на груди руки.

Икарийцы встревожились. Они слышали о надменности и жестокости Борнхелда и специально улучили момент, чтобы встретиться с Аксисом в отсутствие главкомандующего ахаров.

Недолгое молчание прервал Магариз.

— Милорд, это икарийцы. Они предлагают нам помощь в борьбе со скрелингами.

Борнхелд презрительно фыркнул.

— Так это отверженные? Те самые, которых мы все время боялись? Те самые, едва услышав о которых, слабые и нервные прячутся под кровать? Выходит, мы заблуждались. По мне, они похожи на забавных зверюшек. Если их можно обучить всяким фокусам, то, когда я состарюсь, обязательно прикажу, чтобы мне отловили несколько подобных существ. Они станут меня развлекать.

Икарийцы отступили на шаг, тревожно переглянулись.

— Борнхелд, мы нуждаемся в помощи, — сказал Аксис, едва сдержав возмущение. — Горкен-форт падет, если нам не помогут. Икарийцы — искусные воины.

Лицо Борнхелда побагровело, в глазах сверкнули молнии.

— Мне не нужна ничья помощь! — яростно вскричал герцог. — Тем более помощь отверженных. Я сам спасу Горкен-форт, и не только форт, но и все королевство.

Тимозел кивнул: Борнхелд прав. О том говорят и сны, ниспосылаемые Артором-Пахарем. Ахар спасет Борнхелд.

— Но, быть может, милорд, стоит выслушать икарийцев, — вмешался в разговор Роланд. — Видимо, они прилетели не зря.

Ободренный словами Роланда, Отважный Сокол приблизился к Борнхелду и спокойно сказал:

— Мы прилетели предложить свою помощь. Если не возражаешь, мы можем наметить совместный план действий.

— Мне не нужна помощь отверженных! — взревел Борнхелд. — Жаль, что ахары во время Войн Топора не истребили вас до единого человека. Но я исправлю эту ошибку. Как только я разгромлю армию Разрушителя, я разделяюсь с вами.

Отважный Сокол, понутив голову, отошел в сторону. Борнхелду возразил Йорг:

— Не забывай, милорд, что, согласно пророчеству о пришествии Разрушителя, одержать победу над Горгрилом можно, только объединившись с... гм... отверженными. Кто знает, может оно и так.

— Об этом пророчестве мне уже прожужжали уши! — взревел Борнхелд. — Ничего глупее в жизни не слышал.

— Но пророчество стало сбываться, — снова подал голос Отважный Сокол. — Все происходит именно так, как предсказано.

— Может, оно и так, но гораздо вернее то, что ты сейчас отправишься в преисподнюю, — Борнхелд выхватил меч и вонзил его в грудь Отважному Соколу.

Фарадей вскрикнула и рванулась было вперед, но ее схватил Тимозел. Она забилась в его руках, испепеляя мужа негодующим взглядом. Гневного взгляда жены Борнхелд не заметил. Спрятав меч в ножны, он победоносно огляделся по сторонам и самоуверенно прошептал:

— Так будет с каждым отверженным!

Ему никто не ответил, даже Аксис. Он бросился вперед, подхватил Отважного Сокола и под тяжестью его тела опустился на колени. Поникшая голова Отважного Сокола склонилась Аксису на плечо, руки и крылья безжизненно повисли, хлынувшая из раны кровь заливала платье.

Собрав последние силы, Отважный Сокол прерывисто прошептал:

— Аксис, найди Повелителя Звезд... Меня... тело мое... привези домой. Тебе поможет перевозчик... обещай, что доставишь меня к Юле.

— Обещаю, — ответил Аксис, хотя и не совсем понял кузена.

Лицо Отважного Сокола осветилось улыбкой, но вот улыбка эта сменилась свинцовой бледностью, полураскрытые глаза икарийца остекленели, на приоткрытых губах проступила кровавая пена.

Тем временем Велиар подошел к спутникам Отважного Сокола и тихо сказал:

— Я приведу Аксиса к подножию Ледяных Альп. Встретьте его вместе с Повелителем Звезд. Нельзя допустить, чтобы гибель Отважного Сокола оказалась напрасной. Вы меня поняли?

Черное Крыло и Смелый Кречет кивнули.

— А теперь улетайте, — продолжил вполголоса Велиар. — Отважному Соколу уже не помочь. Улетайте, пока Борнхелд снова не разъярился.

Черное Крыло и Смелый Кречет поднялись в воздух. Среди солдат, сопровождавших главнокомандующего, нашлось несколько лучников, и если бы не Магариз, вослед икарийцам полетели бы стрелы.

— Стойте! — крикнул командир форта. — Пускай улетают.

Лучники отвели глаза в сторону, посмотрели на Борнхелда, но герцогу было не до улетающих отверженных. С мрачной улыбкой на лице он подошел к Аксису.

— Скоро придет и твоя очередь, брат, — сказал Борнхелд. — Сейчас у меня слишком хорошее настроение, чтобы марать о тебя руки.

Лицо Аксиса перекосилось от гнева. Он мог бы и сейчас вызвать брата на поединок, но мысль о том, что если он убьет Борнхелда, Фарадей останется беззащитной, ибо ему

самому следует немедленно покинуть форт, чтобы найти отца, остановила его. Придя к этой мысли, Аксис пронзил Борнхелда угрюмым взглядом и размеренно произнес:

— Когда-нибудь ты ответишь за смерть Отважного Сокола, моего кузена. Придет день, и я вызову тебя на поединок, и тогда ты умрешь. Не надейся, что твою кончину станут оплакивать трубадуры, ты можешь рассчитывать лишь на карканье воронья над твоим смрадным трупом.

— Готье, взять его! — вскричал Борнхелд. — Он назвал убитого мной отверженного кузеном. Значит, он и сам отверженный.

Лейтенант и трое солдат бросились выполнять приказание. Когда Аксиса обезоружили и крепко схватили за руки, Борнхелд хмыкнул и произнес:

— Отведите отверженного в тюрьму. Завтра утром мы его вздернем как обыкновенного разбойника. А эту падаль, — Борнхелд пнул убитого, — бросьте за крепостную стену. Пусть этого жалкого воробья сожрут скрелинги.

Распорядившись таким образом, герцог развернулся и зашагал прочь. Аксиса поволокли вслед за ним.

Фарадей едва стояла на подгибающихся ногах, потрясенная страшной сценой. Ее увел Тимозел.

Роланд и Йорг недоуменно переглянулись. Может, Аксис и в самом деле отверженный? Если так, с ним лучше не иметь дела. Оба военачальника были преданы королю, власть которого на севере королевства представлял Борнхелд. Если Аксиса и вправду казнят, то лишь один Борнхелд сможет организовать сопротивление Разрушителю. Придя к этой мысли, оба пошли следом за Тимозелом и Фарадей.

Тем временем двое солдат подошли к Отважному Соколу, собираясь его поднять, чтобы выполнить приказание Борнхелда.

— Не трогайте его, — остановил их Магариз.

Солдаты пожали плечами и удалились.

Оставшись наедине с Велиаром, Магариз спросил:

— Ты по-прежнему с Аксисом?

— Я не изменник. Пойду с Аксисом до конца, да и топорonoсцы поддержат его. Они верят, что Аксис — Звездный Человек.

— Тогда и я с вами. А что теперь делать?

— Прежде всего, надо похоронить Отважного Сокола. Найди Веремунда и Огдена. Они позаботятся о погибшем.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Отступление из Горкен-форта

Борнхелд, Готье, Йорг, Роланд, Магариз и Велиар сидели за столом в большом зале форта, обсуждая нелегкое положение, сложившееся после падения Горкентауна. В зале находилась и Фарадей. Положив руки на спинку стула, на котором сидел Борнхелд, она не пропускала ни одного слова из разговора, с тревогой думая об участи Аксиса, посаженного в тюрьму, и смутно надеясь, что его выручит Велиар. И она не ошиблась, хотя лейтенант, взявший слово с разрешения Борнхелда, и начал издали.

— Милорд, — сказал он, — Горкен-форт обречен. Крепость не удержать даже тебе, искусному стратегу и полководцу. В форте кончается продовольствие, да и топливо на исходе. Солдаты голодают, теряют силы, а число скрелингов, осаждающих форт, растет с каждым днем. Если мы станем ждать, штурм крепости неизбежен. Войскам его не отбить, и мы все погибнем. Выход один: чтобы

спасти армию от разгрома, следует отступить. Скрелинги боятся воды, и ты сможешь организовать оборону в междуречье Азла и Нордры, у Жервуа.

— Но чтобы отступить, надо пойти в прорыв, — возразил Борнхелд.

— Да, но только не всеми силами. Я предлагаю бросить в прорыв только топорonosцев во главе с Аксисом. Мы увлечем за собой неприятеля, двигаясь на восток. Осада с форта будет снята, и ты сможешь увести регулярную армию в Жервуа.

— Рискованное предприятие, — задумчиво сказал Йорг. — Вы можете все погибнуть.

— Никак, Велиар, ты готов на самопожертвование? — спросил Борнхелд.

— Топорonosцы готовы рискнуть ради спасения армии. Думаю, мы прорвемся и уведем скрелингов за собой. Да и все топорonosцы вряд ли погибнут. Кто выживет, присоединится к тебе в Жервуа.

— Если вы прорветесь и уведете за собой скрелингов, ситуация действительно переменится. Но может выйти и по-другому: духи могут напасть на вас, едва вы окажетесь за воротами.

— Надеюсь на эффект неожиданности. Скрелинги не ждут нашей вылазки. Кроме того, я рассчитываю на факелы. Если ты разрешишь, мы заберем весь запас.

Борнхелд задумался. Если топорonosцы готовы пойти на смерть, это их дело. Скорее всего, они все погибнут, погибнут вместе со своим командиром. Герцог ослабился. Он не станет расстраиваться, если Аксиса сожрут скрелинги. Борнхелд не решился его казнить, побоявшись всеобщего возмущения, и Аксис все еще томился в тюрьме.

— Хорошо, Велиар, — сказал сдержанно Борнхелд. — Я принимаю твоё предложение. Когда вы собираетесь выступить?

— Завтра утром, но только под предводительством Аксиса.

— Я согласен. Надеюсь, Аксис возглавит топороносцев и первым выедет за ворота.

— Я в этом не сомневаюсь. Так ты разрешишь забрать с собой все оставшиеся факелы?

— Можете забрать с собой все, что горит. Если хотите, разрубите этот стол на лучины, — Борнхелд похлопал рукой по столешнице. — Главное, чтобы операция удалась.

После военного совета Магариз подошел к Велиару.

— Я присоединюсь к вам, — сказал он. — И заберу с собой солдат гарнизона.

— Ты принял правильное решение, — ответил лейтенант, улыбнувшись.

— Я собираюсь снабдить вас средством, которое поможет прорваться сквозь ряды скрелингов без потерь, — произнесла Фарадей, прижимая к груди сверток пестрой материи.

Велиар и Магариз недоуменно переглянулись. Четверть часа назад их удивила Ир, попросив немедленно прийти в конюшню, где их ждет Фарадей. И вот новая неожиданность.

— Извините, что я вас пригласила в конюшню, — продолжила Фарадей, — но я понадеялась, что сюда не сунется Борнхелд.

Велиар и Магариз оглянулись по сторонам. Лошадей в стойлах не было, а на их месте высились груды щеп, из

которых восемь топорonoсцев мастерили факелы, пропитывая их маслом.

— И какое же средство ты хочешь нам предложить? — спросил Велиар.

— Вот! — Фарадей развернула сверток, оказавшийся пестрым платьем. Не пускаясь в дальнейшие пояснения, она приложила его к себе, и платье неожиданно засветилось изумрудно-зеленым светом.

Велиар и Магариз попятились.

— О Всемогущая Мать, — произнесла вполголоса Фарадей, — извини, что использую твой подарок не для себя. Твоя помощь необходима моим друзьям. Сделай так, чтобы солдаты прорвались сквозь неприятельские ряды без единой потери.

Платье испустило три яркие вспышки, после чего изумрудно-зеленый свет стал медленно угасать, пока совсем не померк.

Фарадей улыбнулась, удовлетворенно кивнула, и, положив платье на пол, оторвала часть подола. Оторванный кусок протянула Магаризу.

— Пусть эту материю распустят на нити, — пояснила она, — и пусть каждый солдат, который пойдет в прорыв, наденет по нитке себе на рукав. Но только скажите каждому, чтобы за полученный амулет он возблагодарил Всемогущую Мать. Если эти условия будут выполнены, солдат не погибнет.

— О какой матери ты говоришь? — спросил Велиар.

— О своей покровительнице. По моей просьбе она защитит и солдат.

Всю ночь Аксис возбужденно ходил по камере, прислушиваясь к невнятному гомону во дворе форта, сопро-

вождавшемуся приглушенным ржанием лошадей. Что происходит? Неужели Борнхелд решился на вылазку? Спросить было не у кого. Единственным человеком, который приходил к нему в камеру за прошедшие двое суток, был угрюмый молчаливый солдат, приносивший ему еду.

Но вот когда Аксис стал изнемогать от тревожного ожидания; на лестнице раздались шаги. Аксис припал к решетке. Коридор осветился факелом. К камере подошли Борнхелд, Готье, Магариз и Велиар. Борнхелд ослабилась и сказал:

— Аксис, радуйся: о тебе позаботился Велиар. Если ты ему доверяешь и полагаешься на него, то тебя выпустят на свободу.

Аксис взглянул на Велиара. Лейтенант кивнул. Еле заметно кивнул и Магариз.

— Я доверяю Велиару, — ответил Аксис.

Борнхелд раскатисто рассмеялся.

— Если ты выбрал смерть, то это дело твое, — герцог отдал ключи от камеры Велиару. — Выпусти этого недомка. Вы выступаете через пятнадцать минут. Надеюсь, что Аксис не струсит и возглавит колонну. Магариз, Готье, пойдемте!

Борнхелд повернулся и направился к лестнице. Готье поспешил за главнокомандующим. Немного поколебавшись, Магариз пошел вслед за ним.

Велиар открыл дверь и заключил друга в объятия.

— Мы сейчас выступаем, — сказал лейтенант, — и, надеюсь, с помощью Матери прорвемся сквозь ряды скрелингов.

— О какой матери ты говоришь? — спросил удивленно Аксис.

— О покровительнице Фарадей. Она должна нам помочь, — Велиар вынул из кармана длинную нитку и завязал ее у Аксиса на руке. — По уверению Фарадей, такие нити уберегут нас от скрелингов, — пояснил лейтенант. — Но только за амулет ты должен поблагодарить Всемогущую Мать.

— Видимо, с помощью Матери Фарадей и вылечила меня, — задумчиво сказал Аксис. — Конечно, я не останусь неблагодарным. — А куда мы направимся?

— На восток. Борнхелд надеется, что мы уведем за собой скрелингов, и тогда он сможет беспрепятственно отступить к Жервуа.

— Мы направляемся к Ледяным Альпам?

— Да. Тебя ждет отец. Надеюсь, он научит тебя, как бороться со скрелингами.

Оказавшись во дворе форта, Аксис увидел, что он полон сидевших верхом солдат, построившихся в колонны. Солдаты, выполняя приказ, старались не разговаривать, чтобы не привлекать внимание скрелингов, и все же двор наполнился возгласами приветствия, когда Аксис неторопливо направился к Белагезу, стоявшему оседланным у самых ворот впереди колонны топорonoсцев, готовой пойти в прорыв под предводительством Звездного Человека. Чуть поодаль рядом с оседланными конями стояли Борнхелд, Тимозел, Фарадей и Ир.

Заметив Фарадей, Аксис приветливо улыбнулся, однако предпочел подойти к блюстителям предсказания, которые восседали на своих белых ослах.

— С кем вы едете? — спросил Аксис. — Со мной или с Борнхелдом?

— Мы поедем своей дорогой, — ответил за двоих Огден. — Но мы не оставим тебя надолго. Скоро увидимся.

Мы уверены, что под твоим предводительством топороносцы прорвутся сквозь ряды неприятеля.

— Желаю и вам удачи, — мягко ответил Аксис и подошел к Борнхелду.

— Надеюсь, что ты сегодня погибнешь, — процедил Борнхелд. — Только руководствуясь этим приятным соображением, я выпустил тебя из тюрьмы.

— Ты выпустил меня из тюрьмы, испугавшись всеобщего возмущения. Но только зря надеешься, что я сегодня погибну. Мы еще встретимся, Борнхелд, и эта встреча ничего хорошего тебе не сулит.

Не обратив внимания на гневный взгляд единоутробного брата, Аксис подошел к Тимозелу.

— Тимозел, — сказал он, — ты сильно изменился за последнее время, и изменился не к лучшему. И все же я прошу тебя: оберегай Фарадей.

— Можешь не напоминать мне об этом, — ответил запальчиво Тимозел. — Я знаю свои обязанности и, если понадобится, положу жизнь за миледи.

Аксис подошел к Фарадей.

— Береги себя, — вполголоса сказал он. — Я не смогу жить без тебя.

На глаза Фарадей навернулись слезы. Потрогав нитку на руке Аксиса, она тихо проговорила:

— Меня оберегает Всемогущая Мать. Она не оставит своим покровительством и тебя.

— Аксис, тебе пора выступить, — вмешался главнокомандующий.

— Борнхелд, вежливый человек, уезжая, должен попрощаться и с друзьями, и с родственниками, и я бы поступил попросту неприлично, если бы по-братски не расцеловался с твоей женой, — и не дав Борнхелду прийти в себя

от непомерного удивления, Аксис заключил Фарадей в объятия и крепко поцеловал в губы. Оторвавшись от ее губ, он проникновенно сказал: — До свидания, Фарадей. Не забывай о своем обещании.

Боевой Топор развернулся и, не взглянув на оторопевшего Борнхелда, направился к Белагезу. Вскочив в седло, Аксис возвысил голос:

— Вы готовы, топорonoсцы?

Топорonoсцев опередил возглас Магариза, сидевшего на вороном жеребце.

— Подожди, я отправляюсь вместе с тобой, — командир форта огляделся по сторонам и громко продолжил: — Кто поедет со мной?

— Мы! — раздались голоса, и к Магаризу присоединились полторы тысячи человек, все с нитью на рукаве.

— Предатель! — яростно вскричал Борнхелд. — Ты за это заплатишься! Я отыщу тебя и убью собственными руками.

— Вряд ли у тебя это получится, Борнхелд. Ты гораздо расправляться лишь с безоружными. Убив Отважного Сокола, ты потерял мое уважение, — Магариз подъехал к Аксису. — Могу я присоединиться к тебе? — спросил он.

— О чем речь! — пылко воскликнул Аксис. — Я рад и тебе, и твоим солдатам, — Аксис огляделся по сторонам и вскричал: — Вы готовы, друзья?

— Мы готовы следовать за тобой! — раздался дружный хор голосов.

Аксис перевел взгляд на брата.

— Мы еще встретимся, Борнхелд, — сказал он и, подняв над головой протянутый ему факел, тронул коня.

Ворота форта открылись.

— Вперед! — крикнул Аксис и первым выехал за ворота.

Топороносцы и солдаты последовали за ним, каждый с высоко поднятым факелом, источавшим странный изумрудно-зеленый свет.

Увидев непривычный огонь, скрелинги растерялись, огласив воздух тревожным шепотом, и как ни старались скрелинги-храбрецы подбодрить растерявшихся подчиненных, только некоторые из духов попытались остановить неприятеля, чтобы тут же оплавиться от огня, и, свалившись на заснеженные булыжники мостовой, превратиться в смрадную клейкую массу.

Но духи гибли не только от факелов. Солдаты, воодушевленные тем, что сражаются под предводительством Звездного Человека, разили их и мечами, ловким движением пронзая скрелингам глаза. В пылу боя Аксис приподнялся на стремянах и, потрясая горящим факелом, громко воскликнул:

— Вы слышите меня, скрелинги-храбрецы? Неужели вы дадите мне уйти безнаказанным? Я не прочь сразиться со всеми вами. Покажитесь, или мне придется сообщить вашему гнусному вождю Горгрилу, что его ближайшие помощники трусы, а никакие не храбрецы.

Скрелинги-храбрецы Аксису не ответили, однако духи, теперь остерегаясь приближаться к солдатам на близкое расстояние, продолжали преследование.

С крепостной стены форта за боем на улицах Горкента-уна наблюдали Роланд и Йорг. Когда солдаты выехали за городские ворота, Йорг пылко воскликнул:

— Клянусь Артором, Аксис увел за собой армию скрелингов! Аксис спас нас.

Скрелинги не отстали от войска Аксиса и за пределами Горкентауна, но атаковать более не решались. Через два часа бешеной скачки, чтобы не загнать взмыленных лошадей, Аксис дал команду остановиться.

— Дадим бой скрелингам здесь! — властно воскликнул он.

Солдаты обнажили мечи. Звездный Человек приведет их к победе! Теперь скрелинги не страшны. Пора поквитаться с ними за поражение и многочисленные потери.

Тем временем скрелинги приближались. Теперь и они рассчитывали на безоговорочную победу. Факелы неприятеля еле светятся. Солдаты устали, лошади выдохлись. Ахары уступают числом.

Подождав, пока скрелинги оказались на близком расстоянии, Аксис снова приподнялся на стремянах и, воскликнув: «Помоги мне во имя Матери!», размахнулся и подбросил свой факел ввысь.

Взлетев, факел превратился в огромный огненный шар, источавший изумрудно-зеленый свет. Но вот шар этот внезапно взорвался, превратившись в десятки небольших раскаленных шаров, и шары эти стремительно понеслись вниз, поражая скрелингов одного за другим.

Духи заматались из стороны в сторону, но, увидев, что растерялись и скрелинги-храбрецы, стали стремительно отступать, неся большие потери как от нестерпимо жаркого пламени, так и от разящих клинков солдат, перешедших в атаку под предводительством Звездного Человека.

— Скрелинги отступают в сторону Горкен-форта, — сказал Велиар, осадив взмыленного коня рядом с Аксисом. — Надеюсь, что Борнхелд успел увести войска.

— Будем надеяться, что он организует оборону у Жервуа и продержится на оборонительном рубеже до моего возвращения, — сухо ответил Аксис.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Отец

Отразив нападение скрелингов, Аксис остановил войско у подножия Ледяных Альп.

— Дальше отправляйся один, — сказал ему Велиар.

— А вы?

Велиар задумчиво огляделся.

— Я поведу войско в долину Диких Собак. Полагаю, духи преследовать нас больше не будут. Скорее всего, они двинутся в глубь Ихтара за армией Борнхелда. Я буду ждать тебя на юге долины или, может, даже в Сигхолте, если он не падет под натиском скрелингов. Не задерживайся долго у икарийцев.

Аксис пожал Велиару руку и мягко сказал:

— Благодарю тебя за участие и поддержку. Думаю, мы с тобой скоро увидимся, — Аксис спешил и, похлопав Белагеза по плечу, продолжил: — Присмотри за моим конем, Велиар. Белагез — верный друг.

Аксис повернулся к Магаризу.

— Благодарю и тебя, Магариз. Полагаю, ты сделал правильный выбор, хотя и привел в бешенство Борнхелда.

— Гнев герцога мне не страшен, хотя и допускаю, что Борнхелд хуже скрелингов.

Аксис расхохотался и, пожав Магаризу руку, направился к ближайшим утесам, сопровождаемый взглядами солдат и топорноносцев.

Пройдя несколько сотен пейсов, Аксис остановился, увидев невдалеке трех икарийцев. Двоих он узнал: то были Черное Крыло и Смелый Кречет. Третий икариец — человек с золотистыми волосами, белоснежными крыльями и светло-голубыми глазами — был ему незнаком. Аксиса охватило волнение. Неужели это отец?

Он не ошибся. Третьим икарийцем был Повелитель Звезд.

Повелитель Звезд устремил взгляд на Аксиса и не торопясь зашагал навстречу, не сомневаясь, что видит перед собой сына. О том говорил голос крови. Остановившись в шаге от Аксиса, Повелитель Звезд потянулся к его тунике и резким движением сорвал с груди сына эмблему командира воинов Сенешала. Отбросив кусок рваной материи в сторону, отец заключил сына в объятия и проникновенно сказал:

— Я — Повелитель Звезд Парящее Солнце, твой отец, Аксис. Добро пожаловать в отчий дом. Пой звонко, летай высоко, и да откроются тебе таинства Звездного Танца.

По лицу Аксиса капля за каплей потекли крупные слезы.

ГЛОССАРИЙ

Аваринхейм (Avarinheim) — место жительства аваров. Авары называют Аваринхейм «лесом Теней».

Авары (Avar) — народ, живущий в Аваринхейме. Ахары считают аваров «отверженными». Авары также известны как «Люди Рога».

Азл (Azle) — река, впадающая в Андейское море.

Азур (Azhure) — дочь Хагена, Хранителя Плуга в Смиртоне.

Айсенд (earl Isend) — граф, наместник Скарабоста

Аксис (Axis) — Боевой Топор, командир топорonosцев, воинов Сенешаля.

Андакилса (Andakilsa) — река на севере Ихтара, впадающая в Андейское море.

Андейское море (Andeis sea) — море, которое омывает западное побережье Ахара.

Аркнесс (Arcness) — восточная провинция Ахара. Наместник провинции — граф Бурдел.

Арн (Arne) — командир когорты топорonosцев.

Арсен (Arcen) — главный город Аркнесса.

Артор-Пахарь (Artor the Ploughman) — бог ахаров. Согласно Книге Поля и Борозды, священной книге ахаров, направил их на Путь Плуга, определивший их уклад жизни, связанный с развитием земледелия.

Ахар (Achar) — королевство, простирающееся на востоке до Моря, Плодящего Вдов, на юге — до Тиррского моря, а на западе — до Андейского моря. На севере Ахар простирается до Ледяных Альп, а на северо-востоке — до леса Теней

Ахары (Acharites) — население Ахара.

Барсарб (Barsarbe) — аварка, шаман.

Башня Безмолвной Женщины (Silent Woman Keep) — место хранения древних манускриптов. Расположена в лесу Безмолвной Женщины.

Башня Сенешаля (Tower Senechal) — резиденция Брата-Наставника религиозного братства ахаров. Расположена на берегу Чаши.

Белагез (Belagues) — конь Аксиса.

Белтейн (Beltide) — праздник весны, который отмечается икарийцами и аварами в первый день месяца Цветов.

Боевой Топор (BattleAxe) — звание командира топороносцев, воинов Сенешаля.

Болдуин (Baldwin) — командир когорты топороносцев.

Болото Призраков (Bogle marsh) — болото, которое расположено на востоке Аркнесса.

Борнхелд (Borneheld) — герцог, наместник Ихтара, сын герцога Сиэрласа и принцессы Ривки.

Брат-Наставник (Brother-Leader) — глава Сенешаля, религиозного братства ахаров, избираемый на должность пожизненно.

Бурдел (earl Burdel) — граф, наместник Аркнесса.

Велиар (Belial) — лейтенант топороносцев.

Великий Коготь (Talon, Enchanter-Talon) — наследственный титул королей Тенсендора, а после распада этого государства — наследственный титул правителей икарийцев.

Веремунд (Veremund) — монах, встреченный героями в башне Безмолвной Женщины.

Войны Топора (Wars of the Axe) — войны, которые велись тысячелетие назад между ахарами с одной стороны и аварами и икарийцами с другой стороны. В результате этих войн авары были оттеснены в лес Теней, а икарийцы — в Ледяные Альпы.

Всемогущие Рогачи (Hornes Ones) — существа с человеческим телом и головой оленя, которым поклоняются авары.

Ганелон (Lord Ganelon) — лорд, покойный муж Эмбет, леди Тэар.

Гилберт (Gilbert) — советник Джейма, Брата-Наставника Сенешаля.

Горгрил (Gorgrael) — имя человека, который согласно Пророчеству станет Разрушителем.

Горкентаун (Gorkentown) — город на север Ихтара.

Горкен-форт (Gorken-fort) — крепость в Горкентауне, опорный пункт ахаров на севере.

Горячая Вода (Chamber of Steaming Water) — небольшое озеро с теплой минеральной водой на горе Великого Когтя.

Готье (Gautier) — лейтенант регулярной армии ахаров, помощник Борнхелда.

Гриндл (Grindle) — авар, глава клана Тенистое Дерево.

Грозное Облако (RushCloud) — прежний правитель икарийцев.

Джейм (Jaume) — Брат-Наставник Сенешаля, религиозного братства ахаров.

Джек (Jack, the pig boy) — он же Джек-Простак, свинопас, встреченный героями около леса Безмолвной Женщины.

Долина Отверженных (Forbidden Valley) — долина, которая отделяет Ахар от леса Теней.

Друг Леса (Tree Friend) — человек, который, согласно преданию аваров, должен помочь им возвратить исконные земли.

Духи (Ghostmen, Wraiths) — то же, что скрелинги.

Жервуа (Jervios Landing) — порт на Нордре.

Залив Внешнего Мира (WideWall Bay) — залив Моря, Плодящего Вдов, расположенный между южным побережьем Тарантеза и северным побережьем Королиса.

Звездные Врата (Star Gate) — одно из святилищ икарийцев.

Звездный Танец (Star Dance) — движение звезд, из которого икарийские чародеи черпают силы.

Звездный Человек (Star Man) — единственный, кто, согласно Пророчеству о пришествии Разрушителя, может победить Горгрила.

Зира (Zeherah) — жена Джека.

Золотое Перо (GoldFeather) — жена Повелителя Звезд.

Зоркий Глаз (FarSight CutSpur) — икариец, командир стаи.

Икарийцы (Icarii) — народ, живущий в Ледяных Альпах. Ахары считают икарийцев «отверженными». Икарийцы также известны как «Люди Крыла».

Ир (Ir) — кошка, одно время гулявшая сама по себе по дворцу Приама.

Исбадд (Ysbadd) — столица Нора.

Исгрифф (baron Ysgriff) — барон, наместник Нора.

Ихтар (Ichtar) — 1. Самая большая и наиболее богатая провинция Ахара. 2. Река, приток Азла

Йул (Yuletide) — праздник-сочельник, отмечаемый икарийцами и аvaraми в день зимнего солнцестояния.

Карел (Karel) — прежний король Ахара.

Карлон (Carlon) — столица Ахара. Расположена на берегу озера Чаша.

Клан Выносливых Пешеходов (FootStrong Clan) — один из кланов аваров.

Клан Столовой Горы (FlatRock Clan) — один из кланов аваров.

Клан Тенистого Дерева (GhostTree Clan) — один из кланов аваров.

Книга Поля и Борозды (Book of Field and Furrow) — священная книга ахаров, по преданию написанная самим Артором-Пахарем.

Когорта (Cohort) — подразделение регулярной армии ахаров и подразделение войска топороносцев, состоящее примерно из пятисот человек.

Котел-озеро (Cauldron lake) — озеро, расположенное в центре леса Безмолвной Женщины.

Крыло (Wing) — подразделение стаи, состоящее из двенадцати стрелков, как мужчин, так и женщин.

Ледяные Альпы (Icescarp Alps) — горы, граничащие с Ахаром на севере.

Лес Безмолвной Женщины (Silent Woman Woods) — лес, расположенный на юге Аркнесса. В лесу находится башня Безмолвной Женщины

Лес Теней (Shadowsward) — так ахары называют Аваринхейм.

Лига (League) — единица длины, равная примерно 7 километров.

Лунный зал (Chambers of the Moons) — место проведения совещаний, а иногда и празднеств во дворце Приама.

Магариз (Marariz) — лорд, командир Горкен-форта.

Мартин (Martin) — монах из обители Горкентауна.

Массен (Mascen) — барон, правитель Ретии.

Мать (the Mother) — в представлении аваров, бессмертная женщина, отождествляемая ими с Неувядаемой Природой. «Матерью» авары также называют Папоротниковое озеро.

Месяцы:

Волчий месяц (Wolf-month) — январь

Месяц Ворона (Raven-month) — февраль

Голодный месяц (Hungry-month) — март

Месяц Капли (Thaw-month) — апрель

Месяц Цветов (Flower-month) — май

Месяц Роз (Rose-month) — июнь

Месяц Урожая (Harves-month) — июль

Месяц Сенокоса (Weed-month) — август

Месяц Опавших Листьев (DeadLeaf-month) — сентябрь

Месяц Обнаженных Деревьев (Bone-month) — октябрь

Морозный месяц (Frost-month) — ноябрь

Снежный месяц (Snow-month) — декабрь

Мерлион (lady Merlion) — жена графа Айсенда и мать Фарадей.

Метьюн (Methuen) — командир когорты топороносцев.

Мирболт (Milbort) — икарийка, шаман.

Могильные курганы (Barrows) — место древнего захоронения Великих Когтей.

Молитвенный дом (Worship Hall) — помещение для богослужения в небольших поселениях Ахара. Используется также для управленческих нужд, судебных разбирательств и даже для деревенских увеселений.

Море, Плодящее Вдов (Widowmaker sea) — море, которое расположено у восточных побережий Ахара и Аваринхейма.

Морисон (Moryson) — советник Джейма, Брата-Наставника Сенешаля.

Мудрый Ворон Парящее Солнце (RavenCrest Sun-Soar) — Великий Коготь из династии Парящее Солнце, правитель икарийцев.

Мэлфери (Malfari) — растение, из съедобных клубней которого авары готовят муку.

Невелон (Nevelon) — лейтенант. Служит в войске герцога Роланда.

Нор (Nor) — южная провинция Ахара.

Нордмут (Nordmuth) — порт в устье Нордры.

Нордра (Nordra) — главная река Ахара. Берет начало в Ледяных Альпах и впадает в Тирское море.

Обитель (Retreat) — место жительства монахов, приверженцев аскетизма и созерцательного образа жизни, стремящихся к религиозному совершенству.

Огден (Ogden) — монах, встреченный героями в башне Безмолвной Женщины.

Олдени (Aldeni) — небольшая провинция на западе Ахара. Наместник провинции — герцог Роланд.

Отважный Сокол Парящее Солнце (FreeFull Sun-Soar) — сын Мудрого Ворона Парящее Солнце, Великого Когтя.

Отверженные (Forbidden) — так ахары называют аваров и икарийцев.

Папоротниковая (river Bracken) — река, берущая начало в Папоротниковых горах и впадающая в море, Плодящее Вдов.

Папоротниковые горы (Bracken Ranges) — горы, которые отделяют Аркнесс от Скарабоста.

Парящее Солнце (House SunSoar) — правящая династия в Тенсендоре, а после распада этого государства — правящая династия икарийцев.

Пейс (Pace) — единица длины, равная примерно 1 метр.

Петлистый проход (HighHold pass) — проход в Уркхартских горах.

Плодородная равнина (Seagrass Plains) — житница Ахара, которая расположена на севере Скарабоста.

Плуг (Plough) — не только орудие для обработки земли, но и предметом культа ахаров.

Повелитель Звезд (StarDrifter) — имя икарийского чародея.

Приам (Priam) — король Ахара, брат Ривки и дядя Борнхелда.

Путь Крыла (Way of the Wing) — уклад жизни икарийцев.

Путь Плуга (Way of the Plough) — уклад жизни ахаров, в соответствии с которым главная отрасль хозяйствования — земледелие. Согласно Книге Поля и Борозды, священной книге ахаров, леса и горы как непригодные к земледелию — вредные образования, и если их нельзя уничтожить, то от них следует держаться подальше.

Путь Рога (Way of the Horn) — уклад жизни аваров.

Равнина Диких Собак (WildDog Plain) — равнина, которая расположена на северо-востоке Ахара.

Равнина Тэар (Plains Tare) — равнина, которая расположена между Тэаром и Чашей.

Радужное Перо (Bright Feather) — жена Мудрого Ворона Парящее Солнце, Великого Когтя.

Разрушитель (Destroyer) — согласно древнему пророчеству, Горгрил станет Разрушителем и уничтожит народы Тенсендора.

Раум (Raum) — авар, шаман.

Рейвенсбанд (Ravensbund) — самая северная провинция Ахара.

Рейвенсбандцы (Ravensbundmen) — жители Рейвенсбанда. Занимаются охотой на тюленей и снежных медведей.

Ретия (Rhaetia) — область Ахара, расположенная на западе Папоротниковых гор.

Ривка (Rivkah) — сестра Приама и мать Борнхелда и Аксиса.

Роланд (duke Roland) — герцог, наместник Олдени.

Ромсдейл (Romsdale) — провинция на юго-западе Ахара. Наместник провинции — барон Фальк.

Священная роща (Sacred Grove) — святилище аваров, место пребывания Всемогущих Рогачей. Дорогу в Священную рощу могут найти только шаманы.

Сенешаль (Senechal) — религиозное братство аваров. Деятельность братства основана на поклонение Артуру-Пахарю и следовании в быту Пути Плуга.

Сигхолт (Sigholt) — город, расположенный в Петлистом проходе.

Сиэрлас (Searlas) — прежний герцог Ихтарский, муж Ривки и отец Борнхелда.

Скалистые горы (Fortress Ranges) — горы, расположенные на северо-востоке Скарабоста.

Скарабост (Skarabost) — провинция на востоке Ахара. Наместник провинции — граф Айсенд.

Скрелинги (Skraelings) — кровожадные бестелесные существа, питающиеся человеческим страхом и плотью.

Скрелинги-храбрецы (SlraeBolds) — предводители скрелингов.

Скрелинг-страшила (SkraeFear) — старший из пяти братьев скрелингов-храбрецов.

Смелый Кречет (Spike Feather TureSong) — икариец, командир крыла.

Смиртон (Smyrton) — поселок на севере Скарабоста, расположенный у западного входа в долину Отверженных.

Спен (Hardspan) — единица длины, равная примерно 20 сантиметров.

Стая (Crest) — подразделение Ударных Сил икарийцев, состоящее из двенадцати крыльев.

Тарантез (Tarantaise) — южная провинция Ахара. Наместник провинции — барон Гревилл.

Тенсеудор (Tencendor) — древнее название государства, на территории которого до Войны топоров жили ахары, авары, и икарийцы. Это имя забыто всеми, кроме Отверженных.

Тимозел (Timozel) — топорonosец, сын Ганелона и Эмбет.

Тиррское море (sea Tytte) — море, расположенное у южного побережья Ахара.

Топорonosцы (Axe-Wielders) — воины Сенешаля, религиозного братства ахаров. Отличились во время Войн Топор и в других военных кампаниях.

Тэар (Tare) — город на севере Тарантеза.

Тэйлемская излучина (Tailem Bend) — излучина Нордры у Жервуа.

Ударные Силы (Strike Force) — армия икарийцев.

Уркхтарские горы (Urqhart Hills) — горы, расположенные в Центральном Ахаре.

Утренняя Звезда (Morning Star) — икарийка, мать Мудрого Ворона и Повелителя Звезд.

Фальк (baron Fulke) — барон, наместник Ромсдейла, юго-западной провинции Ахара.

Фингус (Fingus) — бывший командир топорonosцев.

Флурия (Fluria) — река, приток Нордры.

Фрэнсис (Francis) — монах из обители Горкентауна.

Хаген (Hagen) — хранитель Плуга в Смиртоне.

Харониты (Charonites) — один из народов Тенсендора.

Хсингард (Hsingard) — город в Ихтаре.

Чаша (Grail lake) — озеро. На его противоположных берегах расположены Карлон и башня Сенешаля.

Чародеи (Enchanters) — служители религиозного культа икарийцев.

Черное Крыло (HoverEye BlackWing) — икариец, командир стаи.

Шаман (Banes) — служитель религиозного культа аваров.

Шира (Shra) — аварка, дочь Гриндла и Изы.

Юдит (Judith) — королева Ахара, жена Приама.

Юла (EvenSong) — Дочь Повелителя Звезд и Золотого Пера, названная в честь лесного жаворонка, юлы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Башня Сенешаля	19
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Именины короля Приама	31
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Леди Тэар	46
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
У подножия Скалистых гор	53
ГЛАВА ПЯТАЯ	
В королевском дворце	55
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
В кабинете короля	59
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
В апартаментах Брата-Наставника	73
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
Помолвка Фарадей	79
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Прощание на рассвете	86
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
По равнине Тэар	92
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
Незапертая дверь	100

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

У леса Безмолвной Женщины 108

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Котел-озеро 113

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В башне Безмолвной Женщины 121

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ночь на краю леса 136

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Белые ослы 146

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Древние курганы 153

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Блюстители пророчества 161

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Тучи сгущаются 171

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Ураган 178

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В усыпальнице Великого Когтя 185

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Вечер у могильных курганов 192

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Звездные Врата 197

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

По равнинам Аркнесса 208

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

На ферме 218

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«Моя красавица жена» 224

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

К Папоротниковому озеру 237

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	
Папоротниковое озеро	244
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	
Шаман и ребенок	253
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ	
Мать	263
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ	
В Смиртоне	275
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ	
Пленники	282
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	
В долине Отверженных	290
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
Клан Тенистого Дерева	307
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ	
Звездный Человек	316
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ	
В лагере клана Тенистого Дерева	329
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	
В Жервуа	341
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	
В Сигхолте	356
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	
Ривка	363
ГЛАВА СОРОКОВАЯ	
В Горкен-форте	370
ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ	
Герцогиня Ихтарская	378
ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ	
Встреча	389
ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ	
Разговор со скрелингом-храбрецом	405

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Свидание 414

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Древо Жизни 432

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Во имя Артора 448

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

У Матери 452

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Утро Йула 458

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Йул 471

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

На улицах Горкентауна 490

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Озеро Жизни 497

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

У аваров 499

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

На пути в Подземье 505

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Перевозчик 513

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

У икарийцев 522

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Отважный Сокол Парящее Солнце 534

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Отступление из Горкен-форта 545

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Отец 556

ГЛОССАРИЙ 558

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Лужанская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Дуглас Сара

Искупление Путника

Ответственный редактор А.И. Ермолаев

Выпускающий редактор С.Н. Абовская

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор Л.Л. Подъячева

Корректоры В.В. Саранчева, И.А. Шабранская

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»

115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП

«Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Тысячу долгих лет жили люди Ахара в мире и спокойствии — потому что защищали их землю высокие горы и стальная воля Сенешалей — воинов, в совершенстве постигших искусство «меча и магии».

Но теперь настало время сбыться древнему, страшному пророчеству, ибо пробудились к жизни темные силы демонов и вторгся в Ахар безжалостный повелитель Горгрил, обладающий магическим даром приносить во вражеские земли вечную зиму...

Кто встанет на пути Разрушителя?

Кто спасет ни в чем не повинных людей от жестокой гибели?

Только юная дева, нареченная в жены сильнейшему из Сенешалей Ахара, и ее не знающий страха спутник — могучий и суровый воитель Аксис...

Читайте ПЕРВУЮ КНИГУ увлекательной трилогии С. Дуглас, выдержанной в «золотых традициях» героической фэнтези!

Искушение Путника

Чародей

Звездный человек

ISBN 5-17-023643-3

9 785170 236435